

Ю.М. Антонян

Теория человеческой агрессии

Почему жестоки люди

Ю.М. Антонян

Теория человеческой агрессии

Почему жестоки люди

*Рекомендовано к изданию Учебно-методическим центром
«Профессиональный учебник» в качестве монографии.
Научная специальность 12.00.08 «Уголовное право
и криминология; уголовно-исполнительное право»*

*Рекомендовано к изданию Научно-исследовательским
институтом образования и науки в качестве монографии.
Научная специальность 12.00.08 «Уголовное право
и криминология; уголовно-исполнительное право»*

Закон и право • Москва • 2015

УДК 434.9.01:316.613.43

ББК 67.513+88.525.6

A72

Главный редактор издательства *Н.Д. Эриашвили*,
кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Антонян, Юрий Миранович.

A72 Теория человеческой агрессии. Почему жестоки люди: монография / Ю.М. Антонян. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. — 311 с.

ISBN 978-5-238-02438-7

Агентство СІР РГБ

Первое в российской науке комплексное исследование, специально посвященное человеческой агрессии. Предпринята попытка выявить общесоциальные и индивидуальные причины этого явления, его общечеловеческий характер. Дана типология агрессии и особо выделена злокачественная, общественно опасная агрессия, которая объясняется в том числе с архетипических позиций.

Книга содержит широкие теоретические обобщения. Она написана на основе многолетнего исследовательского опыта автора, использован обширный эмпирический материал.

Для юристов и психологов, сотрудников практических, в том числе правоохранительных, органов, научных работников, преподавателей и студентов высших учебных заведений, для всех тех, кому интересны вопросы природы и причин человеческой агрессии, ее распространенности в современном мире.

ББК 67.513+88.525.6

ISBN 978-5-238-02438-7

© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2013

Принадлежит исключительное право на использование и распространение издания (ФЗ № 94-ФЗ от 21 июля 2005 г.).

Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами или в какой-либо форме, в том числе в интернет-сети, запрещается без письменного разрешения издательства.

© Оформление «ЮНИТИ-ДАНА», 2013

Соберу на них бедствия и истощу на них стрелы Мои;
будут истощены голодом, истреблены горячкою и лютою заразою;
и пошлю на них зубы зверей и яд ползающих по земле;
Извне будет губить их меч, а в домах ужас — и юношу, и девицу,
и грудного младенца и покрытого сединою старца.

Втор., 22:23—25

Насилие и истина — это две могущественные силы,
не действующие друг на друга: истина не может управлять насилием,
и последнее никогда не использовалось для своих целей истиной.

Б. Паскаль

Предисловие

Книга, которую вы начинаете читать, предназначена в основном для того, чтобы понять, что мы, люди, представляем собой. А это, несомненно, поможет понять, что нас ждет.

Несмотря на миллионы прожитых человеком лет, колоссальные творческие, технические достижения, несмотря на постоянное движение мысли, человек, однако, не может жить в спокойствии и счастье. Утверждать, как это делают очень многие, что мы сейчас испытываем кризис, значит не сказать ровным счетом ничего, поскольку это слово использовалось в течение всей человеческой истории, оно стерлось до такой степени, что утратило какую-либо значимость. К тому же слово «кризис» может иметь сугубо индивидуальный смысл. Возможно, одна из причин всегдашнего кризиса — неистребимая *человеческая агрессия* или угроза ее применения, тем более что свои дела, большие и малые, общегосударственные и бытовые, национальные и религиозные, внутригрупповые и межличностные, люди часто решают именно с помощью агрессии.

Человек проявляет агрессию не только против себе подобных, но и против земли, растительного и животного мира. Причем часто создается впечатление, что лишь отдельным людям, не всегда при этом наделенным большой властью, приходит в голову счастливая мысль о том, что все это, наоборот, надо беречь.

Для России исследование агрессии и агрессивности весьма актуально, поскольку она принадлежит к странам с наиболее высоким уровнем насилия.

Как колониальная держава, Россия может быть поставлена в один ряд с Великобританией, Францией, Испанией и Португалией. Но если у этих стран колониальный зуд давно прошел, то Россия и сейчас захватывает новые страны, делая их своими протекторатами (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия). Однако не следует утверждать, что во всех случаях колониальная агрессия (в том числе России) должна быть оценена только отрицательно. В одних случаях Россия защищала малые страны (Грузия, Армения) от исламских государств, в других — приносила колониям культуру гораздо более высокого уровня (Центральная Азия).

В самой России всегда был очень высокий уровень насилия. Пожалуй, ни одна страна западного мира не испытала на себе такой длительной и кровавой агрессии. Начиная с выстрела полубезумного Дмитрия Каракозова в середине XIX в. в стране началась террористическая резня, продолжавшаяся десятилетиями, ее жертвами стали великие реформаторы Александр II и П.А. Столыпин. Террор поглотился Первой мировой войной, которая, конечно, несколько не способствовала смягчению нравов. Большевицкий переворот в 1917 г. привел к невиданному ранее террору государства против общества и населения, основная фаза которого закончилась в 1953 г. со смертью Сталина. О жертвах ленинско-сталинского террора нет точных цифр, но если взять среднее число — 10 млн, то в каждом году правления Ленина и Сталина погибало более 555 тыс. человек.

Потом была Великая война, когда агрессии, насильственных действий стало еще больше — со всех сторон, в любых формах, на каждом уровне. После войны судили виновных и справедливо наказали их; жаль только, что не всех главных немецких военных преступников повесили.

После войны агрессии в СССР оставалось недопустимо много, репрессии продолжались, поскольку оставались Сталин и его карательная машина. Они продолжали выявлять и истреблять «врагов народа» и пособников немецких захватчиков. Поэтому пища в ГУЛАГа было не меньше, чем до войны, но была еще масса искалеченных и потерявших кров и семью, совершенно дезадаптированных; многие из них не смогли приспособиться к мирной жизни и умели только воевать. Часть из них «ушла» в ГУЛАГ, часть пополнила ряды бандитов и разбойников; тогда никто не думал об оказании психотерапевтической помощи.

После прихода к власти Н.С. Хрущева и до конца социалистического периода государственная агрессия террористического характера была весьма востребована, но, конечно, не так, как при

Ленине и Сталине. Однако никто ни тогда, ни даже теперь не покался, и самые кровавые палачи остались без отмщения. Многие улицы и площади городов продолжают носить имена большевистских убийц, носят даже и сейчас. Одна из станций московского метрополитена носит имя Войкова, который, по имеющимся сведениям, во время расстрела царской семьи в Екатеринбурге убивал великих княжон.

Нельзя не упомянуть и две чеченские войны, террористические акты по всей России, постоянные боестолкновения на Северном Кавказе. Уровень злокачественной агрессии в стране очень высок, выше, чем в западных странах (на единицу населения), однако нынешняя порочная уголовная статистика скрывает это, показывая постоянное снижение числа насильственных преступлений в стране.

Сейчас уровень насилия в России, в том числе преступного, очень высок, хотя официальная статистика отмечает его постоянное снижение из года в год. Но я слишком хорошо знаю практику регистрации преступлений и иных насильственных правонарушений, нормативные акты, регулирующие их фиксацию, чтобы поверить им.

Рост в России насилия и негативные изменения в его структуре обусловлены неблагоприятными социальными, экономическими, политическими, психологическими, демографическими явлениями и процессами. Произошло резкое и неожиданное социальное расслоение общества, приведшее к обнищанию и дезадаптации отдельных групп людей, которые в условиях социальной дезорганизации ради сохранения прежнего статуса, получения материальных благ и обеспечения социального продвижения готовы использовать насилие. Утрачены прежние нравственные ориентиры, на месте которых не закрепились новые, в связи с чем все больше людей стали считать возможным прибегать к таким крайним способам достижения целей, как насилие. Государственная власть недостаточно эффективна, все чаще наблюдаются провалы в работе правоохранительных органов, способствующие безнаказанности опасных преступников, в том числе наемных убийц и террористов. Облегчен доступ к огнестрельному оружию; продолжаются алкоголизация и наркотизация населения, соответственно растет доля насильственных преступлений, совершенных в состоянии опьянения. Психиатрическая помощь населению явно недостаточна, хотя среди насильственных преступников психически аномальные составляют около 30%.

Совершение насильственных преступлений стимулируется потребностью защиты своего «Я» и своего тела от внешней угрозы, которой в действительности может и не быть, но она ощущается как реальность. В целом это попытка снижения собственной тревожности и неуверенности путем защитной по смыслу агрессии. Наивысший уровень тревожности, достигающий страха смерти, ха-

рактен для лиц с психическими аномалиями. Последствия переживаний такого страха могут быть весьма разрушительными (убийство нескольких или многих людей, убийство с особой жестокостью и т.д.): они связаны со стремлением получить материальные блага, значимость которых, особенно для тревожных личностей, довольно велика и выступает в качестве некоего гаранта жизни; необходимостью в самоутверждении путем полного доминирования над жертвой вплоть до ее уничтожения; желанием утвердиться в глазах ближайшего окружения, что типично для насильственного преступного поведения молодых людей.

Агрессия заключается не только в посягательствах на жизнь людей. Но именно жизнь человека на протяжении всей истории подвергалась опасности чаще всего. Видимо, далеко не всегда жизнь человека объявлялась и утверждалась в качестве наивысшей ценности, нередко ею становились материальные блага, обеспечивающие благополучие, хотя бы относительное, большой массы людей. Вопреки мнению отдельных гуманистов, что жизнь и здоровье человека есть высшая ценность в первобытном, средневековом и современном сознании, с огорчением надо признать, что это совсем не так.

В эпохи дикости и, как ни странно покажется на первый взгляд, средневекового, особенно католического христианства, а затем нацизма и коммунизма человеческую жизнь попросту ни во что не ставили. Жизнь не представлялась ни священной, ни неприкосновенной. Тем не менее с древнейших времен люди пытались оградить себя от опасностей и насилия, что, с одной стороны, носило инструментальный характер защиты, а с другой — наполнено глубоким гуманистическим содержанием. После пролития большой крови люди как бы спохватывались и начинали клясться, что этому надо положить конец, но потом возвращаясь к своей изначальной готовности к агрессии.

Исследование агрессии и агрессивного поведения стало одним из самых популярных в науке усилиями множества психологов, психiatров, биологов, юристов, социологов, философов. Такой обострившийся интерес к агрессии совсем не случаен — он есть прямое следствие мощных гуманистических процессов. Для того чтобы они прозвучали так сейчас, человечество должно было пройти многовековой путь от яростных и жестоких древних богов, включая Яхве, до милосердного и любящего Христа и нынешней десаκραлизации. Гуманистические процессы особенно обострились после миллионов жертв мировых войн, нацистских и большевистских деспотий.

Таким образом, повышенное внимание (не только научное) к проблемам агрессии порождено тем, что в центре общественной мысли стал человек, его интересы, права и свободы, его охрана прежде всего от агрессивных посягательств.

На протяжении всей своей истории, образно говоря с самых первых дней, он постоянно защищался — от других людей и их групп, от своего государства и общества, иногда даже своего рода или племени, его традиций и обычаев, от враждебных народов и стран, от чуждых идеологий и установок, от зверей и разрушительных явлений природы, от собственной природы и заключенных в себе же темных сил, от многочисленных и опасных болезней. Человек страшился злых духов и даже добрых, поскольку они представляли потусторонний, а потому непонятный и опасный мир. Могут возразить, что раз так было, значит, все оно необходимо, например, для того чтобы, как это парадоксально ни звучит, человечество выжило. Подобное возражение неоспоримо в силу его аксиоматичности, но, с другой стороны, совершенно ясно, что человек всегда держал и держит круговую оборону. А это не может не сказаться в его коллективной памяти, в его идеологии и психологии.

Известно, что в истории человечества не существовало ни одного более или менее значительного по времени периода, когда не было бы войн и в связи с этим массовых убийств, насилий, грабежей, поджогов, угонов людей в неволю, разрушений материальных и духовных ценностей и т.д., в результате конфликтов исчезли целые народы, а другим был нанесен огромный ущерб. На самом низшем — межличностном и межгрупповом уровнях насилие не прекращалось никогда, и в нынешнем, XXI в. люди уничтожали друг друга с такой же неистовостью, как в XXI в. до нашей эры. Поэтому я полагаю, что на протяжении столетий человечество накопило неисчерпаемый потенциал к разрушению, всегдашнюю готовность к ненависти, а агрессия уже давно стала одной из ведущих потребностей всего людского рода и способов разрешения противоречий.

Можно, по-видимому, утверждать, что всемирная история — это история войн и насилий. Разумеется, столь же весомые основания имеются для оценки ее как непрерываемой цепи созидания и творчества, любви и взаимопонимания. То и другое, несомненно, отложилось в коллективном (историческом) бессознательном, но первое — в тени, как все то, чего стыдятся, и понять движущие механизмы общества невозможно, если не принимать во внимание то, что долгое время скрыто в темноте и вдруг мощно, уничтожая все на своем пути, вырывается вовне.

Даже теоретически нельзя ставить утопическую задачу устранить или уничтожить агрессию как социальное явление — это было бы катастрофой для человека и человечества, которые научились жить, прибегая именно к агрессии, которая всегда воспринималась и использовалась как одна из форм существования.

Многие психологи и особенно журналисты поражаются масштабам агрессии в современном мире. Но с этим не следует соглашаться, хотя в XX в. были две мировые войны, фашистская и коммунистическая деспотии. Впрочем, и до них были грандиозные боины, если вспомнить римские, монголо-татарские, арабские и другие завоевания, которые не стали мировыми войнами по той причине, что тогда не было глобализации и научно-технической революции. «Обычные», повседневные преступления совершались и в древности, и в Средние века, но никто не вел их учет, к тому же виновные из числа представителей имущих классов, и особенно знати обычно за их совершение не наказывались.

Применение копий, луков, стрел и другого примитивного оружия имело место чаще всего на ограниченной территории и не угрожало человечеству в целом. Использование же современных средств уничтожения грозит глобальной катастрофой. К тому же производство оружия массового уничтожения достаточно дешево и может попасть в руки правителей, которые иным путем неспособны решить свои проблемы. Не менее опасно, если этим оружием овладеют террористы.

Наименее агрессивны те люди, даже и народы, которые пассивны, не ставят перед собой целей создания добавочной продукции для улучшения своего материального благополучия путем упорного и эффективного труда. Естественно, что результаты, к которым они стремятся, не отличаются даже малой дозой амбициозности, и охраняют они такую свою нехитрую жизнь столь же примитивными способами, что и их предки, даже очень далекие. Всегда довольные малым, подобные человеческие создания либо в силу своей информационной изолированности не знают об иной жизни, либо воспринимают ее как нечто такое, что для них неприемлемо, непонятно, даже враждебно. В этом отношении весьма показательна жизнь отсталых племен — неагрессивных, добродушных, часто равнодушных к себе и другим, которые становятся легкой добычей своих активных и жестоких соседей или бесчестных чиновников.

Любые социальные явления всегда должны исследоваться с разных позиций: общества, взятого и как единое целое, как система, включающая в себя разные подсистемы; личности, которая тоже является системой со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами и которая также может быть рассмотрена в качестве индивида с, казалось бы, неповторимыми, только ей присущими чертами, однако их встречаемость среди людей позволяет говорить о том, что они, несомненно, поддаются исследованию и оценке. Следовательно, природу агрессии и ее причины, ее истоки следует искать не в каком-то одном факторе, а в их множестве и совокупности: в личности, ее микроокружении, в «большом» обществе. Только тогда

будет реализована наиболее важная функция науки — объяснение. Впрочем, было бы наивно утверждать, что именно мне удалось достичь этого нефеноменологического уровня, но читатель, как можно надеяться, убедится в том, что все возможные усилия для этого были автором предприняты.

Вот почему усилия многих ученых сосредоточены на познании природы и причин человеческой агрессии, которая является одной из форм социального поведения. Я буду касаться и агрессивного поведения животных, но только касаться, поскольку никогда не осуществлял исследований в соответствующей области. При этом я ни в коем случае не буду игнорировать биологические факторы в человеческом агрессивном поведении, о которых достаточно хорошо известно, например, криминологам, изучающим преступное поведение. Об этом же можно найти весьма ценную информацию в клинической и психиатрической литературе.

Насилие относится к числу глобальных для человечества проблем, оно охватывает все без исключения сферы жизни, и его проявления чрезвычайно разнообразны — от словесных оскорблений до убийств, от чрезмерной коммерческой активности до мировых войн. Оно оказывает существенное, подчас определяющее влияние на нравственную и правовую атмосферу в обществе, духовную жизнь людей, каждодневные отношения между ними и их ценностные ориентации, воспитание подрастающего поколения, политику и принятие решений, экономическую, производственную и финансовую деятельность, возможность обеспечения правопорядка. Преступное насилие — лишь верхушка.

Насилие ни в коем случае не является проблемой только юридической. Оно должно исследоваться в широком контексте философского, этического, социологического, психологического, культурологического, этнологического, политологического, теологического, педагогического, психиатрического, экономического и правового познания. Проблема насилия диалектически связана с этикой ненасилия, из которой необходимо черпать контраргументы и контрмеры против насилия. Очень важны глубокие социологические, социально-психологические, культурологические и иные исследования механизмов выработки и усвоения норм насилия различными социальными группами, народами и нациями, каналов и способов их передачи отдельным индивидам и последующим поколениям.

Насилие прочно закреплено в многовековом опыте человечества, и его проявления далеко не всегда сознательно регулируются как на уровне отдельного человека или группы, так и общества в целом. Поэтому необходимо проследить истоки и историю насилия, все его разнообразные формы и масштабы, в связи с чем мож-

но выделить мифологический аспект познания и архетипические способы сохранения информации о насилии как способе разрешения конфликтов.

Пока никто не делал «описи» накопленных научных данных относительно агрессии и не оценил их достоверности и глубины, но несомненно, что нам уже многое, даже очень многое, известно и о ее природе и причинах. У нас теперь есть понимание того, почему она существует и даже некоторое непротиворечивое понимание агрессивного поведения. Тем не менее имеющийся огромный массив научной информации о ней все-таки нуждается в обобщении и систематизации. Эта информация самая различная — теоретическая, экспериментальная, эмпирическая, исследующая агрессию в самых разных сферах жизни, у разных народов и на разных уровнях, на разных этапах истории человечества, когда она воспринималась и оценивалась тоже по-разному. Как и относительно каждой отрасли знания, об изучении агрессии можно сказать, что и в этой интенсивно изучаемой области все еще остается множество нерешенных проблем, они будут умножаться по мере накопления знаний.

Дело, конечно, не только в теоретической систематизации накопленных знаний об агрессии и новом осмыслении всего того, что уже известно о ней в науке. Мы остро нуждаемся в новой эмпирической информации, без чего движение вперед невозможно. Впрочем, без такой информации ни в какой науке невозможно развитие.

Эта книга — продукт многолетних теоретических и прикладных исследований, продукт размышлений по одной из наиболее актуальных проблем человечества. В той степени, в которой мы можем решить эту проблему, мы начнем лучше понимать, что такое человек и какие силы им движут, в какой мере агрессия способствует его целостности или, напротив, распаду, какова роль агрессии в развитии или регрессе общества, в обеспечении прав и законных интересов личности. Одним словом, какова роль агрессии в цивилизации.

Но для этого нам прежде всего необходимо понять, что представляет собой агрессия, каковы ее индивидуальные и общесоциальные истоки, каковы субъективные и общественные механизмы, приводящие к реализации агрессивного поведения человека, группы, толпы, государства. Поэтому объяснение агрессии, точнее — попытка сделать это, стало основным содержанием этой книги.

1

Основные черты агрессии

1.1. Понятие агрессии

Понятие агрессии относится к числу тех часто употребляемых, которые именно в связи с этим частым употреблением с трудом поддаются четкому определению. Об этом писал, например, Л. Берковиц. Он отмечал, что первый шаг, который нужно сделать, чтобы понять сущность агрессии, состоит в том, чтобы найти ясную и точную формулировку того термина. Берковиц определяет агрессию как любую форму поведения, которая нацелена на то, чтобы причинить кому-то физический или психологический ущерб. Хотя все больше и больше исследователей используют такое определение, оно не является общепринятым и сегодня термин «агрессия» имеет много различных значений как в научных трудах, так и в обыденной речи. В результате мы не всегда можем быть уверены в том, что же имеется в виду, когда индивид характеризуется как агрессивный или действие определяется как насильственное. Порой и словари оказываются не слишком полезными. В некоторых из них отмечается, что слово «агрессия» обозначает насильственное нарушение прав другого лица и оскорбительные действия или обращение с другими людьми, равно как и дерзкое, ассертивное поведение. В этом определении представлены весьма разнообразные действия, но все они обозначаются словом «агрессия». Специалисты в области психического здоровья и исследователи поведения животных не более точны в определениях, чем подобные словари; используя термин «агрессия», они тоже имеют в виду несколько различных значений¹.

Агрессия — не только характеристика поведения отдельного человека, агрессивными могут быть группа (в том числе национальная или религиозная), общество, государство и его политика, его армия, его отношение к собственному населению и обществу. Аг-

¹ См.: Берковиц Л. Агрессия. Причины, последствия, контроль. СПб.; М., 2001. С. 24.

рессивными могут быть мотивы, установки, эмоции, планы, цели, намерения, даже сны, хотя все это может и не иметь внешнего выражения. Об агрессии поэтому нужно говорить в широком и узком смысле слова. В широком — когда она присутствует и в поведении, и в мотивах, снах и т.д., не обязательно проявляясь вовне; в узком — когда она имеет место в действиях, поведении или высказываниях. Но и в том и в другом случае — это агрессия, причем обе эти формы теснейшим образом способны переплетаться. Мотивы могут детерминировать поведение, воплощаясь в нее, точно так же как гитлеровский план «Барбаросса» — в нападение на СССР.

Агрессия может иметь место не только в связи с взаимодействием живых существ, но и с природой, в том числе своей собственной. Так, узнав о своей неизлечимой болезни, человек может покончить самоубийством. Но взаимодействие с другими людьми, порождающее агрессию, может быть и в случае, если она возникает во сне или в мотивах, никогда не реализованных. Агрессия бывает и тогда, когда она возникает по просьбе мазохиста или если другой просит об этом, преследуя иные цели, например симулировать нападение на себя. Насилие может носить конструктивный характер, если человек защищает свою Родину, задерживает преступника и в иных ситуациях, хорошо известных юристам; агрессия является неотъемлемой частью некоторых видов спорта (бокс, футбол, хоккей и др.). Ясно, что далеко не всегда агрессия (насилие — ее синоним) нуждается в правовой оценке, но вся насильственная преступность представляет собой наиболее опасную часть агрессии. Эта часть с первых дней существования человека влекла за собой различные санкции, ставшие частью обычая, а потом закона.

Сложность определения понятия агрессии всегда вызывала затруднения. Э. Фромм, которому мы обязаны одним из самых глубоких исследований этого явления, писал, что

оно употребляется и по отношению к человеку, который защищается от нападения, и к разбойнику, убивающему свою жертву ради денег, и к садисту, пытающему пленника. Путаница еще более усиливается, поскольку этим понятием пользуются для характеристики сексуального поведения мужской половины человеческого рода, для целеустремленного поведения альпиниста, торговца и даже крестьянина, рьяно трудящегося на своем поле. Возможно, причиной такой путаницы является бихевиористское влияние в психологии и психиатрии. Если обозначать словом «агрессия» все «вредные» действия, т.е. все действия, которые наносят ущерб или приводят к разрушению живого или неживого объекта (растения, животного и человека в том числе), то тогда, конечно, поиск причины утрачивает свой смысл, тогда безразличен характер импульса, в результате которого произошло это вредное действие. Если назвать одним и тем же словом действия, на-

правленные на разрушение, действия, предназначенные для защиты, и действия, осуществляемые с конструктивной целью, то, пожалуй, надо расстаться с надеждой выйти на понимание «причин», лежащих в основе этих действий; ведь у них нет одной общей причины, так как речь идет о совершенно разнородных явлениях, и поэтому попытка обнаружить причину «агрессии» ставит исследователя в позицию, безнадежную с теоретической точки зрения.

Возьмем, к примеру, К. Лоренца, — пишет Фромм. Первоначально он понимал под агрессией необходимый биологический импульс, развивающийся в результате эволюции в целях выживания индивида и вида. Но поскольку он подвел под это понятие такие аффекты, как жажда крови и жестокость, то отсюда следует, что и данные иррациональные страсти в такой же мере являются врожденными. Тогда можно предположить, что причины войн коренятся в жажде убивать, т.е. что войны обусловлены врожденной склонностью человека к разрушению. При этом слово «агрессия» служит удобным мостиком для соединения биологически необходимой агрессии (не злонамеренной) с несомненно злонамеренной, злокачественной человеческой деструктивностью¹.

Весьма сомнительно, что агрессией можно назвать целеустремленное поведение альпиниста, торговца или даже крестьянина, рьяно трудящегося на своем поле. Не думаю, что нужно обозначать словом «агрессия» все действия, которые наносят ущерб или приводят к разрушению живого или неживого объекта. Но, конечно, какая-то часть таких действий, например поведение борца на ковре, должна быть названа именно агрессией, без которой ему не одержать победы; агрессия может быть в мужском сексуальном поведении, если оно не выходит за границы нравственности. Если называть одним и тем же словом действия, направленные на разрушение, действия, предназначенные для защиты, и действия, осуществляемые с конструктивной целью, это еще не означает, что в их основе нет одной общей причины. Но уже сейчас ясно, что каждое из них должно иметь свою причину, как оно имеет свою природу.

Фромм критикует Лоренца за то, что тот подвел под понятие агрессии жажду крови и жестокость. Но они действительно являются агрессией, причем если жажду крови понимать не как нападение, а как, например, защиту от напавших на Родину врагов, то такая агрессия, т.е. стремление расправиться ними, вполне конструктивна. Жестокость же далеко не во всех случаях врожденное качество, ее можно воспитать в человеке, она может выступать как способ постоянной защиты или (и) самоутверждения.

Уже сейчас можно сделать вывод, что агрессия заключается в том, что кому-то или чему-то наносится ущерб, вред, повреждение,

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 17.

кто-то или что-то уничтожается, ликвидируется, принимает другую форму или (и) наполняется иным содержанием, желанным для агрессора, либо опять-таки под его давлением принимается желаемое для него решение. Если ущерб причиняется неодушевленным предметам или животным, это может быть связано с взаимоотношениями между людьми, но возможно и отсутствие такой связи. Так, может быть перебита посуда и побита собака из-за неудачи по работе, никак не обусловленной отношениями с сослуживцами.

Р. Бэрон и Д. Ричардсон считают, что, если вы тяжелым молотком изуродовали автомобиль, такое поведение не будет считаться агрессивией при условии, что вы заплатили пятьдесят центов за участие в этом аттракционе на ярмарке¹. Такое мнение по меньшей мере спорное. Прежде всего, далеко не каждый человек будет принимать участие в подобном «развлечении», во всяком случае, он не должен быть интеллигентом. Скорее всего, ему необходимо выпустить накопившееся раздражение и агрессию. Его поведение тем не менее является агрессивным, поскольку он уродует автомобиль, независимо от того, заплатил ли он за эту «забаву» или нет.

Неизбежно возникает вопрос: следует ли считать агрессивией ущерб (вред и т.д.), нанесенный только умышленно, или же возможно его и неосторожное причинение — по легкомыслию или небрежности. На мой взгляд, неосторожный ущерб не нужно считать агрессивией, хотя человек или группа людей могут воспользоваться последствиями по неосторожности причиненного ими ущерба. Агрессия может быть только умышленной, с прямым или косвенным умыслом.

Агрессия может осуществляться путем бездействия, т.е. неоказания помощи терпящему (терпящим) бедствие, если она была в пределах возможности данного человека. Таким может быть неоказание помощи тонущему, лицу, оказавшемуся на морозе или, напротив, под палящим солнцем, и т.д. Виновный в таком поведении может испытывать от этого садистское удовлетворение. От преступного бездействия возможна гибель не только одного человека, но и группы людей. Агрессия путем бездействия есть пассивная агрессия.

Следует иметь в виду, что во многих случаях вполне умышленная агрессия может умело или не очень маскироваться под неосторожность, чтобы не вызывать общественного или уголовного осуждения. Например, мне известен преступник, который трижды привлекался к уголовной ответственности за то, что в нетрезвом виде управляя автомобилем, наезжал на людей, в последний раз сбил пешехода насмерть. Все три случая были аналогичны и они напоминают стрельбу по толпе. Представляется, что человек приводит себя в состояние опьянения для того, чтобы совершать наезды на

¹ См.: Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1999. С. 30.

людей или просто поездить вне всяких правил, даже если это приведет к чьей-то смерти, которую он вполне допускает. В первом случае это убийство с прямым умыслом, во втором — с косвенным. Состояние опьянения для него — самооправдание, в которое он может искренне верить. И человек, стреляющий по толпе, и такой водитель испытывают ненависть к людям вообще, ко всему миру, отвращение к жизни.

Оставление в опасности, когда помощь может и должна быть оказана, — тоже агрессия, но пассивная. Здесь желаем причиняемый ущерб, но не собственными действиями, а активностью других сил, а потому нет насилия, поскольку нет вмешательства в такую активность. Вот почему в данном случае нет насилия, но есть агрессия, которая носит мыслительный, воображаемый характер. Следовательно, между насилием и агрессией есть разница.

Агрессия может быть активной в фантазиях, как это убедительно показал, например, К. Бютнер. Так, он пишет, что в игре или фантазии человека прежде всего находят выражение наиболее волнующие его темы. Если дети в своей жизни испытали насилие, то в своих играх или фантазиях они, скорее всего, будут склоняться к темам насилия. Игру, содержащую элементы насилия, можно интерпретировать двояко.

Во-первых, игра может затрагивать повторение пережитых им случаев насилия, которые, возможно, еще не осознаются ребенком. Это используется в игротерапии для интеграции в сознании ребенка травмирующих его переживаний. Если такая интеграция удастся, то это в большинстве случаев приводит к снятию психического напряжения у детей. Во-вторых, травмирующие переживания на жизненном пути не только предопределяют собой боль и страдания, но и делают человека озлобленным на обидчика. Казалось бы, у ребенка нет никакого выхода в ситуации насилия, если обидчиком оказывается объект любви, например отец или мать. Ведь месть и расплата могут уничтожить объект любви. Перенос спонтанного желания мести и расплаты на символические или фантастические объекты и проживание своих мечтаний о расплате потенциально обладают эффектом катарсиса¹.

Вопреки Бютнеру я полагаю, что игра, в которой столь значительное место занимает фантазия, способна разрядить чувство мести и снять стремление к расплате. Человек в самой игре расплачивается с обидчиком. Примерно то же самое мы можем наблюдать, когда кем-то обиженный подросток смотрит такой продукт фантазии, как кинофильм, наблюдает действия мужественного и справед-

¹ См.: Бютнер К. Насилие в фантазиях. Психология человеческой агрессивности. Хрестоматия. Минск, 1999. С. 173—174.

ливого шерифа или иного архетипического героя и неосознанно ставит себя на его место, естественно фантазируя. Необходимо сказать и о сказках, которые, являясь плодом народной фантазии, так сильно привлекают к себе детей, в том числе темами агрессии. Я особенно имею в виду героические и богатырские сказки, в которых герои сражаются с представителями злых сил и побеждают их, давая детям и подросткам первые уроки благородной агрессии.

Яркий пример фантазии — рассказы испытуемого по рисуночным тестам, например тематическому апперцептивному тесту. В этих рассказах агрессия появляется достаточно часто.

Агрессия может быть физической и (или) психической. Последняя в ряде случаев может разрушать здоровье человека не меньше физической и даже приводить к его смерти. Агрессия может быть косвенной, например путем распространения злобных слухов о ком-то и т.д. Ярким примером косвенной агрессии может служить поведение Яго в отношении Дездемоны и Отелло. Сам Отелло, эта паранойяльная личность, был весьма агрессивен, впрочем, паранойяльность и агрессивность хорошо сочетаются.

Агрессия — это действие или бездействие, но всегда поступок, поведение. Агрессивность же — особенность личности, ее характера, установок, намерений и т.д. Намерения и установки могут носить агрессивную окраску, быть агрессивными по существу, но это еще не агрессия, они становятся ею, когда перерастают в поступок.

Агрессия человека всегда есть агрессия личности, т.е. индивида, включенного в общество, общественные отношения, обладающего определенными социальными статусами и функциями. Изучение агрессии показывает, что она может происходить из разных источников: страха смерти, особого отношения к ней (некрофильская агрессия), и как способ адаптации (адаптивная агрессия) либо достижения поставленной цели (инструментальная агрессия), и как форма защиты от реальной или мнимой опасности (защитная агрессия).

То, что агрессия может быть врожденной, само по себе, вне связи с другими факторами, главным образом социальными, не объясняет причины совершения конкретных агрессивных действий, поскольку любой человек, кроме психически больных, должен обладать механизмами сдерживания своих насильственных побуждений. Агрессия, как и необходимость и способность ее сдерживать, являются результатами социального научения, формирующегося в личности с детских лет, причем не только целенаправленного воспитания, но и наблюдения за поведением других, усвоения их опыта, в том числе с помощью архетипов.

Вдумчивые родители могут перевести агрессивность своего ребенка или подростка в область спорта, например, где такое качество очень востребовано.

Агрессия и само понятие этого явления не могли не вызвать широкого обсуждения в научной печати. Так, С.Н. Ениколопов пишет, что агрессия представляет собой «мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам (правилам) сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т.п.)»¹.

В этом определении все верно, кроме одного, но очень существенного момента: Ениколопов утверждает, что деструктивное поведение противоречит нормам (правилам) сосуществования людей в обществе. Это неверно, поскольку нормы сосуществования предписывают защищать себя и своих близких, Родину с помощью в том числе агрессивных действий, а вот если такие действия отсутствуют — это и будет противоречить нормам (правилам) сосуществования людей в обществе. Агрессивные действия потребуются при задержании преступника, при обеспечении правопорядка, а также во многих видах спорта. Впрочем, и сам Ениколопов в той же работе говорит об альтруистической агрессии, имеющей цель защиты от чьих-то агрессивных действий.

Этот же исследователь выделяет агрессивное поведение, которое определяет как одну из форм реагирования на различные неблагоприятные в физическом и психическом отношении ситуации, вызывающие стресс, фрустрацию и другие состояния². Я бы добавил сюда и в социальном отношении ситуации, когда строятся и реализуются агрессивные намерения. Но в целом агрессивное поведение человека (группы, партии, страны, общества, государства) претворяет в жизнь агрессию, которая, как я отмечал выше, может существовать также и в планах, мотивах, снах и т.д. Фрустрация может и не привести к агрессии, как полагал Д. Доллард, а напротив, к апатии и депрессии. Агрессивное способно возникнуть и без какого-либо внешнего повода, в результате внутренних переживаний.

Д. Майерс определяет агрессию как физическое или вербальное поведение, цель которого — причинение вреда кому-либо. С этим довольно общим определением можно согласиться, но вызывают недоумение следующие его комментарии. Так, Майерс полагает, что под его определение агрессии не подпадают дорожно-транспортные происшествия, хотя как раз многие из них происходят вследствие агрессивного поведения одного или даже двух участников такого движения; не считает он агрессией случайные столкно-

¹ Ениколопов С.Н. Агрессия. Большой энциклопедический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 3-е изд. СПб., 2006. С. 19.

² Там же.

вения прохожих на тротуарах и пешеходных дорожках, хотя обычная жизненная практика дает нам убедительные примеры как раз агрессии. С наивностью, характерной для многих плохо знающих криминологию, этот автор утверждает, что применение смертной казни не привело к уменьшению убийств¹, хотя смертная казнь применяется и должна применяться как воздаяние (и лишь воздаяние!) за содеянное, а не для того, чтобы устроить кого-то.

Агрессия способна осуществляться в качестве мести в ответ на агрессивное или неагрессивное поведение. Здесь она представляет собой оборонительную и наступательную стратегию или как способ сохранения или восстановления социального лица. Месть может быть проявлением деструктивной агрессии, особенно если она по своей разрушительности превосходит (иногда намного) вызвавший ее повод. Это во многом зависит от самого мстящего. Иногда же размер и характер мести полностью или почти полностью определяются обычаями и традициями микроокружения мстящего, той культурой, к которой он себя причисляет. Если он ценит их отношение себе, он решится на месть, даже если она ему вовсе не нужна, но он совершит ее, чтобы не потерять уважение окружающих, их признание и не стать изгоем. Собственно, такое отношение к нему, а нередко к его семье или роду, само по себе является агрессией. Месть же всегда является агрессией, даже если она отсрочена, даже значительно, во времени.

Другой вопрос, достаточно важный, можно ли в некоторых случаях считать месть *доброкачественной агрессией*, если пользоваться терминологией Э. Фромма? Думается, что решение этого вопроса зависит от целого ряда обстоятельств, например заключается ли такая месть в придании виновного суду, или в реализации «своей» мести преступнику, если суд над ним заведомо не может состояться или суд будет выглядеть как поощрение его преступления, или он будет осужден к лишению свободы, но вскоре путем подкупа выйдет на свободу и т.д. Это только те случаи, которые связаны с правосудием, которое творят вполне земные люди с их страстями и влечениями, но есть множество других ситуаций, в связи с которыми могут возникнуть вопросы о доброкачественной агрессии. Это, конечно, не праздный теоретический вопрос, он позволяет говорить об оправданности применения самых суровых мер к международным преступникам, например.

В свете сказанного поощряемой, одобряемой формой возмездия является убийство бен Ладена, главаря террористической организации «Аль-Каида», а также всех других преступников, причем особо опасных, хотя и не признанных судом таковыми, но фактически ими

¹ См.: Майерс Д. Социальная психология. 7-е изд. СПб., 2007. С. 444.

являющимися. Они недоступны для правосудия. Но все действия по поимке и уничтожению таких людей являются, конечно, агрессией.

На мой взгляд, агрессией всегда является применение мер принуждения на базе уголовно-правового, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и административного законодательства. Обоснованное применение таких мер всегда идет на пользу обществу, а иногда и тому, кто принуждаем. Наказание здесь выступает и в качестве инструмента мести, возмездия за содеянное, и способа защиты общества от нового посягательства, и восстановления чьих-то нарушенных прав; наказание еще играет и превентивную роль, профилактики асоциального поведения. Человек, к которому применяется мера принуждения, обычно добровольно подчиняется этому, если же он сопротивляется, его принуждают, в том числе с помощью физической силы. Разумеется, формы принуждения в демократическом или тоталитарном обществе существенно различаются, даже если иметь в виду только то принуждение, которое предусмотрено законом.

Агрессия может входить в намерения человека, которые представляют собой нечто очень личное и часто скрытое, однако они вполне могут быть выражены словами, жестами или мимикой; окружающие иногда судят о намерениях по прошлой жизни человека и нередко оказываются правы. Намерение может возникнуть внезапно и столь же внезапно реализоваться в агрессивных действиях; намерение может вынашиваться очень долго наряду с подготовкой тех действий, которым оно предшествует. Подчас знание о намерении позволяет судить о наличии или отсутствии агрессии: я имею в виду оценку поведения в качестве неосторожного или умышленного. Намерения переплетены с мотивами, эмоциями и влечениями.

Одним из видов агрессии является *суицид*, причем в любой его форме: когда человек действительно хочет покончить с жизнью, или лишь ограничиться членовредительством, или с помощью покушения на самого себя умоляет о пощаде либо помощи. То, что человек покушается на себя, а не на кого-нибудь иного, значения не имеет для определения его действий как агрессивных. Не случайно суицид называют аутоагрессией.

Э. Дюркгейм приводит различные пограничные случаи самоубийств или ситуации, которые можно расценить как самоубийственные или близкие к ним. Дюркгейм пишет, что «человек, сознательно подвергающий себя опасности ради другого лица, но без явной угрозы смерти, конечно, не является самоубийцей, даже если ему и пришлось бы умереть. Этим именем нельзя также назвать неосторожного, как бы играющего со смертью человека, стремящегося в то же время избежать ее, или человека апатичного, который, не будучи ни к чему привязан в жизни, не дает себе труда позабо-

тяться о своем здоровье и погибает от своей небрежности. И однако, все эти виды поведения ничем коренным от самоубийства в собственном смысле слова не отличаются; они порождают аналогичное направление ума, поскольку в равной степени сопряжены со смертельным риском, который не остается тайной для действующего лица и перспектива которого этого последнего не устрашает; вся разница заключается в степени вероятности смертельного исхода. Не без некоторого основания говорят иногда, что ученый, истощив свои силы постоянным бодрствованием, убил самого себя. Все эти случаи рисуют нам виды зачаточного самоубийства, и если, руководствуясь правильным методом, их не надо смешивать с видами полного самоубийства, то все же не надо терять из виду и то отношение родства, которое между ними существует. Самоубийство получает различную окраску в том случае, если оно неразрывно связано с актами мужества или самоотвержения, и в том случае, если оно является результатом неосторожности или простой небрежности»¹.

Приведенные суждения нуждаются, по-моему, в комментариях.

Следует согласиться с тем, что человек, сознательно подвергающий себя опасности ради другого лица, но без явной угрозы смерти, конечно, не является самоубийцей, даже если ему и пришлось умереть. Нельзя назвать и самоубийцей неосторожного, как бы играющего со смертью человека, или апатичного, который не дает труда позаботиться о своем здоровье и погибает от своей небрежности. Однако очень важно знать глубинную мотивацию такого неосторожного и небрежного человека, и подобное знание способно дать более точный ответ, стремился ли к смерти алкоголик или наркоман, давно переставший заботиться о себе. Алкоголизм и наркомания, равно как и объедание (постоянное переедание), являются прямой дорогой к смерти.

Дюркгейм, несомненно, прав, что ученый, истощивший свои силы постоянным бодрствованием, мог тем самым убить самого себя. Дюркгейм назвал это зачаточным самоубийством. Таким зачаточным бессознательным самоубийством можно назвать поведение некоторых поэтов и писателей, которые, создав великие (или не очень) произведения, начинают искать смерть, очевидно исчерпав себя, точнее — ощущая исчерпанность себя. Есть еще одна очень интересная категория самоубийц, которую я назвал бы некрофильской: люди этой категории постоянно подвергают себя смертельному риску, как бы заигрывая со смертью. Я хорошо помню одного своего школьного товарища, который «развлекался» тем, что неожиданно возникал перед едущим автомобилем; несчастные шофера (в ту далекую советскую эпоху автомашин сравнительно с нашим

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994. С. 15.

временем было мало) проявляли чудеса водительского мастерства, чтобы не задавить его. Но однажды чуда не произошло и он погиб. Разумеется, этот мой товарищ вел себя агрессивно.

Суицидальное поведение может быть связано с расстройствами психической деятельности. Это признается многими исследователями, в том числе и Дюркгеймом. В связи с этим он предлагал следующую типологию самоубийств: маниакальное самоубийство; самоубийство меланхоликов; самоубийство одержимых навязчивыми идеями; автоматическое или импульсивное самоубийство¹. Правда, этот выдающийся социолог считал, что в общем все случаи самоубийства среди душевнобольных лишены всякого мотива или определяются всякими вымышленными мотивами.

С последним утверждением трудно согласиться. Во-первых, расстройства психической деятельности достаточно разнообразны, есть и пограничные аномалии, и люди, страдающие ими, обычно признаются вменяемыми. Мотивы поступков лиц с такими аномалиями всегда имеются, но мотивы могут быть обнаружены и у лиц с более тяжелыми психическими недугами. Во-вторых, совсем непонятно, что такое вымышленные мотивы. Никаких эмпирических данных здесь Дюркгейм не приводит. У самоубийства могут быть самые разные мотивы, и никто не установил, что одни и те же мотивы не могут быть у психически здоровых и психически аномальных личностей.

К. Меннингер исследовал хронические формы самоубийств (аскетизм и мученичество, неврастения, алкогольная зависимость, антиобщественное поведение, психоз), и из его работы с несомненностью вытекает, что все они являются проявлением агрессии, причем в скрытой или явной форме².

В современном мире достаточное распространение получила преступная агрессия путем уничтожения случайных людей, по которым открывают беспорядочную стрельбу, например по толпе, школьники — по другим школьникам и учителям, студенты — по другим студентам и преподавателям. В 2010 г. майор милиции Евсюков расстрелял покупателей в магазине; в 2009 г. в Нефтяной академии в Баку 25-летний мужчина открыл стрельбу в студентов и преподавателей, убив 13 человек, ранив четырех. Во всех этих случаях виновные ненавидят весь мир и поэтому стреляют во весь этот мир или убивают иным способом тех, кто не может оказать им сопротивление. Надо полагать, что у многих таких людей имеются нарушения психической деятельности.

Все это дает основание думать, что современный цивилизованный человек страдает от невозможности разрядить свои инстинк-

¹ См.: Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 29—35.

² См.: Меннингер К. Война с самим собой. М., 2000. С. 95—240.

тивные агрессивные побуждения. Эти побуждения накапливались столетиями, а у отдельных людей — в течение их жизни и в прошлом имели «естественный» выход в непрекращающихся войнах и в привычных нападениях на соседей. Сейчас вся сохранившаяся разрушительная энергия находит выражение либо в неврозах, предрасположенности к самоубийствам и несчастным случаям, если обычаи и традиции строго запрещают внутривидовую агрессию, либо, если подобных запретов нет, — в совершении убийств, в том числе множественных, включая близких родственников и членов семьи. Но было бы заблуждением думать, что названные запреты больше распространены среди малых по численности народов, поскольку агрессия по отношению к сородичам грозит гибелью всей немногочисленной нации, народности или племени. Ничего подобного во многих случаях не бывало, поскольку история, и современная в том числе, дает множество примеров прямо противоположного братоубийственного поведения. Особенно важно отметить, что войны и военные конфликты не прекращаются и многие с их помощью могут реализовать свою агрессивность.

Между тем и современная и предшествующая эпохи давали и дают множество возможностей выхода природной агрессивности во вполне социально приемлемых формах. Сейчас это, например, служба в армии или занятие спортом, участие в экстремистских общественных и религиозных движениях или в охране общественного порядка. Футбол, как я полагаю, обязан своей исключительной распространённостью и любовью к нему миллионов людей прежде всего тому, что является цивилизованным эквивалентом войны. То же самое можно сказать и о некоторых других видах спорта и вообще о некоторых занятиях. Разумеется, далеко не все жители цивилизованных стран могут быть отнесены к числу цивилизованных людей, а поэтому они находят выход для своей агрессивности в совершении насильственных преступлений.

Вряд ли можно согласиться с К. Лоренцем, что первый на земле убийца Каин тотчас же понял ужасность своего поступка, а это предполагает раскаяние в совершенном. На самом деле Каин начал спорить с богом и выпрашивать у него защиту, а потом вполне комфортно поселился к востоку от Эдема, стал отцом семейства. Казалось бы, среди людей должно было бы распространиться представление, что своих убивать нельзя, жертвами агрессии должны стать дикие животные. Но люди ни тогда, ни теперь не проявляли в том никакой мудрости, в частности, потому, что требовался выход агрессии. Не случайно даже малочисленные племена яростно перебивали друг друга и таким образом исчезали с лица земли либо настолько ослабляли распрями друг друга, что становились легкой добычей более организованных и воинственных соседей. В конечном итоге они оказывались полностью уничтоженными.

Разумеется, этим, точнее, только этим объяснить современное насилие невозможно, хотя накопление агрессивности, злобы и ненависти сохранилось в людях с незапамятных времен. Но в целом человек от рождения человечества не так уж и плох, однако в рассматриваемом аспекте не так уж и хорош для жизни в современном обществе. Это общество с его гигантскими городами, растущей анонимностью, фрагментарностью повседневного общения, слабым социальным контролем, социально-психологической изолированностью при высокой вертикальной и горизонтальной мобильности, переплетением культур и их взаимным давлением, смешением наций рождает очень слабые межличностные связи. Современный человек, особенно в условиях большого города, все чаще ощущает, что в первую очередь он должен рассчитывать на себя и защищаться от других, нередко при этом нападая на них. О последствиях своих действий для общества он задумывается редко. Примечательно, что так же поступал и его первобытный предок.

Агрессивность современного человека может возрастать от социальных связей, в том числе тех, которые можно назвать близкими и интимными, от изматывающих и нередко многочисленных обязанностей, от сознания необходимости выполнить свой долг. К этому добавляются сложности, конфликты на работе, от которых многие привычно разряжаются насилием у себя дома. Но чем дальше развивается цивилизация, чем меньше она отстает от культуры, тем больше должно создаваться возможностей для появления благополучных выходов агрессивных тенденций, тем успешнее должен овладевать человек альтруистическими навыками, приходя к выводу или интуитивно чувствуя, что обязан сдерживать свои побуждения. Многие будут расплачиваться за такое подавление психическими и соматическими болезнями, но это тот оброк, который они вынуждены платить. Люди, подобным образом рискующие собой и истощающие себя, заслуживают максимального внимания и помощи, они должны быть ценимы не меньше тех, для которых добродетельное поведение совершенно естественно. В этом обществе должно видеть выгоду для себя в силу простого здравого расчета, особенно если оно сознательно стремится снизить уровень агрессивности.

Мы иногда пытаемся преодолеть историю, как справедливо отметил Карл Ясперс. Это преодоление часто выражается в беспощадных посягательствах прервать ее, преградить путь, как бы предначертанный историческим движением, и начать свой, собственно сочиненный путь. Первая такая гигантская попытка насильственного характера была предпринята в XX в. германо-нацистским и коммунистическим экспериментами, которые стоили сотни миллионов человеческих жизней. XX в. стал поэтому самым кровопролитным в человеческой истории. Но все было тщетно, и это был знак, подан-

ный историей, о том, что самовольное и самовластное изменение ее хода невозможно. Однако убежден, что такой знак далеко не всеми воспринят в этом его качестве, но в нем заключено одно из основных условий сохранения нашего бытия.

Мы не преодолеем историю — никто не доказал, что это возможно, тем более что очень многое, если не все, в науке, технике, общественных отношениях, искусстве, мифологии и т.д. возникает, движется и преобразуется стихийно и бессознательно. Между тем сознание — это то средство, без которого нет ни знания, ни опыта, ни отношения к самому себе и окружающему миру. Но и бессознательное не пассивно, особенно когда оно пытается прервать ход истории и вернуть нас вспять, к прежнему опыту и уже прожитой жизни, а это и делали нацисты и коммунисты, причем среди них было немало искренне верящих в свою правоту и даже бескорыстных. Разумеется, бессознательное не следует считать негативным хотя бы потому, что оно включает в себя архетипы, которые вобрали в себя тем самым мировой и многовековой опыт.

Вот почему трудно согласиться с Ясперсом, что «бессознательное значимо лишь постольку, поскольку оно приобретает определенный образ в сознании и тем самым перестает быть бессознательным. Сознание — это действительное и истинное. Наша цель — углубленное сознание, а не бессознательное. Мы преодолеваем историю, обращаясь к бессознательному, чтобы тем самым прийти к углубленному сознанию»¹.

Совсем не ясно, какое бессознательное имел в виду Ясперс: возникающее ли вследствие определенного жизненного опыта конкретной личности, или восприятие и закрепление в нем архетипов, либо совокупность всех архетипов, составляющих абстрактное коллективное бессознательное. Возможно, он имел в виду любое из них или все вместе, т.е. бессознательное в принципе. Во всяком случае создается впечатление, что Ясперс боится бессознательного. Между тем не в наших силах побороть бессознательное, в каком бы виде оно нам не представлялось. Агрессия, являющаяся объектом данного исследования, может быть порождена как индивидуальным бессознательным, так и коллективным, приобретенным личностью в виде архетипов. Ниже это станет объектом исследования.

1.2. Природа агрессии

Чрезвычайно важен вопрос о природе агрессии. Во второй половине прошлого столетия многие ученые во главе с Конрадом Лоренцем склонялись к тому, что любые проявления агрессии имеют филогенетические корни и запрограммированы в человеке. Примени-

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 279.

тельно к животному миру Лоренц писал, что агрессия в первую очередь решает вопросы конкуренции между различными видами, что функция сохранения вида гораздо яснее при любых межвидовых столкновениях, нежели в случае внутривидовой борьбы. Но борьба между поедающим и поедаемым никогда не приводит к полному уничтожению жертвы, между ними всегда устанавливается равновесие¹.

Согласно Лоренцу, у нас есть веские основания считать внутривидовую агрессию наиболее серьезной опасностью, которая грозит человечеству в современных условиях. Более чем вероятно, что пагубная агрессивность, которая сегодня как злое наследство сидит в крови у нас, у людей, — это результат внутривидового отбора, влиявшего на наших предков десятки тысяч лет на протяжении всего палеолита. Едва лишь люди продвинулись настолько, что смогли в какой-то степени ограничить внешние опасности (голод, холод, диких зверей), так что эти опасности утратили роль существенных селекционных факторов, как тотчас же в игру должен был вступить пагубный внутривидовый отбор. Отныне движущим фактором отбора стала война².

Не вызывает сомнений, что агрессия заложена в природе самого человека, т.е. он может, если это будет нужно, если его вынудят обстоятельства, нанести вред кому-нибудь или чему-нибудь либо самому себе. Точно так же в нем заложены способности видеть, слышать, думать, творить и т.д. Но агрессии у одного больше, у другого — меньше, у третьего — совсем мало, и это является ее *акцентуацией*. Иными словами, один человек может видеть, слышать, думать и т.д. хуже, чем другой, точно так же «распределяется» и агрессия. Но как слух и зрение зависят от организма человека, его способность к агрессии тоже зависит от организма. Однако упорными тренировками и наращиванием мастерства можно добиться того, чтобы конкретный со вполне средними способностями человек стал бы агрессивным техничным боксером.

Агрессия, равно как и некоторые другие виды поведения, формируется в процессе накопления индивидуального опыта. Выраженность поведения зависит от факторов внешней среды и от воспитания, от индивидуальных возможностей. Крысята, выращенные в присутствии агрессивного отца, значительно агрессивнее тех, которые не имели агрессивных контактов. Быки, имевшие опыт агрессивных контактов, продолжали проявлять агрессивное поведение и после того, как были кастрированы.

Наличие агрессии в той или иной степени совершенно не характеризует человека с нравственной стороны, поскольку агрессия ней-

¹ См.: Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994. С. 30.

² См.: Там же. С. 49.

тральна. Только в случае выхода за нравственные, а тем более правовые рамки агрессия осуждаема и даже наказуема. Конкретные наблюдения показывают, что надлежащее воспитание вполне способно направить агрессию по другому руслу. Причем человек может наследовать агрессивность, но он не наследует желание совершать насильственные преступления. Рассказы наивных криминологов о том, что отец был убийцей и такими же оказались его сыновья, вовсе не доказывает, что склонность совершать агрессивные уголовно наказуемые действия передается по наследству биологическим путем. Это говорит лишь о том, что отец и его дети воспитывались в одной и той же неблагоприятной социальной среде, где агрессия всегда поощрялась и с ее помощью решались простые житейские вопросы.

Современные эмпирические исследования убедительно показывают, что агрессивные преступники в значительном большинстве являются выходцами из тех социальных слоев населения, где процветают брань и грубость, о тактичном поведении просто не знают, где рано, даже очень рано, начинают пить, курить и вступать в половые контакты, где в каждой семье кто-то обязательно сидел в тюрьме. Эта схема — отнюдь не дитя бихевиоризма, нас в равной степени должны интересовать и субъективные силы, мотивы, определяющие тот или иной способ поведения. И социальные (общесоциальные) факторы, и субъективные особенности, детерминирующие поведение, должны быть объектом познания. Без этого понимание агрессии, да и не только ее, невозможно.

Фромм призывал различать у человека два совершенно разных вида агрессии. Первый вид, общий и для человека, и для всех животных, — филогенетически заложенный импульс к атаке (или к бегству) в ситуации, когда возникает угроза жизни. Эта оборонительная, доброкачественная агрессия служит делу выживания индивида и рода, она имеет биологические формы проявления и затухает, как только исчезает опасность. Другой вид представляет злокачественная агрессия — деструктивность и жестокость, свойственные только человеку и практически отсутствующие у других млекопитающих; она не имеет филогенетической программы, не служит биологическому приспособлению и не имеет никакой цели¹.

Эти положения, сформулированные Фроммом, имеют исключительное значение для понимания агрессии, хотя только их для подлинного проникновения в глубины этого явления, конечно, недостаточно. То, что здесь сказано Фроммом, вызывает у меня некоторые сомнения.

Во-первых, почему доброкачественная агрессия — это филогенетически заложенный импульс, она служит делу выживания инди-

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. С. 22.

вида и рода и имеет биологические корни, а злокачественная агрессия не имеет филогенетической программы, не служит биологическому приспособлению и не имеет никакой цели? Можно достаточно легко представить себе различные жизненные ситуации, когда деструктивность и жестокость служат делу выживания индивида, хотя и посягают на права и интересы других людей.

Во-вторых, каждое ли жестокое и деструктивное поведение можно назвать злокачественным, учитывая в первую очередь, что «жестокое» и «деструктивное» — достаточно оценочные понятия, а поэтому субъективные?

В своих теоретических схемах объяснения человеческой деструктивности Фромм исходит из философских обобщений относительно человеческой природы. Так, он считает, что мы должны достигнуть такого понимания человеческой природы, которое покоится на взаимосвязи двух фундаментальных биологических факторов, характерных для человека. При этом речь идет о постоянном уменьшении доли инстинктивной детерминации поведения. Не считая элементарных инстинктов самосохранения и сексуального влечения, считает Фромм, у человека нет других врожденных или унаследованных программ, которые ему предписывали бы, как вести себя в большинстве случаев, связанных с принятием решений¹.

Под инстинктами Фромм понимает, как он и поясняет, «естественное влечение». По его мнению, происходит процесс постоянного снижения роли инстинктивной детерминации поведения, хотя для доказательства этого никаких сведений эмпирического характера им не приводится. В свете имеющихся у него данных он определяет человека как примата, который начинает свое развитие в тот момент эволюции, когда инстинктивная детерминация становится минимальной, а развитие мозга достигает максимального уровня².

Легче всего было бы объяснить природу агрессии господством инстинктов, но только в какие-то определенные моменты, когда для этого создаются благоприятные условия. Однако это не так, и никто из серьезных ученых этого не пытается делать. Если бы во всем были виноваты инстинкты, следовало бы признать, что вся многотысячная история человека практически не имеет для него значения и не оставила на нем или в нем никаких следов. Разумеется, его история крайне противоречива и столь же трагична, в первую очередь благодаря тому, что человек все время прибегает к агрессии в мире, где его же усилиями достигнута беспрецедентно высокая степень гуманистического сознания. Признавая права и интересы человека любого класса, расы, нации и вероисповедания,

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. С. 194—195.

² Там же.

люди в то же время прибегают к терроризму, экстремизму, геноциду, которые находят выражение в хладнокровных и планомерных жестокостях. И эти два, казалось бы, несовместимых явления можно видеть не только в одной стране, но и в одной личности.

Не надо забывать, что во многом именно агрессии так называемый цивилизованный мир обязан немыслимым до этого расширением своих границ. И хотя привычным стало только отрицательно оценивать захват западными странами и христианской культурой Америки, Африки, Австралии и частично Азии, надо признать, что на большей части названных континентов, даже в Центральной Америке, в Мексике, жили люди, которых следует отнести к дикарям. Разумеется, ни в коем случае нельзя оправдывать уничтожение этих людей, даже захват их земель, это было бы таким же, если не худшим, варварством и дикостью, которые отличали жизнь дикарей. Тем не менее я не стал бы предавать цивилизацию суду истории, как это сделал А. Тойнби, хотя бы потому, что именно по этому пути пошла сама история, которую он призвал в судьи.

С древнейших, даже доцивилизационных, времен известно, что сильный поглощает слабого, и это закон истории и человеческой природы. Только в современном демократическом мире делаются слабые попытки никогда так не делать, но демократический мир — лишь часть мира. Новый рубеж, достигнутый западной культурой, оказался тогда очень агрессивным. Ее носители, проявляя насилие к дикарям и их культуре, сами того не желая, отрицали свой прошлый, ими уже пройденный этап.

Означает ли все это, что агрессия в ее злокачественном варианте носит некий атавистический характер, выступая делом рук людей, у которых инстинктивная детерминация поведения превышает уровень, характерный для современного человека? Это представляется весьма конструктивной мыслью, много объясняющей, но прямо так Фромм не говорит, на этом практически ставит точку, поясняя, что причины деструктивности им будут раскрыты при анализе садизма и некрофилии. Но, конечно, только этими, пусть и самыми опасными проявлениями, деструктивность, жестокость и иные формы злокачественной агрессии не ограничиваются.

Как представляется, ответ на вопрос о природе человеческой агрессии надо искать в самой природе. Прежде всего необходимо найти мотивы агрессии, причем самые разные. Для этого нужно исследовать самих людей, а не только то, что пишут психологи, психиатры и философы о мотивах их агрессивного поведения. Мотивы надо им не приписывать, как подчас делается, а, образно говоря, извлекать из людей.

Мои эмпирические изыскания в области мотиваций позволяют сказать, что наиболее распространенными являются следующие.

1. *Защита себя* от внешних социальных угроз и от самого себя, точнее, от того непонятного, темного, непознаваемого, не поддающегося описанию, что лежит в глубинах психики человека. Он не любит спускаться в эти глубины, потому что его там могут ждать монстры, т.е. его собственные неудачи, позорные влечения, обманутые иллюзии.

Внешние угрозы тоже весьма значимы. Их человек боялся от самого своего возникновения: это были боги, духи и души предков (первочеловеков), души убитых им врагов, звери, болезни, люди другого рода или племени, войны, повелевавший всеми царек и т.д. Сейчас угроз не меньше, но они несколько другие: атомная война, терроризм, экстремизм и преступность, безработица, провалы в работе, потеря социального престижа и т.д., но остались и прежние, например болезни. Человек цивилизованной страны теперь уже не думает, что болезнь и смерть есть дело рук злого колдуна, но когда они наступают, ему не легче. Защитить себя от внешних угроз можно и криминальными, и вполне нравственными способами, например одобряемой обществом агрессией. Так, оттачивая свое спортивное мастерство, боксер, одерживая победы на ринге, защищает себя от экономических трудностей и укрепляет профессиональный престиж.

Есть еще одна сфера защиты, причем очень важная, — своей семьи, близких людей, Родины, религии. Защищая семью, человек, ведомый древнейшими влечениями, может быть готов защищать ее всеми силами и средствами, даже невзирая на то, что живет на неродной ему земле (см. «Осаду мельницы» Э. Золя). Чрезмерная любовь к Родине и ощущение того, что она окружена врагами и ей отовсюду угрожают, могут развязать самую кровавую агрессию даже в том случае, когда никаких угроз нет. Однако защита Родины от действительных врагов, от внешней агрессии путем ответной агрессии всегда почиталась в качестве героического, высоконравственного поведения, а особенно отличившиеся в такой обороне становились образцами мужества и им должны были подражать.

Человек еще защищает свою религию или течение в религии от других течений. Свидетельством этому стали многочисленные религиозные войны; конфликты имеют место и сейчас, достаточно вспомнить, например, отношения между суннитами и шиитами в Ираке. Защищая «своего» бога или свое понимание божества, ритуалов, символов и т.д., люди в конечном счете защищают самих себя, свой внутренний духовный мир, впитанный ими с детства, особое понимание окружающего. Они нередко охраняют таким путем и собственные материальные блага. И в современном мире можно наблюдать религиозный фанатизм, особенно в исламе и в его отношении к христианству, что объясняется, конечно, не тем, что эта мировая религия более жестока и сурова, это совсем не так. Дело в

ином: это самая молодая из числа мировых религий, определяемая ею культура значительно отстает от христианской, что не может не вызывать у ее наиболее чувствительных сторонников беспокойство, зависть, нежелание смириться с таким положением.

Люди не только защищают «своего» бога, свою религию, свою церковь. Бывает и так, что они начинают «защищать» общество от бога, религии и церкви. Так иногда случалось после революций как частное проявление десакрализации: в Мексике в начале XX в., во Франции — в конце XVIII в., в Германии — после захвата власти Гитлером, в России — после октябрьского переворота 1917 г., здесь большевики во главе с Лениным развязали неслыханный террор против православия.

Происходило все это потому, что «старые» боги и вся система верований не давали людям счастья. Поэтому нужны были «новые боги» (в рамках все того же архетипа), новые идеалы и идеи, новые цели. Новыми богами становились вполне земные вожди, вроде Ленина, или нелепо изобретенное Высшее Существо в революционной Франции XVIII в. Как и «старые» боги, «новые» не оправдали возлагаемых на них надежд.

2. Утверждение себя — в глазах ближайшего окружения, в своих собственных. Это очень часто встречающийся мотив, он нередко переплетается с другими мотивами, в частности с мотивом защиты. Так, успешно защищая себя, в том числе прибегая к насилию, человек одновременно может утверждать себя среди ближайшего окружения и самоутверждаться.

Хотелось бы подчеркнуть важность самоутверждения, поскольку человек может принять самого себя только в том случае, если он же отвечает требованиям, которые предъявляет себе, если он соответствует некоей модели, часто носящей архетипический характер, которая создана им же как идеал, к которому нужно стремиться. Этим, например, можно объяснить серийные сексуальные убийства, которые совершаются для того, чтобы доказать свой биологический статус и одновременно отомстить женщине, которая ощущается как источник зла.

Утверждение в глазах окружения и в то же время самоутверждение и защита могут иметь место в случае мести. Жажда мести, как справедливо писал Фромм, поддается вполне определенному шкалированию: на одном конце находятся люди, совершенно лишенные мстительных чувств, а на другом — лица с робким накопительным характером, нарциссы высшего ранга, у которых даже малейший ущерб своей персоне вызывает бурю мстительных эмоций. Не будем вместе с тем забывать, что обычай кровной мести на протяжении многих столетий и в самых разных уголках земли поддерживал (во многих странах поддерживает и ныне) общественный поря-

док. Одна угроза кровной мести может предупредить агрессию. В самом уголовном наказании, несмотря на все последующие словесные нагромождения, неизменно присутствует идея мести преступнику наряду с другими элементами реакции на правонарушающее поведение.

Между людьми во все времена могло существовать потенциальное враждебное напряжение, что приводило к постоянному страху и тревоге: потерять свой статус, уважение или просто хорошее отношение окружающих; возникало подозрение в их возможной враждебности, в том числе по причине собственной враждебности. Человек еще очень боялся неудачи и из-за собственной неспособности и несостоятельности, и из-за неадекватной оценки его другими, и даже по причине их непонимания. Потенциальная опасность неудачи часто перевешивает его надежду на достижение успеха. Последний поэтому становится неосуществимой мечтой и иллюзией, и все это в совокупности препятствует формированию чувства самоуважения и самопринятия.

3. *Корысть* тоже может стать мотивом агрессии, когда с помощью насилия пытаются захватить или захватывают чужое имущество, деньги, дома, животных и т.д. Можно корысть понимать и шире, в смысле получения любой выгоды.

Встречаются случаи, когда корысть оказывается лишь внешним, видимым мотивом, а глубинным, смысловым выступает другой, например снятие тревоги за свой социальный статус, защиты своего «Я» в собственных глазах (как у Родиона Раскольников) и таким образом самоутверждение. Корысть может переплетаться с завистью, реже — с ревностью. В целом корысть является одним из самых распространенных мотивов агрессии, из-за нее совершается множество преступлений — грабежи, разбои, бандитские нападения, убийства, причинение вреда здоровью, похищение человека, террористические акты и т.д. Корыстных действий не счесть, но не каждое из них связано с агрессией.

4. *Ревность* — достаточно распространенный мотив агрессии, он проистекает из древнейшего инстинкта живых существ, выражающегося в выборе самцом самки и ненависти и вражды поэтому к другим самцам. За тысячелетия цивилизации отношения к избранной женщине и сопернику стали, конечно, другими. Но во многих случаях то, что привычно представляется ревностью, на самом деле является защитой своего биологического статуса: меня сочли плохим (плохой), поэтому предпочли другого (другую). Вот эта защита своего мужского «Я» ясно видна в действиях Карандышева, застрелившего Ларису Огудалову. Карандышев — мелкий, невзрачный чиновник, а Лариса увлеклась богатым барином Паратовым и предпочла его, тем самым указав Карандышеву на его место. Он не мог это снести.

Ревность как мотив агрессии, разумеется, существует, потому что имеют место ситуации предпочтения, о которых никак нельзя сказать, что был сделан ущемляющий достоинство другого выбор в пользу того или той, что породило соответствующие эмоции. Ревность может быть окрашена и в явные сексуальные тона, она может возникнуть в условиях, когда агрессия в отношении соперника решает вопрос о том, кого женщина назовет своим, наконец, конкурент может просто оставить «поле боя», уйти, сбежать, уступить.

5. *Особое отношение к смерти* — вполне нейтральный мотив, оно может стимулировать художественное творчество, например в музыке и поэзии, вообще творчество, чтобы обеспечить себе бессмертие, в тех же целях оно проявляется в повышенной заботе о подрастающем поколении, прежде всего о своих детях и внуках, в навязывании своего имени улицам, площадям, городам, что так всегда любили диктаторы, в работе в моргах и похоронных учреждениях и т.д. Дать полный перечень внешнего проявления особого отношения к смерти весьма затруднительно. Но надо учитывать, что она может вызывать страх, а страх вызовет потребность приблизить ее в тщетной надежде понять, что она собой представляет. Отсюда мучительство животных, детей и подростков, убийства, в том числе с особой жестокостью, все некрофильские убийства.

Некрофильские влечения, понимаемые в самом широком смысле, включают в себя не только влечение к смерти, поклонение смерти и т.д., но влечения просто к разрушению, вандализм, желание посеять, создать хаос. Некрофил (о некрофилии подробно будет сказано ниже) убивает ради убийства, ради самого убийства или в основном ради него; разрушитель действует так же. И в том и в другом случае мотивом выступает разрушение — самой жизни, строений или произведений искусства, животных, общественного строя и т.д. В таком разрушении человек защищает себя, свое отношение к окружающему миру и одновременно утверждает, а первые успехи на таком опасном пути вселяют в него веру в свои силы и укрепляют решимость идти дальше по тому же пути, пути всеокрушающей ненависти.

Здесь агрессия как изначальное свойство данной личности выступает во всей своей «чистоте». Она как бы предлагает, даже просит: «Смотрите, какая я, пользуйтесь случаем и изучайте меня». Такая «чистая» агрессия проявляется, например, тогда, когда без всяких видимых причин убийца начинает стрелять по толпе, учащийся школы или студент — по своим товарищам. Эта агрессия действительно «чистая» постольку, поскольку к ней не примешиваются корысть, ревность или зависть, либо еще что-нибудь, что могло бы двигать человека.

6. *Месть* — довольно сложный для оценки мотив агрессии. Он может иметь место в действиях человека, который мстит врагу, предположим, за убийство его семьи. Понятно, что он не защищает свою семью, а только движим потребностью наказать тех, кто ее уничтожил, однако он еще защищает архетип семьи. В условиях же войны он может убить не тех, кто виноват в гибели семьи, а тех, других, которые выступают в качестве общего символа врага. В этом и подобных ему случаях такая месть не представляется мне злокачественной агрессией.

Этот и подобные ему другие примеры показывают, насколько сложно подчас отделить злокачественную, аморальную агрессию от одобряемой. Данное сомнение может быть отнесено к дуэли, поскольку здесь возникает вопрос, всегда ли действия дуэлянтов безнравственны, тем более что довольно часто на таком поединке защищается часть.

Не могу не привести несколько поверхностные суждения Фромма по поводу мести. Он писал, что «слабак и калека не имеют другой возможности восстановить разрушенное самоуважение, кроме как отомстить в соответствии с *lex talions* (глаз за глаз, зуб за зуб). Напротив, продуктивно живущий человек совсем или почти совсем не имеет в этом нужды. Даже если его ущемляют, оскорбляют или ранят, он как раз благодаря продуктивности своей жизни забывает о том, что было сделано ему в прошлом. Его способность творить проявляется сильнее, чем его потребность мстить... Зрелый, продуктивный человек в меньшей степени мотивирован жаждой мести, чем невротик, которому тяжело вести полную, независимую жизнь и который часто склоняется к тому, чтобы поставить на карту все свое существование ради мести»¹. Можно подумать, что продуктивно живущий и творческий человек лишен эмоций и у него нет чувства чести, что ему все равно, что о нем подумают окружающие, в том числе родные, если он неотреагирует на оскорбление и унижение.

Современное массовое правосознание вполне признает месть в качестве уважительного мотива преступления; в определенных регионах мира с сильными пережиточными явлениями одобряется и кровная месть. Особой популярностью пользуется месть в таких странах, в которых слабо правосудие и пострадавшая сторона не видит никакой возможности отомстить обидчику и восстановить справедливость с помощью суда. Там же, где правосудие действует быстро и эффективно, где виновный несет адекватное содеянному наказание, и особенно там, где уголовный закон действительно зорко стоит на страже жизни, здоровья, чести и достоинства человека, где виновный не сможет избежать наказания с помощью лов-

¹ См.: Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 23.

кого адвоката или подкупа, где, таким образом, человек чувствует себя защищенным законом и сам уважает закон, там возможности личной мести существенно сужаются, а то и вовсе исчезают.

Как только эти позитивные факторы слабеют, личная и даже кровная месть начинают возрождаться. Все это дает основание предполагать, что социальные факторы, т.е. современное цивилизованное правосудие, загоняют внутрь древнюю и грубую агрессию, но как только такие факторы исчезают, эта агрессия рвется вперед. Речь, таким образом, идет о формах агрессии — современной или древней, но ясно, что она запрограммирована человеческой природой. Самое новейшее правосудие не должно забывать, что во многих потерпевших, особенно воспитанных в традиционных сообществах, может дремать древний и грозный мститель, пробудить которого не так уж и сложно.

Месть в форме личной мести или через суд представляется ее организаторам, исполнителям и некоторым другим лицам, которые к ней причастны, восстановлением справедливости. В уголовном законе России восстановление справедливости объявляется целью наказания. Но месть может быть связана со справедливостью и иным, косвенным способом. Например, давно замечено, что в местах лишения свободы осужденные резко отрицательно относятся к лицам, совершившим преступления против детей. Таких преступников обычно помещают на самую низкую ступень социальной лестницы, издеваются над ними, иногда пытаются и даже убивают. Представляется, что тем самым они защищают архетип ребенка и, по собственному убеждению, восстанавливают социальную справедливость.

Излагая приведенные выше мотивы агрессии, я все время пытался показать их взаимосвязь и переплетение, возможность различения под видимыми мотивами других, глубинных, смысловых. Отмечу также, что здесь названы не все мотивы, а только те, которые, по результатам моих эмпирических изысканий, наиболее значимы и встречаются чаще всего. Еще раз к этой проблеме я вернусь позже, при исследовании других проблем, прежде всего садизма и некрофилии.

1.3. Инстинкты и психологическое нездоровье

Перечень и краткий (даже весьма краткий) анализ мотивов агрессии показывает, что они охватывают наиболее значимые, витальные потребности человека, связанные не только с жизнью во всем ее многообразии, но и со смертью. Иными словами, агрессия нужна, чтобы он решал свои наиболее насущные проблемы бытия, ведь проблема смерти это, в сущности, проблема жизни. Мы должны понять, что агрессия покоится на биологических и социальных факторах и совершенно необходима для жизни. Мы знаем, что личность ведет по

жизни разум, но она часто оказывается не в состоянии контролировать свои влечения, страсти и инстинкты, свои многочисленные страхи. И это при том, что она что-то знает, в том числе очень важное, но и понимает, что знает. Человек живет в вечном раздвоении, в рамках противоречивых и одновременных влечений, которые он не только не может охватить разумом, но и контролировать. Нередко он понимает свое бессилие и видит конечность своего бытия, и это знание способно детерминировать его самую разрушительную агрессию, особенно если опасность реальна и велика, если ее, иначе говоря, можно избежать только с помощью такой агрессии.

Энергия инстинкта смерти не получила специального названия, но предполагается, что в общем она имеет те же свойства, что и либидо, хотя Фрейд и не поясняет этого. Я предлагаю названную энергию именовать *некрофилией*, которая играет одну из ведущих ролей в порождении агрессии. Некрофилия будет исследована отдельно.

Инстинкты и вообще все биологические факторы относительно несамостоятельны в человеке в отличие от животных, а психика в нем действует в рамках определенных биологических (физиологических, организмических) условий. Инстинкты, особенно инстинкт смерти, точнее — страха перед ней, играют значительную роль в агрессии в первую очередь тогда, когда она используется для защиты. Иногда подобная агрессия носит, так сказать, косвенный характер, будучи направлена не на тот объект, который способен причинить смерть, а на другой, чтобы заслужить одобрение первого. Так, в гитлеровских концлагерях агрессия охранников, состоящая из тех же узников, была направлена на других заключенных, чтобы отсрочить собственную гибель, а еще лучше — избежать ее, всячески помогая администрации лагеря смерти.

Существует три вида отношений к смерти на инстинктивном или (и) сознательном либо бессознательном уровнях:

- (1) страх перед ней и отсюда стремление избежать ее, продлить свою жизнь, в том числе на символическом и виртуальном уровне, путем веры в бессмертие души;
- (2) стремление к смерти и отсюда потребность в разрушении, в том числе саморазрушении;
- (3) познавательный интерес к смерти, ее чисто бытовое изучение и научное исследование, познание на религиозном уровне.

Такой интерес тоже может вызвать агрессию, когда, например, подростки убивают человека или животное, чтобы проследить за переходом от жизни к смерти.

Отрицанием жизни является стремление к смерти и разрушению, и это наиболее «чистая» причина злокачественной агрессии, но ни в коем случае человек не охвачен только одним таким стремлением. Даже агрессия может свидетельствовать о его потребности

в жизни, например когда он защищает и утверждает себя, ревнует или, движимый корыстью, стремится к обогащению. Инстинкт смерти следует понимать как ее ощущение и предощущение и как стремление и интерес к ней, которые видны в желании убивать, но особенно этот инстинкт выразителен в потребности избежать ее. Можно предположить, что этот инстинкт, особенно в части ощущения (предощущения) смерти, и желание уйти от неизбежной кончины носят биологический, врожденный характер.

Агрессивными часто становятся люди, которые в силу своих слабых адаптационных возможностей, некомпетентности, неуверенности в своих силах, страха сделать что-то не так полностью подчиняют себя другим, как бы отдают себя им. И если те, другие, прибегают к насилию, то и они участвуют в этом. Так нередко формируются уличные банды и мафиозные группы, охранные фашистские отряды и т.д. В иных случаях подобные дезадаптированные личности становятся агрессорами потому, что, не будучи способны к созиданию, делают насилие формой своей жизненной активности.

Многие домашние тираны как раз из этой породы.

Мы видим, что агрессия может находиться на службе и жизни, и смерти, иногда бывает весьма непросто разделить ее служебные функции в названных аспектах. Однако само понятие *инстинкта* у человека применительно к смерти или жизни следует, очевидно, взять в кавычки как нечто, что не является только биологическим фактором или биологической силой. Ведь этот «инстинкт» и его проявления имеют место в личности, а значит, неизбежно связаны с ее психологией и находятся под влиянием социальных факторов. Этот момент считаю очень важным.

Итак, агрессия помогает решить жизненно важные вопросы человека и улучшить его жизнь в соответствии с его субъективными желаниями и стремлениями. Это означает, что она может служить и любви, так или иначе быть связанной с нею. Но нет оснований утверждать, как это делал Лоренц, что не существует любви без агрессивности.

Лоренц считал, что сегодняшний цивилизованный человек вообще страдает от недостаточной разрядки инстинктивных агрессивных побуждений. Более чем вероятно, что пагубные проявления человеческого агрессивного инстинкта, для объяснения которого Фрейд предположил особый инстинкт смерти, основаны просто-напросто на том, что внутривидовой отбор в далекой древности снабдил человека определенной мерой агрессивности, для которой он не находит адекватного выхода при современной организации общества. Лоренц ссылается на исследования С. Марголина жизни индейцев племени юра в США, который, по мнению Лоренца, выяснил, что люди этого племени якобы тяжело страдают от избытка

агрессивных побуждений, которые им некуда деть в условиях урегулированной жизни сегодняшней индейской резервации. Этот пример Лоренц, как представляется, приводит для того, чтобы доказать более чем древнее происхождение агрессии в ходе человеческого внутривидового отбора. Причем он считает, что внутривидовой отбор и сегодня действует в нежелательном направлении; этот отбор интенсивно поощряет инстинктивную подоплеку накопительства, тщеславия и проч., что подавляет простую порядочность. Нынешняя коммерческая конкуренция грозит вызвать по меньшей мере такую же ужасную гипертрофию упомянутых побуждений, какую у внутривидовой агрессии вызывало военное состязание людей каменного века¹.

Все соображения Фрейда и Лоренца об инстинктивной природе агрессии или инстинкте смерти — не более чем гипотезы, которые эмпирически еще не подтверждены. То, что человек со времен далекой древности снабжен определенной мерой агрессивности, не вызывает сомнений. Но это произошло не только в результате внутривидовой борьбы, но и по другим причинам: человека окружали и многие иные опасности, он, как живое существо, был снабжен поэтому природной агрессивностью. Как ни парадоксально, на этом фоне достаточно много людей, которые совсем не агрессивны, но могут проявлять агрессию, если их заставит жизнь. Это заставляет думать, что агрессия лежит где-то в глубинах их психики, о ней они даже могут не подозревать, она, как можно предположить, носит у них оборонительный характер. Они, конечно, не нуждаются в выходе избытка агрессивных побуждений.

Человечество уже давно нашло различные формы выхода таких побуждений, и можно предположить, что это стало одной из задач цивилизации. Выходом, например, стал спорт, художественное творчество, воинская служба. Если у человека накапливается агрессия, он вполне может снизить ее уровень, наблюдая за сценами насилия по телевидению или участвуя в видеоиграх с агрессивным содержанием. От рождения человек не так уж плох, писал Лоренц, но я бы сказал, что от рождения он ни плох, ни хорош и становится тем или другим в зависимости от внешних социальных влияний. Если у него есть повышенная агрессия, современный мир даст ему возможность реализовать ее в пределах морали и права. Поэтому одна из целей воспитания состоит в том, чтобы научить человека увидеть цивилизованные возможности в рамках упрочения равновесия между вооруженностью и запретом убивать. Разумеется, успешно предупреждать злокачественную агрессию только с помощью моральных и правовых запретов невозможно.

¹ См.: Лоренц К. Указ. соч. С. 240—241.

Выше я уже отмечал, что врожденная агрессивность поэтому сама по себе не может считаться единственной причиной насилия без учета тех социальных условий, в которых жил, воспитывался, формировался данный человек. Именно они должны были научить его сдерживать себя, дать иной, законопослушный выход своим негативным эмоциям, агрессивным устремлениям.

Данных о врожденных, биологически обусловленных причинах в науке мало, к тому же они, как мы увидим ниже, весьма неполны. Так, Д. Майерс приводит результаты исследования А. Рэйна и его коллег, которые в 1998 г. «с помощью сканирования измерили активность мозга убийц, жестокость которых нельзя было объяснить ни беспризорностью, ни насилием, пережитым ими в детском возрасте, и определили количество серого вещества в мозге мужчин, склонных к антисоциальным поступкам. Они нашли, что префронтальная кора, исполняющая функцию аварийного тормоза для участков головного мозга, ответственных за агрессивное поведение, у них на 14% менее активна, чем у нежестоких убийц, а ее объем у лиц, ведущих антисоциальный образ жизни, на 15% меньше, чем у среднестатистического человека». Возможно, считает Майерс, что такая аномалия головного мозга и не создает предрасположенности к насилию, но у некоторых людей она, весьма вероятно, является определенным фактором¹.

Человек осознает свою конечность, прилагая к ней масштаб того, что неподвластно конечности. Бесконечное не может охватываться его сознанием, он не в состоянии это сделать. О бесконечном человек лишь может рассуждать, причем его суждения всегда могут быть оспорены. Его мысли о бесконечном ограничиваются рамками бессмертия. Убивая, он часто пытается понять, что такое смерть и что, следовательно, ждет его в невозвратной стороне.

В начале XXI в. научными сотрудниками Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского были осуществлены ЭЭГ — исследования нейрофизиологических механизмов predisпозиции к гомицидному (агрессивному с убийством) поведению у лиц с органическими психическими расстройствами (А. Киренская-Берус, А.Я. Гавриленко и др.). Данное изучение позволило авторам сделать следующий вывод.

«Predisпозиция к гомицидному поведению определялась главным образом левополушарными нарушениями, проявляющимися, с одной стороны, снижением функционального состояния левой лобной коры и ее контролирующей функции прежде всего по отношению к подкорковым импульсам, исходящим из лимбической системы и, с другой стороны, повышением уровня активации мо-

¹ См.: *Майерс Д.* Социальная психология. С. 447.

торных систем; полученные данные позволяют высказать предположение о важной роли дисфункции дофаминергической модулирующей системы. Выявленные сдвиги можно рассматривать как нейрофизиологическую основу наблюдающихся у таких больных расстройств самосознания и повышенной готовности к непосредственным действиям. Обнаруженные нами особенности ЭЭГ, связанные с нарушениями эмоционально-мотивационной сферы, влияли на механизмы деликта с реализацией в одних случаях ситуативных форм реагирования, в других — искаженных внутренних программ сексуального поведения»¹.

Исследования Рэйна и его коллег, группы исследователей из Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского представляют несомненный интерес для понимания и объяснения агрессии. Однако и в тех и в других имеются весьма существенные недостатки, устранимые, конечно, в ходе дальнейших научных изысканий в этой области: остается неясным, есть ли отмеченные особенности мозга, выявленные теми и другими, у вполне законопослушных граждан. Как представляется, без ответа на этот, по-моему, важнейший вопрос приведенные выше эмпирические данные совсем неполны.

Самостоятельного рассмотрения заслуживает вопрос об агрессии лиц с расстройствами психической деятельности. Этот вопрос частично связан с биологическими проблемами агрессии, поскольку многие психические заболевания и аномалии биологического генеза. Другие же, например травмы черепа на производстве или в случае преступного нападения, чисто социального происхождения, но, конечно, они влияют на организм, который вследствие этого участвует в агрессивном поведении.

Прежде чем высказать свое мнение о роли названных расстройств в агрессии, сделаю два предварительных замечания. Во-первых, психическое нездоровье может иметь место в виде как психических болезней, так и психических аномалий и акцентуаций. Во-вторых, лишь меньшая часть (около 25%) лиц, страдающих расстройствами психической деятельности, признаются невменяемыми. Такие расстройства оказывают существенное влияние на мотивацию агрессии.

Психически нездоровые люди могут быть как агрессивными, так и совершенно пассивными, подчиняемыми, всегда ровно спокойными. Поскольку же нас интересует агрессия среди лиц с расстройствами психики, то можно высказать предположение, что с помощью агрессии они пытаются адаптироваться в социальной среде, которая спонтанно воспринимается ими как враждебная, или,

¹ *Агрессия и психическое здоровье* / Под ред. Т.Б. Дмитриевой и Б.В. Шостаковича. СПб., 2002. С. 349.

во всяком случае, как недружественная или непонятная. Агрессия тогда становится средством самоутверждения и защиты. Иногда агрессия индивидуально детерминируется не названными потребностями, а откровенно сексуальными, и вообще среди личностей с нарушениями психической деятельности заметно преобладают потребности низшего прядка. Сексуальное насилие очень часто совершают, например, лица с врожденным или рано приобретенным недоразвитием интеллекта (олигофренией). Их умственное отставание, неправильная речь, неумение вести себя, весь внешний вид делают невозможным нормальное общение с женщинами и удовлетворение половых потребностей принятым путем.

На агрессивное поведение у обнаруживающих психические расстройства, на формирование такого поведения и реализацию агрессии существенное влияние могут оказывать психопатологические проявления, главным образом актуальный психопатологический синдром. Многие исследователи подчеркивают разную степень опасности психопатологических состояний. Предпринимались попытки построить шкалу опасности психопатологических синдромов, причем она лишь частично повторяла шкалу тяжести и глубины синдромов. При этом указывалось на состояния расстроенного сознания с полной дезорганизацией поведения при сохранности моторных функций — на сумеречные расстройства сознания как наиболее опасные синдромы; наименее опасными сочли астенические проявления. Середину шкалы составляли галлюцинаторно-бредовые, бредовые, аффективные и психопатоподобные синдромы (Г.В. Морозов, Б.В. Шостакович, 1987). Ряд авторов отмечали особую опасность больных шизофренией, не подразделяя их по ведущим синдромам. Так, по данным Р. J. Taylor и J. Gunn (1984), из 2 743 лиц, привлеченных к уголовной ответственности за один год в Лондоне, 8,7% были психически больными, 70% из них страдали шизофренией. Среди совершивших убийство было 11% больных шизофренией, в то время как в населении Большого Лондона шизофрения встречается в 0,1—0,4% случаев. Они подчеркивали частоту таких больных среди убийц и говорили о значительном риске насильственных действий со стороны больных шизофренией. По их данным, невротические и аффективные расстройства среди правонарушителей редки. S. Starnini et al. (1996) проанализировали группу больных, направленных на принудительное лечение после совершения опасных действий, почти половину которых составили убийства и тяжкие телесные повреждения. Они отмечали, что корреляций между диагнозом и опасным действием установить не удалось, однако явная статистическая зависимость существует между бредовыми синдромами и тенденцией к убийствам.

М. Eronen, М.С. Angermeyer, Е. Schulze (1998) отмечали, что само по себе наличие психического расстройства не свидетельствует

об опасности субъекта, в то же время вероятность насильственных действий значительно увеличивается при шизофрении и других психотических расстройствах.

Вместе с тем оценка опасности синдрома сама по себе не является абсолютной. Исследования показывают, что в реализации агрессии при всех синдромальных картинах, кроме расстройств сознания, значительную роль играют преморбидные личностные установки субъекта. В одних случаях они приводят к легкому возникновению агрессивно-насильственного поведения, зачастую даже к повторным, однотипным агрессивным действиям, в других — препятствуют таким поступкам¹.

Значение преморбидных социальных установок в осуществлении преступных действий, в том числе у лиц с психической патологией, отмечалось многими авторами. При этом подчеркивалось, что особое место в формировании опасного поведения психически больных занимают криминальный опыт и судимость в доболезненный период (А.С. Дмитриев, 1975; Ф.В. Кондратьев, 1986; С.Н. Осколкова, 1994; С. Fulwiler, R. Ruthazer, 1999).

Существенную роль в реализации агрессии играет объективно существующая психотравмирующая или, особенно при бредовом поведении, патологически интерпретируемая ситуация (Б.В. Шостакович, 1997). На значение комплекса «синдром — личность — ситуация» и составляющих его факторов в формировании криминального поведения вообще и агрессивного в частности указывал Ф.В. Кондратьев в ряде исследований.

Таким образом, изучение проблемы насильственных действий лиц с психической патологией свидетельствует, что в этом вопросе остается еще много неясного, несмотря на большое число исследований, проведенных в нашей стране и за рубежом².

1.4. Типология агрессии

Давно известно, что типологический подход к научному изучению тех или иных явлений и процессов весьма эффективен, особенно в части их объяснения.

Все это полностью относимо и к исследованию агрессии. Из всех известных науке типологических схем неизменное внимание привлекает типология, предложенная Э. Фроммом. Он четко разделил агрессию на доброкачественную и злокачественную, причем вторая, что совершенно естественно, занимает в его работе основ-

¹ См.: *Агрессия* и психическое здоровье. С. 5.

² См.: Там же. С. 6—7.

ное место. Доброкачественную агрессию он называет биологически адаптивной, используемой для защиты от нападения и угрозы; злокачественная же агрессивность биологически неадаптивна, она не заложена в филогенезе, является спецификой только человека, приносит биологический вред и социальное разрушение. Главные ее проявления — убийство и жестокие истязания — не имеют никакой иной цели, кроме получения удовольствия, однако никаких доказательств относительно этой цели Фромм не приводит, непонятно также, что он понимает под удовольствием. Между тем практика показывает, что очень многие убийства не приносят виновному никакого удовольствия, совершаются по совсем непонятным ему мотивам, часто он сам не ожидает от себя такого поведения.

Фромм проявляет излишний оптимизм, утверждая, что злокачественная доля агрессии, не являясь врожденной (с чем нужно согласиться), не может считаться неискоренимой¹. Пока история человечества не дает нам никаких оснований считать, что убийства и жестокие истязания когда-либо будут искоренены. Общество не должно даже ставить перед собой подобной цели, поскольку такая агрессия имеет место с первых дней существования человека как одна из форм его жизни. Всегда были и будут люди (и группы людей), недовольные собой, своим статусом, тем, что они имеют, и готовые поэтому прибегнуть к агрессии, причем не только к убийствам и жестоким истязаниям, чтобы изменить существующее положение. Для этого очень часто бывает необходимым нарушить, причем очень существенно, права и интересы другого человека. Поскольку названное недовольство имеет место постоянно у разных людей, в разных формах и в разных культурах, повод или причина агрессии оказываются бессмертными.

Злокачественную агрессию устранить из жизни не удастся никогда. Речь может идти только об удержании ее на цивилизованном, т.е. относительно низком уровне. Это вполне реальная цель, ее достижение — одна из важных характеристик цивилизации.

Доброкачественная агрессия может существовать в разных подвидах. Основные из них, если иметь в виду субъектов соответствующей активности:

- (1) государственная — это прежде всего применение принуждения к преступникам, защита страны от врагов;
- (2) общественная — это прежде всего стимулирование общества и населения на борьбу с врагом с помощью защитительной агрессии, а также участие в борьбе с преступностью (задержание преступников, участие в правосудии). То, что я называю доброкачественной агрессией общества, реали-

¹ См.: Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М., 1994. С. 164.

зуется им с помощью общественных организаций и гражданских институтов;

- (3) групповая — это прежде всего группы военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, ведущих борьбу с врагом или преступниками; такая агрессия может исходить и от группы спортсменов, от любой группы, охраняющей свои интересы с помощью агрессии, но в рамках морали и права;
- (4) индивидуальная агрессия, т.е. исходящая от одного человека для защиты своих законных прав и интересов, в том числе от преступников, и на спортивных состязаниях.

Доброкачественная агрессия может реализовываться не только с помощью физических действий, но и психического давления, например запугивания нападающего грядущей карой или ответным применением насилия. Доброкачественная агрессия всегда имеет место в сновидениях или фантазиях, поскольку в этих случаях никому не наносится ущерб. Нельзя, по-моему, называть агрессивной мужскую активность в сексуальных отношениях, за исключением изнасилования и иных противоправных насильственных действий сексуального характера. Доброкачественной агрессией можно было бы назвать художественное творчество, в котором представлена агрессия, однако культивирование в нем агрессии, жестокости, убийств и истязаний может быть признано злокачественным, развращающим зрителя или читателя, особенно молодого. В большинстве великих художественных произведений (в первую очередь в прозе, драматургии, киноискусстве) присутствует агрессия, но лишь эпизодически, ее там не смакуют и не культивируют.

Злокачественная агрессия может проявляться в следующих подвидов, опять-таки если иметь в виду субъектов соответствующей активности:

- (1) государственная — это прежде всего репрессии против общества, населения, политических партий, отдельных лиц или групп людей, пропаганда ненависти и вражды к людям другой расы, нации, вероисповедания, социальной принадлежности, к другим странам; уничтожение врагов «этого» государства; эту агрессию можно назвать тоталитарной;
- (2) общественная — это прежде всего поддержание обществом репрессий государства против несогласных с его политикой, оппозиции, поддержание государственной пропаганды ненависти и вражды к людям другой расы, нации, вероисповедания, социальной принадлежности, к другим странам. Одним словом, поддержка тоталитарной агрессии. Эта поддержка очень важна: ленинско-сталинская и гитлеровская деспотии не могли бы продержаться без общественной поддержки — толпа и человек толпы были на стороне этих деспотий, при-

нимали активное участие в совершаемых ими преступлениях, создавали благоприятное общественное мнение.

Наивно думать, что во всех чудовищных преступлениях, например, германского нацизма, виноват лишь Гитлер и его ближайшее окружение. Нет, в этом повинны и миллионы так называемых простых немцев, которые рукоплескали нацистам, служили в охранных и истребительных отрядах; они несли службу в армии, участвовали в захвате и оккупации других стран, истребляли население и т.д. Вообще без армии гитлеровцы были бы лишь бандой уличных громил.

То же самое можно сказать о поддержке большевистской власти населением России и СССР и различными объединениями, которые ошибочно называли общественными, поскольку они не создавались свободным волеизъявлением людей, а навязывались властью. Это профсоюзы, творческие объединения, различные комитеты и т.д.

Скорее всего, к общественной злокачественной агрессии можно, хотя и несколько условно, отнести и *агрессию толпы*. Она, толпа, характеризует и представляет общество, но, конечно, не является общественной организацией. Мы знаем, что толпа обладает огромным разрушительным потенциалом, — индивидуальная, прежде всего, агрессия против другого человека, индивидуально или в группе, толпе.

Индивидуальная агрессия и агрессивность как черта личности должны привлекать особое внимание. Природа агрессии больше всего представлена в индивиде, все другие ее виды производны от индивидуальной. Такие самые разрушительные формы агрессии, как садизм и некрофилия, проистекают из природы отдельного субъекта. Поэтому знание индивидуальной агрессии — необходимое условие адекватного познания всех других разновидностей агрессии.

Злокачественная агрессия, всегда носящая аморальный характер, должна быть осмыслена в категориях юнгианского учения о *Тени*. Это нужно, чтобы попытаться понять, в какой части психики человека или общества скапливается зло, которое потом приводит к злокачественной агрессии. Для решения такой сложной задачи необходимо, прежде всего, понять, что представляет собой Тень.

Тень — одна из самых важных категорий юнгианской психологии. Между тем в ее понимании среди исследователей нет единства, противоречивые ее толкования давал и сам Юнг. Так, он считал, что она персонифицирует все то, что субъект отказывается признать в самом себе, но что всегда прямо или косвенно навязывается ему, например низшие черты характера и иные несовместимые тенденции. Тень — это скрытая, подавляемая, по большей части отягощенная виной сторона личности, своими корнями уходящая в мир наших животных предков, т.е. включающая в себя весь исторический аспект бессознательного. Ранее считалось, что человеческая Тень — это ис-

точник всего существующего зла. Теперь же на основании тщательно проведенных исследований можно с уверенностью утверждать, писал Юнг, что Тень состоит не только из нравственно предосудительных тенденций, но и из позитивных качеств (нормальные инстинкты, уместные реакции, способность к реалистическому восприятию действительности, творческие порывы и т.д.).

Здесь налицо противоречие: вначале Юнг называет Тенью низшие черты характера, отягощенную виной личность, но затем поправляет сам себя и признает, что она состоит не только из нравственно предосудительных тенденций, но и весьма полезных, позитивных качеств.

В целом же Юнг больше склоняется к тому, что Тень есть отрицательная часть личности. Тень, по Юнгу, является архетипом и представляет собой моральную проблему, бросающую вызов личностному эго в целом, ибо ни один человек не в состоянии осознать свою Тень, не приложив серьезных усилий морального характера. Ее осознание предполагает признание реального присутствия темных аспектов личности. Теневые характеристики — это изъяны, из которых составлена Тень, и они наделены эмоциональной природой и своего рода автономией. Соответственно, им присуще свойство навязчивости, точнее сказать — властного овладения¹.

«Личное бессознательное есть тень и низшая функция, — писал Юнг, — в категориях гностиков — греховность и нечистота, которые должны быть смыты крещением. Коллективное бессознательное выражает себя в мифологических учениях, характерной чертой многих религий «тайны», которые сообщают тайное знание касательно происхождения всех вещей и путей к спасению»².

Здесь Юнг, как мы видим, определенно высказывается о личном бессознательном как Тени и низшей функции. В этом контексте Тень как низшая функция полностью совпадает с личным бессознательным, и если Тень — это низшая функция, то и личное бессознательное — тоже. Подобным образом определять личное бессознательное нет никаких оснований, поскольку в нем хранятся не только вытесненные психотравмирующие впечатления и постыдные влечения, но и (1) то, что не актуально в настоящее время, попросту сейчас не нужно; (2) радостные образы, положительные впечатления, обнадеживающий опыт, которые могут служить источником творчества и дальнейшего личностного совершенствования. Тень занимает лишь часть «багажа» вытесненного личного бессознательного, но весь «багаж» человек при всем желании не может содержать в сознании, для этого у него попросту нет емкостей.

¹ См.: Юнг К.Г. Исследование феноменологии самости. М., 1997. С. 18.

² Юнг К.Г. *Mysterium Conjunctions*. М., 1997. С. 198.

Тень, считал Юнг, есть половина самости как неопишуемой совокупности. Тень, как правило, представляет себя в образе неполноценной или отрицательной личности. Она составляет ту часть коллективного бессознательного, которая вторгается в личностную сферу, образуя там так называемое личное бессознательное. Тень, по сути, образует мост к фигуре анимы, которая лишь отчасти является личностной, а через нее — к безличностным фигурам коллективного бессознательного. Концепция анимы по своей сути интуитивна и вмещает в себя неопределенное количество эго-сознания, тени, анимы и коллективного бессознательного¹. На самом деле Тень не является частью только коллективного бессознательного, которое вторгается в личностную сферу, образуя там так называемое личностное бессознательное. И у коллективного, и у индивидуального бессознательного есть свои собственные Тени, у последнего она образуется вытесненными психотравмирующими переживаниями и неактуальной информацией. Эти собственные Тени способны соединяться.

Юнг говорил о Тени и как о некоем поверхностном слое бессознательного, отмечая, что она в сравнении с сознанием менее уникальна, ибо человек отличается от себе подобных скорее добродетелями, чем пороками. Если исходить из того, что у людей разных времен и культур примерно одни и те же архетипы, то личности должны отличаться друг от друга как добродетелями, так и пороками. Тень не может быть поверхностным слоем бессознательного, напротив, она образует его наиболее глубокий слой, куда субъект вытесняет, сталкивает все для него неприемлемое, порицаемое, отталкивающее. Об этом свидетельствуют клинические исследования отдельных людей, которые чаще всего ничего не знают об этой своей тайной кладовой; на уровне общества наблюдается примерно та же картина.

Тень — это подсознательные желания, несовместимые с социальными стандартами. Это некий низший уровень сознания по отношению к современному обществу, и это некто, кто хочет делать то, чего мы себе уже не позволяем, — мистер Хайд нашего доктора Джекила. Тень — «нижняя», наиболее внутренняя функция человека — неизбежна, и он без нее не может быть.

Если считать, что Тень хранит в себе не только некие низшие, порицаемые влечения и желания, но также нормальные инстинкты и даже творческие порывы, то она окажется такой же, как и остальные части бессознательного. Вот почему следует, на мой взгляд, оставить за ней представление как о хранилище «зла».

Весьма сомнительна принадлежность Тени полностью к коллективному бессознательному. Дело в том, что она формируется на

¹ Юнг К.Г. *Mysterium Conjunctions*. М., 1997. С. 253.

протяжении всей жизни индивида тоже из полученного жизненного опыта при активном участии его индивидуального биологического, его отношения к окружающему миру и самому себе, а также под влиянием свойств либо расстройств (если они есть) психической деятельности и акцентуаций характера. Разумеется, индивид воспринимает при этом различные архетипы, в том числе олицетворяющие зло, негативные, порицаемые ценности. Поэтому следует предположить, что Тень представляет собой некоторую часть и коллективного и индивидуального бессознательного.

Эта часть является источником агрессии и отдельного человека, и группы, и общества.

Признание Тени чем-то худшим в человеке в достаточной мере естественно, поскольку она ассоциируется с чем-то темным, неизвестным, таинственным, пугающим, пробуждает в нас наши детские страхи перед темнотой. Но, став взрослым, человек понимает, что обычная темнота — это не более чем место, где отсутствует свет, хотя, конечно, в ней врагу легче укрыться и внезапно напасть. Страх перед темнотой запрограммирован у человека и способен подавать ему сигналы возможного бедствия.

Психическая энергия индивида может быть блокирована, когда он не находит выхода из данной ситуации либо среда не дает ему такой возможности. Поэтому энергия способна регрессировать, актуализируя интериоризированные образы прошлого. Последние часто соответствуют тому стимулу, который их вызвал: если нынешние трудности (объективные и субъективные) травматичны, они возрождают адекватные переживания из прошлого. В ряде случаев, как показывает клиническая практика, такой перенос, который чаще всего бывает бессознательным, может происходить на символическом уровне. Ситуации, с которыми сталкивается субъект, формируют личностные психические состояния, как бы идущие аналогии в далеком прошлом или желающие дать ему возможность понять, почему он поступает так сейчас. Однако человек, как правило, не способен без посторонней помощи уяснить имеющиеся связи, особенно если прошлый жизненный опыт лежит в рамках Тени либо так или иначе связан с нею. Эта его неспособность возврата обусловлена тем, что для него могут очень болезненными само прошлое и путь в него, в те свои глубинные переживания, которые уже приносили ему страдания.

Если человек слишком прочно схвачен своей Тенью, которая ведет автономное существование, то это может, во-первых, угрожать целостности его личности, и, во-вторых, стимулировать его антиобщественное поведение, при этом постоянно держа в напряжении. Такой человек не способен самостоятельно осознать роль Тени в своей жизни и судьбе, своих внутренних и внешних конфликтах. Она живет в нем в виде архетипических образов, берущих

свое начало в детстве и сохраняющихся в бессознательной сфере. Эти образы — суть его опыта, они рождают желания, влечения, участвуют в определении целей и смыслов, угроз и способов защиты от них, восприятию себя самого и мира в целом. Можно представить Тень в виде пещеры, в которой, как пленник, заключен субъект со всеми своими, с одной стороны, страхами и страданиями, а с другой — постыдными желаниями и влечениями. Кому-то удастся вырваться из пещеры, кто-то же погибает в ней. Хотя социальная и природная среда обязательно участвуют в ее сооружении, она тем не менее обретается всегда внутри личности.

Тень вбирает в себя наше несовершенство, наши низшие влечения, которые несовместимы не только с коллективными и вековыми ценностями, но и с нашими собственными представлениями о них.

Тень тоже хранит в себе вековые представления и установки, которые противоречат ценностям и обычно являют то, из чего произрастает зло. По этой причине она не отражает эфемерность нашей природы, потому что эта природа, а не что-нибудь другое, творит зло. Вот почему Тень составляет одну из центральных структур нашей индивидуальности. Тень может отступать перед персоной, но способна и подчинить ее себе. Проблема не может заключаться в том, чтобы не допустить вытеснения других влечений, тем более что сам процесс вытеснения носит бессознательный характер и не поддается контролю эго. Проблема в том, чтобы такие вытесненные влечения не определяли поведение. Человек не должен лицемерно притворяться, что у него совсем нет порицаемых желаний, а это характерно для групп, относящих себя к аристократам. Личность должна *научиться осознавать в себе наличие зла* как того, что присуще именно ей.

Это требование представляется одним из самых главных, потому что множество несчастий и катастроф происходят по причине того, что люди, ощущающие в себе порицаемые, неприемлемые особенности, приписывают их другим, делая их тем самым объектом агрессии и воспринимая последних уже как обладателей таких особенностей. Поэтому у них исчезает чувство своей вины, она перекладывается на окружающих, которых надо наказать за то, в чем они, собственно, совершенно не виноваты. Это особенно ярко проявляется, например, в террористических преступлениях, во время войн и революций, когда в качестве козлов отпущения выступают случайные люди, на которых совершенно безосновательно перекладывается вина.

Здесь Тень вплотную подходит к персоне, рвется наружу, смешиваясь с групповым нарциссизмом, опасностью которого известна, и определяет поведение. Если козла отпущения ищет и находит группа, а тем более толпа, это, как правило, исключает критичность и индивидуальную ответственность. Сознание человека растворяет-

ся в коллективном движении и коллективной ответственности, он не способен воспринять зло, несчастья и провалы как «свое зло, свои несчастья и провалы», он всегда ищет их причины в других. Этими другими в нашем мире обычно выступают национальные и расовые меньшинства, представители других культур, особенно религиозных, все они становятся жертвами теневых проекций.

Тень и эго можно считать противоположностями только в том случае, если допускать, что последнее представляет собой лишь то, что объективно приемлемо, этично, одобряемо. Однако, как известно, зло вполне может быть осознанно творящим его, но и в этом случае оно, скорее всего, постоянно подпитывается Тенью. Есть основания думать, что Тень формирует глубинные, смысловые уровни мотивации, а это внешние, видимые, предметные. Если человек (или общество) захочет подавить теневые импульсы, то это у него может не получиться, поскольку он недостаточно знаком с содержанием своей Тени и со способами воздействия на нее, если он вообще не понимает, откуда, как и почему у него возникают порицаемые желания и влечения, если она воспринимается как враг или чужой из внешнего мира, а не элемент его собственной личности.

Когда теневая энергия сосредотачивается на других — чужих, также являющихся архетипами, сама Тень становится чуждой частью личности. Она как бы выталкивается из личности, но освободиться от Тени *невозможно*. Поэтому ее энергия будет все время питать поведение, иначе вновь возникнет исчезнувшее, казалось бы, чувство вины, которое опять будет терзать человека и расщеплять его личность. Вот почему всегда так актуальна борьба с противником или с тем, в ком видится противник. Нельзя надеяться на то, что, уничтожив врага, Тень успокоится и личность, обретя уверенность, сольется с идеальными ценностями, — человек, «мучимый» Тенью, все время будет искать новых врагов. Это более чем убедительно продемонстрировали деятели тоталитарного режима в СССР, которые, не останавливаясь, переходили от одного противника к другому. Устранение каждого из них приносило облегчение и удовлетворение и тоталитарному обществу, и отдельным людям.

Толпа и человек толпы не только не осознают наличие у себя Тени, но и не способны сделать это. Чем сильнее бессознательное чувство вины, тем сильнее теневая энергия, и поэтому они с большой жестокостью настойчиво утверждают свои желания, чтобы защититься от этого чувства и соответствовать установкам, которые считаются идеальными. От этого Тень усиливается, а чувство вины ослабевает. Однако вина не исчезает совсем и способна вызывать у личности новые переживания своей неполноценности. Такие переживания и чувство вины толпа и ее человек пытаются вытеснить или хотя бы снизить путем дальнейшего унижения и даже уничто-

жения своих жертв, приписывая им новые пороки и получая, таким образом, самооправдание.

Такое поведение прослеживается в отношении немецких нацистов к евреям и сталинского режима к «врагам народа». Все преступные действия против мнимых врагов оправдывались тем, что они-де хотели погубить отечество, плели коварные заговоры и т.д. и, только избавившись от них, можно решить экономические, политические, нравственные и иные проблемы, превратить свою страну в цветущий сад. Между тем, когда собственные недостатки, хранимые в Тени, переносятся на других, достигается избавление от внутреннего напряжения, но часто такое избавление бывает обманчивым, оно дает лишь временное успокоение. Подобно алкоголикам, постоянно нуждающимся в новых дозах спиртного.

1.5. Агрессия, предусмотренная законом

Отношения между агрессией и законом весьма сложные — неоднозначные и противоречивые. Я имею в виду не только цикл законов уголовного (криминального) профиля — уголовный, уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный законы, но и другие отрасли права, прежде всего административно-деликтную, а также гражданское, жилищное и некоторые другие.

С одной стороны, законы призваны ограждать агрессию необходимыми рамками, не допускать, чтобы она выходила за их пределы. В принципе закон, особенно уголовного профиля, должен основываться на общечеловеческой морали, учитывать обычаи и традиции народа (народов), гуманистические ценности и политические соображения. Достигнутый уровень нравственного развития здесь должен играть первостепенную роль, что, конечно, случается далеко не всегда, в первую очередь в тоталитарных, деспотических странах, в которых законы, прежде всего уголовные, совсем не считаются с моралью и гуманистическими ценностями, тем более общечеловеческими, а обслуживают корыстные интересы элитных групп, охраняя их прерогативы.

С другой стороны, закон предупреждает, даже угрожает человеку, что если он выйдет за рамки дозволенного в своей агрессии, государство на основе закона само применит к нему агрессию: задержит его, отдаст под суд, поместит в тюремное учреждение. Не случайно в криминологии признана профилактическая роль закона, т.е. предполагается, что само его существование должно остановить преступника. Известное суждение, причем не только обывательское, что угроза наказания не удержит человека от преступного шага, — насквозь ложное. Многие преступления не были совершены (в том числе многие жизни спасены) потому, что тот, кто намеревался это сделать, устрасился кары. Когда в сталинскую эпоху на

время законодательно отменили смертную казнь, в гулаговских учреждениях очень часто совершались убийства теми, кто был приговорен к пожизненному лишению свободы. Им нечего было бояться, но стоило только расстрелы вернуть, убийства там сократились.

Некоторые уголовные законы просто дышат ненавистью и злобой, например «Каролина» и российский Уголовный кодекс 1922 г. То же самое можно сказать и об Уголовном кодексе РСФСР 1927 г. В нем даже предусматривается уголовное наказание для совершенно невиновных лиц. Так, ст. 58^{1в} этого кодекса предусматривает, что в случае побега или перелета за границу военнослужащего, совершеннолетние члены его семьи, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет. Но эти законы просто не могли быть другими, учитывая время их существования, его моральные ценности и режимы, которые их создали. Однако именно они в числе других обеспечивали должное функционирование систем, которые были призваны охранять и укреплять. Без них то общество попросту не смогло бы существовать. Конечно, кровожадность, например, большевистских законов отражала и личность их создателей. Но в целом они были подсистемой той системы, которая нуждалась в жесткости и жестокости.

Вместе с тем вся социальная система и такая ее подсистема, как уголовный закон (а также уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный), не могли не испытать на себе внешние воздействия. Ими могли быть влияния цивилизованного мира, но коммунистические уголовные законы держались очень долго, никак не смягчая своей свирепости, потом понемногу стали рассыпаться, окончательно после 1991 г. в России. Впрочем, значение уголовных законов времен Ленина и Сталина не следует преувеличивать, поскольку многие кровавые расправы учинялись совершенно вне каких-либо законов.

Нельзя не согласиться с Г.В. Мальцевым, что требовать что-либо по праву можно лишь тогда, когда властная воля имеет реальную возможность обязать подчиненную волю в любом случае выполнить требование, если даже для этого надо применить принуждение. Юридическая норма авторитарна, опирается на насилие, предполагает наличие принудительной силы государства — такова хрестоматийная «истина» о праве. Она не может быть поставлена под сомнение, ее трудно оспорить по существу, хотя ее неточности очевидны¹.

Гарантом реальности и эффективности права является государственная власть, готовая заставить выполнять требования закона и путем принуждения. Это как раз и отличает правовые нормы от

¹ См.: *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007. С. 557.

моральных, хотя необходимо отметить, что последние, обусловленные традициями и обычаями, во многих случаях тоже исполняются под угрозой принуждения или под принуждением непосредственно. Определенная авторитарность закона и угроза наказания за его нарушение вовсе не гарантируют, как известно, подчинение его требованиям, что мы особенно наглядно видим в нашей стране, причем представителями всех без исключения слоев населения. Как легальное, так и неформальное принуждение являются видами агрессии. Только государство обладает монополией применять легальное принуждение, но, как мы убеждаемся каждодневно, даже если норма закона полностью совпадает с моральными представлениями, общечеловеческими ценностями, это не гарантирует ее исполнения. Для этого индивид должен полностью быть солидарным с нормой и включить ее в свою совесть. Такой личности не обязательно обращать внимание на санкцию за неисполнение нормы.

Мальцев справедливо указывает на то, что высшая миссия и долг законодателя состоят в том, чтобы вводить или усиливать внешнее регулирование там, где внутренние ресурсы саморегулирующейся системы оказываются недостаточными для поддержания обычного уровня порядка. Если государство пытаются «ставить на место», говорят: «сюда не вмешиваться, это не твое дело», важно разобраться, кто это говорит, какими мотивами руководствуется. Современный этап развития цивилизованных обществ, характеризующийся развитием множества процессов, вышедших из-под разумного контроля, объективно нуждается в расширении границ правового регулирования, осуществляемого государством.

Сегодня, по мнению Мальцева, возрастает потребность в праве, государство вынуждено все чаще прибегать к закону, создавать системно действующие правовые институты там, где оно раньше обходилось спорадическими и поверхностными воздействиями¹.

Несомненно, что есть сферы жизни, нуждающиеся в правовом регулировании. Но представляется, что человечество должно идти не по пути усиления и расширения государственного правового регулирования, а *саморегулирования*, особенно в таких чувствительных областях, как искусство (театр, кино и т.д.) и личная жизнь. Опасность расширения присутствия права заключается в том, что его нарушение способно повлечь за собой принудительные меры или даже санкции, пусть и административные или гражданско-правовые. Это не кафкианский ужас перед государством, а предостережение от возможного ущемления прав человека. Особенно опасно это в России, еще далеко не освободившейся от советского прошлого, где многие люди жаждут привычного патернализма. Впрочем, найти золотую середину между саморегулированием и государственным

¹ См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права. С. 33—34.

попечением очень трудно. Видимо, там, где первое в течение длительного времени и после многих усилий осталось неэффективным, вмешательство государства окажется полезным.

Норма закона нарушается и угроза наказания реализуется в случае аномии. Согласно Р. Мак-Иверу, *аномия* означает состояние ума человека, у которого подорваны корни морали, нет больше каких-либо норм, но только несвязные побуждения, у которого нет больше каких-либо представлений о целостности, о народе и долге. Аномичный человек становится духовно стерильным, ответственным только перед собой и не перед кем более. Его единственная вера — философия отрицания, а аномия является состоянием ума, в котором человеческое восприятие социальной сплоченности разрушено или фатально ослаблено¹.

Р. Мертон, значительно развивший теорию аномии, различал простую и острую аномию. Простая относится к состоянию нарушения порядка в группе или обществе, в которых между системами ценностей происходят конфликты, проявляющиеся в некоторой степени беспокойства и ощущении разобщенности с группой. Острая аномия относится к девальвации и в крайнем случае к дезинтеграции системы ценностей, которая проявляется в значительной тревоге².

Мы видим, что аномия может относиться как к отдельной личности, так и к группе или обществу. Аномичный человек скорее решится на нарушение закона, не в полной мере понимая в связи с этим свою ответственность перед группой, покаяние такого лица ожидать трудно, а скорее всего, вообще не следует. Закон с суровыми санкциями адресован неопределенно большому кругу людей, но, условно говоря, в первую очередь к тем, кто его скорее всего нарушит. Нельзя забывать, что закон выполняет и коммуникативные функции, которые, конечно, отнюдь не сводятся к наведению страха или появлению иных эмоций, в том числе вполне общественно приемлемых.

Разумеется, здесь не место исследовать причины нарушения закона — это совершенно иная тема, к тому же исключительно сложная. Я остановился на аномии только потому, что это одна из наиболее распространенных причин правонарушений, причем не только в нашей стране, но и во всем мире. Что касается нашей страны, то ее исследуют очень редко, о чем можно только сожалеть.

Норма права как бы задает программу поведения, в том числе путем устрашения. В этом, несомненно, есть элемент государственного управления общественными отношениями. Поэтому можно сказать (вслед за Мальцевым), что норма права обладает форми-

¹ Цит. по: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 283.

² Цит. по: Там же. С. 284.

рующим воздействием на указанные отношения, в результате которого регулируемая система перестраивается, изменяется, в ней появляются новые элементы, внутренние и внешние связи. Если взять, например, Уголовный кодекс России, то в той его части, где устанавливается ответственность за преступления против жизни, возможно, конечно, появление новых норм, но особенно много их бывает в тех разделах кодекса, где регулируется ответственность за преступления в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка.

Устройство норм «уголовного» закона (сюда условно можно включить уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный законы) призвано обеспечить эффективность правового регулирования, достижение целей, которые ставят перед собой государство и общество в деле профилактики правонарушений. Правда, очень трудно подсчитать, каков профилактический эффект от только наличия такого закона, его норм. В цивилизованной стране снижение уровня правонарушений зависит не столько от ужесточения санкций, сколько от улучшения жизни людей, материальных и духовных условий их существования. Поэтому стоит возразить как против избыточности, так и недостаточности норм права, призванных остановить человека, замышляющего нарушение закона. Он наряду с устрашением, где это необходимо, должен содержать и нормы поощрительного характера, способствующие профилактике и предотвращению правонарушений.

В науке уголовного права признано, что каждый человек может подвергаться только тем ограничениям, которые установлены законом исключительно в интересах обеспечения прав других людей, требований морали и общественного порядка. *Принуждение* к поведению, не соответствующему стремлениям данного лица, допустимо, если только это прямо разрешено или предписано законом (например, взятие под стражу). В Общей части Уголовного кодекса РФ принуждение имеет статус самостоятельного обстоятельства, либо обстоятельства, смягчающего или отягчающего наказание. В Особенной же части принуждение выступает в качестве преступного поведения и способа его реализации. В том и другом случаях принуждение является агрессией, поощряемой или наказуемой.

Принуждение широко используется в уголовном процессе. Отечественный уголовный кодекс предусматривает различные меры принуждения: задержание, арест и др., наложение ареста на имущество, временное отстранение от должности, денежное взыскание, привод свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого.

Меры принуждения применяются и в рамках Уголовно-процессуального кодекса РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ (например, осужденные в местах лишения свободы за нарушение

ние установленного порядка могут быть помещены в штрафной изолятор, помещение камерного типа, одиночную камеру; в колониях-поселениях могут применяться взыскания в виде отмены права проживания вне общежития и запрещение выхода за пределы общежития в свободное от работы время). В местах лишения свободы действуют и другие нормы, запрещающие какие-то действия, например употребление спиртных напитков. Осужденные должны подчиняться правилам, установленным в исправительных учреждениях. Все перечисленные меры принуждают, реализуются принудительно, следовательно, являются агрессией — доброкачественной.

Между тем ни в одном кодексе «криминального» профиля мы не найдем этот термин — «агрессия», нет его и в научных трудах по уголовному праву, уголовно-процессуальному праву или уголовно-исполнительному, нет его и в административном праве. Это, очевидно, традиция, идущая от советских времен, когда не допускалось, что государство может быть агрессивным по отношению к человеку. Понятие «принуждение» звучит совершенно иначе.

Под принуждением, предписанным законом, следует понимать целенаправленное агрессивное воздействие, совершаемое в интересах государства одним или несколькими лицами путем подавления, подчинения другого (других) для того, чтобы заставить действовать определенным образом, предписанным нормой. Принуждение как агрессия предполагает существование двух сторон, причем одна из них или обе могут быть представлены группами, например при задержании (захвате) преступников полицейскими. Обе стороны здесь могут действовать агрессивно, преследуя свои цели.

Принуждение надо отличать от другого вида агрессии — *понуждения*, которое представляет собой психическое воздействие без применения физической силы. Понуждение может быть достаточно сильным, но оно, как и принуждение, является видом агрессии. Понуждение применяется, например, в рамках уголовного дела при приводе; если понуждение сопровождается угрозами и иными грубыми давлениями на психику, это должно расцениваться как психическое принуждение.

Санкция и ее последствия при нарушении нормы закона есть сердцевина, средоточие агрессии государства в отношении виновных.

Агрессия, заключенная в законе, и агрессия, предписываемая законом, являются составной частью уголовной политики государства, отчасти карательной, отчасти профилактической. Соответствующие нормы направлены не только на общее оздоровление общественной жизни, но и непосредственно адресованы внушающим опасения лицам в целях их обезвреживания. И тот, и другой вид агрессии, заключенной в законе, представляют собой одну из охранительных функций государства.

Сильнее всего, как отмечалось, призваны действовать нормы уголовного права, точнее — их санкции. Величина последних, согласно общему правилу, зависит от степени общественной опасности деяния, которое должно повлечь за собой наказание. Общественная же опасность определяется нравственными ценностями данного общества или общемировыми, в недавнем прошлом — духовными, религиозными, которые, впрочем, и сейчас остаются актуальными для стран, почти застывших в своем историческом развитии. Однако нравственные (равно как и духовные) ценности не всегда могут быть ясными и пользующимися всеобщим признанием даже в самом передовом обществе. Отсюда спорность самой агрессии, заключенной в законе, т.е. того, насколько она *справедлива*. Для себя лично вопрос о справедливости мы решаем, опираясь на те нравственные нормы, которые нам раскрывает наша совесть. Однако и самые, казалось бы, признаваемые всеми моральные нормы, могут отчасти не разделяться: например, убийство при определенных обстоятельствах, тем не менее не учитываемых законом, некоторыми людьми может расцениваться как вполне справедливое. Отсюда и наказание, причем любве, может расцениваться как несправедливое.

Следует учитывать, что агрессивность некоторых норм закона может быть усилена, даже значительно, не злой волей или жестокостью государства, в первую очередь тоталитарного, а субъективными факторами, недальновидностью, непрофессионализмом создателей соответствующих норм закона. Такое усиление может иметь самые негативные последствия, поскольку будет восприниматься как несправедливое, а агрессия, заключенная в нем, — излишней и вредной. Множество подобных законодательных ошибок грозит перейти в некое новое качество закона, при котором, фактически перерождаясь, он начинает выполнять несвойственную ему роль только источника репрессий. Тем самым такой закон рискует быть объектом агрессии со стороны общества или отдельных групп.

Конечно, наличие примеров излишней агрессии в уголовном законе можно списать на недостаточное качество законопроектной и в целом законотворческой деятельности, на обезнаучивание процессов подготовки и принятия законов, на отсутствие в стране взвешенной и цельной концепции развития, особенно уголовного законодательства и концепции уголовной политики. Однако все это не снимает вопроса о том, что реальное функционирование таких агрессивных уголовно-правовых норм с необходимостью порождает соответствующее отношение к ним.

Думается, что создатели сверхагрессивных законов не всегда рассчитывали сознательно на придание им такого качества, что оно является побочным продуктом некачественного нормотворчества и будет исчезать по мере улучшения законодательного процесса в

сфере в первую очередь права. Надежным барьером на пути проникновения сверхагрессивных норм в уголовное право должны стать демократизация общества, усиление контроля за принимаемыми законами со стороны институтов гражданского общества, планомерное и полное соблюдение разработанных доктриной принципов и правил криминализации и пенализации общественно опасных деяний, усиление роли науки в подготовке законов.

Исполнение наказания в виде лишения свободы в большинстве случаев приносит страдание и может вызывать острые реакции, в том числе в форме агрессии. Пребывание в тюремном учреждении может восприниматься «спокойно» людьми, которые воспринимают лишение свободы как наиболее подходящие для них условия жизни — они бегут от свободы. Чаще всего это пожилые люди, давно утратившие всякие связи с семьей, одинокие и больные. Но есть и вполне молодые и здоровые, которые, повторяю, бегут от свободы, которым привычнее и легче жить с такими же, как и они, в рамках одной субкультуры.

Лишенные свободы по большей части агрессивны к другим преступникам, поскольку в условиях тюрьмы надо оберегать все те скудные дары, которыми их оделяет государство и, в частности, их родные. В своей массе они агрессивны и по отношению к обществу, они как бы говорят ему: «Да, мы такие, нас упрятали за решетку, но не смейте отрицать, что мы тоже люди!»

Исполнение любого уголовного наказания не должно унижать наказуемого, оскорблять его человеческое достоинство. Но это бывает трудно сделать, обеспечив ему должное, по закону, отношение со стороны других осужденных. Они, конечно, не исполняют приговор суда, но он исполняется при их участии. Если преступление сверхагрессивно и, если можно так выразиться, сверхаморально, например убийство ребенка, осужденного за это другие преступники будут преследовать, унижать и оскорблять весь срок его пребывания в местах лишения свободы. Статус униженного останется за ним и после освобождения из мест лишения свободы. Я наблюдал в исправительных учреждениях, что даже должностные лица не могли сдерживать гнев и презрение по отношению к таким лицам.

В одной исправительной колонии одной из центральных российских областей еще в советское время начала отбывать наказание осужденная, которая отрубила топором все кисти рук двум малолетним детям своей соперницы. Суд назначил ей максимальный срок лишения свободы. Я спросил начальника колонии, собирается ли он как-то защитить жизнь этой преступницы, на что он ответил категорическим отказом. Понимаю, что я не прав, но с ним согласен.

Таким образом, агрессивность уголовного закона и агрессивность других законов, обеспечивающих его исполнение, является

исходной точкой по существу замкнутого круга агрессии. Отдельные люди, в том числе должностные лица правосудия, во всяком случае до окончания служебной деятельности находятся в кольце агрессии. Некоторые из них, к сожалению, и в кольце ненависти способны порождать новые акты агрессии. В этом нет ничего нового, так было со времен каменного топора, но уже давно втиснуто в рамки закона, нередко аморального. Однако, если закон и вполне морален, агрессия практически неизбежна.

Какими наивными теперь представляются прекраснородушные рассуждения о наказании совсем недавнего прошлого, когда ученые писали совсем не то, в чем были убеждены. Например. «Только в условиях социалистической действительности, в ходе практического осуществления исправительно-трудовой политики в нашей стране и в других социалистических государствах появилась возможность говорить о перспективах замены наказания мерами общественного воздействия и воспитания как об одной из основных практических задач, поставленных Программой КПСС перед советской уголовной и исправительно-трудовой политикой на период строительства коммунизма.

В перспективе динамика той замены будет такова:

- (а) прежде всего и раньше всего, но постепенно, будет происходить замена лишения свободы, как наиболее сурового наказания, менее суровыми наказаниями, не связанными с лишением свободы, но соединяемыми с исправительно-трудовым воздействием на осужденных со стороны государства при участии общественности;
- (б) затем, со временем, на смену наказаниям, соединяемым с исправительно-трудовым воздействием на осужденных, придут наказания, соединяемые с процессом общественного воздействия и воспитания, главенствующую роль в котором будет уже играть не государство, а общественность;
- (в) наконец, в условиях развитого коммунистического общества применение и этих наказаний прекратится, они отомрут, а в отношении лиц, которые будут допускать «эксцессы», нарушать порядок в коммунистическом обществе, будет осуществляться процесс общественного воздействия и воспитания, сочетающий в себе воспитательные мероприятия с применением ряда мер общественного принуждения»¹.

¹ Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. С. 379.

2

Агрессия в религиозных представлениях и церковной практике

2.1. Агрессия «небесных» (божественных) персонажей против мифических сил и людей

Поскольку человек создал своих богов, духов и иные божественные персонажи по образу и подобию своему, он щедро наградил их не только своими добродетелями, но и всеми своими же недостатками: агрессивностью, свирепостью и жестокостью, нетерпимостью, коварством и мстительностью. Насылая на землю несчастья и бедствия, боги крушили всех — и правых и виноватых, потому что и люди поступали так же, когда, например, захватывали чужие города и страны.

Учитывая эту важную особенность своих божеств, люди ждали от них не только защиты и помощи, но и злой кары. Так, согласно представлениям народа венда (бантуязычное племя в Северном Трансваале) верховный бог Ралувимба иногда гневается на вождя и мстит людям, насылая на них засуху или наводнение; порой он проделывает в небесах огромное отверстие и насыляет на землю рой саранчи¹.

Кришна так сказал о себе:
«Время Я — мира вечный губитель.
Весь этот люд Я решил уничтожить.
В битву ты вступишь иль битву покинешь,
Воинам этим пощады не будет»².

Заратуштра учил о том, «который подает спасение или гибель живущим, жившим или будущим: Душа праведного вознаграждает-

¹ Элиаде М. Священные тексты народов мира. М., 1998. С. 18.

² См.: Там же. С. 52.

ся Бессмертием, Вечные пытки — негодяю. Эти муки тоже сотворил Мудрый Владыка своею Властью»¹.

Широко известен библейский миф о всемирном потопе, которым Яхве наказал людей: «Но земля растлилась перед лицом Божиим и наполнилась земля злодеяниями. И воззрел Бог на землю, и вот она растленна... конец всякой плоти пришел пред лицо Мое... (Быт., 6:11—13).

Такие мифы имеются у многих народов мира как реакция богов на прегрешения людей. Дж. Фрезер полагал, что подобного рода предания представляют собой не что иное, как преувеличенное описание наводнений, которые фактически имели место. Можно добавить к этому предположение о коллективном покаянии при всем том, что человек представляет себе воду как нечто, что очищает его, смывая грехи.

Аборигены Юго-Восточной Австралии полагают, что в небесах есть высшее существо, называемое Мунган-нгауа, «Отец всех нас». Давным-давно он жил на земле и обучил предков всем элементам культуры; он же основал секретные обряды посвящения, и его женатый сын, Тундум, впервые исполнил их. Но предатель раскрыл таинства посвящения женщинам. В гневе Мунган-нгауа вызвал космический катаклизм, в результате которого погиб почти весь род человеческий; вскоре после этого он поднялся на небо. Его сын и жена сына были обращены в дельфинов»².

У других австралийских племен тоже имеется учение о Великом Боге, создателе и производителе всех вещей, хранителе племенной морали. Именно о нем рассказывает легенда: в прежние времена, когда люди забыли о добрых нравах, он наслал на них пожар и потоп, чтобы наказать³. Племя унгариньин верит, что их бог и культурный герой, обитающий на небесах, посылает духов на землю выяснять, соблюдают ли люди те правила, которые он установил. Если нет, пошлет потоп⁴. В племенах, где «создание знахаря» включает ритуальное убийство, сверхъестественные существа или их представители проделывают определенные операции над безжизненным телом кандидата; они удаляют его внутренности и вводят в тело священные субстанции, кварц или перламутровые раковины; претендент возвращается к жизни другим человеком⁵. Надо полагать, что удаление внутренностей и введение в тело священных субстанций носит чисто символический или в основном символический характер, иначе кандидат не смог бы возвратиться к жизни.

¹ См.: *Элиаде*. Священные тексты народов мира. С. 75.

² См.: *Фрезер Д.Д.* Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985. С. 158.

³ См.: *Элиаде М.* Религии Австралии. СПб., 1998. С. 31.

⁴ См.: Там же. С. 54.

⁵ См.: Там же. С. 128.

В эпосе древних вавилонян о Гильгамеше (он на две трети бог, на одну — человек) рассказывается, что его неразлучный друг Энкиду был убит богиней Иштар за то, что Гильгамеш отказался разделить с ней ложе.

Греческий Уран был необыкновенно плодовит, но эта его плодovitость была очень опасна, поскольку произведенные им на свет существа были чудовищами. Возненавидев их с первого же взгляда, Уран прятал это свое потомство в теле Земли, которая стонала в страшных муках. Подстрекаемый Геей, Кронос, последний в его потомстве, улучил момент, отсек у отца детородный орган и бросил его в море. Оскопление Урана кладет конец его омерзительной и бессмысленной плодovitости, т.е. хаосу, который всегда страшил людей. В то же время в оскоплении Урана можно предположить стремление человека воздействовать на богов, блокировать их возможности насылать несчастья на землю.

Боги, как и их создатели, — люди, достаточно часто прибегали к убийствам. Так, согласно египетскому мифу, бог Осирис был и царем, чье правление славилось мощью и справедливостью. Его брат Сет устроил ему западню и убил его. Жене Осириса Исиде, «великой волшебнице», удалось забеременеть от мертвого Осириса. Похоронив его тело, она бежала в Дельту; там, скрывшись в зарослях папируса, она родила сына Гора. Когда Гор вырос, он напал на своего дядю, и сначала Сету удалось вырвать у Гора один глаз, но борьба закончилась победой Гора. Он вернул свой глаз и передал его Осирису. Так Осирис снова ожил.

Между богами, как и между людьми, наблюдается постоянное соперничество за власть. Хуррито-хеттская мифология рассказывает об отце богов Кумарби. Но вначале царем на небесах был Алалу, и Ану, самый значительный из богов, склонялся перед ним и служил ему. Спустя же девять лет Ану напал на него и одержал победу. Тогда Алалу бежал в подземный мир, и Кумарби стал новым слугой. Прошло девять лет, и Кумарби в свою очередь напал на Ану. Спасаясь бегством, Ану взлетел на небо, но Кумарби преследовал его, схватил за ногу и, откусив его половой орган, швырнул на землю. Поскольку он смеялся и ликовал, Ану сообщил ему, что он забеременел. Кумарби выплюнул то, что у него оставалось во рту, но часть семени Ану вошла в его тело, и он разрешился от бремени тремя богами¹.

Тема борьбы молодых богов против старых присутствует и в других мифологиях. Чаще всего в них оправдывается позиция победившего бога и объясняется этим существующее состояние человечества.

¹ См.: *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. Т. I: От каменного века до элевсинских мистерий. М., 2008. С. 184.

Незадолго до конца IV в. до н.э. в Палестине появилась новая цивилизация — цивилизация бронзового века: она обозначила первое утверждение семитов. Историки называют их, как в Библии, хананеями, оговаривая при этом, что название — чисто условное. Богиня этого народа Анат устроила пир в честь бога Баала. Вскоре после этого богиня запирает дворец и, впав в убийственную ярость, начинает умерщвлять стражу, солдат, стариков; по колено в крови, она окружает себя головами и руками своих жертв. Этот эпизод значителен, обращает внимание Элиаде. Кровавая бойня и каннибализм — характерные черты архаических богинь плодородия. С этой точки зрения миф об Анат может быть отнесен к элементам, общим для древней земледельческой цивилизации, которая простиралась от Восточного Средиземноморья до долины Ганга. В другом эпизоде Анат угрожает своему отцу Илу: она обагрит его голову и бороду кровью. Обнаружив безжизненное тело Баала, Анат начала горько стенать, поедая его мясо без ножа и выпивая его кровь без чашки¹.

Анат очень близка индийской богине Кали, выступающей в качестве грозного, губительного аспекта божественной энергии Шивы. Кали черного цвета, одета в шкуру пантеры, вокруг ее шеи — ожерелье из черепов; в двух из четырех своих рук она держит отрубленные головы, в двух других — меч и жертвенный нож; из ее широко разинутого рта свисает длинный язык, окрашенный кровью ее жертв.

Тема *каннибализма* (Анат, Кали) — сквозная для многих мифологий мира, и она определяется соответствующей практикой. Потребление сырого человеческого мяса характерно для самых низших ступеней истории. Каннибалами были даже греческие боги, что запечатлено и в фольклоре. Интересно, что в один синонимический ряд попадают мотивы каннибализма и мотивы инцеста. *Инцест*, который на определенной стадии развития человечества был строжайше запрещен, продолжал жить в мифологии, в том числе иудеохристианской: то, что люди запрещали себе, они охотно разрешали божествам. Иными словами, они все-таки допускали его, хотя бы в мифах и легендах погружались в это, по-видимому, весьма желаемое действие, хотя и табуированное. Эдип ослепил себя, когда узнал, что убил своего отца и спал со своей матерью, но он, конечно, счастливое исключение человека, имеющего совесть.

Неоспоримый и безусловный иудаистский, а затем и христианский владыка Яхве единственной мерой своего гнева или милости делает только свою волю. Ничто не в силах ограничить ее, и при всей бесконечной благости этого бога только он хозяин и своего

¹ См.: *Элиаде М.* Указ. соч. С. 194—195.

слова, и всех людей, сохраняет свою абсолютную свободу, в том числе творить зло.

Так, чтобы проверить, насколько Авраам предан ему, Яхве потребовал у него, чтобы он принес ему в жертву своего любимого сына Исаака. Авраам, хотя и страдал, но проявил полное послушание, чем вызвал неподдельный восторг у С. Кьеркегора¹. Потом, правда, Яхве заменил Исаака овцой.

Авраам чувствовал себя неразрывно связанным с Яхве, обязательным подчиняться ему во всем — он был просто рабом своего бога. Он не понимал смысла деяния, которое требовал от него Яхве, нисколько не сомневаясь в его святости, совершенстве и всемогуществе. Между тем такое отношение к небесному владыке дало возможность еврейскому народу консолидироваться и устоять перед всеми испытаниями, которые обрушила на него история. Конечно, подражателей Авраама несложно найти в любой религиозной культуре, но уже давно только им их деяния представляются священными, а остальным — преступными. Подражателей Авраама немало, например, среди современных мусульман: я имею в виду некоторых арабских отцов и матерей, которые фактически одобряют самоубийственные террористические «подвиги» своих детей, а после их гибели принимают поздравления.

Предельно сурово обошелся Яхве с Иовом — опять-таки в целях проверки истинности веры в него. Всеблагодой убил всех детей Иова, уничтожил все его имущество, наслал на него проказу. Обстоятельно комментируя события «Книги Иова», К.Г. Юнг отмечает, что Иов не в состоянии отказаться от веры в божью праведность. Однако вынужден признаться себе также и в том, что несправедливость и насилие чинит над ним не кто иной, как именно сам же Яхве. Он не может отрицать, что перед ним такой бог, которому нет дела до моральных суждений и который соответственно не признает никакой обязательной для себя этики. Бог находится в противоречии с самим собой, и притом столь полно, что он, Иов, уверен в возможности найти в нем помощника и заступника против него же самого². При этом, рассуждает далее Юнг, отягчающим обстоятельством является то, что Яхве демонстрирует не понимание, сожаление или сострадание, а лишь беспощадность и лютый нрав.

¹ См.: «И он стоял там, старец, с единственной своей надеждой! Однако он не усомнился, он не озирался в страхе направо и налево, он не бросал вызов небесам в своих молитвах. Он знал, что сам Господь Всемогущий испытывал его, он знал, что это была самая тяжкая жертва, которую от него можно было потребовать; но он знал также, что ни одна жертва не бывает слишком тяжела, когда ее требует Господь, — и он занес нож» (*Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993. С. 27*).

² См.: *Юнг К.Г. Ответ Иову. М., 1995. С. 119*.

Яхве вопиющим образом нарушил по меньшей мере три заповеди из тех, что он сам же обнарудовал на Синае¹.

М.И. Рижский, справедливо называя «Книгу Иова» великой, в то же время отмечает, что мало кто из современников и соплеменников автора этого произведения мог разделить с ним столь явно выраженный в его книге религиозный скептицизм и богоборчество. Народу Иов с его «Бог дал и Бог взял, да будет имя Яхве благословенно» был намного ближе и понятнее, чем Иов, гордо восставший против бога в философской дискуссии².

Конечно, такой Иов его современникам был понятнее, но как раз эти современники и создали такого бога. Сама логика их жизни требовала его заменить, и они его заменили на любящего и прощающего Христа.

Яхве насылал на людей наводнения и другие стихийные бедствия, эпидемии и пожары, иные бедствия. Он так часто угрожал им, что нет никакой возможности привести все его проклятия и угрозы. Приведу лишь некоторые.

«Вдов у меня более, нежели песку в море; наведу на них, на матерей юношей, опустошителя в полдень; нападет на них внезапно страх и ужас» (Иер, 15:8).

«Разорю высоты ваши, и разрушу столбы ваши, и повергну трупы ваши на обломки идолов ваших, и возгнушается душа Моя вами. Города ваши сделаю пустынею, и опустошу чистилища ваши, и не буду обонять приятного благоухания жертв ваших. Опустошу землю вашу, так что изумятся о ней враги ваши, поселившиеся на ней. А вас рассею между народами, и обнажу вслед вас меч, и будет земля ваша пуста и города ваши разрушены» (Лев., 26:30—33).

Может создаться впечатление, что христианство все-таки не смогло преодолеть общие установки иудаизма по части жестокого насилия, поскольку в Новый Завет включено Откровение святого Иоанна Богослова (Апокалипсис). Эта книга давно стала синонимом безжалостной агрессии и непримиримости, и на первый взгляд вызывает удивление, что она включена в число христианских священных текстов. Между тем в Апокалипсисе Христос упоминается только в самом начале, в главе I, его сподвижники — ни разу. Непонятно, какой бог — Яхве или Иисус — учиняет все имеющиеся в книге жесточайшие акты агрессии или во имя какого именно небесного владыки они реализуются.

¹ См.: Юнг К.Г. Указ. соч. С. 127.

² См.: Рижский М.И. Библиейские вольнодумцы. М., 1992. С. 105—106.

Но даже если имя Христа упоминалось бы в Апокалипсисе постоянно, это произведение все-таки нельзя, по-моему, отнести к числу христианских: оно резко выделяется среди всех книг Нового Завета. Эта книга скорее иудаистская, чем христианская. По-видимому, она включена в христианские священные тексты, чтобы всемерно содействовать укреплению новой религии, причем самым проверенным в иудаизме способом — путем устрашения.

Вообще апокалиптические идеи ни в коем случае не являются глубоко христианскими. Более того, никакие другие течения иудаистской религиозной мысли не заимствовали так много идей эллинского Востока, как апокалиптические. Но вряд ли будет преувеличением утверждение, что Апокалипсис, помещенный в Новый Завет, самый жестокий.

Отмечу также, что описания ада в исламе не так ужасны, как буддийские и христианские. Важно также уточнить, что типичная мусульманская эсхатология содержит множество отсутствующих в Коране мотивов (например, наказание в могиле, мост над адом, огненное озеро и т.п.).

В большинстве сур, надиктованных позже, Магомет развертывает апокалиптические картины: горы сдвинутся и, расплавившись, станут прахом и пеплом, небесный свод даст трещину, а луна и звезды погаснут и осыплются. Пророк говорит также о космическом пожаре и о реках огня и расплавленной меди, которые накроют людей (55:35).

Когда труба вострубит во второй раз, мертвые восстанут и покинут свои гробницы. Воскресение произойдет в мгновение ока. За обрушившимся небом возникнет окруженный небесным воинством престол Божий, его будут поддерживать восемь ангелов. Людей соберут перед престолом: праведных справа, нечестивых слева. Начнется Суд — на основе того, что записано о каждом в Книге Деяний. Древние пророки будут призваны свидетельствовать о том, что они проповедовали единобожие и предостерегали своих современников. Неверные будут осуждены на адские муки. Однако Магомет более склонен описывать блаженства, ожидающие правоверных в раю, — блаженства, по большей части, материального свойства: прохладные реки, деревья с гнущимися под тяжестью «плодов обильных» ветвями, мясное на любой вкус, юноши, красота которых подобна «жемчугу хранимому», разносящие изысканные напитки, гурии, девственные и целомудренные, созданные самим Аллахом (56:26—43 и т.д.). Магомет не говорит о «душах» или «духах», страдающих в аду или ликующих в раю¹.

¹ См.: *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. Т. III: От Магомета до Реформации. М., 2008. С. 88—89.

Кроме названных существовали и иные формы церковной агрессии против людей.

1. Религиозные войны. Их было много, особенно в католических странах, например против альбигойцев (XIII в., Франция). Папский престол постоянно стимулировал и направлял крестовые походы, которые ставили перед собой также и цель колонизации Ближнего Востока.

2. Межрелигиозные и внутриконфессиональные конфликты. Их тоже было много, причем не только между представителями разных религий, но и внутри отдельных из них. Например, Варфоломеевская ночь (1572 г., Париж), когда в этом городе было убито 2000 гугенотов (протестантов), затем в других районах Франции уничтожено еще 30 000 гугенотов; в стране началась гражданская война. В современном мире достаточно известны постоянные кровавые столкновения между суннитами и шиитами, террористические акты, учиняемые ими друг против друга.

3. Инквизиция. Она занимает особое место среди репрессий церкви против человека. Это позорнейшее и чудовищное, в то же время уникальное явление, не имеющее аналогов ни в одной другой религиозной культуре мира, в том числе до утверждения христианства. Оно обнажило тем самым наиболее темные и мерзкие влечения человеческой психики при полной капитуляции разума. Эпоха инквизиции — это эпоха торжества безумия и мракобесия, целиком и полностью сотворенных католической церковью. Инквизиция особенно свирепствовала в Испании, Португалии, Италии, Франции, меньше в Германии, Швеции и Англии, самой «инквизиционной» страной была Испания, инквизицию там уничтожили лишь в 1834 г., в Португалии — в 1821 г.

Жертвой безумия стали и дети, которых также сжигали в разных городах Европы. Например, в 1669 г. в Швеции после применения пыток были сожжены 84 взрослых и 15 детей; 128 детей еженедельно у церковных дверей подлежали наказанию плетью, самые маленькие дети — 20 человек — были избавлены от еженедельной порки: ее заменили троекратной поркой в течение одного дня¹.

Известно, что среди жертв инквизиции было особенно много женщин — ощутимо больше, чем мужчин. Это требует объяснения. Полагаю, что данный факт связан с развитием христианского учения о вездесущей, непреходящей и исконной греховности человека с одновременной проповедью аскетизма. Последний был как бы ответом на греховность, способом спасения человека, но в то же время было не менее важно найти источник греховной опасности.

¹ См.: Лозинский С. Роковая книга средневековья // Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. Саранск, 1991. С. 59.

Достаточно легко обнаружить его было в женщинах, которых вообще очень плохо понимали мужчины, особенно те, которые были в сутанах, а потому в них видели одну из главных (если не самую главную) причину (?) грехопадения даже образцового, богобоязненного христианина. Не случайно инквизиция с особым садистским удовольствием казнила красивых женщин — им, по мнению католических изуверов, было легче соблазнять мужчин.

В христианском пантеоне не было ни одной красивой женщины, там не могло быть Венеры, Афродиты, Юноны или Астарты. Они не могли быть в христианстве, в этой религии страдания. Христианские аскеты, особенно начинающие, были жалкими сексуальными страдальцами, которые мучились ночью по женщинам, а потому еще больше днем ненавидели их. В этом отношении они ничем не отличались от сегодняшних (и всегдашних) сексуальных маньяков-убийц. Вообще у всего христианства до эпохи Возрождения женщина находилась на темной стороне мира, а темный мир — на стороне женщины.

Есть еще одно очень важное обстоятельство, которое, по-моему, мощно стимулировало инквизиционный погром.

Магия и колдовство по-своему, т.е. весьма своеобразно, пытались изменить и объяснить мир, тем самым выступая серьезным конкурентом религии, которая также пыталась дать объемлющую картину создания, развития и перспектив мира, космоса и человека. Не случайно религия всегда преследовала магию и колдовство, что не должно вызывать недоумение хотя бы по той причине, что магия и колдовство предшествовали религии, которая так и не смогла преодолеть их влияние. Вместе с тем еще большую опасность для религии представляла все более набирающая силу наука, которая, что в данном контексте особенно важно подчеркнуть, многое заимствовала у магии, в немалой степени обеспечивавшей ее эмпирическим материалом. Вот почему у католической инквизиции имелись все основания обрушить всю свою репрессивную мощь на еретиков и инакомыслящих.

Все это свидетельствует о том, что религиозные доктрины могут резко расходиться с церковной практикой, причем в самой религии может не быть абсолютно никаких оправданий определенным действиям. Сама церковь как учреждение, обладающее немалыми правами и прерогативами, ни в коем случае не может быть вне контроля общества. Даже в современной истории мы убеждаемся в том, что церковь, захватив власть в государстве, вполне способна сделать его тираническим, как, например, в Иране.

Инквизиция — типичный государственно-идеологический террор. Такой же террор учинила и другая «церковь» — ВКП(б) — КПСС, такой же по беспощадности, кровопролитности, отсутствию

какой-либо жалости к неповинным жертвам. Эта схожесть, даже совпадение, не случайна: марксизм-ленинизм — тоже религия спасения, но, так сказать, светская.

Преступления католической церкви (православие и другие ветви христианства их совершали гораздо меньше) наглядно показывают, что эта религия в лице своей церкви пошла совсем не тем путем, который начертал проповедник любви и прощения Иисус. В годы инквизиции и других церковных зверств его учение стало некой абстракцией, даже пустым звуком, предназначенным для ушей очень наивных или глубоко, фанатично верующих в Спасителя людей. Впрочем, и среди инквизиторов были фанатики веры, но как раз их фанатизм обеспечивал им беспощадность и отсутствие угрызений совести. Инквизиция, а затем большевизм убедительно доказали, что казуистическое маневрирование словом вполне может прикрывать массовое истребление людей. В этом отношении германский нацизм был намного более откровенен и правдив, чем большевизм, поскольку нацисты никогда не говорили о светлейшем будущем для всех и не скрывали, что готовят такое будущее лишь для арийской расы господ-немцев. Они были циничнее других.

Реакция общества на ценности, проповедуемые Христом, показала, что изменить человеческую природу невозможно. Однако эти ценности имеют непреходящее этическое значение как нравственные ориентиры. В то же время обратим внимание на то, что если Христос пытался сделать всех добрыми и прощающими, то Гитлер (да простится мне это кощунственное сопоставление!) стремился превратить людей в кровожадных, порочных, лишенных совести. У него тоже ничего не получилось, поскольку ту же самую человеческую природу нельзя изменить и в эту, дурную, сторону. Не сомневаюсь, что еще найдутся желающие переделать человека, причем сразу же, совсем не принимая во внимание, что все предшествующие попытки сделать это также потерпели крах.

Злодеяния католицизма еще раз ставят вопрос о необходимости проведения безусловного различия между религией и церковью. В частности, если в религии действуют сверхъестественные персонажи, наделенные людьми особыми силами и добродетелями, то в церкви — грешные, земные создания, склонные и к бескорыстному добру, и к беспощадному злу. Церковное мракобесие было остановлено самым великим в истории человечества явлением — эпохой Возрождения, которая среди прочих благ принесла главное — десакрализацию западного общества. Пришел конец теократии, церковь больше не управляла странами и государствами, заняв подобающее ей место духовной, религиозной главы и морального авторитета, центра милосердия.

Инквизиторские зверства во вполне определенной степени естественны для христианства, которое можно назвать религией страдания, возведенного в культ и предмет поклонения. Этот культ сложился в еврейском народе, который постоянно подвергался гонениям и жестокому обращению, а в первые годы, даже века христианства — пыткам и казням. Поэтому в иудаизме давно ожидали прихода Мессии. Неудивительно, что он был предан бичеванию и мучительной казни, а крест стал главным символом религии. По поводу страданий А. Швейцер писал, что

преподнося захватывающую мысль о единении в смерти со Христом, ап. Павел выражает воззрение, происходящее исключительно из эсхатологии, вознесенное Христом и принятое первыми христианами, и при том в той форме, которую оно логическим образом должно было принять в силу смерти и воскресения Иисуса.

Вплоть до отправления двенадцати апостолов на проповедь Иисус учит, что должно страдать с ним и быть верным до смерти для того, чтобы быть признанным Сыном Человеческим как сопричастник мессианского Царства. Каких преследований Он ожидает для Себя и для верящих в царство, показано в общей картине предмессианских бедствий. Так как эти бедствия заставляют себя ждать, то позже Он приходит к убеждению, что Бог принимает добровольно взятую Им на себя смерть как искупление избранных и что тем самым же освобождаются от скорбей. Так как эту мысль Он хранит как тайну и говорит об этом лишь намеками, первые христиане понимают в Его смерти лишь то, что это было искупление, позволяющее войти в Царство, что избранные через крещение получают отпущение грехов на Суде. Между тем преследования и скорби продолжают; собственно говоря, лишь теперь они и разразились. Поэтому первоначальная идея, с которой Иисус пошел на смерть, потеряла свою значимость перед лицом действительности — если только эта идея вообще была понята. А мысли о предмессианских бедствиях устояли. В их русле верующие воспринимают воздвигнутые на них гонения. Поэтому они естественным образом связывают свои страдания со страданиями Иисуса, поскольку Его страдание также событийно относится к предмессианским гонениям. Переносимые ими страдания принадлежат Его страданиям и продолжают их. Пусть даже первые христиане во всем остальном придерживаются позиции ожидания, но в их концепции страдания все же присутствует мистический элемент, мотив общения с Христом, — и они страдают с Ним, тем более что разделяют представление о предмессианских бедствиях¹.

В раннем христианстве идея преемственности в страдании наряду с идеей страдания, разделенного с Христом, почти не встреча-

¹ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. С. 332.

ется. Верующий расценивает свое страдание как включенное в великие скорби, которым противоборствующие богу силы по его попусшению подвергают участников царствования Мессии — и его самого, и его избранников, чтобы они, гонимые, исповедовали свою верность богу и приобрели право на славу грядущего мира. Предметная соотнесенность этого страдания со страданиям Иисуса Христа не нарушается даже временной разграниченностью. Даже унижение, которое было претерпеваемо до появления Иисуса, может оказаться связанным с его унижением.

Швейцер считал, что Мессия как милость Божию берет на себя искупительное страдание, которое должен претерпеть человек, чтобы получить прощение за свои грехи. Это, по мнению Швейцера, исторически верная мысль Иисуса, вырастающая из общей оценки страдания как искупления. Между тем автор не поясняет, о каком человеке идет речь: если человека понимать как всех людей, то получается, что все люди, в том числе дети, грешны.

Мысль об этом очень популярна в теологии, в том числе православной. Но если все люди изначально грешны, то, следовательно, нет и добродетельных людей, что полностью абсурдно. Далее: если страдание всегда благотельно, то и агрессор, его причиняющий, делает благое дело. Наверное, поэтому инквизиция в годы ее торжества называлась святой, когда она была не что иное, как ступок агрессии. Поэтому невольно напрашивается сравнение с исламом, религией купцов и воинов, который никогда не воспевал страдание, оно ему совершенно чуждо.

А. Тойнби писал, что способность высших религий воздействовать на души ограничена неспособностью человека обучаться иным, чем через страдание, путем.

Мессианский труд любви всегда приходит на смену труду завоевателя. Совершая дьявольскую работу во имя эфемерного расширения отечества и тривиального удовлетворения мелких личных амбиций, завоеватель совершает божественную работу, сам того не желая и не ведая. Лишая покоренные местные государства политической свободы, он тем самым бессознательно приносит им свободу души, которая во дни суверенной независимости его собственной страны была сокрушена огнем и мечом духовного рабства религии коллективного поклонения. Когда завоеватель уничтожает местное государство, он расширяет масштаб социальной жизни до пределов империи. Структура социальной жизни преобразуется расщеплением примитивного социального атома и одновременным созданием новых форм в темном опыте социальной алхимии, в результате чего происходит мгновенное отделение церкви от государства, открывающее возможность обрести Господа и тем самым обрести счастье¹.

¹ Тойнби А.Д. Постижение истории. М., 1991. С. 524—525.

Вряд ли можно разделить мнение Тойнби по поводу того, что завоеватель совершает божественную работу, принося покоренным народам свободу души. Ведь история знает множество случаев, когда завоеванные народы теряли свою культуру и растворялись среди завоевателей, причем последние отличались духовным рабством коллективного поклонения. При завоевании действительно расширяются масштабы социальной жизни до пределов империи, однако это не влечет отделения церкви от государства, да еще мгновенного. Отделение церкви от государства представляет собой величайший процесс освобождения разума и результат этого процесса. Все это достижимо не как следствие внешнего завоевания, а внутреннего духовного (притом как раз нерелигиозного) и интеллектуального развития общества.

Тойнби ставит закономерный вопрос:

Почему христианство, которое решительно отвергло иудаизм, провозгласив, что Бог — это Любовь, вновь приняло концепцию «страшного Бога Яхве»? Эта частичная духовная регрессия, нанесшая христианству немалый урон, была той неизбежной платой, которую христианство должно было заплатить за победу в смертельной схватке с культом Цезаря. Религиозная война велась бескомпромиссно, потому что коллективное поклонение человечества человеку представляет собой высшую форму идолопоклонства и противопоставить ей можно лишь поклонение истинному Богу. Соглашение между противоборствующими сторонами было невозможным, потому что поклонение Цезарю считалось благородным делом. Великой римско-христианской войны нельзя было избежать¹.

По мнению Тойнби, в этом трагическом конфликте христианам было бессмысленно писать на своих знаменах «Бог есть Любовь». По мере наступления на власть Цезаря любовь становилась все более воинственной. Мир после победы церкви не устранил этой воинственности, наоборот, оно лишь подтвердило удивительную связь между Христом и Яхве².

Присоединяясь к этим положениям, хотелось бы сказать следующее, позволяющее еще лучше понять природу и истоки агрессии христианства.

Христианская элита, управляющая всеми делами церкви, прекрасно понимала, что идеология любви и реальная практика существуют в плоскостях, которые не соприкасаются или очень мало соприкасаются друг с другом. Иными словами, можно говорить одно и делать совершенно другое. Эту истину постигли, конечно, не одни они, а очень многие политики во все века. Можно, например,

¹ См.: Тойнби А.Д. Указ. соч. С. 525—526.

² См.: Там же. С. 526.

вещать о своей великой любви к человеку и в то же время допускать, чтобы тысячи людей погибли от голода.

Христианство как религия любви зародилось в иудаистской среде потому, что еврейский народ не только подвергался гонениям со стороны внешних врагов, но и его собственный бог был очень лют и скор на расправу. Народу нужен был иной бог, и он, этот новый небесный владыка, в одной из своих проповедей вполне определенно опровергал предшествующие этические ценности, но было понятно, что без силы, сконцентрированной в Яхве, успеха не будет. Это поняли не только в христианстве, но и в исламе, буддизме, индуизме.

Христианство выросло из трех религиозных культур — иудаизма, зороастризма и эллинизма, причем вклад каждого из них был различным, но самым главным — иудаизм (?). Затем христианство стало развиваться по своей внутренней логике и под влиянием конкретных социальных условий. Часто говорят, что все религиозные движения, начиная от самых ранних форм веры, были (и есть) духовные искания, но редко объясняют, в чем они заключаются. На самом деле это поиск самого себя, попытка понять себя и весь этот сверхсложный окружающий мир, объяснить все это, а также, что очень важно, заглянуть в загробное «существование», поверить, что и там тоже есть жизнь, что означает великую возможность снять диффузный и постоянный страх смерти. Считается, что все эти поиски особенно продуктивны через страдание, которое очищает и возвышает, а потому является универсальным средством для христиан. Поэтому нет ничего удивительного, что католическая инквизиция все время приносила страдание, которое достигало апогея на костре, к тому же огонь еще и очищал.

При любом жертвоприношении, особенно сакральном, разрываются связи, реально определяющие подчиненное положение предмета, жертва выхватывается из предписанного ей мира (и соответственно статуса) и причисляется к миру, в котором властвует сверхъестественное. Когда отобранные для жертвоприношения животные или человек вводятся в круг, где жрец вот-вот приступит к священнодействию, они преступают черту, отделяющую мир вещей, понятных человеку или сокрытых от него. Сам человек, приносящий жертву, как бы вместе с ней и только психологически переносится в иной мир, пытаясь тем самым возвратить себе некую совершенно непонятную интимную близость с «тем» миром. Все это придает жертвоприношению оттенок ребяческого ухода от действительности, но это, несомненно, бессознательный уход человека от действительности, возможно, только его попытка.

При этом он, человек, познает всеисилие смерти и в то же время может убедиться в том, что там, за чертой, что-то существует, по-

сколько он «посылает» туда жертву. А «там» есть нечто, подсказывает ему его фантазия, что может помочь ему, и это нечто сильнее его самого. Тот факт, что смерть в этом мире приобретает оттенок ирреальности, человеку представляется проявлением противоречивости мира вещей, хотя принадлежность человека к нему обусловлена тем, что его тело приравнивается к вещам в силу своей бренности.

Но что бы ему ни продемонстрировали, человек, если только не радуется смерти, а это бывает очень редко, у него не вырвется возглас восхищения вслед уходящей жизни. Реальный миропорядок противостоит такой реалии, каковой является смерть, он стремится к интимному, преисполненному имманентности торжеству жизни. Она оказывается всемогущей, но всемогуща и смерть тоже.

Всеисилие же, свойственное смерти вообще, налагает отпечаток на суть жертвоприношения, которое по своему действию подобно смерти в том плане, что оно восстанавливает утраченную было ценность путем отречения от этой ценности. Но смерть вовсе не обязательно является непременной при жертвоприношении, при сакральном же она почти обязательна.

2.2. Сакральное жертвоприношение

Прежде всего, необходимо отделить сакральное жертвоприношение от других столь же значимых и сходных с ним явлений. Я здесь имею в виду сакральное жертвоприношение как агрессию, а отнюдь не жертвование собою. Так делает, например, Г.В. Мальцев, который считает, что «мы жертвуем (постоянно делаем это посредством акта выбора или самоограничения), нами жертвуют, мы платим за все, что имеем, за право жить, непрерывно отдавая что-то вовне, берем у природы и возвращаем ей, что приобретаем, чтобы лишиться, и лишаемся, чтобы приобрести, живем, чтобы умереть, умираем, чтобы жизнь продолжалась... Нет у индивида и человечества возможности выскочить из этого жертвенного круга, остановить коловращение событий, фактов, судеб»¹.

Нет никаких доказательств, что все делаемое человеком представляет собой жертвоприношение, причем даже если не ограничиваться сакральным. Если принимать так расширительно все, что мы делаем, как принесение в жертву, то все можно свести к этому действию: и трудовую деятельность, которая приносит нам не только заработок, но и удовлетворение, и заботу о близких, в первую очередь о детях, уход за больным мужем (женой), особенно длительный, и иную нескончаемую череду поступков в каждодневной жизни. Мы живем не для того, чтобы умереть, а для того, чтобы жить. Умираем

¹ Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012. С. 12.

не для того, чтобы жизнь продолжалась, а потому что закончился жизненный цикл человека. Ничья смерть не порождает жизнь, а «мы умираем, чтобы жизнь продолжалась» — не более чем красивые слова.

Я же здесь имею в виду только такую жертву, которая приносится высшим силам ради достижения какой-то цели. Она всегда носит священный характер, человек вступает с этими силами в некоторые отношения, даже если такие силы им четко не определены. Вступая с ней в отношения, он становится устройтелем собственной судьбы. В акте жертвоприношения божественное соединяется с человеческим.

Ценность жертвы чаще всего определялась тем, что индивид желал получить взамен от сверхъестественной силы, но, отдавая, он поддерживал равновесие в мире. Необходимость чем-то или кем-то жертвовать появилась с формированием первых религиозных представлений. Конечно, можно было приносить жертву и без агрессии, например растительные дары. Но нас здесь интересует именно агрессивное жертвоприношение, т.е. когда приносится в жертву человек; если это животное, то можно назвать агрессивным лишь относительно. В целом по своему смыслу и направленности жертвоприношение можно уподобить молитве.

По мере десакрализации, особенно в XX в. (когда наблюдалось невиданное доселе массовое истребление людей — явление чисто человеческое и совсем не божеское), страх перед божествами стал исчезать, но по большей части в западном мире. Справедливости ради отмечу, что в средневековой Европе никогда точно не указывали, кто насылает кары — войны, эпидемии, смерть и т.д., потому что было два бога, но Христос с его любовью и всепрощением не мог сделать такое.

Страх был не только перед грозным богом — создателем всего сущего, но и перед пророками, первопродками, ангелами, духами, видениями и т.д. На ранних этапах религии особо почитались личные видения, которые выполняли божественные функции. Так, по данным С.А. Токарева, каждый юноша индейцев — «воронов» (Северная Америка) стремится получить видение, для чего существует несколько способов — пост, уединение, самоистязание.

Полученное видение становится затем предметом глубокого почитания человека на всю жизнь. Это его личный покровитель, который всегда и во всем будет охранять человека и помогать ему. В отношении к этому личному духу-покровителю, как, впрочем, и вообще по отношению к миру сверхъестественного, индеец проявляет замечательную скромность, доходящую до самоунижения. Такой культ духов-покровителей господствует с некоторыми различиями у большинства племен Северной Америки.

У всех этих племен существенные черты культа личных покровителей сходны. Различия касаются прежде всего техники получения видений. Здесь все оттенки самоистязаний, начиная от изоляции и поста и вплоть до самых изуверских форм. Наиболее известен из них манданский обычай подвешивания юношей-кандидатов на ремнях, продетых под кожу и мускулы, причем несчастная жертва религиозного фанатизма должна висеть до тех пор, пока не получит желаемого видения¹.

У некоторых народов богами становились вожди. Например, в Лоанго (Западная Африка) народ чтит своего вождя (царя) как бога; титул его был Самби, или Панго, что означает «бог»; но божественность доставляла ему самому немало беспокойств. Люди верили, что он может посылать дождь и вообще отвечает за явления природы. Раз в год, в декабре, народ собирался к вождю выпросить дождя для посевов; вождь совершал тогда обряд вызывания дождя, пуская вверх стрелу. При неурожае или неудаче рыбной ловли племя обвиняло во всем вождя и отрешало его от должности. Точно так же в области Усукума (к югу от озера Виктория) «султану» приписывались две главные способности: вызывать дождь и прогонять саранчу; невыполнение султаном этих важных обязанностей могло лишить его власти.

У некоторых народов был даже обычай умерщвлять вождя при первых признаках его постарения или через определенное число лет, ибо считалось, что одряхлевший вождь уже не может поддерживать магическое равновесие сил природы.

Но подобные формы сакрализации вождя-царя, от которых он сам больше всего страдал, не могли существовать там, где царская власть укрепилась и приняла деспотическую форму, — в этих случаях не могло быть речи о привлечении царя к ответственности, о его детронизации народом и тем более о его умерщвлении; культ царя принимал там безусловную форму.

Так, цари Бенина, Дагомеи, Ашанти и других деспотических государств Западной Африки были живыми богами; им приписывали сверхъестественные способности. В государстве Ашанти главной общенародной святыней был «золотой трон» — скамья, на которой сидел царь. «Царь Бенина — фетиш и главный предмет почитания в своих владениях», — сообщает очевидец. Умершим царям воздавали божеские почести, им приносили многочисленные человеческие жертвы. В XVII в., по сведениям Даппера, на поминках по умершему царю Бенина умерщвляли по 400—500 человек².

¹ См.: *Токарев С.А.* Ранние формы религии и их развитие. М. 2011. С. 311.

² См.: Там же. С. 340. В своей «Золотой ветви» Д.Д. Фрезер приводит множество свидетельств умерщвления вождей (царьков), он даже посвятил этому отдельную главу «Предание смерти божественного правителя» (См.: *Фрезер Д.Д.* Золотая ветвь. М. 1986; см. также: *Фрезер Д.Д.* Золотая ветвь. Дополнительный том. М., 1998.)

Жертвы богам, в том числе человеческие, приносили не только в первобытные, но и античные времена, например греческому богу Дионису, чтобы передать производительную силу человека полям и садам. В христианском ритуале символического поедания плоти и крови Спасителя лежит древний религиозный обычай умерщвления человека, которого до этого объявляют богом, а поедание частей его тела дает людям его силу, здоровье и даже бессмертие.

Жертвы приносились не только богам, но и духам, душам предков и т.д., но смысл их всегда был один: сделать людям лучше, избавить их от несчастий, бед (в том числе болезней), обеспечить урожай, дать возможность одержать победу над врагом и т.д. Выбор адресата жертвоприношения зависел от уровня развития религии, от представлений о силах, обеспечивающих благополучие, и конкретных возможностей этих сил, наконец, от традиций и степени культуры данного народа (общности, общества). Все эти обстоятельства определяли также способ принесения жертвы, кто именно приносился и ради чего. В некоторых мифах указание об этом дают сами боги, а также у Гомера. Жертвоприношение может переплетаться с богослужением.

Очень распространенным у многих народов было принесение в жертву детей правителей. Это делалось для снискания благоволения богов, а то, что жертвой был сын или дочь правителя, подчеркивало особую ценность приносимого дара, в этом был весь его смысл.

Однако нет никаких оснований считать, как это делали Юбер и Мосс, что приносимая жертва священна потому, что она приносится в жертву. Священным является лишь то существо или иной предмет, который особо значим в религиозном смысле для данного общества. Приносимое в жертву должно быть желаемым тому, кому она предназначается. Разумеется, жертвоприношение в большинстве случаев нельзя расценивать как преступление, но оно может стать таковым, если подобные действия расцениваются как преступные законом.

В жертвоприношении присутствует тайная, ему приписываемая особая магическая, мистическая связь между жертвователем и тем, кому приносится жертва. Первый тем самым достигает благорасположения божества, духа и т.д., а жертва выступает в роли посредника. Следует отметить, что посредник — весьма популярная фигура в первобытной мифологии. В каком-то смысле посредником является жрец и священник. Жертвоприношение есть агрессия, даже если жертва с этим смиренно согласна, как, например, дочь Иеффаи; при всех условиях жертва должна быть доступна и представлять ценность для той силы, кому она приносится, т.е. тем людям, которые это делают. Иногда жертва может быть заменена. Так многие народы заменили принесение в жертву человека животным, что, не-

сомненно, связано с гуманизацией общества. Потребность в жертвоприношении осталась и во вполне современных странах, где оно во многом приобрело символический характер, а это свидетельствует о сохранении соответствующих функций. Символическая жертвенная процедура сейчас сильно усложняется, что и создает иллюзию, будто бы эта функция исчезла, что не соответствует действительности даже в десакрализованном обществе.

Чтобы понять смысл человеческих жертвоприношений, необходимо обратиться к первобытной теории периодического возрождения сакральных сил, считал М. Элиаде. Ясно, что любой ритуал, по любому сценарию нацеленный на возрождение какой-либо «силы», является лишь воспроизведением первоначального акта Творения, имевшего место *ab initio* (с начала). Человеческое жертвоприношение также есть ритуальный «повтор» Творения.

Космогонический миф часто включает в себя ритуальную (т.е. насильственную) смерть изначального великана, из тела которого были сотворены миры и выросли растения. Происхождение растений, особенно злаков, как правило, связывают с подобного рода жертвоприношениями; травы, пшеница, лианы и прочее выростали из крови и плоти мифического существа, ритуальным образом принесенного в жертву «в начале начал», *in illo tempore*. Принесение в жертву людей, чтобы возродить «силу» урожая, ставит своей целью воспроизвести акт Творения, впервые давший жизнь зерну. *Ритуал заново творит мир*; время как бы останавливается и поворачивает вспять, к первому мигу полноты Творения, возрождая силу, действующую в растительности. Расчленяемое тело жертвы отождествляется с телом изначального мифического существа, вдохнувшего жизнь в зерно ценой собственной ритуальной смерти.

Именно этот сценарий послужил образцом для всех жертвоприношений, как человеческих, так и животных, цель которых — получение богатого урожая, продолжает далее Элиаде. Его непосредственный смысл — это всего лишь возрождение сакральной силы, заключенной в урожае. Плодородие само по себе есть исполненность, следовательно, и условие оптимального функционирования всего, что в противном случае возможно лишь теоретически. Первобытный человек жил в постоянном страхе перед тем, что окружающие его силы, приносящие столько пользы, когда-нибудь иссякнут. На протяжении тысячелетий его терзали опасения, что при очередном зимнем солнцестоянии солнце исчезнет совсем, что луна не взойдет вновь, что растения умрут навсегда и т.д. То же самое испытывал он и по отношению ко всем «силам»: они ненадежны и в один прекрасный день могут иссякнуть. Особенную тревогу вызывали у него «силы» растительности, ритм проявления которых в течение года включает в себя моменты очевидной ее смерти. А если

человеку казалось, что иссякание «силы» есть результат его вмешательства (сбор первых плодов, сбор урожая и т.д.), он пытался «искупить вину», принося в жертву первые плоды земли, чтобы примириться с «силами» и получить разрешение на то, чтобы и дальше пользоваться ими безнаказанно. Такими ритуалами также отмечалось начало нового года — нового, «возрожденного» периода времени. Кафиры в Натале и зулусы, отметив Новый год, устраивают в царском краале пляски, во время которых колдуны возжигают новый огонь и варят на нем в новых сосудах, не используемых в других целях, все виды плодов. Только после того как царь оделит всех этим кушаньем из первых плодов, можно употреблять в пищу другие фрукты. У индейцев крик — ритуал принесения в жертву первых плодов совпадает с ритуалом очищения и изгнания зла и грехов; гасятся все огни, и жрецы трением добывают новый, после чего все постятся в течение восьми дней, принимая рвотное и т.д. Только после такого «обновления» разрешается использовать собранное зерно¹.

Представление о сакральной силе, заключенной в урожае, во взращиваемых растениях, — это первобытная, ранняя форма религии. На этом этапе идея бога-творца если и существовала, то несколько расплывчато, наряду с ним почитались различные духи, самыми важными из которых были те, которые обеспечивали жизнь и благополучие людей. Причастны к этому были и умершие, первопредки, культурные герои.

Свою идею о том, что принесение в жертву людей, чтобы возродить силу урожая, ставит своей целью воспроизвести акт Творения, Элиаде обстоятельно исследует в другой своей работе — «Миф о вечном возвращении». Он пишет, что сакральные модели ритуала объясняют обряды как примитивных народов, так и народов с высокоразвитой культурой.

Аборигены юго-востока Австралии, к примеру, практикуют обрезание с помощью каменного ножа, потому что так их научили мифические предки; негры народа амазулу совершают обрезание, потому что так постановил Ункулункулу (культурный герой) *in illo tempore*: «Мужчины должны быть обрезаны, дабы не походить на детей». Церемония хако была впервые продемонстрирована жрецам индейцев пауни верховным божеством Тиравой в начале времен. У народа сакалава на Мадагаскаре «все семейные, общественные, национальные, религиозные обряды и церемонии должны соблюдаться согласно правилам *lilin-draza*, то есть установленным обычаям и неписаным законам, унаследованным от предков». Нет необходимости множить примеры; все религиозные действия предположи-

¹ См.: Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999. С. 318—319.

тельно были предписаны богами, культурными героями или мифическими первопредками. Отметим только, что у «примитивных» народов не только обряды имеют свою мифологическую модель, но и любое действие человека обретает свою значимость в той мере, в какой оно в точности повторяет действие, совершенное в изначальные времена богом, героем или предком.

Однако подобная «теория» объясняет существование обряда не только в примитивных культурах. К примеру, в последние века существования древнеегипетского государства власть обряда и слова, находящихся в ведении жрецов, зиждилась на имитации перводействия бога Тота, сотворившего мир силой своего слова. Согласно иранской традиции, религиозные праздники были установлены Ормаздом для разграничения периодов Творения Космоса, длившегося год. В конце каждого периода, представляющего соответственно сотворение неба, вод, земли, планет, животных и человека, Ормазд отдыхал пять дней, во время которых он и установил основные маздеистские праздники. Человек только повторяет акт Творения; его религиозный календарь на протяжении года напоминает обо всех этапах космогонии, имевших место вначале¹.

Верующие могут и не понимать роли насилия в жертвоприношении, что особенно обеспечивается теологией этого действия. Верующие считают, что это боги или духи требуют жертв, поставив условием благополучия людей, что богам это нужно, чтобы усмирить их гнев или снискать милость. Вот почему жертвоприношение носит социальный характер, который не может быть снят религиозной оболочкой.

Люди, приносимые в жертву, обычно относятся к определенной общественной страте. Ими могут быть военнопленные, преступники, не вступившие в брак, а поэтому не обладающие всей полнотой прав молодые люди, инвалиды, подонки общества, одним словом, все те, кто по тем или иным причинам стоит вне общества. Не жертвуют теми, кто обладает поддержкой близких им людей, поскольку их умерщвление сочтут убийством и будут мстить.

Таким образом, очень многое зависит от того, какое место занимает то или иное лицо на шахматной доске насилия. В древнем обществе военнопленный, которого должны принести в жертву, вполне может счесть это справедливым, поскольку он поступил бы так же, если бы оказался победителем. Жертвоприношение здесь оказывается не только подношением богам, но еще и мстью врагам и способом их ослабления.

Интересные, но далеко не бесспорные оценки сущности жертвоприношения мы найдем у Р. Жирара. Он пишет, что если в пер-

¹ См.: *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. СПб., 1998. С. 38—39.

вобытных обществах нет радикальных средств против насилия, нет безошибочного лечения, когда равновесие нарушено, то можно предположить, что первостепенную роль будут играть меры не исправительные, а профилактические. Именно здесь мы и встречаем определение жертвоприношения, описывающее его как профилактический инструмент в борьбе с насилием.

В мире, где малейший конфликт может привести к катастрофе, как малейшее кровотечение у больного гемофилией, жертвоприношение фокусирует агрессивные тенденции на жертвах реальных или идеальных, одушевленных или неодушевленных, но всегда способных быть отомщенными, одинаково нейтральных и бесплодных в плане мести. Оно дает насилию, которое не может прекратиться само по себе, разрядку, — конечно, частичную, временную, но зато всегда возобновимую и обладающую действенностью, единодушных свидетельств о которой слишком много, чтобы ими пренебречь. Жертвоприношение не дает развиваться зародышам насилия. Оно помогает людям держать месть на безопасной дистанции.

В жертвенных обществах, продолжает далее Жирар, реагируют жертвоприношением на любую критическую ситуацию, но случаются кризисы, которые, видимо, связаны с ним совершенно особым образом. Такие кризисы всегда ставят под угрозу единство сообщества, они всегда отмечены раздорами и распрями. Чем острее такой кризис, тем «драгоценней» должна быть жертва.

Еще одно указание на функции жертвоприношения можно усмотреть в том факте, что оно приходит в упадок там, где устанавливается судебная система, в частности в Греции и в Риме. Исчезает причина его существования. Разумеется, оно может сохраняться еще очень долго, но уже в виде практически пустой формы; обычно в этом виде мы его и застаем, отчего и укрепляемся в мысли, что у религиозных институтов нет никакой реальной функции.

Предложенная выше гипотеза подтверждается: играть ключевую роль жертвоприношение и вообще обряды должны в тех обществах, которые лишены судебной системы и потому живут под угрозой мести. Тем не менее не следует говорить, что жертвоприношение «заменяет» судебную систему. Во-первых, потому что невозможна замена того, чего, несомненно, никогда прежде не было, а во-вторых, потому что в отсутствие добровольного и единодушного отказа от всякого насилия судебная система незаменима¹.

Прежде всего совсем непонятно, почему жертвоприношение, являясь жестокой агрессией, выступает профилактикой насилия и почему оно не дает развиваться зародышам насилия. Не забудем, что жертвоприношение развязывает самые грязные и кровавые устремления толпы, приучая ее к жестокости.

¹ См.: Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000. С. 26—27.

Далее, причиной исчезновения (если это действительно исчезновение) жертвоприношения не является установление судебной системы, во всяком случае не только это, а гуманизация жизни в целом, частью которой выступает формирование и дальнейшее развитие правосудия. Инквизиция не может считаться его частью.

Жиар совершено прав, что не следует говорить, что жертвоприношение заменяет судебную систему. Действительно, такого просто не может быть, поскольку приносят жертву богам, духам и другим сверхъестественным персонажам, чтобы обеспечить их благорасположение и помощь, а это ничего общего с судом (судебным разбирательством) не имеет. Поэтому совсем непонятно, почему Жиар утверждает, что играть ключевую роль жертвоприношение и вообще обряды должны в тех обществах, которые лишены судебной системы и поэтому живут под угрозой мести. Можно, конечно, мстить кому-то, принося его в жертву, но это лишь отдельные случаи. История показывает, что жертвоприношение может существовать и наряду с судами.

Можно ли считать сожжение на кострах инквизиции жертвоприношением богу? Думается, что подобное предположение вполне допустимо, поскольку христианство, особенно католичество, пошло совсем не по тому пути, который начертал для него Иисус Христос, — любви и прощения. Оно стало развиваться и жить религиозными войнами, уничтожением инакомыслия и инакомыслящих, свирепыми расправами с ними, крайней нетерпимостью — во имя не Христа, а грозного Яхве, который всегда требовал жертв. Впрочем, инквизиция обычно действовала от имени некоего абстрактного «бога».

Христианство, которое должно было знаменовать гуманистическое движение вперед, имея всепрощающего и любящего бога, сделало нормой жизни не только признание множества зловредных и крайне опасных потусторонних существ — дьяволов, чертей, вампиров, ведьм, колдунов и т.д., но и их свирепое преследование. Эти существа стали повседневной реальностью, естественно, виртуальной. Иными словами, западное общество вернулось к своей ранней истории, к истокам своего развития. Поэтому вполне допустимо думать, что лиц, заподозренных в колдовстве, ведовстве, вампиризме, ереси, жертвовали своему «богу» или «богам» — как их далекие предки. Замечу, что в самом христианстве нет никаких призывов к таким расправам с колдунами, ведьмами или вампирами. Достойно упоминания, что инквизиция расправлялась с еретиками, колдунами и ведьмами точно так же, как приносили жертву древние евреи, — путем сожжения, а не повешения, отрубания головы и т.д.

В древнееврейском обществе всеожжению подвергались чаще животные, реже растения.

Жертву можно приносить не только богам, но и людям, в частности для того, чтобы избежать большого кровопролития (так, по

данным Р. Лови, чтобы заключить мир с соседним племенем и избежать с ним конфликта, чукчи приносили в жертву одного из своих). Здесь же я имею в виду жертвоприношение в рамках религиозного ритуала, обращения мольбы к богу о помощи или искуплении грехов. Если приносится в жертву человек, он может быть ни в чем не виновен. Впрочем, вопрос об индивидуальной виновности у древнего человека просто не возникал, хотя в жертву мог быть принесен и преступник, который просто был удобен в качестве жертвы.

Все потустороннее (и, конечно, не только религиозное) представляется человеку господствующим над ним. Поэтому он не претендует на управление им, а лишь, в том числе с помощью жертвоприношений, стремится склонить его к себе. Надо учитывать, что потустороннее часто проявляет себя в человеческом сознании в виде крайней агрессии — бури, пожара, эпидемии, землетрясения. Жертвоприношение включается в общую картину насилия в известном мире, творимого людьми и потусторонними силами, которые часто действуют руками человека. Она не может не устрашать его же. Насилие угрожает всем, кто так или иначе, активно или пассивно, виновно или совсем без вины в это насилие замешан или вовлечен.

Многие века, от самых простых форм религии до самых сложных, о причинах осаждающих человека зол она всегда отвечала однозначно: они в его греховности, которая вызывает разрушительные силы божьего гнева или иного потустороннего. Религия на всех этапах своей эволюции неизменно проявляла безразличие в отношении естественных причин каких-либо явлений, что вполне понятно именно для нее, склонной к мистическим объяснениям всей своей сущностью. Парадоксально, что во многих случаях церковь и теологи не в состоянии объяснить, какие же именно небесные силы обрушивают на землю разные кары, какие прегрешения каким наказаниям должны соответствовать и т.д. Религия и церковь, т.е. теология и церковные деятели, не могут не знать, что творимая ими агрессия, часто убийственная (религиозные войны, сжигание еретиков, колдунов и ведьм, иное преследование инаковерующих и неверующих), расходится с учением их пророков и основателей. Но она кажется им чрезмерной в то время, когда реализуется, и даже потом. Надо обладать особой, трепетной совестью папы римского Иоанна-Павла II, чтобы решительно осудить прошлые жестокости католической церкви.

Любое насилие, освещенное религиозной догмой и церковью, оказывалось священным, во всяком случае в момент его учинения, и особо подчеркивалось ритуалом. Это развязывало руки непосредственным исполнителям агрессии, хотя несомненно, что она соответствовала их глубинным влечениям, обычно бессознательным. Сам религиозный ритуал очищает, даже освещает насилие. Жертво-

приношение, даже животного, а тем более инквизиторское «дознание» и сжигание людей на кострах, дают возможность проявить садистские и иные самые жестокие человеческие влечения, причем не только у тех, кто выступает исполнителем, но и у тех, кто наблюдает такое действие.

М. Элиаде приводит следующий пример жертвоприношения медведя у айнов, обитающих ныне на Хоккайдо (Северная Япония). Пойманного ранее медвежонка заботливо выращивают для принесения в жертву, когда ему исполнится два или три года. Вначале один из айнов обращается к намеченной жертве с молитвой, в которой, в частности, говорит: «Теперь, когда ты вырос, мы собираемся отправить тебя к твоему отцу с матерью. Когда ты придешь к ним, пожалуйста, отзывайся о нас хорошо и расскажи, как добры мы были к тебе; пожалуйста, возвращайся к нам, и мы принесем тебя в жертву».

После произнесения молитвы другой айн направляется к клетке с медведем и захватывает голову жертвы с помощью специально приготовленной петли на веревке. Затем эта петля продевается вокруг шеи и под передней лапой, чтобы зверь не задушил себя, пытаясь освободиться. Делается другая петля, которая продевается под головой так же, как и первая, только ее конец свисает с другого бока медведя. Таким образом, когда животное выходит из клетки, его ведут двое мужчин — по одному с каждого бока. Иногда, однако, когда медведь крупный, веревкой обхватывают еще и заднюю его часть и сзади идет еще один мужчина, который крепко держит веревку, готовый прийти на помощь в случае опасной вспышки ярости.

Как только несчастный зверь выводится из клетки, люди, образовав кольцо, кричат и хлопают в ладоши, пока его вводят в центр круга; затем они берут тупые стрелы, которые называются *хепере-айи*, т.е. «медвежьих стрелы», и обстреливают животное, пытаясь его разъярить. Крик становится оглушительным, медведь впадает в ярость. Но чем сильнее ярится медведь, тем большее удовольствие получают собравшиеся. Если же животное отказывается сдвинуться с места, то его валят наземь дубиной, называемой *такуса*, конец которой сделан из тростника. Когда возбужденное и отбивающееся животное подает первые признаки усталости, в центр людского кольца втаскивается кол, к которому привязывают медведя. Этот кол украшен стружкой *инау* и листьями тростника и носит название *тушопни*, т.е. «дерево с веревкой».

Как только все подготовлено, тупые стрелы мечутся с возобновленным одушевлением, и зверь плачет и ревет, пока окончательно не выбьется из сил. Тут наступает самый будоражащий момент, истинное испытание доблести. Сразу несколько храбрых молодых айнов бросаются вперед и хватают животное за уши и мех на морде, в то время как еще один айн внезапно хватает его за заднюю часть. Они тянут медведя что есть мочи. Медведь разевает пасть. Тут выбегает

еще один юноша с круглой деревяшкой в два фута длиной и вгоняет ее в пасть медведя. Несчастный зверь в ярости вгрызается в деревяшку и крепко сжимает ее зубами. Еще двое выходят вперед и становятся с обоих боков медведя; они хватают его за передние лапы и вытягивают их, насколько хватает сил. Затем следующая пара принимается за задние лапы. После того как все это проделано удовлетворительным образом, вперед выносят два длинных шеста, положенных рядом с *нуса* и называемых *ок-нумба-ни*, т.е. «шесты для удушения». Один вставляется под горло, другой кладется на загривок.

Тут в дело вступает выбранный заранее из всех мужчин хороший стрелок и посылает стрелу прямо в сердце зверя, оканчивая его страдания. Застрелить медведя следует без пролития крови, ибо в силу определенных причин считается несчастливым предзнаменованием, если хотя бы капля упадет на землю...

Как только медведь поражен в сердце, его относят к двум шестам, предварительно положенным на землю, и на один из них кладут голову, а другим придавливают шею. В этот момент поднимается крик, все бросаются вперед, охваченные желанием придавить животное, пока в нем еще теплится жизнь. Говорят, они должны позаботиться о том, чтобы несчастный зверь не издал ни звука во время агонии, ибо это считается большим несчастьем; почему, узнать мне не удалось. К этому времени возбуждение достигает такого накала, что люди иногда топчут друг друга, стремясь приложить руку к жертве. Так погибает несчастный зверь, и завершается часть жертвоприношения¹.

Европейцев, которые открыли, а затем и стали осваивать Америку, поразили частые и весьма многочисленные человеческие жертвоприношения. В этой связи Мальцев совершенно справедливо отмечает необычные для других культур мотивы первобытного космозисма и эсхатологии, эмоционально окрашенной и пронизанной чувством экзистенциального страха религии. Вера ацтеков принадлежит к числу высокожертвенных и психологически дискомфортных религий, напоминающих верования известных современных сект, члены которых живут с изнурительным ощущением близости «конца света», обреченности жизни². Боги ацтеков были жестоки и необыкновенно требовательны, они не знали снисхождения, поэтому, что очень важно, их необходимо было все время питать человеческой кровью и плотью. В стране ацтеков, как можно полагать, было излишнее население, часть которого могла быть принесена в жертву без ущерба для материального производства. Впрочем, нужды последнего не могли сравниться с потребностями более высокого порядка — духовного, сакрального.

¹ Элиаде М. Священные тексты народов мира. М., 1998. С. 204—205.

² См.: Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. С. 32.

Не забудем также, что уровень культуры ацтеков был очень низкий, они не изобрели даже колеса, которое было хорошо известно еще древним египтянам. Их верования, представления о Земле и Космосе были крайне примитивными. То, во что обычно верили отдельные, изолированные друг от друга совсем дикие племена, стало религией одного большого народа, имевшего свое государство и военную силу для того, чтобы завоевывать другие, захватывая пленных.

В человеческом жертвоприношении проявляется убежденность в том, что только путем кровавого насилия можно добиться решения своих наиболее важных проблем. Люди не представляют себе иной, ненасильственный путь: от божественных сил можно было чего-то добиться только на этом пути, поскольку мир был наполнен злом, созданные им боги были так же агрессивны, как и они сами: вся окружающая их жизнь убеждала в этом. Наивно думать, что в человеческих жертвоприношениях проявляется воля людей смягчить или совсем избавиться от коллективных или индивидуальных агрессивных стремлений. Такие жертвоприношения не снимали агрессивность, а, напротив, укрепляли, узаконивали, внедряли ее. То, что они представляли собой мистерию со своими зрелищными и звуковыми эффектами, а за всем этим якобы благосклонно наблюдали боги, ничего, в сущности, не меняло. Напротив, оно получало общественное одобрение.

Человеческие жертвоприношения свидетельствовали и о том, что сам человек ничего не стоил, особенно по сравнению с теми гигантами, которые олицетворялись богами. Приношение им ставило богов в положение обязанных выполнять то, что от них ожидали люди, т.е. между этими двумя сторонами устанавливались некие договорные отношения. Но данное обстоятельство, возможно очень важное для уяснения происхождения и эволюции права, нисколько не снимает вопрос о крайней агрессивности человеческого жертвоприношения.

Итак, людей приносили в жертву, приносят и сейчас. Есть мнение, что убийство гитлеровцами нескольких сот тысяч цыган тоже было жертвоприношением. Но почему именно людей, а не только животных или растения, почему вообще необходимы были жертвы, почему не вымаливали милости богов или духов просто молитвами, пением, подношением даров, обещаниями и т.д. Конечно, боги были грозны, они насылали на землю молнии, град, землетрясения, наводнения, болезни либо безжалостное солнце, выжигающее все вокруг. Первобытный человек (а такими оставались и ацтеки) попросту не мог себе представить, что «делающий» все это сверхъестественный персонаж может согласиться лишь на моления и просьбы, потому что сами люди ни в коем случае не поступили бы так.

Истоки злокачественной агрессии

3.1. Индивидуальные причины злокачественной агрессии

Объяснение субъективных причин агрессии, в первую очередь жестокости и садизма, — чрезвычайно сложная задача. Она определяется тем, что надо выявить криминогенные детерминанты на индивидуальном уровне, куда обычно не заглядывает сам человек. Он не пытается это сделать потому, что никогда не ставит перед собой такой проблемы или его просто страшит подобное проникновение в себя. Действительно, там он может встретить чудовищ и злобных дьяволов, которые постепенно, от самой колыбели, накапливались во тьме его души, рожденные страхами, разочарованиями, обидами, завистью. Как правило, ему ничего о них неизвестно, а лишь ощущается смутная, совсем неясная опасность, связанная с тем, что они есть, но их лучше не трогать. Для того чтобы попытаться их выявить и оценить, требуется не только и не столько умение, сколько мужество и честность прежде всего перед самим собой.

Поставленная здесь проблема осложняется тем, что индивидуальная агрессия может исходить от самых разных людей: семейных тиранов и государственных деспотов, солдат, учиняющих разбой, концлагерных охранников, сотрудников так называемых специальных служб, особенно тайной полиции, сексуальных убийц, «простых» бандитов и т.д. Задача исследователя поэтому заключается прежде всего в том, чтобы установить, имеют ли злодеяния во всех случаях один источник, или каждый тип агрессии детерминируется своими причинными комплексами.

Однако наука не может ограничиваться лишь констатацией того, что агрессия, жестокие и особо жестокие действия совершают жестокие люди, некрофилы или садисты. Так было бы слишком просто, даже примитивно. Поэтому возникает архисложная задача установить, почему данное лицо проявляет агрессию, жестокость и

садизм, почему вообще они существуют, что хотели сказать природа и общество, когда породили эти опасные явления. Понятно, что жестокость всегда агрессивна, а агрессия является одной из главных форм человеческой активности, но агрессивность далеко не всегда порицаема, а во многих случаях необходима и приветствуется. В отличие от нее жестокость и тем более садизм всегда вызывают негативные оценки, в том числе правовые. Поэтому в цивилизованном мире даже уголовные наказания могут быть очень суровыми, но не должны быть жестокими. Тем не менее и они способны порождать страдания.

К. Бассиони, представительница психоаналитической школы, полагает, что генезис агрессии (в том числе особой жестокости) следует искать в детстве человека, пока он был слаб и подчинялся чужой воле. Это был истязаемый, испуганный ребенок, утративший память об эмоциях (возмущения, протеста, сопротивления, а также страха, ненависти, муки, отчаяния). Позже, находясь в положении сильного, он сам кого-то угнетает и губит, но не осознает, что действует как угнетатель, а истолковывает свои действия как необходимые и правильные. Так, в Третьем рейхе властные, внушающие страх манеры, неумолимое и жестокое поведение считались выражением крепкого душевного здоровья, признаками силы и власти, достойными подражания и восхищения¹.

Жестокая власть выступает в качестве эталона, образца для подражания. Следование ему означает вытеснение чувств слабости и незначительности, побеждающее прежнее, казалось бы давно ушедшее, но тем не менее остающееся актуальным отношение субъекта с родителями в детстве. Идентификация с властью создает иллюзию преодоления деспотии родителей, породивших страдания, страхи, тревогу и неуверенность. Субъект оказывается в состоянии личностной зависимости от персоналий власти, ставших для него идолами, причем эта зависимость носит чисто психологический характер. Приобретая статус «родителей», он будет унижать и угнетать других, агрессия станет привычной формой поведения с тем, чтобы он максимально полно слился бы с прежними своими угнетателями — родителями. В сущности, перед нами анальная личность, выживающая с помощью жестокой силы.

Ее пример весьма заразителен для всех тех, кто страдал от деспотического воспитания, пробуждая в них ненависть и стремление к разрушению. Все они не понимают, что такое воспитание представляет собой уродливую, весьма суженную социализацию при неспособности усваивать новое мышление и перестраиваться, если этого потребует новая реальность.

¹ См.: *Бассиони К.* Воспитание народоубийц. СПб., 1999. С. 81.

Деспотическое воспитание — это в сущности психологическое лишение свободы, поскольку человек понимает и воспринимает только такое воспитание и никакое другое. При обязательном для всего народа жестком требовании подавления личной воли и слепого послушания создается благоприятная почва для формирования соучастников, которые бесчувственно и без колебаний позволяют использовать себя для бесчеловечных поступков. Это дает возможность объяснить преступное поведение германских эсэсовских и советских энкавэдэшных убийц, охранников, смотрителей и надзирателей в концлагерях.

Однако далеко не во всех случаях причиной формирования агрессивной личности следует считать деспотическое семейное воспитание. Такое воспитание необязательно формирует жестоких и агрессивных людей, они, например, могут стать вялыми, пассивными, безынициативными, как бы лишенными воли. Агрессия, постоянная готовность прибегать к ней возможны и у людей, которые не воспитывались таким образом. Но когда они взрослеют, то часто убеждаются, что в той жизни, которую застали, достичь успеха можно только или преимущественно путем агрессии. Особенно «благоприятными» для возникновения таких установок бывают революции и послереволюционные периоды, как это было в России после переворота 1917 г., когда хаос и беспорядок, сами по себе являющиеся подходящей почвой для агрессии, сменились жесточайшей диктатурой.

Материальный достаток здесь тоже очень значим. Например, советская власть обрекла миллионы крестьян на нищету и голод, спасаясь от которых они ринулись в города. Здесь за относительно спокойное и сытое существование (часто это была армия или карательные органы), хотя бы и в чуждой культуре, они были готовы преступить любые границы морали. Другие, не сельские, а исконно городские жители видели в агрессии, в том числе в, так сказать, служебной, подчиняясь приказу, возможность не только сохранить себя, свою жизнь, но и сделать неплохую карьеру, добиться немалого материального достатка. Кроме этого, низы и городского, и сельского населения нередко объединялись в банды, готовые на любую агрессию.

Участие в карательных и погромных отрядах, в деятельности концлагерей давало неограниченные возможности для реализации индивидуальных агрессивных устремлений. Пределы жестокости там, как правило, не были очерчены, сама среда была крайне агрессивной, особенно в лагерях уничтожения.

Описания жизни в концлагере можно найти в работах Виктора Франкла, выдающегося психолога, узника гитлеровского концлагеря. Но он лишь частично освещает ее, так как перед ним стояли

иные задачи. Он отмечает, что, во-первых, среди охранников концлагеря были безусловные садисты в строгом клиническом смысле этого слова. Во-вторых, таких садистов специально отбирали, когда нужно было составить очень жестокую команду. В-третьих, большую часть лагерной охраны составляли люди, просто отупевшие от тех огромных доз садизма, ежедневными свидетелями которого они оставались годами. Эти закосневшие в своем относительно благополучном существовании люди не были, впрочем, ярыми садистами в своих владениях, но против садизма других они, конечно, не возражали. В-четвертых, среди охраны были «саботажники», которые не убивали и не истязали заключенных, но нас, понятно, не интересуют в контексте предпринятого здесь исследования агрессии.

Франкл рассказывает о таких эпизодах. В сильнейший мороз, совершенно не защищенные от холода своей жалкой одеждой, заключенные работают на открытом воздухе. Им разрешено по очереди примерно раз в два часа несколько минут погреться у походной железной печурки, которую топят здесь же собранными сучьями и ветками. Для заключенных эти минуты были, конечно, большой радостью. Но всегда находился какой-нибудь бригадир, надсмотрщик, который лично запрещал это и пинком сапога отшвыривал в снег печурку со всем ее благодетным теплом. И по выражению его лица было видно, какое наслаждение он получает, лишая заключенных возможности погреться¹.

Для понимания природы жестокости в концлагере необходимо учитывать имеющуюся там регрессию жизни — возвращение к примитивным формам поведения и таким же влечениям к потребностям. В этих местах невероятной концентрации зла и страданий все интересы заключенных сходились на том, чтобы только выжить, получить побольше еды и попасть на относительно терпимую работу. Примитивизация не миновала и саму лагерную охрану, она все время сталкивалась с насильно примитивизированными заключенными, с примитивностью самой жизни там. Но еще до попадания туда охранники, в том числе эсэсовцы, отнюдь не принадлежали к духовной или интеллектуальной элите. Особенность лагеря, писал Г. Адлер, состоит в том, что все ложное, опасное, глупое и низкое, что произрастает в человеке и человеческих институтах, смело выступает здесь в своей зловещей и неумолимой обнаженности. Любой охранник, даже самого низкого ранга, мог проявить какую угодно жестокость по отношению к узникам, заставляя их страдать, убить любого из них.

Ложное, опасное, глупое и низкое произрастало и в маршале Франции де Рэ (XVI в.), который в полной мере использовал свое

¹ См.: Франкл В. Сказать жизни «Да». Психолог в концлагере. М., 2009. С. 160—162.

социальное положение и богатство для того, чтобы мучить и убивать детей и подростков (точное количество жертв де Рэ неизвестно, оно колеблется от 200 до 300). Ж. Батай, исследуя его жизнь и преступления, попытался раскрыть их причины. Он отмечает, что, начав делать что-то важное, он уже не мог остановиться. Так, маршал промотал свое богатство, его безрассудное расточительство принимало неистовый характер; при этом слепо доверял проходимцам и мошенникам; в битвах он проявлял мужество и отвагу; так же неистово терзал своих жертв, в то же время панически боялся дьявола, хотя занимался мистическими упражнениями, которые католическая церковь бесспорно осуждала. Батай отмечает инфантильность де Рэ, что проявлялось в детской беспечности и доверчивости, явно глупых поступках, непринятии мер предосторожности как в общении с потусторонними силами, так и при совершении многочисленных убийств. Он, как малое дитя, не считался ни с какими запретами, убивая детей и подростков, но и не принимая никаких мер, чтобы не быть наказанным за это.

Батай пишет, что в жизни де Рэ не было ситуаций, в которых не проявлялось бы его крайнее равнодушие, некая рассеянность, сменявшаяся жестокостью. Чуждый осторожности, он был словно ввергнут во власть своих влечений, не подчиненных рефлексии. Его инфантильность, дополненная таким богатством и такой властью, раскрывала перед ним трагические возможности. Эта инфантильность чудовищна, перед нами ребенок, который обладает возможностями взрослого человека, и возможности эти, скорее, не инфантильные, а архаические — и этот момент в рассуждениях Батая надо особо выделить. Он похож на каннибала, а еще точнее — на одного из своих германских предков, не скованных условиями цивилизации, пишет Батай, приводя также многие примеры разнузданной жестокости феодалов. В жизни де Рэ архаика сыграла еще большую роль, поскольку он был наивен и столь же чужд разуму и расчетливости, сколь и мошенническим помыслам. Как можно понять Батая, маршал полностью усвоил дикость и разнузданность своего окружения; на воспитание де Рэ повлияли лишь жестокость воина, которой, как и во времена германцев, сопутствовали невероятное мужество и неистовство дикого зверя¹.

Я не случайно привожу столь подробно мнение Батая о причинах садизма и жестокости де Рэ. Дело в том, что и в наше время можно встретить преступления и преступников, схожих с этим маршалом и его деяниями, для этого достаточно вспомнить хотя бы Чикатило. Поэтому исследование личности и причин поведе-

¹ См.: *Батай Ж.* Процесс Жюль де Рэ. Colonna Publications, 2008. С. 28—31.

ния де Рэ для нас достаточно актуально. Если поставить перед собой задачу его объяснения, можно попытаться ее решить, хотя за давностью лет и недостаточностью информации сделать это будет весьма непросто.

Несомненно, что де Рэ полностью вобрал в себя все дикости и жестокости своей эпохи, однако и тогда убийство детей и сексуальное насилие над ними отнюдь не поощрялось, тем более что они относились не к врагам, а к своему собственному народу. Батай убедительно доказывает, что маршал был глуп, из чего можно сделать вывод, что он совершенно некритически относился к жизни и воспринимал только то, что соответствовало его интересам и влечениям. Между тем, анализируя даже тот неполный материал, который имеется в нашем распоряжении, можно сделать и другие важные выводы.

1. Де Рэ, скорее всего, страдал расстройством психической деятельности, вследствие чего возникшее у него влечение не опосредовалось разумом, а немедленно или почти немедленно реализовывалось в поступки. Эти расстройства объясняют также его безрассудное расточительство и почти детскую доверчивость, а кроме того и непринятие мер к тому, чтобы скрыть свои преступления и попытки вступить в отношения с потусторонними силами, особенно с дьяволом, что в глазах церкви были тягчайшим преступлением.

2. У де Рэ были какие-то сексуальные нарушения, очень возможно, он потерпел неудачи в попытках наладить половые контакты со взрослыми женщинами, а поэтому насиловал детей и подростков обоих полов, причем предпочитал анальный секс даже с девочками. Последнее обстоятельство тоже немаловажно, его можно истолковать как символический уход от женщины. Маршал мог бы знать, что такой секс французский закон тех лет карал повешением. Он еще был активным гомосексуалистом.

3. Де Рэ был садистом и некрофилом: он наслаждался мучениями умерщвляемых детей и подростков, видом крови, применял разнообразные способы лишения жизни, намеренно изобретая их; он целовал отрубленные головы и осуществлял сексуальные акты с мертвыми. Де Рэ делал это, как следует из его же объяснений, приведенных в протоколах процесса, для его сексуального удовлетворения.

4. Есть основания считать, что де Рэ является олицетворением первобытного мира в том смысле, что в совершенных им преступлениях можно обнаружить регрессию, возвращение к первобытным формам поведения. Такая регрессия в принципе возможна, ее можно наблюдать в поведении душевнобольных, при инцесте и педофилии. В Государственном научном центре социальной и судебной

психиатрии им. В.П. Сербского зафиксированы случаи, описанные в кандидатской диссертации Ю.К. Чибисова, когда поступившие туда на обследование обвиняемые проявляли даже не первобытное, а дочеловеческое поведение: бегали на четвереньках, ходили, сгорбившись, низко опустив руки, напоминая человекообразную обезьяну; лежали на полу, свернувшись калачиком; часто произносили звуки, напоминающие то лай собак, то хрюканье свиньи, то крик гусей и петухов; пищу из тарелки лакали; при неприятных раздражителях скалили зубы, издавали звуки, напоминающие рычание, принимали позу животного, готовящегося к нападению. Не пользовались бельем, от них неприятно пахло. После лечения в психбольнице вновь обретали привычный вид.

Механизм такой регрессии неизвестен, можно лишь предположить сохранение в психике передаваемой по наследству информации о дочеловеческой стадии истории, которая при некоторых условиях актуализируется, определяя соответствующее поведение. Но для того чтобы его воспроизвести сейчас, оно должно было бы иметь место в праистории.

Несмотря на все дикости (на наш современный взгляд), которые существовали на первых этапах развития человечества, тогда не убивали детей и подростков своего рода или племени, во всяком случае ради своего удовольствия. Такой информацией наука не располагает. Описанные выше формы поведения Чибисов назвал *синдромом одичания*. Такой синдром наблюдали также А.И. Молочек и О.Е. Фрейеров; Н.И. Фелинская называла его регрессом психики.

Таким образом, вполне возможно, что некоторые дикие убийства, совершаемые с особой жестокостью, имеют архаическое происхождение, однако это не более чем предположение. Но если подобное предполагать, нужно выявлять, изучать и устранять условия, которые способны такие установки актуализировать. Причину же жестоких преступлений, приносящих страдания, в первую очередь следует искать в личности преступника и его жизни, каждый раз задумываясь над тем, ради чего данный человек совершает данные действия, что он от этого психологически выигрывает. Такой выигрыш всегда должен быть, пусть даже сам человек не всегда осознает это.

В жестокости можно различать два аспекта, связанных с ее природой и происхождением. Во-первых, это наличие садизма и некрофилии, которые как бы программируют человека на жестокость, но это программирование весьма условно, поскольку может стать реальностью, а может и не стать. Во-вторых, это совокупность обстоятельств, толкающих человека на жестокие поступки, например из мести или зависти. Эти обстоятельства могут стимулировать как садистов и некрофилов, так и любых других. В числе последних мо-

гут быть самые мирные люди, мстящие, например, за поругание своей Родины. Особо можно выделить людей, живущих в состоянии хронической ненависти, когда колоссальная концентрация гнева постоянно направлена на то, чтобы разрушать и приносить страдания. Такими состояниями отличались Сталин и Гитлер, причинившие невыносимые муки миллионам людей. Такими же состояниями можно охарактеризовать и многих неоднократных убийц, которые постоянно убивают из похоти, корысти, ради укрепления своего авторитета и даже «просто так». Хронической ненавистью способны отличаться семейные тираны и тиранствующие бюрократы, хотя наносимый ими людям ущерб может и не быть уголовно наказуемым.

3.2. Мотивы злокачественной агрессии

Постоянный поиск того, ради чего проявляет человек жестокость и заставляет страдать других, представляет собой основное направление в исследовании индивидуальных причин этого явления. Можно предположить наличие здесь нескольких «выигрышей».

1. Субъект, заставляя страдать других, снижает тем самым присущий ему спонтанный и совершенно смутный страх перед чем-то, что ему абсолютно непонятно. Унижая, втаптывая в грязь, даже убивая, он тем самым возвышает себя, вырастает в собственных глазах: раз он может сделать так, значит, у него есть сила и больше возможности. Жестокость становится способом самореализации, подтверждения своего социального и биологического статусов.

Движение к власти, чтобы преодолеть страх перед жизнью, в сущности безгранично. В истории многократно бывало так, что правитель (монарх, пожизненный президент и т.д.), достигший всемогущества и поверивший в свою избранность и непогрешимость, обрекает себя на отчуждение, поскольку все время уходит от людей. Но далеко не каждый имеющий власть совращается ею. Все дело в интенсивности склонности к жестокости, в желании решить важные жизненные проблемы с ее помощью.

2. Унижать и даже уничтожать другого (других) субъект может из-за страха потерять свой статус («потерять лицо»), лишиться привилегий и возможностей, с ним связанных, самому попасть в число отверженных и униженных, наконец, из-за страха смерти (например, в концлагере). Иными словами, и здесь действует высокая тревожность.

3. Особой спецификой отличается жестокость и садизм в сексуальных отношениях. В соответствующих ситуациях мужчина (намного реже женщина) проявляет жестокость и причиняет мучения женщине потому, чтобы доказать свое превосходство над ней, пол-

ностью, до конца унижить ее, подчинить себе. Чаще всего так поступали мужчины, которые терпели психотравмирующие неудачи в интимной жизни, поэтому им надо быть выше женщины, иначе у них может ничего не получиться. Дон Жуану незачем было сечь и мучить женщин, у него и так все получалось, они сами счастливы были покориться ему.

Садизм и убийство с особой жестокостью женщин могут иметь место и в качестве мести им за свои сексуальные провалы, которые произошли, «разумеется, по их вине». Здесь конкретная женщина выступает в качестве символа, олицетворения всех женщин, коварных, злых, бесчестных, стремящихся унижить мужчину. Он же в таком качестве не может принять себя, а поэтому должен уничтожить этот символ.

Активность тревожных и жестоких личностей направлена главным образом на защиту своего социального и биологического бытия, которое понимается, точнее, ощущается ими только в таком плане, т.е. нуждающемся в защите. Такая личность чувствует себя уверенной только тогда, когда господствует над кем-то, кто находится в его власти. Это надо понимать максимально широко: от государственных до семейных тиранов, от кровавых завоевателей до членов банды, измывающихся над беззащитной жертвой.

Проведенное в 1980—1990-х годах с моим участием исследование личности насильственных преступников показало, что *тревожность* высокого уровня является наиболее характерной их чертой. В 2008—2009 гг. Е.Н. Юрасовой было обследовано несколько сот студентов московских вузов. Оказалось, что ксенофобские установки характерны для тех из них, которые, как показало психологическое тестирование, отличаются повышенным уровнем тревожности.

Никто не рождается жестоким человеком, он становится им в силу высокой диффузной тревожности, травматического жизненного опыта и полученного воспитания, т.е. если

- человек рождается с высоким уровнем тревожности, но условия жизни не снижают его;
- условия жизни порождают повышенную тревожность, не компенсируемую нравственным воспитанием;
- при этом человек воспитывается в убеждении, что сила и принуждение решают все, он может действовать соответственно.

Садизм и жестокость составляют содержание человеческой деструктивности, о которой Фромм писал, что она «не является параллелью по отношению к биофилии, а альтернатива ей. Фундаментальная же альтернатива, перед которой оказывается любое живое существо, состоит в дихотомии: любовь к жизни или любовь к смерти. Некрофилия вырастает там и настолько, где и насколько

задерживается развитие биофилии. Человек от природы наделен способностью к биофилии, таков его биологический статус; но с точки зрения психологии у него есть и альтернативная возможность, т.е. он может при определенных обстоятельствах сделать выбор, в результате которого он станет некрофилом»¹.

Развитие некрофилии, садизма, жестокости и повышенной жестокости может происходить вследствие психических болезней, они могут быть элементами клинической картины таких болезней. Здесь их механизм возникновения и течения совершенно иной, чем я его излагал выше, связывая прежде всего с социальными условиями существования человека. Но несомненно, что и в случае душевной болезни человек не может не находиться в определенных социальных условиях.

Фромм выдвинул предположение, что некрофилия представляет собой злокачественную форму «анального» характера, в то время как биофилия — это полностью развитая форма «генитального» характера. При этом, используя клиническую терминологию Фрейда, Фромм не разделяет его идею о физиологических корнях этих страстей. Фромм считал также, что нет жесткой границы между некрофильской и биофильской направленностью: каждый индивид представляет собой сложную совокупность, комбинацию признаков, находящихся в конкретном сочетании; количество таких сочетаний фактически совпадает с числом индивидов, т.е. есть у каждого. Однако на практике все же вполне возможно провести грань между преимущественно биофильским и преимущественно некрофильским типом личности². Последнее утверждение более чем верно, поскольку на нем основана возможность привлечения к уголовной ответственности.

Мои многолетние исследования жестоких и особо жестоких преступлений показывают, что виновные в них лица абсолютно неоднородны ни по мотивам совершенных ими действий, ни по чертам своего характера, ни по целям, которые они преследуют, в том числе и в тех случаях, когда цели ими осознаются. Но есть, конечно, и общие черты, такие, например, как эмоциональная холодность и бесчувственность, неумение сопереживать и поставить себя на место другого и в то же время крайняя чувствительность к нежелательным внешним воздействиям и ранимость, а также агрессивность и жестокость, неумение контролировать свои поступки и сдерживать свои эмоции. Психологическое изучение подобных личностей показывает, что они по большей части ригидны, злопамятны, нежелательные эмоции как бы застревают в них, они долго, иногда всю жизнь хранят старые обиды, даже те, которые имели место в детстве и когда причины, их вызвавшие, давно исчезли.

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 316.

² См.: Там же. С. 316—317.

Поздние (иногда очень поздние) реакции на нанесенные травмы дают о себе знать неожиданно, в том числе для самого человека, который, кстати, может и не подозревать, что они у него сохранились. Поэтому многие преступники, учинившие жестокие поступки, не могут понять, что с ними случилось, искренне недоумевают, почему они это сделали. Отсюда вполне естественное стремление отторгнуть от себя ими же содеянное, не ощущать себя его источником, а мы ошибочно оцениваем такое отношение в качестве попытки обмануть нас.

Поведение насильственных преступников, особенно убийц, в значительной мере порождается аффективно заряженными идеями, реализуемыми в определенных ситуациях. Поскольку они чрезвычайно чувствительны к внешним событиям и подозрительны, у них затруднена правильная оценка этих событий, которая легко меняется под влиянием аффективных переживаний. Такие лица обладают достаточно устойчивыми представлениями, которые непросто изменить; любые затруднения рассматриваются ими как результат враждебных действий со стороны других людей, которых обычно и обвиняют в своих неудачах. Они нередко наделяют их своими мыслями, ощущениями и намерениями, поэтому начинают воспринимать в качестве враждебных и агрессивных по отношению к себе. Вследствие этого, совершая насилие, убийца, например, считает, что он таким образом защищает свою жизнь, свое достоинство и честь, «справедливость» и т.д.

Эти же черты отличают грабителей и разбойников. Они, как и все насильственные преступники, постоянно враждебны к окружающим, испытывают большие трудности в усвоении правовых и моральных норм. Происходит это потому, что такие люди психологически, а иногда и физически отчуждены от общества, малых групп и их ценностей. Это не их ценности, они принадлежат иному, непонятному, чуждому миру, поэтому и соблюдать их совсем не обязательно. Но есть различие между убийцами, лицами, виновными в нанесении телесных повреждений, и теми, которые совершают грабежи и разбои. Если поведение первых направляется в основном бессознательной защитой от воображаемой опасности и аффективно заряженными идеями, то поведение вторых определяется тенденцией к скорейшему удовлетворению возникающих желаний и потребностей, что сочетается у них с нарушением общей нормативной регуляции поведения, интеллектуального и волевого контроля. Можно сказать, что виновные в грабежах и разбоях отличаются от других преступников наибольшей неуправляемостью поведения и внезапностью антисоциальных поступков.

Вернемся к одному качеству насильственных преступников, о котором мимоходом мы уже говорили. Это *бесчувственность* к чу-

жому страданию и к чужому горю, неспособность сопереживать и поставить себя на место другого. Они как бы глухи ко всему, что не касается их лично, но личные интересы охватывают не только собственную персону, но и все, что с ней связано, входит в ее психологическую территорию и тем самым естественным образом составляет круг их ценностей. Поэтому у них можно наблюдать бурные разрушительные реакции, например, при посягательстве на достоинство любимой женщины или на группу, членством в которой они очень дорожат. Такие люди способны ограбить и убить, изнасиловать девочку-подростка, избить ее до полусмерти и сделать инвалидом, унижить и оскорбить, часто по ничтожному поводу или вовсе без него, «просто так». Во многом это и создает ту кажущуюся легкость, с которой они причиняют самые тяжкие страдания.

Бесчувственность к чужому горю и страданиям, нежелание осознавать исключительно опасные последствия своих поступков и свою вину объясняют и отсутствие подлинного раскаяния в содеянном практически у всех насильственных преступников, в том числе совершивших убийства с особой жестокостью или убийства своих близких. Но факт остается фактом: такие люди лишены божьей милости — сопереживать другому, что их максимально приближает к животным.

Раздумывая над конкретными жестокими преступлениями, психологическое тестирование насильственных преступников, их рассказы о себе и своей жизни, оценка всех этих данных позволяют предположить наличие у них еще одного фундаментального качества — неумения, точнее, неспособности разрешать свои внутренние проблемы и соответствующие им переживания, особенно если они болезненны, только на психологическом уровне, без внешних физических действий, без изменения внешней физической среды. В большинстве случаев склонные к насилию и жестокости люди воздействуют на других людей нежелательным, конечно, для них способом, уничтожают и присваивают материальные ценности, т.е. приспособливают среду к себе, а не стремятся адаптироваться к ней, оставаясь в рамках своего «Я». Если бы они смогли решить свои проблемы на психологическом уровне, это доказывало бы их субъективную возможность к адаптации, но как раз такого качества у них нет.

Можно сказать, что без изменения среды они не способны найти субъективно оправданные решения даже по вопросам сугубо интимным, и это, по-видимому, отличает их от непроступников. Разумеется, изменение среды тоже может быть разным, не обязательно разрушительным, а вполне моральным. Однако выбор такого общественно полезного пути для них блокирован в силу названных

выше особенностей личности и тех ведущих мотивов, которые направляют их жизнь в целом.

Конечно, анализируемое качество, как бы весомо оно ни было в структуре личности человека, склонного к жестокости, не может существовать изолированно от других, в первую очередь таких, как повышенная эмоциональность, застреваемость, переживание и ранимость. Поэтому любые неблагоприятные воздействия воспринимаются ими очень травматично, но, повторяем, разрешать возникающие в связи с этим проблемы на личностном уровне они не способны. Обычно именно по этой причине такой человек может ударить или убить, чтобы утвердить себя, либо отомстить за действительную, а чаще мнимую обиду, напасть и ограбить, чтобы завладеть желанной вещью, оскорбить или унижить, чтобы почувствовать себя сильным и значимым, подчиняющим себе других.

То, что многие преступники способны действовать только на физическом уровне, несколько напоминает реализацию древнего принципа «око за око, зуб за зуб». На реальные или мнимые обиды даже не от конкретных людей, а от мира вообще, от жизни или судьбы некоторые из них отвечают физическим насилием, нередко очень жестоким, в отношении вполне определенного человека, иногда первого встречного или массы людей. Отсюда внешне бессмысленная стрельба по толпе либо группе сверстников. В этих случаях они особенно наглядно демонстрируют полную неспособность психологической компенсации того, что они считают нанесенным им вредом, причем часто просто не могут соразмерить этот вред и свою агрессию.

Стремление действовать жестоко, даже очень жестоко, есть у многих людей, но чаще всего это стремление не актуализируется и не реализуется до тех пор, пока не создаются подходящие условия. Эти условия провоцируют жестокость (например, в качестве мести) либо дают выход фрустрации вследствие накопившихся горьких обид, острой зависти, неудачной жизни, неоправдавшихся надежд и поиска виноватых либо самоутверждения и утверждения, защиты своего социального и биологического статусов, ради демонстрации своей способности переступить все мыслимые запреты. Разумеется, все эти мотивы, носящие преимущественно бессознательный характер, часто предстают в сложнейших переплетениях. Сдерживать подобные влечения способна культура, в первую очередь через воспитание, однако это действует далеко не безотказно. Новейшая история убедительно доказывает, что даже очень высокая культура народа (например, немецкого) совсем не гарантирует его удержания от проявлений даже крайней жестокости. Миллионы германских солдат и офицеров, творившие зверства во время войны на оккупированных территориях и в концлагерях, в большинстве своем полу-

чили надлежащее христианское воспитание в семье и школе. Но их индивидуальное, субъективное, сугубо личное все-таки пробило эту, казалось бы, твердокаменную броню.

Это индивидуальное, субъективное, сугубо личное несет на себе печать чего-то древнейшего, первобытного, идет от первобытного человека с его страхами и неуверенностью, с его смутными и пугающими представлениями о самом себе и неустанными поисками своего места в этом незнакомом и опасном мире. Мы можем лишь предположить, что какая-то часть психики дикаря продолжает жить вопреки всем многовековым культурным запретам и она передана его более чем далекому потомку посредством неких архетипических механизмов. Не менее важно такое дополнение: страхи и неуверенность, хотя и появились издавна, они постоянно поддерживались самыми разными бедствиями и опасностями буквально всех эпох человеческой истории.

Перейдем к рассмотрению индивидуальных причин общественной (злокачественной) агрессии в аспекте ее мотивации. Под *мотивами* я буду понимать субъективный смысл поведения, то, ради чего оно реализуется. Мотивы могут осознаваться или не осознаваться, а поэтому следует полагать, что существуют два уровня мотивации: внешний, видимый, осознаваемый — назовем его предметным, и глубинный, чаще всего бессознательный — назовем его смысловым. Они, конечно, чаще всего действуют одновременно, дополняя друг друга.

Здесь будут исследованы мотивы агрессивного поведения, а не, скажем, агрессии одного государства против другого, но в рамках и такого, непедагогического, уровня всегда действуют отдельные люди, мотивы насилия которых следует знать.

Как известно, субъективно-личностные и поведенческие характеристики тесно связаны между собой (хотя и не тождественны друг другу). Приведем здесь некоторые проявления *неосознаваемого мотивационного опосредования поведения и их возможные криминальные корреляты*.

Первая категория таких мотивов агрессивного поведения связана с типом личности.

У лиц первого типа наблюдаются спонтанные повышения напряженности агрессивного аффекта, что может выражаться в более или менее агрессивных действиях. Эти действия часто внешне осознаются и рационализируются в форме реакции «справедливого негодования».

Представители второго типа отличаются частой сменой настроения, психической активности, склонны к острым эмоциональным впечатлениям, что может проявляться в дерзком хулиганстве, бродяжничестве, проституции, а также в социально приемле-

мых формах, например занятиях спортом, сопряженных с высокой степенью риска для жизни.

Для представителей третьего типа со свойственной им переоценкой значимости собственной личности характерна агрессивная концепция окружающей социальной среды и различные формы защиты от этой мнимой агрессии. Особенности именно этого типа, как оказалось, часто мотивируют совершение тяжких насильственных преступлений против личности.

В указанных типах неосознаваемой детерминантой является сама *психологическая структура личности*. Она в качестве целостности неосознаваема принципиально. Надо заметить, что указанные субъективно-личностные структуры «срабатывают» не только в декомпенсирующих ситуациях, т.е. в неадекватных для них условиях. Они могут порождать соответствующие их содержанию ситуации и условия. Так, лицо эпитимного типа всегда найдет, к чему придраться, лицо паранойяльного типа создает повод для ревности и подозрений. Вероятно, это закономерность функционирования типа, которая, однако, не ведет неизбежно к агрессивным формам поведения.

Несколько особым типом личности являются лица с так называемой негативной социальной аутоидентичностью. Основная их тенденция выражается в неосознаваемом избегании социальной идентификации и социального контроля. Это, как правило, лица, ведущие бездомный, паразитический образ жизни. Для обеспечения такой жизни они могут совершать кражи и другие корыстные преступления.

Необходимо заметить, что человек в принципе может осознать типологические особенности своей личности, что дает ему определенную возможность управлять своими состояниями. Об этом, в частности, свидетельствует опыт успешной психотерапии.

Однако в отношении преступников, в том числе в исправительных учреждениях, психотерапевтическое воздействие, как правило, не осуществляется, что выступает одной из субъективных причин рецидива преступного поведения.

Вторая категория неосознаваемых мотивов поведения связана с блокированием возможности проявления своей личности в определенном поведении при наличии высокой субъективной необходимости таких проявлений. Здесь возникают так называемые смещенные по объекту формы поведения.

Прежде всего, это может быть связано с разившимся комплексом неполноценности, неадекватности, ущемленности личности. Поведение в данном случае может носить компенсаторный или гиперкомпенсаторный характер. Последнее нередко приводит к браваде, необдуманым, рискованным поступкам. Примером может быть проявление физического насилия в форме особой жестокости

лицом с психологическим комплексом своей физической неполноценности.

В других случаях в ситуациях блокирования потребностей или стремлений возникают смещения реакции с адекватного на замещающий объект.

Третья категория неосознаваемых мотивов связана с отсроченным во времени действием закрепившегося в детстве по механизму импринтинга («впечатывания») травматического опыта.

Унижения, несправедливое, жестокое обращение могут оставлять свой отпечаток в эмоциональной структуре личности и при определенных условиях порождать соответствующие формы поведения, о чем подробнее будет сказано ниже. Однако в сознании личности эта связь, как правило, не отражается, хотя соответствующий травматический опыт и может осознаваться. Указанный механизм является частным случаем более общего бессознательного процесса отсроченного во времени «срабатывания» прошлого опыта. Наиболее ярко это проявляется в выборе друзей, подруг, жен, сожительниц, мужей. Здесь зафиксировавшееся в психике ребенка, прежде всего в его эмоциональной сфере, общение, ассоциированное с конкретными лицами, является как бы моделью для последующего выбора или создания ситуаций и круга общения. Причем, как уже отмечалось, чем сильнее эти ранние фиксации, тем жестче модель определяет выбор и поведение, вплоть до полной зависимости лица от ситуации или от другого человека. Нередко тот, от кого лицо находится в такой жесткой зависимости, становится его жертвой.

Четвертую категорию бессознательных мотивов преступного поведения составляют различные патологические (не исключаящие вменяемости) особенности личности.

Унижения, несправедливое, жестокое обращение с человеком в детстве может стать причиной его высокой тревожности, в свою очередь выступающей в качестве причины агрессивных действий. При этом тревожность воздействует на другие подструктуры личности; более того, она играет роль некоей цементирующей основы всей целостности личности, придавая ей необходимое единство.

Нарушение процессов формирования мотивов с задержкой на стадии амбивалентности (двойственности желания) может проявляться в виде навязчивого стремления к реализации негативного влечения. В этих случаях у субъекта возникает сильнейшее стремление совершить поступок, который он сам расценивает как совершенно недопустимый. Такое нарушение влечения может проявиться как в форме безобидного озорства, лишь незначительно нарушающего общественный порядок, так и в виде самых жестоких действий против личности.

Названные мотивы могут выступать и в качестве отдельных звеньев механизма агрессивного поведения (например, проецирование агрессии на среду, блокирование возможности адекватной реакции на те или иные события и т. д.).

Теперь попытаемся определить *конкретные мотивы агрессии и агрессивного поведения*.

Корысть. Нападение на другого или других может быть совершено в целях завладения чужим имуществом. Захват какой-либо страны тоже может быть корыстным: чтобы завладеть ее богатствами, богатыми недрами, фабриками и т.д. Глубинным смыслом корыстной агрессии может быть снижение уровня своей тревожности из-за необладания чем-то субъективно ценным, повышение своего престижа и авторитета, собственного величия, когда, например, захватывается чужая страна.

Действия по насильственному захвату власти и насильственному же ее удержанию тоже могут быть продиктованы мотивами корысти. Власть в недемократической стране означает не только возможность командовать, управлять людьми, что само по себе очень важно для авторитарной личности, но еще и возможность присвоить богатства этой страны.

Защита. Имеется в виду защита своей чести и достоинства, своего «Я». Так поступил, убив Ларису Огудалову, мелкий чиновник Карандышев, когда она предпочла ему блестящего барина Паратова («Бесприданница» А.Н. Островского). Своим выбором она указала Карандышеву на его подлинное место в социальной иерархии. Вообще мотив защиты имеет место во всех случаях, когда возникает мнимая или действительная угроза и защита осуществляется путем нападения.

Самоутверждение. Его смысл заключен в том, что путем насилия человек утверждает себя в собственных глазах, он доказывает себе или пытается это сделать, что он силен, хитер, способен преодолеть условности и совершить требуемый поступок. Мотив самоутверждения ярко просматривается у Раскольникова («Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского), хотя не совсем понятен замысел автора, почему именно с помощью убийств двух беспомощных старушек надо самоутверждаться.

Утверждение в глазах ближайшего окружения или даже всего мира. Подростки порой участвуют в разбойных нападениях и хулиганских действиях, только чтобы не утратить престиж в глазах ценимой группы или завоевать там место. Реализовать кровную месть человек может вовсе не потому, что ему обязательно нужно отомстить, а потому что он следует вековым традициям, а отказавшись от мести, лишится уважения своих соотечественников. Захват чужой страны может, по мнению агрессора, повысить его личный авторитет в гла-

зах всего мира. Так, например, считал бездарный правитель Муссолини, напав на далекую Эфиопию.

Удовлетворение садистских и некрофильских устремлений. О садизме и некрофилии достаточно подробно будет сказано ниже, сейчас же ограничусь утверждением, что, как показывают многие проведенные мною исследования, эти явления очень распространены среди насильственных преступников, особенно убийц. Садизм и некрофилия мотивируют действия представителей администрации концлагерей, многих современных террористов и экстремистов. К сожалению, бытовая сфера жизни тоже «поставляет» садистов, если иметь в виду, например, домашних тиранов.

Ревность. Содержанием этого мотива можно считать соперничество в обладании объектом любовных устремлений, причем последние иногда могут составлять смысл жизни данного человека, хотя бы на данном отрезке. Классическим ревнивцем уже много веков считают Отелло («Отелло» У. Шекспира), правда, А.С. Пушкин писал о нем, что он не ревнив, а доверчив. Но одно не исключает другого, и Отелло, по-моему, является паранойяльной личностью, он был не только доверчив, но не умел должным образом оценить довольно-таки простую ситуацию в своей жизни.

Соперничество, нередко сопровождаемое чувствами беспомощности и обреченности, может порождать агрессию не только в отношении соперника (соперницы), но и самого объекта влечения.

Хулиганские и анархические (либо вандальные) побуждения. При агрессивных хулиганских действиях человек с их помощью самоутверждается, показывает себя и утверждает в глазах других, что особенно характерно для подростков. Анархические и вандальные действия бывают особенно разрушительными.

Особая разновидность анархо-вандальных действий — стрельба из огнестрельного оружия по толпе. Стреляющий не имеет в виду конкретного человека или группу конкретных лиц, он атакует, образно говоря, все человечество, которое вследствие его личных неудач и провалов глубоко опротивело ему, вызывая ненависть и вражду.

Разумеется, мотивы агрессии, приведенные здесь, отнюдь не исчерпывают перечень возможных стимуляторов человеческой агрессии. Мотивы могут переплетаться, создавая причудливые полимотивации, о которых сам действующий субъект может и не подозревать.

Люди иногда реагируют агрессией на провоцирующие события точно так же, как и животные. Более того, просто поразительно разнообразие тех неприятных событий, которые могут вызвать агрессивное поведение как у людей, так и у представителей других видов живых существ. В ряде случаев имеет место, так сказать, не-

умышленная провокация, когда якобы провоцирующий субъект вызвал острое недовольство или даже гнев у другого человека, что породило агрессию. Этому субъекту провокация приписывается, но это не гарантирует защиты от насилия со стороны других.

В литературе приводится немало примеров того, что оно порождается жарой и общественными беспорядками, что подтверждается и лабораторными наблюдениями (Р. Бэрн, С. Гриффит), ему может способствовать табачный дым, отвратительные запахи, неприятная музыка, отталкивающие сцены. Индивидуальная агрессия может стать следствием стресса из-за неудач в работе или в личных отношениях, безработицы, инфляции или гиперинфляции, каких-то политических событий. Здесь агрессия является не только попыткой устранить или ослабить травмирующее воздействие или ослабить собственное состояние: она является прямым ответом на неблагоприятную ситуацию и может случиться мгновенно. Очень часто такая реакция является мгновенной и бессознательной, особенно у импульсивных людей.

Впрочем, перечислить все случаи, когда может иметь место индивидуальная агрессия, просто невозможно. Берковиц считает, что агрессивные тенденции продуцирует не стресс сам по себе, а вызванный им негативный аффект. Эту его формулировку можно рассматривать как рабочее предположение, поскольку любой вид негативного аффекта или неприятного чувства является основным подстрекателем эмоциональной агрессии. Берковиц несомненно прав, что негативный аффект не обязательно должен быть интенсивным, но чем сильнее приживаемое неудовольствие, тем сильнее будет подстрекательская агрессия¹.

3.3. Формирование агрессивной личности

Процесс формирования личности принято рассматривать как социализацию, т.е. как процесс наделения личности общественными свойствами, выбора жизненных путей, установления социальных связей, формирования самосознания и системы социальной ориентации, вхождения в социальную среду, приспособления к ней, освоения определенных социальных ролей и функций. В этот период возникают и закрепляются типичные реакции на возникающие жизненные ситуации, наиболее характерные для данного человека предпочтения.

Социализация личности как активный процесс длится не всю жизнь, а лишь период, необходимый для восприятия комплекса норм,

¹ См.: Берковиц Л. Агрессия. Причины, последствия и контроль. СПб.; М., 2001. С. 82–83.

ролей, установок и т.д., т.е. на протяжении времени, необходимого для становления индивида как личности. Можно выделить первичную социализацию, или социализацию ребенка, и промежуточную, которая знаменует собой переход от юношества к зрелости, т.е. период от 17—18 до 23—25 лет.

Социализация практически совпадает с процессом, который впервые выделил и исследовал К.Г. Юнг. Это *индивидуация*, т.е. осознание индивидом самого себя, своего места в мире, своих основных желаний, одним словом, своего «Я».

Особенно важную роль в формировании личности играет первичная социализация, когда ребенок еще бессознательно усваивает образы, образцы и манеру поведения, типичные реакции старших на те или иные проблемы. Как показывают психологические исследования личности преступника, уже взрослым человеком он часто воспроизводит в своем поведении то, что запечатлелось в его психике в период детства. Например, он может с помощью грубой силы разрешить конфликт так, как это раньше делали его родители. Можно сказать, что агрессивное поведение в определенном смысле есть продолжение, следствие первичной социализации, но, конечно, в других формах.

Дефекты первичной, ранней социализации в родительской семье могут иметь агрессогенное значение в первую очередь потому, что ребенок еще не усвоил другие положительные воздействия, он полностью зависим от старших и совершенно беззащитен от них. Поэтому вопросы формирования личности в семье заслуживают исключительного внимания. Семья — главное звено той причинной цепочки, которая выводит на насильственное поведение.

Сейчас накоплено значительное количество данных о семьях правонарушителей, методах их родительского воспитания, применявшихся к ним. В основном это социологические, социально-демографические данные. Однако с помощью лишь такой информации (о составе родительской семьи будущих правонарушителей, общих характеристиках отношений в ней, уровне культуры родителей, совершении ими и другими родственниками аморальных или противоправных действий и т.д.) уже нельзя в должной мере объяснить происхождение агрессивного поведения.

Так, при всей ценности весьма многочисленных данных о неблагополучных или неполных семьях остается непонятным, почему многие «выходцы» из таких семей никогда не совершают насильственных действий. К числу же неблагополучных семей относят только те, в которых родители совершают противоправные или аморальные действия. Отсутствие, например, отца или его аморальное поведение далеко не всегда формирует личность агрессора. Поэтому

следует считать, что решающую роль играет не только состав семьи, не только отношения между родителями, даже не их объективно неблагоприятное или же противоправное поведение, а главным образом их эмоциональное отношение к ребенку, его принятие или, напротив, отвержение. Можно обнаружить достаточное количество семей, в которых родители совершают правонарушения, прибегая к насилию, но их эмоциональное отношение к детям отличается теплотой и сердечностью. Поэтому есть все основания считать, что именно отсутствие подобных отношений в детстве в решающей степени определяет ненадлежащее поведение человека в будущем.

Условия жизни ребенка не всегда прямо и непосредственно определяют его психическое и нравственное развитие. В одних и тех же условиях могут формироваться разные особенности личности, прежде всего из-за того, в каких взаимоотношениях со средой находится человек, какие влияния от нее он испытывает. Средовые же влияния воспринимаются в зависимости от того, через какие ранне возникшие свойства ребенка они преломляются.

Вообще рождение ребенка является серьезным фактором, часто приводящим к кардинальной перестройке как внутри-, так и внешне-семейной ситуации. Ребенок расширяет круг обязанностей родителей, его рождение влечет за собой изменение их социальных статусов, сферы общения и привычек, форм и содержания досуга. Семья приобретает иную, не только количественную, но и, главным образом, качественную структуру. Ее основной функцией становится воспитание ребенка, его успешная социализация в соответствии с нормами общества. Однако не каждая семья готова к тому, чтобы «принять» ребенка не только по уровню педагогических знаний и навыков, но и по своим нравственным и эмоциональным параметрам. В силу этого реакция родителей на рождение ребенка иногда бывает неадекватной: многие из них не желают менять привычный образ жизни в соответствии с новыми обязанностями. Создается впечатление, что некоторые родители не придают появлению ребенка того значения, которое имеет этот факт в глазах общества. На протяжении многих лет у таких родителей дети находятся, скорее, не в семье, а как бы «около» нее.

В течение первых дней жизни ребенок не ощущает себя отдельно от матери, он еще не разделяет внутреннее и внешнее, «Я» и «не-Я». Мать воспринимается им как часть собственного тела, которое не имеет четких границ. Этот ранний период развития ребенка можно обозначить как период полного отсутствия ощущения собственного существования¹.

¹ См.: Кон И.С. Открытие «Я». М., 1978. С. 261—262.

Ребенок посредством эмоционального и физического контакта с матерью постепенно приобретает способность воспринимать свои потребности и свои телесные функции. Важнейший итог этой самой ранней стадии развития — формирование ощущения собственного существования, формирование первичного представления о своем «Я».

В качестве одного из первых индикаторов рефлексии существования можно считать появление у ребенка улыбки в возрасте около трех месяцев. Улыбка младенца говорит о том, что ребенок уже ощущает себя, что он уже имеет чувство собственной реальности и способен выразить его.

В ситуации раннего симбиоза в своих потребностях, представлениях и действиях, направленных на ребенка, мать выполняет функции зеркала, первоначально на уровне его физического контакта с ней. Облик ребенка отражается в ее психике и соответственно влияет на ее поведение. Другими словами, первое ощущение своего существования и самого себя ребенок получает через определенную систему поведения матери в отношении его. Эти формы поведения и определяют специфическую манеру самоощущения ребенка и являются первичными формами его самоидентичности, причем ее специфика полностью определяется отношениями и опытом матери.

Поскольку ранний контакт с ребенком носит, как уже говорилось, в основном характер физический, наиболее ранней формой существования «Я» ребенка является «телесное Я» и его границы. Нарушения в развитии «телесного Я», причиняемые недостаточным контактом с матерью, могут приводить к искаженному развитию его личности. Таким образом, даже самое раннее ощущение человеком своего «Я» в форме «телесного Я» социально по своему происхождению. Если общение с матерью продолжает оставаться недостаточным, это может привести к искажению других, возникающих позже аспектов «Я» и к неправильному отражению окружающей реальности. Попытаюсь показать в дальнейшем, что неадекватность самых ранних форм внутрисемейных отношений может иметь значимые негативные последствия.

Многими учеными, в частности Г. Аммоном, отмечалось, что все телесные отправления и движения младенца — это уже определенный язык. Для его нормального развития исключительное значение имеет то, сможет ли мать понять этот язык и точно ответить. Только тогда будет успешным развитие «телесного Я» малыша и приобретет определенность и смысл его физическое существование.

Интересны некоторые исследования, показывающие, что психосоматическая дезинтеграция человека может корениться в отношении женщины к еще неродившемуся ребенку. Так, по мнению мно-

гих ученых, телесное и психическое здоровье ребенка, а также особенности его поведения в известной мере зависят от различных факторов, действующих на него в период внутриутробной жизни. Эмбриологические исследования делают очевидным тот факт, что нарушения развития ребенка могут происходить из неадекватного поведения матери в преродовой период.

На будущее поведение человека заметное влияние оказывают эмоциональные реакции его матери, в частности ее стрессовые состояния во время беременности. Нередко женщина всем поведением и образом жизни еще в период беременности сознательно или бессознательно отвергает своего еще неродившегося ребенка. Так, можно нередко наблюдать женщин, которые даже на последних месяцах беременности постоянно пьянствуют, ведут бездомное паразитическое существование, пренебрегая элементарными гигиеническими требованиями. Родив детей, они часто оставляют их в детских домах.

Г. Роттман исследовал новорожденных, чьи матери во время беременности демонстрировали открытую враждебность к будущему ребенку, и пришел к выводу, что они обладали ярко выраженной готовностью реагировать психосоматической дезинтеграцией в ситуации послеродового стресса¹. Сходные наблюдения проводились и за детьми, чьи матери демонстрировали двойственное — отвергания и одновременно принятия — отношение к ребенку (амбивалентность) в период беременности. Характерно, что указанные отношения к неродившимся детям не являются исключением: женщины, которые отвергали будущих детей либо были амбивалентны к ним, составили около 60% всех будущих матерей².

Последнее наблюдение представляется весьма важным потому, что среди лиц, осужденных за убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, немало таких, для которых характерно состояние напряжения, часто близкого к паранойальному. Это напряжение нередко способствует совершению насильственных действий, т.е. подобные состояния представляют собой один из существенных элементов внутреннего психологического механизма преступного поведения. Есть основание полагать, что указанные состояния берут начало в преродовом периоде или на ранних этапах развития в детстве, а затем в силу неблагоприятных социальных условий жизни могут реализовываться в общественно опасных формах.

¹ См.: *Rottmann G.* Untersuchungen über Einstellungen zur Schwangerschaft, und, zur foetalen Entwicklung; Lecture at the Second Convention of Int. Stud.-Gem. Prähat. Psychol. Paris, July, 18—20, 1973.

² См.: *Ammon G.* Psychoanalysis and Psychosomatic. N.Y., 1978. P. 78.

Таким образом, неадекватность матери в отношении ребенка может привести к тому, что в клинической практике иногда называют *экзистенциальной тревогой*, т.е. состоянием ребенка, которое порождается отсутствием у него ощущения безопасности, эмоционального комфорта, защищенности. Это одно из наиболее глубоких психологических образований, приводящих позже к девиантным и патологическим изменениям личности. Возникающая в отношениях «мать — ребенок» тревога порождается внешними или внутренними факторами и может вызвать реакцию страха.

Страх, криминогенность которого здесь подчеркивается, в период первоначального, еще только зарождающегося ощущения своего «Я», может приводить к распаду целостности этого ощущения, расслоению его на некоторые составляющие. Это приводит к тому, что внешние, особенно социальные факторы, порождающие разрыв целостного «Я», отвергаются ребенком, который оказывается неспособным их принять. В результате эти факторы, вероятно, необратимым образом на всю жизнь остаются связанными с ощущениями и переживаниями тревоги и страха. Ребенок не включает их в свое «Я», поскольку он сам недостаточно включен в структуру той социальной среды (семьи), которая это «Я» и создает.

Позже названные факторы могут ощущаться и восприниматься как *деструктивные*, т.е. угрожающие целостности личности и ее безопасности. Результаты нашего специального изучения конкретных преступников позволяют предположить, что многие насильственные преступные действия имеют субъективный смысл защиты от внешней угрозы, которой реально может и не быть. С таких позиций становится более понятным, почему многие насильственные преступления совершаются часто по, казалось бы, ничтожному поводу и носят характер неадекватных ему особо жестоких действий.

Рассмотренные явления могут приводить к различным расстройствам психической деятельности, в основе которых лежит неспособность индивида определить свою собственную идентичность, т.е. осмыслить и понять свой социальный статус и свои социальные роли, специфику своей личности и ее отношений с другими людьми. Это суть многих состояний личности, которые выражаются в том, что, не ставя перед собой вопрос «кто я?», человек сосредоточивается на вопросе «что со мной?». Аналогичный механизм обнаруживается и в некоторых насильственных преступлениях. Так, можно наблюдать, что убийцы, как правило, анализируют и оценивают свои и чужие действия, совсем не вдаваясь в объяснение тех особенностей своей личности, которые привели к преступлению. Казалось бы, совершение столь тяжкого преступления, как убийство, и нахождение в экстремальных условиях (арест, следствие, суд) должны были в отличие от других людей порождать у убийц по-

требность в анализе и оценке собственной личности. Однако чаще всего этого не наблюдается, поскольку указанная необычная обстановка актуализирует механизмы психологической защиты, выражающиеся, в частности, в формах отчуждения своего преступления от себя и (или) самооправдания.

Таким образом, можно констатировать нежелание убийц осознать себя в качестве виновника наступивших тяжких последствий, а без этого не может быть никакого покаяния. Кроме названных выше психологических факторов отмечу и такие: после предъявления обвинения и взятия под стражу насильственный преступник не может не находиться в состоянии сильнейшего эмоционального напряжения, поскольку он попадает в незнакомую ранее жизненную ситуацию (чаще всего), вынужден искать оправдывающие его обстоятельства или во всяком случае смягчающие наказание; еще ему следует «обороняться» от других заключенных, а затем от осужденных в местах лишения свободы и их администрации. На все это такому человеку надо иметь много внутренних сил, а поэтому их просто не хватает для искреннего покаяния.

Неспособность определить свое «Я» неизбежно порождает его искажения. Его влияние можно отметить при анализе механизма совершения убийства, когда преступник нападает на окружающих, иногда независимо от того, тот ли именно человек, ставший объектом его агрессии, был действительным или мнимым источником угрозы. В этом, по-видимому, можно видеть недифференцированную реакцию на внешние объекты и в то же время страх быть подавленным или уничтоженным этими объектами.

Сказанное позволяет выдвинуть гипотезу, что недифференцированная и часто функционирующая на бессознательном уровне эмоция страха может *сохраняться у человека всю жизнь*, принимая форму субъективного ощущения постоянной угрозы со стороны социального окружения, и играть активную роль в генезисе его насильственного преступного поведения.

Разумеется, указанное предположение вовсе не означает, что эмоция страха фатально приводит к преступлению, однако недостаточно социализированные ее формы могут иметь криминогенные последствия. Таким образом, социальная среда «решает», в каких социальных направлениях будет реализована названная особенность личности.

В связи с этим наблюдавшиеся у ребенка в возрасте восьми—девяти месяцев реакции страха представляют, на наш взгляд, особый интерес для понимания источников развития личности. Наиболее обычная форма выражения страха — его проявление у ребенка при виде незнакомых людей. Понять эту реакцию было бы невозможно, если бы не некоторые аналогии с исследованием пове-

дения животных. Если определить страх как эмоцию, сопровождающую реакцию избегания угрожающего объекта, возникает вопрос: как ребенок может знать, что вошедший чужой человек является угрожающим ему объектом? Откуда вообще это предчувствие угрозы со стороны незнакомого объекта у восьмимесячного ребенка?

В качестве возможного объяснения этого факта можно привести концепцию *импринтинга*, разработанную выдающимся этологом К. Лоренцем применительно к поведению новорожденных животных. Суть импринтинга (запечатления), как известно, состоит в том, что новорожденное животное начинает следовать за однократно экспонированным ему другим животным, его моделью или любым другим предметом. Этот объект сразу же запечатлевается в психике новорожденного. Лоренц указывает на специфические черты этого явления: оно возникает только в течение вполне определенного периода лишь на самых ранних стадиях жизни животного; такое запечатление необратимо и детерминирует последующее поведение взрослого животного; импринтинг может переноситься (генерализоваться) со специфического объекта-стимула на другие объекты того же класса, причем генерализация идет по общим признакам, а не по индивидуальным особенностям¹.

Импринтинг ограничен во времени, его началом считается направленная активность, а окончанием — реакция страха. Последняя возникает в том случае, если импринт-объект демонстрируется не сразу после рождения, а через некоторое время, при этом запечатления данного объекта не наступает. Таким образом, для животного существует некоторый чувствительный для импринтинга период, оканчивающийся реакцией страха.

Основной вопрос здесь состоит в том, какая потребность лежит в основе импринтирования некоторого объекта. Возможно, эта потребность существует в форме беспокойства, исходного состояния тревоги, присущего новорожденному животному. Импринтирование объекта снимает или редуцирует состояние тревоги, которое свойственно организму на самых ранних этапах онтогенеза. Мы полагаем, что это чрезвычайно важный вывод, подтверждающий догадки многих психологов в области раннего онтогенеза.

В детской психологии возрастные периоды, оказывающиеся наиболее благоприятными для развития тех или иных психических функций, называются *сензитивными*. Можно предположить, что рассмотренный выше импринт-период у животных имеет свой аналог и у человека в виде сензитивного, в течение которого у ребенка происходит усвоение объектов и отношений с ними.

¹ См.: Lorenz K. Über die Bildung des Instinkt Begriffes. Naturwiss. Bd. 25. 1937.

Приведем в связи с этим высказывание К. Лоренца:

Хотя запечатление в типичной для него форме было найдено в большей степени для птиц и насекомых, чем для млекопитающих, я все же полагаю, что это явление в своей основе сродни встречающейся у человеческих особей фиксации аффективного отношения к объекту; это мое мнение основывается главным образом на том, что такого рода фиксация, по-видимому, тесно связана с впечатлениями раннего детства, которые также, по-видимому, в значительной мере необратимы¹.

Приобретаемый ребенком в этот период опыт обеспечивается, скорее всего *психобиологическими* механизмами. Если допустить, что состояние тревоги является выражением базисной симбиотической потребности ребенка, то наиболее важно, что эта тревога может сниматься практически любым объектом, вступающим с ним в контакт, т.е. практически любой объект порождает у ребенка сенсорные и органические процессы, которые обладают для него статусом безусловного доверия. В этот период своей жизни ребенок еще не имеет возможности сравнивать и выбирать; отношения с окружением (и с матерью прежде всего) носят «принудительный» характер: ребенок принимает то, что есть, как то, что должно быть. Безусловное доверие во время приобретения раннего опыта ребенка надо понимать в этом смысле. Например, если в раннем периоде запечатлеваются отношения отвергания и формируется реакция противоборства, то позже индивид отрицает ласку и любовь к нему со стороны других, он как бы настораживается, если видит такое к нему отношение, и не принимает его, не «верит» этому. Как замечала Л.И. Анцыферова: «Целый ряд психологов справедливо относят к первой стадии формирования личности закрепление чувств доверия — недоверия, теплоты — холодности, радости от усвоения логики связей с миром взрослых — пугливой тревожности от непредсказуемости их поступков, положительной или отрицательной позиции к себе»².

Мать, вступающая в контакт со своим ребенком, может актуализировать различные отношения к нему. В целом же эти отношения можно определить как способы «принятия» ребенка. Именно эти способы, подкрепленные органическими и сенсорными процессами, и фиксируются в его психике, именно они и формируют наиболее раннее «Я», основу его будущей личности.

Как следствие сказанного можно предполагать, что субъективные состояния, соответствующие эмоциональной основе личности,

¹ Лоренц К. Развитие ребенка. М., 1968. С. 110.

² Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 12.

являются нормальными для индивида, а стремление к этим отношениям можно рассматривать как одну из основных тенденций онтогенеза.

Весьма близкую, по существу, мысль высказывает Л.Б. Филонов в отношении людей с отклоняющимся поведением. Он пишет:

По-иному складывается личность, у которой в те или иные сензитивные периоды возникают отрицательные, опасные для ее дальнейшей судьбы социально-психологические новообразования... Создаются аномальные личностные структуры и искаженные контуры отдельных сторон личности. Эти стороны в дальнейшем начинают избирательно реагировать только на некоторые, как бы для них «предуготованные» социальные воздействия, отфильтровывая их из массы одновременно действующих на человека факторов... Аномальное качество все более укрепляется в системе личности и продолжает развиваться уже при отсутствии тех факторов, которые некогда вызвали его к жизни¹.

Эмоция страха, являющаяся одним из индикаторов окончания раннего сензитивного периода, способна приобрести характер фундаментального психического образования. По своей сути она означает, что произошло выделение ребенком себя как физического объекта, выделение его физического «Я» и его дифференцирование от «не-Я». В этом состоит позитивный смысл эмоции страха в рассматриваемый период жизни ребенка.

Но с другой стороны, эмоция страха является травмирующей для него, порождает тревогу и реакцию избегания. Если в ранний сензитивный период развития личности реакция страха активизируется еще на досознательном уровне, то в процессе дальнейшего развития она подвергается неизбежной трансформации, лишается внешних атрибутов непосредственности и очевидности.

Мы акцентируем здесь внимание на реакции страха потому, что, как отмечалось выше, именно *эмоция страха часто является одной из наиболее характерных в психологической структуре лиц, прибегающих к тяжкому насилию.*

Из приведенного выше следует предположение о том, что в генезисе и структуре личности тех, кто проявляет наиболее опасные формы агрессии, имеет место *дефект социализации эмоции страха.* Эта эмоция, возникая по окончании раннего сензитивного периода, должна быть включена в систему социально-психологических отношений и за счет этого личностью социализирована. Иными словами она должна быть осознана и управляема. Однако у лиц с крайне

¹ Филонов Л.Б. Детерминация возникновения и развития отрицательных черт характера у лиц с отклоняющимся поведением // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 339—340.

выраженными формами агрессии такая эмоция должным образом не социализирована.

В целом же можно сказать, что чем уже сфера состояний, в которых ребенок полностью и адекватно принимается матерью, тем более акцентуированными и ригидными становятся его отношения с окружающим миром, приводя на более поздних ступенях онтогенеза к патологическим адаптациям типа психосоматических симптомов, психопатическим чертам характера, к различным формам антиобщественного агрессивного поведения.

Влияние ранних отношений с отцом на развитие личности изучалось значительно меньше, чем отношения с матерью. В зарубежной литературе роль мужчины обычно определяется через способность влиять на окружение, значительно меньше подчеркивается роль эмоционального контакта ребенка с отцом и значения такого контакта для формирования навыков межличностного общения. Во многих работах подчеркивается негативная роль отсутствия матери на развитие ребенка, а не отсутствия отца, с которым чаще всего связываются различные драматические, социальные и экономические последствия.

Само по себе отсутствие отца у ребенка не ведет к неполноценному психическому развитию. Для того чтобы определить эффект отсутствия отца, надо учесть множество факторов, таких, например, как продолжительность и периодичность отсутствия, его причину, реакцию матери на это, пол, возраст ребенка, его конституциональные характеристики и психический статус, взаимоотношения матери и ребенка, социоэкономический статус семьи, наличие лица, исполняющего функции отца.

Вообще говоря, ребенок, имеющий обоих родителей, потенциально обладает большими возможностями для полноценного психического развития, но отсюда совершенно не следует, что все дети без отцов — психически дефектны. Исследования, наблюдения за конкретными семьями и подростками показывают, например, что дети без отцов, но с любящей и понимающей матерью менее психически дефектны, чем дети, имеющие доминирующую мать и пассивно-подчиненного отца. Если ребенок воспитывается без отца, то он, не имея перед собой фигуры конкретного мужчины, может сформировать более гибкий образ взрослого мужчины и за счет этого легче найти заменяющую отца фигуру.

3.4. Последствия отчуждения от семьи

Имеется множество убедительных доказательств того, что в семьях с прочными, теплыми эмоциональными контактами, уважительным отношением к детям у них активнее формируются такие качества, как коллективизм, доброжелательность, внимательность, способ-

ность к сопереживанию, самостоятельность, инициативность, умение разрешать конфликтные ситуации и др. Все это делает их коммуникабельными, обеспечивая высокий престиж в группе сверстников. Напротив, чем меньше тепла, ласки, заботы получает ребенок, тем медленнее он формируется как личность. Даже недостаточное внимание, низкая частота общения родителей и детей (гипоопека) по самым разным причинам, в том числе объективным, нередко вызывают у последних эмоциональный голод, недоразвитость высших чувств, инфантильность личности.

У психологически отчужденного от семьи ребенка формируется высокая тревожность при полном чаще всего непонимании ее природы и истоков, неясной для него, но ожидаемой агрессии, в целом восприятие среды как враждебной и, как следствие, тоже враждебное отношение к ней. По механизмам импринтинга подобные контакты с окружающим миром становятся стабильной, хотя и бессознательной или плохо осознаваемой установкой. Она может сохраниться на всю жизнь, проявляясь в самых различных формах, — от упреждения мнимой опасности с помощью насилия до постоянного недоверия другим.

Как показали мои эмпирические изыскания, психологические раны, наносимые ребенку жестоким насилием в детстве, «уходят» в глубины психики и начинают вести автономное существование. Они могут не меняться даже при благоприятных в дальнейшем жизненных обстоятельствах и появиться вдруг в деструктивных и даже весьма жестоких действиях. У мужчин агрессивные вспышки происходят обычно в состоянии опьянения, когда они менее всего контролируют себя. Объектами их агрессии бывают дети и подростки. Это позволяет предположить, что на психологическом уровне они пытаются покончить жизнь самоубийством, нападая на эти жертвы и пытаясь тем самым стереть впечатления своего собственного детства или отрочества. В других случаях они нападают на женщин, которые намного старше их по возрасту, что дает основания думать, что это агрессия против их матерей — опять-таки на психологическом уровне.

В ряде случаев агрессия может быть направлена против тех, кто напоминает или очень похож на того человека, который в детстве причинял страдания. Так, мною был обследован С., который во второй раз был привлечен к уголовной ответственности за десять нападений (с изнасилованиями и убийствами) на пожилых женщин. На момент обследования ему было 25 лет, до этого, когда ему было 17 лет, был арестован тоже за убийства и изнасилования пятирх пожилых женщин. Освобожден условно-досрочно. При изучении материалов уголовных дел я обратил внимание на то, что все 15 потерпевших были крупными женщинами с большим тазом. Поэтому в беседе с С. я спросил его, каково было телосложение его

матери, — оказалось, что она была достаточно худой. Тогда мне пришлось спросить о его бабушках; одну из них он не знал вообще, а другая жила недалеко и как раз была такого же телосложения, как и жертвы этого опасного преступника. Он говорил о ней с нескрываемой ненавистью, утверждал, что она была причиной его жизненных несчастий. В частности, когда навещал ее (что случалось редко), ни разу его ничем не угостила, даже если приходил голодный из школы. Своей бабушке С. придавал зловеще мистический характер, считал, что она его прокляла.

Возвращаясь к раннему семейному воспитанию, следует отметить, что дефицит общения у ребенка с отцом и матерью с негативными последствиями может возникать и по таким уважительным причинам, как их загруженность по работе, длительные служебные командировки, хронические болезни и т.д.

Психологическое отчуждение ребенка родителями — не единственная причина формирования агрессивной личности. Нередко это происходит иным путем: у ребенка и подростка есть необходимые эмоциональные связи с родителями, но именно родители демонстрируют ему пренебрежительное отношение к нравственным и правовым запретам, образцы противоправного поведения (например, постоянно пьянствуют, учиняют хулиганские действия и т.д.). Поэтому подросток сравнительно легко усваивает эти образцы, соответствующие им взгляды и представления, которые вписываются в его психологию и начинают стимулировать его поступки.

Практически в любой стране, особенно большой, есть такой социальный слой, представители которого, отличаясь низкой, подчас очень низкой общей и профессиональной культурой, постоянно пьянствуют, охотно прибегают к грубому физическому насилию, сквернословят, не проявляют уважения к окружающим, рано общаются к спиртным напиткам и т.д.

Весьма интересные данные по этому поводу приводит Л. Берковиц.

Ежегодные данные об абсолютном и относительном числе случаев применения насилия в семье

<i>Тип внутрисемейного насилия</i>	<i>Количество случаев на 1000 супругов или детей</i>	<i>Количество людей, подвергшихся насилию</i>
<i>1. Акт насилия одного супруга над другим</i>		
Все случаи применения насилия в течение года (толчки, шлепки и пр.)	161	8 700 000
Грубое насилие (удары ногами, кулаком, нанесение ран и пр.)	73	3 400 000
Все случаи применения насилия со стороны мужа	116	6 250 000
Грубое насилие со стороны мужа (избиение жены)	34	1 800 000

Окончание табл.

<i>Тип внутрисемейного насилия</i>	<i>Количество случаев на 1000 супругов или детей</i>	<i>Количество людей, подвергшихся насилию</i>
Все случаи применения насилия со стороны жены	124	6 800 000
Грубое насилие со стороны жены	48	2 600 000
<i>2. Жестокое обращение родителей с детьми в возрасте до 17 лет</i>		
Все случаи применения насилия в течение года	примерно на уровне 100% для малолетних детей	
Очень грубое насилие (насилие над ребенком 1-й степени)	23	1 500 000
Грубое насилие (насилие над ребенком 2-й степени)	110	6 900 000
<i>3. Жестокое обращение родителей с детьми в возрасте 15-17 лет</i>		
Все случаи применения насилия	340	3 800 000
Грубое насилие	70	800 000
Очень грубое насилие	21	235 000
<i>4. Акты насилия, осуществленные детьми в возрасте от 3 до 17 лет</i>		
Все случаи применения насилия против брата или сестры	800	50 400 000
Грубое насилие, примененное против брата или сестры	530	33 300 000

Именно из таких слоев «выходит» основная масса насильственных преступников, в том числе убийц, бандитов, членов штурмовых и громных формирований, надзирателей концлагерей, агрессивных футбольных фанатов и др. Здесь обучение насилию происходит в семье.

Но, конечно, не следует думать, что любой человек, выросший в атмосфере насилия, обязательно воспримет его в качестве универсальных и вообще удачных и эффективных способов решения своих субъективных задач или даже будет использовать их автоматически. Человек — слишком эластичная, изменяющаяся под влиянием разных воздействий материя, чтобы всегда жить и действовать только по строго предопределенному от рождения образцу. Для этого он чрезвычайно богат, хотя и не всегда отдает себе отчет в этом своем несметном богатстве, но, конечно, далеко не все такие богачи.

Опасные последствия может иметь и такой недостаток семейного воспитания, когда при отсутствии теплых эмоциональных отношений и целенаправленного нравственного воспитания окружающие заботятся об удовлетворении лишь материальных потребностей ребенка, не приучая его с первых лет жизни к выполнению простейших обязанностей перед окружающими, соблюдению нравственных норм. По существу, здесь проявляется равнодушие к нему.

Необеспечение ребенка родительской заботой и попечением может иметь место в явной, открытой форме. Чаще всего это случаи, когда его бьют, издеваются над ним, иногда очень жестоко, выгоняют из дома, не кормят, никогда не проявляют заботы и т.д., нанося ему незаживающие психические травмы. Неприятие своего ребенка может быть и скрытым, связи между родителями и детьми в этих случаях как бы нейтральны, эмоционально никак не окрашены, каждый живет по-своему и мало интересуется жизнью другого. Такие отношения выявить всегда трудно, их обычно скрывают и родители и дети, причем делают это, скорее, невольно, непреднамеренно.

Нередко дети предоставлены сами себе в семьях, в которых много детей или родители слишком заняты работой.

В результате эмоционального отвергания родителями ребенка, его неприятия или лишения родительской ласки и попечения в его психике на бессознательном уровне формируются, как уже указывалось выше, тревожность, беспокойство, боязнь утраты себя, своего «Я», своего положения в жизни, ощущение враждебности, даже агрессивности окружающего мира. Эти качества из-за отсутствия надлежащих воспитательных воздействий или, напротив, негативных влияний затем закрепляются в процессе общения в различных коллективах — в учебных, трудовых и пр. и под влиянием субъективно значимых условий жизни индивида.

Огромное влияние на формирование личности оказывает ее *неформальное социальное окружение*, сверстники подростка. Неформальные группы сверстников с антиобщественным поведением чаще всего представляют собой объединение в прошлом отвергнутых семьей детей — и юношей и девушек. Их сближение в рамках такой группы происходит обычно очень быстро, так как они представляют друг для друга социальную и психологическую ценность. Групповая сплоченность и постоянное общение позволяют им устоять перед обществом, которое воспринимается ими как нечто чуждое и враждебное.

Таким образом, существование преступных групп или групп, в которых господствуют отсталые, вредные взгляды и нравы, антиобщественные нормы поведения и которые, в свою очередь, оказывают отрицательное влияние на личность, также обусловлено социальными причинами. Существование подобных групп неизбежно в той же мере, в какой закономерно существование таких общественных структур, из которых выталкиваются отдельные люди, обрекаемые на отчуждение. Отчужденные же личности обязательно объединяются в свои группы для защиты собственных интересов и взаимной поддержки.

Под влиянием группы у ее участников формируются установки и ценностные ориентации, включающие способы разрешения возникающих жизненных ситуаций и проблем. Группа дает им то, чего

не дала родительская семья, поэтому они очень преданы ей и ее ценностям, следуют, иногда слепо, ее переживаниям. Образно говоря, отвергнутые семьей дети — это, очень возможно, будущие преступники. Еще худшая судьба уготована тем, которые вытолкнуты из семьи, но в силу разных причин (например, из-за умственной отсталости) не смогли примкнуть к какой-нибудь неформальной малой группе сверстников. Такие лица обычно спиваются, постепенно опускаются на дно, становясь бродягами и попрошайками. Если они и совершают преступления, то, как правило, не представляющие большой общественной опасности. У них для этого нет ни сил, ни умений, ни способностей.

Влияние группы значительно, поскольку данный человек ценит свое участие в ее жизнедеятельности. Ее члены находятся в повседневном общении, между ними возникает множество отношений, основанных на чувствах, а их связи друг с другом и оценка различных социальных фактов, событий, других людей неизбежно выражаются в эмоциональной форме. Группа осуждает или одобряет, радуется или негодует, и потому общие настроения или мнения выступают ее основными социально-психологическими и духовными факторами. Настроения и мнения, господствующие в группе, неизбежно передаются ее членам.

Чрезвычайно важно отметить то, что отчуждение личности весьма затрудняет усвоение ею позитивных ценностей общества и, напротив, способствует восприятию негативных норм и представлений антиобщественных малых групп, в которых человек, как правило, «ищет» то, в чем отказало ему общество в лице семьи. В целом можно утверждать, что социально-психологическое отчуждение порождает дезадаптацию индивида как его личностную позицию и как его социальный статус в среде. И то и другое без соответствующего воспитательного воздействия может иметь существенные криминогенные последствия. Дезадаптация, отчуждение большинства правонарушителей отличает их от законопослушных граждан. Без всестороннего учета этого обстоятельства профилактика их преступных действий, равно как и исправление и перевоспитание, представляются малоэффективными.

Вполне обоснованно, что западные психологи, и в первую очередь психоаналитики, генезис зверств германского нацизма видят в особенностях семейного воспитания будущих убийц. Нельзя не согласиться с тем, что роковые последствия для жизни взрослого человека имеет террор раннего кондиционирования, приучения к чистоте, воспитание послушания в первые годы жизни путем бездушного принуждения, применения силы и телесных наказаний. Такое воспитание означает насильственное подавление потребности человека в автономии, затрудняет его первые и важнейшие шаги к

зрелости и порождает архаическую борьбу между силой и бессилием, которая, будучи вытеснена в бессознательное, уже оттуда ищет новые поля сражений.

Как отмечает П. Куттер, очень многие люди не могут преодолеть душевные травмы детства лучшим способом, чем — как это впервые ясно сформулировала в 1936 г. Анна Фрейд — путем «идентификации с агрессором». Это означает: *то, что они сами испытали в положении жертвы, они, оказываясь в положении сильного, причиняют другим*. Смысл подобного «защитного механизма» — охрана личности от страха смерти, унижения и оскорблений, которые она испытала в качестве жертвы. Другой аналогичный защитный механизм — это проекция собственной агрессии на образ других, которые таким образом начинают восприниматься как враги. Так создается образ врага, в результате чего другие люди и другие нации выглядят более враждебными, чем они есть в действительности; возможно даже, что эти люди или народы вообще не враждебны, а по сути своей миролюбивы, т.е. восприятие может полностью исказить реальность.

Куттер поясняет, что речь идет в основном о расстройствах отношений, сопровождающихся чувствами, обусловленными трагическим конфликтом близости и дистанции при задержанной, неудавшейся индивидуации личности:

- (1) страхе отделения и чувстве вины у людей с нарушениями развития личности, которые не имели примеров, достойных подражания, вследствие чего они ищут опоры в другом человеке, на которого претендуют полностью для себя и чью самостоятельность, независимость переносят с трудом;
- (2) страхе привязанности и чувстве вины у людей, вышеописанным образом зависящих от других, когда они хотят освободиться от этой зависимости, ищут самостоятельности и свободы и именно потому полагают, что тем самым они предадут того, кто их до сих пор защищал. Однако если они остаются в послушании и подчинении другому, то они предадут самих себя (*Arno Gruen, 1984*).

Сложные внутриспсихические связи еще более усложняются вследствие неизбежной при этих расстройствах агрессивности, но они поддаются коррекции¹.

К. Бассиони настоятельно рекомендует обратить внимание на все еще по большей части отрицаемый феномен. В нашем детстве имеется фаза развития, специфическая потребность которой есть борьба за признание собственной равноценности, «автономного Я», ощущаемая как жизненная необходимость.

¹ См.: *Куттер П.* Предисловие // Бассиони К. Воспитание народоубийц. СПб., 1999. С. 9—10.

Она начинается с первого «нет» ребенка в конце первого года его жизни. Здесь речь идет о выделении из раннего симбиоза матери и ребенка, о фазе индивидуации, которая имеет решающее значение в преодолении ранней зависимости и бессилия. Речь идет об образовании «Я» в противовес «Ты» в плоскости равновесия силы. На основании исследований глубинных слоев психики людей, родившихся в период Второй мировой войны и после ее окончания, выявляется противоположность между принуждением/запретом и идентификацией с силой, с одной стороны, и поощрением/поддержкой и автономией — с другой.

Психическое развитие послевоенного поколения с его революционным требованием: *свобода* (от принуждения) и *индивидуальность* — дает нам возможность распознать основополагающее значение осуществленной автономии¹.

Представляются очень важными и такие рассуждения Бассиони.

Если беспомощность кричащего младенца неверно воспринимается нами, родителями, как «агрессивное, деспотическое поведение», то этим мы отказываем ему в утлении его страданий и закладываем основу для абсолютного (изначального) недоверия. Мир, т.е. другой человек, воспринимается и «усваивается» как ненадежный, черствый и даже безжалостный. И таким путем создается ранняя интроекция врага.

Однако сохранившийся дефицит нежности и защищенности приводит также к притязаниям на ранний объект любви и в конечном счете глубокой тоске (осознанной или неосознанной) по реализации симбиотической любви, которая вследствие своей исключительности (стремление к полному совпадению чувств, мыслей и действий) не согласуется со здоровым стремлением к автономии.

Я не могу отграничиться от кого-либо, кто слишком рано установил мне границы, чье внимание мне кажется произвольным, т.е. не поддающимся моему влиянию, кого я постоянно боюсь потерять, чья скупая заинтересованность мне слишком дорога, чтобы я осмелился путем попытки к отграничению поставить ее под угрозу.

Как следствие, при этом нельзя научиться отличать нежные и любовные догенитальные потребности от более поздних генитальных — от полового инстинкта².

Таким образом, можно считать установленным, что формирование агрессивной личности гитлеровских убийц всех рангов началось с воспитания в детстве — сурового, холодного, не терпящего слабости и не ориентированного на помощь нуждающимся в ней. Но ставить на этом точку было бы, наверное, неправильно. Поэтому не следует забывать поражение Германии в Первой мировой

¹ См.: Бассиони К. Указ. соч. С. 13.

² Там же. С. 27.

войне, которое было воспринято большинством немецкого населения как национальный позор, а отсюда возникло стремление к реваншу и отмщению, поиску виноватых в тех бедах, которые претерпевала сокрушенная страна. Но подобная реакция была бы невозможна, если бы в детстве немцы получали другое воспитание.

Однако применимо ли объяснение нацистской агрессии и агрессивности к российской действительности при всем том, что ленинско-сталинские палачи были не менее жестокими, чем германские эпохи фашизма? Иными словами, получали ли будущие исполнители воли советских фюреров такое же воспитание, как их гитлеровские собратья?

Думается, что полного совпадения здесь нет, но чтобы дать более или менее вразумительный ответ на поставленный выше вопрос, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать воспитание российских народоубийц, которыми, конечно, являлись не только главари режима, но и те, которые исполняли их преступные приказы. Вспомним, что до полного разгрома большевиками деревни (его последствия не удастся преодолеть и сейчас) Россия была в основном крестьянской. Воспитание детей, уход за ними был главным образом патриархальным, тесно переплетающимся с православием, притом роль отца в семье была ведущей: он выступал в качестве главного кормильца, направлял семью, обеспечивал в ней порядок и послушание, во многом напоминая небесного отца. Это потом ободранный до костей и спившийся деревенский мужик утратил всякий авторитет в семье, но тогда, в XIX и начале XX в., строгий отец гарантировал должное воспитание.

Аналогом отца была деревенская община, которую большевики безуспешно пытались сохранить в виде колхозов и совхозов, но их создание было столь кровавым, что никакого нравственно-психологического влияния они не имели. Вот почему дореволюционная деревенская российская семья и деревенская община воспитывали детей в духе послушания и подчинения, причем это бессознательно связывалось с богом, а религия всегда, даже в годы самых жестоких гонений на нее, в селе была (и остается) мощной силой. Воспитанные в описанном духе дети, став взрослыми, были предуготовлены к слепому подчинению самозванным советским вождям.

С началом погрома деревни, начатого Лениным сразу после захвата власти, деревенские жители хлынули в города.

3.5. Садизм

Мы не сможем понять природу убийств в целом и множественных в особенности, если не обратимся к такому феномену, как садизм. В исследуемой разновидности убийств садизм и некрофилия играют ведущую роль.

Термин «садизм» был предложен Р. фон Крафт-Эбингом, выдающимся немецким сексопатологом, и образован от имени французского писателя маркиза де Сада. Сад в своих словообильных и, на мой взгляд, тошнотворных произведениях описал множество способов истязаний полового партнера и утверждал право человека на ничем не ограниченное сексуальное поведение. Стержнем позиции Сада было получение полового удовлетворения путем причинения страданий и унижений сексуальному партнеру. Диапазон действий садиста весьма широк: от оскорблений и брани до нанесения телесных повреждений разной степени тяжести и даже убийства.

Садистами могут быть самые разные люди, в том числе гомосексуалисты, педофилы и геронтофилы, а также склонные к зоофилии. Некоторые исследователи относят к садизму и некрофилию — половое совокупление с трупами, но с этим нельзя согласиться, поскольку никаких страданий трупам невозможно причинить. Аналогом некрофилии, если понимать ее только в сексуальном аспекте, является *бертранизм*, по имени описанного Крафт-Эбингом сержанта Бертрана, который выкапывал трупы женщин и совершал с ними половые акты. Термин «некрофилия» тоже был создан Крафт-Эбингом. В настоящее время этот термин используется для обозначения более широких социально опасных явлений, а не только сексопатологических.

В произведениях Сада апология преступления опирается на противоречащие друг другу принципы: для одних неравенство есть природный факт, некоторые люди необходимо являются рабами и жертвами, у них нет никаких прав, они ничто, по отношению к ним все дозволено — и сексуальное насилие, и невероятная жестокость, и просто ограбление. Он воздаёт хвалу тирании, если она делает возможным реванш слабого или обогащение бедного. Особо одобрительного отношения заслуживают те, которым преступления необходимо и кто наслаждается жизнью, обеспечиваемой самым разнузданным насилием. Герой Сада говорит, что он знает только одно удовольствие — когда он мучает и убивает; ему нужна власть только для того, чтобы другой не мучил и не убил его. Интересно, что других удовольствий от жизни герои Сада просто не знают и не ищут их.

Я не могу согласиться с Симоной де Бовуар, что Сад сделал эротизм единственным смыслом и выражением всего своего существования. Если под существованием понимать и все написанное им, и все его поступки, то получится намного больше, чем эротизм. Та же Бовуар пишет, что он избивал Розу Келлер плеткой, наносил ей раны ножом и лил на них расплавленный воск. В марсельском публичном доме Сад вынимал из кармана девятихвостую «кошку», утыканную булавками. Его поведение по отношению к жене демонстрирует исключительную жестокость. Он постоянно говорил об

удовольствию, которое можно получить, заставляя людей страдать, что чужая боль действует на нас сильнее, чем наслаждение, она заставляет все наше существо сладостно вибрировать¹.

Здесь не место подробно анализировать эротизм и жестокость Сада, но все-таки это важно для понимания преступных проявлений садизма. Вот почему замечу, что переплетение в нем грязного эротизма и бешеной жестокости, скорее всего, свидетельствуют о том, что в женщинах он ощущал врага. Он не был способен почувствовать реальность партнера и боялся женщин, точнее — боялся, что не проявит себя в должной мере в качестве мужчины. Поэтому его агрессию в отношении женщины можно рассматривать в качестве защиты себя. Он изобретал методы насилия и надругательства, чтобы для самого себя создать иллюзию сексуального успеха, и должен был пройти долгий и мучительный путь, чтобы убедить себя, что такой успех у него может быть только на бумаге. Не забудем, что в своих книгах Сад иногда отводил женщинам роль победительниц, одновременно испытывая к ним отвращение и презрение. Подавляющее большинство мужчин, подверженных таким же эмоциям, не смогут найти в его литературных писаниях выход своей агрессии попеременно с вождением, а поэтому будут убивать женщин, этот источник и символ их страданий. У таких мужчин, как и у Сада, нет чувства вины и критического отношения к себе, но есть постоянное желание защищать себя и свою мужественность, а поэтому они прибегают к рационализации, но в разных формах.

Анализируя садизм, Ж. Батай допускает, что порок, возможно, есть сердцевина человека. Он полагает, что можно предположить наличие в людях непреодолимой тяги к разрушению и уничтожению всего рождающегося, растущего и стремящегося к жизни. Это влечение имеет даже сакральный характер, но если полагать себя чуждым такому порядку вещей, человечество захирело бы и оказалось в положении, похожем на положение старых дев².

Конечно, в людях есть тяга к разрушению и уничтожению, но только лишь в отдельных индивидах; есть, несомненно, периоды жизни общества, когда его как бы захватывает жажда разрушения, чего — не важно, лишь бы была сама возможность разрушать, и сам так называемый обычный человек довольно слабо представляет себе, к чему приведут его разрушения, да и вообще не ставит перед собой такого вопроса. Наблюдения показывают, что самые цивилизованные народы ведут себя как варвары, что вполне цивилизованные люди, попав в среду варваров, начинают вести себя как они.

¹ См.: *Бовуар С. де*. Нужно ли аутодафе? // Маркиз де Сад и XX век. М., 1992. С. 145—146.

² См.: *Батай Ж.* Сад и обычный человек // Там же. С. 98—99.

Отсюда вывод, что разрушение, точнее, стремление к разрушению живет во многих личностях, и это вовсе не открытие Сада. Явление же, данное по его фамилии, означает собой не просто разрушение, а уничтожение — жестокое или очень жестокое, но не для того, чтобы просто уничтожить, но и получить от этого удовольствие. Можно сказать, что садизм представляет собой одну из форм крайней агрессии. Разумеется, Сад не первый, кто открыл человеческую тягу к уничтожению.

Вместе с тем Саду нельзя отказать в тонкой иронии и сарказме. В этой связи приведу несколько выдержек из садовского романа «Жюльетта» (М., 1994).

Уберите угрозу наказания, измените понятия, отмените уголовный кодекс или переселите преступника из одной страны в другую, и дурное деяние, конечно, останется дурным, но тот, кто его совершает, больше не будет испытывать чувства вины за него. Следовательно, чувство вины — это всего лишь неприятная ассоциация, она вырастает из обычаев и условностей, которые мы принимаем за абсолют, но она никогда, никоим образом не связана с характером поступка, который мы совершаем» (с. 16).

«Стоит найти в себе силы и безболезненно избавиться от всех предрассудков, набраться мудрости и понять, что в сущности все преступления одинаковы, и ты научишься управлять своим чувством вины в зависимости от конкретных обстоятельств... Научившись справляться с чувством вины по поводу незначительных проступков, ты скоро научишься подавлять в себе неловкость при совершении довольно жестокого поступка, а потом творить любую жестокость, как большую, так и малую, с неизменным спокойствием» (с. 17).

«Сожалеть о той боли, которую ваш поступок может кому-то доставить, значит любить того другого больше, чем самого себя, и нелепо сочувствовать страданиям других, если эти страдания доставляют вам удовольствие, если принесли вам какую-то пользу, если каким-то образом шекотали, возбуждали, наполняли вас радостью и блаженством. Следовательно, в этом случае для угрызений не существует никаких реальных причин» (с. 18).

«Если мое богатство, влияние или положение позволяют мне употребить власть над вами или подавить ваше сопротивление, тогда без жалоб покоритесь всему, что мне вздумается вам предложить, ибо свое удовольствие я должен получить непременно, а получить его я могу, только подвергнув вас мучениям и созерцая ваши горькие слезы (с. 242).

В произведениях Сада много сцен запредельной жестокости. Так, в одном из его романов для разжигания похоти на медленном огне поджаривают двух девушек-подростков.

Многие персонажи произведений Сада не только причиняют страдания и мучения другим, но и сами желают подвергнуться этому же. Иными словами, они являются садомазохистами. Однако изверги и мучители все-таки составляют основное ядро. Так, один из подобных персонажей говорит: «Удовольствие от убийства женщины тут же проходит; она уже ничего не испытывает, когда мертва; улада причиняемых страданий исчезает вместе с ней. Заклеймим ее каленым железом, опозорим ее; от этого унижения она будет страдать до последнего мига своей жизни, и наше бесконечно растянутое сладострастие станет от этого более изысканным». Другой садовский герой, недовольный слишком простыми пытками, хотел бы для каждого существа чего-то вроде бесконечной смерти; поэтому ему начинает грезиться, что при помощи неоспоримо изобретательной системы он присваивает себе ад и устраивает все таким образом, чтобы располагать уже в этом мире неисчерпаемыми ресурсами адских пыток.

Как мы видим, у Крафт-Эбинга было более чем достаточно оснований назвать садизмом страдания и мучения ради получения удовольствия.

Мир Сада и садизма для современного человека — это некая двойственная реальность: ее невозможно отрицать, потому что она имеет свою историю и постоянно встречается в человеческой практике. Но нормы, смыслы и механизмы слишком часто ускользают от сознания. Они как-то очень навязчиво напоминают религиозные ужасы прошлого и не совпадают, казалось бы, с вполне разумными потребностями. Садистская практика уводит из профанной действительности, в которой преобладает, даже царствует, явно полезная деятельность. Эротизм Сада в какой-то мере доступен сознанию, которое за пределами этого эротизма может и отказаться и от всего остального садовского, т.е. входящего в понятие садизма. Вот почему можно думать, что Сад внес некоторый вклад в осознание человеком самого себя, даже если допустить, что он психически был нездоров. Он еще поставил вопрос о том, не несет ли в себе человек непреодолимое отрицание разума, пользы и порядка, положенные в основу существования.

По мнению многих современных философов и филологов, литературные творения Сада — это ироническая опись человеческих извращений и падений, а не сексуальные и агрессивные фантазии психически нездоровой личности. При этом, как можно судить по многочисленным теперь биографиям этого «писателя» (применительно к Саду я все-таки возьму это слово в кавычки), его нездоровье появилось и развилось именно на сексуальной почве. Но как ни оценивать писания Сада, агрессивность и жестокость в них неизменно присутствуют. Именно это и дало Крафт-Эбингу основания

обозначить понятием садизма одну из самых отвратительных человеческих форм поведения.

Оценки Сада и его творчества не могли не быть самыми различными, от восторженных до резко отрицательных. Ж. Жанет, французский публицист, в 1834 г. писал: «Книги маркиза де Сада убили столько детей, сколько не смогли бы убить и двадцать маршалов де Рэ, и они продолжают убивать»; «Везде, где появляется этот человек, вы чувствуете запах серы». Вл. Ходасевич отмечал: «Вовсе не лицемерие, и не предвзятость религиозная мешают нам усмотреть порнографию в некоторых, например, библейских эпизодах, в сюжетном отношении порой более смелых, нежели отдельные эпизоды в писаниях такого несомненного порнографа, как маркиз де Сад». Японский писатель Ю. Мисима: «Этот человек, не удовлетворившись грезами плоти, которые неспособны насытить душу, решил воздвигнуть некий нетленный Храм Порока. Не единичные злодеяния, а настоящий кодекс Зла; не деяния, а Догматы; не одна ночь греховных наслаждений, а бесконечная Всенощная, переходящая в вечность; не рабство кнута, а Царство кнута — вот что замыслил он создать. Он, который испытал блаженство, лишь рая и разрушая, кончил тем, что пришел к созиданию. В нем зародилась некая неясная субстанция, некая чистейшая эссенция Зла, и образовала совершенный кристалл Зла». Д. Томас о романе Сада «120 дней Содома» писал: «... произведение не предназначалось для посторонних глаз, и писал его Сад скорее для себя одного, чем для читателя. Как произведение искусства книга представляет меньше интереса, чем роман о языке и идеях, или в качестве предтечи Крафт-Эбинга и Фрейда. Но она не является научной или понятной. Ее навязчивые идеи ограничены, а художественные приемы малоинтересны. Для Сада это повествование представляло собой тайный документ, предназначенный исключительно для него одного, который он хранил в стене Бастилии» (*Томас Д.* Маркиз де Сад. Смоленск, 1998. С. 264)».

Г. Флюбер и Ж. Бунюэль (французский кинорежиссер) называли Сада «божественным». Восторженные поклонники Сада имеются, конечно, не только во Франции, но и в других западных странах, в частности в России. Так, В.Г. Бабенко считает, что Сад «изготовил поразительные зеркала. В них человек эпохи Великой революции, рядившийся в одежды то ли борца за демократию, то ли народного страдальца, то ли мстителя, то ли хранителя христианских и дворянских устоев, предстал одинаково обнаженным. То были зеркала, не отражавшие одежд, грима, масок. Они отражали одно лишь голое естество. Да еще — в особые минуты его и нашей творческой жизни — вспышки боли оголенной совести, молнии электрического тока, пробегающие по нервам» (см.: *Бабенко В.Г.* Маркиз де Сад. Философ и распутник. М., 2005. С. 5).

В целом я не хотел бы давать однозначно негативную оценку Саду и его произведениям. По-моему, он был глубоко несчастным человеком, несмотря, а может быть и вследствие своего чрезвычайного эгоизма. Его желания и влечения были необычны, они выходили за пределы принятой морали, но его не следует называть открывателем чего-то особенно нового, о чем люди до него и не догадывались. О том, что существует жестокость, даже крайняя жестокость, они знали всегда, но Сад показал ее в весьма концентрированном виде, что и произвело столь ошеломляющее впечатление. Не случайно Ш. Бодлер писал, что человеку время от времени следует обращаться к Саду, чтобы видеть человечество в его естестве и понимать суть зла. Не знаю, что именно вкладывал поэт в «суть зла», но Сад, по-моему, не раскрывал ее, из его работ не следует, что она собой представляет, каковы причины и истоки зла, он лишь описывал, рассматривал его, пусть иногда и с дотошностью хирурга, производящего вскрытие. Природа и детерминанты зла находились вне сферы интересов маркиза (он, кстати, никогда не был маркизом, а был графом), об этом он просто не задумывался.

Появившись для обозначения сексуальных перверсий, термин «садизм», как и «некрофилия», впоследствии вышел за рамки сексологической терминологии и стал обозначать более широкий спектр социальных явлений, для объяснения убийств в том числе, связанных с жестокостью с ее самыми разнообразными проявлениями.

Садизм существовал во все времена, поскольку всегда были люди, которые пытались решать свои проблемы путем грубого, даже жестокого насилия; они должны были мучить других, чтобы утвердиться самим, удержать и укрепить свою власть, причем не обязательно политическую, государственную, но и власть в семье, общине или иной малой группе; они должны были иметь власть над другим, лучше — другими, чтобы обеспечить свою безопасность и создать условия для достижения стоящих перед ними целей. Поэтому представляется, что садизм — не что иное, как способ преодоления, подавления своей глубинной бессознательной тревоги, причем прибегание к этому способу происходит тоже бессознательно. Наверное, никто не сомневается в том, что Нерон, Калигула, Тамерлан, Иван Грозный и другие кровавые тираны были садистами. Их «род» никогда не вымрет, о чем свидетельствуют Ленин, Сталин, Гитлер, Гиммлер и нескончаемая череда других большевистских и нацистских палачей и мучителей помельче, нынешних террористов и убийц.

Э. Фромм связывал рост насилия с *крушением надежд*. Он писал, что именно потому, что люди не могут жить без надежды, тот, чья жизнь полностью разрушена, ненавидит жизнь. Поскольку он не может сотворить жизнь, он хочет уничтожить ее, что лишь немногим менее чудесно, но что гораздо легче выполнить. Он хочет отомстить за свою несостоявшуюся жизнь и делает это, ввергая себя в тотальную деструктивность, так что не имеет особого значения, разрушает ли он других, или сам подвергается разрушению. Эти мысли Фромма важны в том отношении, что массовое крушение надежд создает особую нравственно-психологическую атмосферу в обществе, когда ослабевают или отвергаются вековые моральные нормы и воцаряется вседозволенность, от которой невозможно найти защиту. Именно такая атмосфера возникла в России после октябрьского переворота и в Германии после прихода к власти Гитлера, а в Камбодже — Пол Пота. Однако безупречным выглядит утверждение Фромма, что не имеет особого значения, разрушает ли человек других, или сам подвергается разрушению. Думается, что в первом случае опасность намного выше. Но Фромм несомненно прав, что сами по себе экономические неурядицы — не первопричина, приводящая к ненависти и насилию, ею является безнадежность положения, повторный крах перспектив.

Большое внимание садизму как явлению уделили психоаналитики. Именно они вывели садизм за рамки сексопатологии в широкий социальный мир.

К. Хорни сосредоточивает свое внимание на садистских видах отношений, проследивая их в лицах, которые не испытывают никаких внутренних запретов в выражении своих садистских наклонностей к другим людям независимо от того, осознают ли они эти свои наклонности или нет. Способы, с помощью которых садист удерживает партнера в порабощении, варьируются в пределах сравнительно ограниченного диапазона и зависят от структуры личности обоих членов пары.

Не всякое садистское стремление направлено на порабощение. Оно может находить удовлетворение в том, чтобы играть на чувствах другого человека как на инструменте. Другая особенность состоит, по Хорни, в эксплуатации партнера. Для садиста эксплуатация становится разновидностью страсти, на которую он имеет право, а главным — переживание торжества от подавления и даже уничтожения других людей. Специфически садистская окраска этой страсти проявляется в средствах, используемых для эксплуатации. Прямо или косвенно партнеру предъявляются все возрастающие требования, и его заставляют испытывать вину или унижение, если он не выполняет их.

Существенна и фиксируемая Хорни тенденция садиста унижать и третировать других людей. Он не только направляет свой прожектор на действительные изъяны у других, которые он точно улавливает, он еще склонен к экстернализации (переносу) собственных недостатков на них и, таким образом, к возведению напраслины на этих людей. Добавим, что уничтожая людей, на которых он переносит свои недостатки (например, при терроризме), садист как бы уничтожает эти недостатки в себе, что приносит ему удовлетворение.

Многие садистские проявления сопровождаются определенным возбуждением, некоей всепоглощающей страстью. Однако нет оснований считать, полагает Хорни, что садистские аффекты, доходящие до нервной дрожи, имеют сексуальную природу; такие предположения основываются лишь на том, что всякое возбуждение само по себе является сексуальным. Но никаких данных в пользу этой гипотезы нет. Объяснение нельзя найти и в инфантильном характере таких переживаний. Если мы рассматриваем садизм как невротический симптом, надо начинать не с попытки объяснить этот симптом, а с попытки понять ту структуру личности, в рамках которой он развивается. С таких позиций можно установить, что садистские наклонности не развиваются у тех, кому не свойственно глубокое чувство тщетности своей жизни. Если же такое чувство

есть, человек оказывается во власти обиды и негодования, он чувствует себя отовсюду исключенным и отверженным. Как следствие этого, он начинает ненавидеть жизнь и все, что в ней есть позитивного. Но он ненавидит ее, испытывая жгучую зависть человека, которому отказано в том, что он страстно желает.

Понимание внутренней борьбы садиста позволяет глубже понять другой, более общий фактор, внутренне присущий садистским симптомам: мстительность, которая, подобно яду, часто проникает в каждую клеточку личности садиста. Все свое яростное презрение к себе он обращает вовне.

Делая других несчастными, он пытается смягчить собственное несчастье. Обладать садистскими наклонностями — значит жить агрессивно и по большей части деструктивно, реализуя все свои отношения через других людей. Следствием деструкции выступает тревога. Это отчасти страх возмездия: человек опасается, что другие будут относиться к нему так, как он относится к ним или как он хотел бы относиться к ним. Он поэтому должен быть бдительным, предвидеть и предупреждать любую возможную атаку. Отчасти его тревога представляет собой страх перед взрывными, деструктивными элементами, заключенными в нем самом¹.

Разумеется, садистом может быть человек, который не сам причиняет боль и страдание другим людям непосредственно, он может это делать через других людей, подчиненных ему. Иными словами, здесь садист руководит социальной, в том числе государственной машиной, или малой социальной группой, чтобы удовлетворить свое влечение к причинению мучений другим. И в этом случае он мстителен, но объектом его мщения становится не только конкретный человек, но и люди вообще, либо какая-то их социальная группа. Так, нацисты преследовали евреев, а большевики — контрреволюционеров и антисоветчиков, бандиты — тех, кого они посчитали богаче и счастливее себя. Подобные ненавистники опаснее всех других, даже тех, которые измываются, даже очень жестоко, над одним человеком.

Э. Фромм указывал на то, что человек садистского типа не хочет губить того человека, к которому он привязан, но так как он не может жить собственной жизнью, то должен использовать партнера для симбиотического существования². Вообще Фромм принадлежит к числу тех мыслителей, которые внесли наиболее существенный вклад в разработку теории садизма и некрофилии.

¹ См.: Хорни К. Наши внутренние конфликты // Избранные труды К. Хорни и Э. Фромма. М., 1995. С. 142—146.

² См.: Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 53.

Фромм считал, что

сердцевину садизма, которая присуща всем его проявлениям, составляет страсть, или жажда власти, абсолютной и неограниченной власти над живым существом, будь то животное, ребенок, мужчина или женщина. Заставить кого-либо испытывать боль или унижение, когда этот кто-то не имеет возможности защищаться, — это проявление абсолютного господства... Тот, кто владеет каким-либо живым существом, превращает его в свою вещь, свое имущество, а сам становится его господином, повелителем, его Богом... Садизм — это злокачественное образование. Абсолютное обладание живым человеком не дает ему нормально развиваться, делает из него калеку, инвалида, душит его личность... В большинстве общественных систем представители даже самых низших ступеней социальной лестницы имеют возможность властвовать над более слабым. У каждого в распоряжении есть дети, жены, собаки; всегда есть незащищенные существа: заключенные, бедные обитатели больниц (особенно душевнобольные), школьники и мелкие чиновники¹.

Кроме них существуют еще представители национальных, религиозных и сексуальных меньшинств, которые тоже могут стать объектом издевательств и притеснений, а иногда и убийств. Садистическое отношение к ним имеет распространение особенно в тех странах, которые ничего не знают о демократии. Их унижение и даже уничтожение воспринимается как естественное и единственно правильное.

В любом случае садизм порицаем, а в некоторых наиболее жестоких своих проявлениях — уголовно наказуем. В обыденных своих проявлениях он создает лишь иллюзию всемогущества, но когда садист захватывает власть даже над малой территорией, а тем более высшую государственную власть, это уже не иллюзия, это зловещая (и преступная) реальность, здесь возможность творить зло поистине безгранична. Фромм несомненно прав, что все садисты — это духовные уроды. Такими и были Калигула, де Рэ, Сталин и другие фигуры из бесконечного ряда садистских личностей, такими же являются в том числе домашние и чиновные тираны, бандиты и некоторые категории убийц, получающие наслаждение от преследований и унижений других людей.

Фромм справедливо предупреждает, что было бы опасным упрощением, если бы мы всех людей разделили только на две группы: садистские дьяволы и несадистские святые. Все дело в интенсивности садистских наклонностей в структуре характера каждого индивида. Есть много людей, в характере которых можно найти садистские элементы, но которые в результате сильных жизнеутверждающих тенденций остаются уравновешенными; таких людей нельзя

¹ Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М., 1994. С. 251—252.

причислять к садистскому типу. Нередко внутренний конфликт между обеими ориентациями приводит к особенно острому неприятию садизма, к формированию «аллергической» установки против любых видов унижения и насилия. Существуют и другие типы садистического поведения. Например, у людей, у которых садистические наклонности так или иначе уравниваются противоположными влечениями; они, может быть, получают определенное удовольствие от власти над слабым существом, но при этом они не станут принимать участия в настоящей пытке или истязаниях.

Очень часто удовольствие от власти получают имеющие эту власть над детьми, причем они могут оставаться в рамках морали, а могут ею пренебречь. Например, в детских учреждениях для сирот.

У лиц, полностью захваченных садистской агрессией, нет никакой морали, есть лишь правила жизни, обеспечивающие достижение их целей. Садист представляет собой полное отрицание морали, у него есть некие побуждения, он вроде бы знает, что должен делать, но даже не подозревает, ради чего, чего он таким путем достигнет, к чему это приведет. Он отвечает только перед самим собой, другие для него существуют лишь постольку, поскольку они способны удовлетворить его агрессивные стремления, способствовать их реализации либо, наоборот, препятствовать им. Он издевается над ценностями других людей и вообще над моралью, являясь самым циничным и активным ее «отрицателем».

В каком состоянии находится общество, для него на первый взгляд вроде бы безразлично, но на самом деле это далеко не так. Ему нужны хаос и беспорядок, и особенно такая атмосфера, когда, казалось бы, незыблемые всегда ценности и нормы решительно отброшены, декларируется новая нравственность. Поэтому для него так любимы революции, перевороты, катастрофы и войны, а также максимальная криминализация общества; именно тогда садист в полной мере проявляет свою агрессивность и жестокость, в застенках или в концлагере, в разбоях или убийствах. Садизм — это особое состояние личности, управляющее ею. Для садиста все другие живые существа есть лишь вещи, находящиеся в полном его подчинении, либо такие, над которыми он хотел бы властвовать.

Сад не сделал открытия, дав свое имя самым отвратительным человеческим деяниям, — люди и до него очень давно знали, что способны пасть так низко. Но язык Сада оказался наиболее образным и властным, привлеком к себе всеобщее внимание. Главное же в том, что человечество в своем гуманистическом развитии достигло того уровня, что стали намного яснее различия между видами насилия, и рукой Крафт-Эбинга можно заклеить наиболее мерзкие, хотя и нельзя избавиться от них. Люди теперь их решительно отрицают, не отдавая себе отчета в том, что тенденция совершать

такие действия была задана изначально и ни в коем случае не является чьей-то ошибкой. Рациональное отрицание садистского насилия устраняет свой объект не в большей степени, чем безрассудное отрицание смерти.

Насилие старается быть безмолвным и открывает рот лишь в том случае, когда это совершенно необходимо, например, чтобы оправдать свои действия или (и) привлечь сторонников. Так поступала большевистская власть, собирая многотысячные толпы, которые требовали смерти «врагов народа». Однако садисты молчаливы, а если служат государству, то говорят на его языке, но чаще предпочитают умалчивать, что подвергают кого-то особым мучениям и страданиям. В отличие от них Сад выступал в основном от своего имени, представляя себя в качестве одинокого изувера, но очень часто он говорил и от лица жертвы, например в «120 днях Содома». Это неудивительно, поскольку Сад большую часть своей жизни страдал от государства, а наказанному человеку трудно молчать; он взбунтовался в своей темнице и не хотел смириться со своей судьбой; он заставил насилие говорить, обрушив его на своих тюремщиков и судей, на бога и весь мир, даже природу. Однако замечу, что прошло более чем полтора века, прежде чем голос Сада был услышан цивилизацией.

Агрессия Сада непревосходима, никто за долгие годы после него не смог создать такое нагромождение пыток, казней, издевательств и мучений. Именно это делает его творчество уникальным, никто в этом не смог его превзойти. Его агрессия предполагает полное презрение к людям и опровержение самой малой возможности достойной жизни, ставя насилие на самую вершину ценностей. Не случайно те, которые получают удовольствие от страданий других, сами хотели бы так же страдать: это и есть садомазохизм.

Сад полностью отрицает равенство в сексуальных отношениях, да и во всем остальном тоже — точно так же поступают серийные сексуальные убийцы. Здесь другой человек не принимается в расчет, а принципы Сада исходят из абсолютного одиночества, которое предпочитает только то, что доставляет удовольствие. Поэтому есть все основания утверждать, что Сад (и садизм) чрезмерен, он всегда переступает установленные жизнью грани, причем не только в сладострастии, но и в насилие, которые неизменно становятся преступлением. Садистское же преступление почти всегда или очень часто связано со смертью, поэтому можно считать садизм провозвестником смерти. Бытие садиста — это чрезмерное бытие, в рамках которого отрицается не только другой, но и сам садист именно своей чрезмерностью.

Поэтому могущество садиста эфемерно, тем более что в его глубинной основе лежит какая-то личностная слабость, часто неведо-

мая самому ее обладателю. Чрезмерность не может не быть всегда особым усилием, чтобы достичь состояния, когда человек чувствует высшее блаженство благодаря своей власти и переживаемому сладострастию, но каждый раз оказывается, что это лишь временно и обязательно требует повторения, а поэтому он становится зависимым от собственного же поведения и в плену своих помыслов. В центре оказывается преступление, обеспечивающее цельность садисту, хотя он и не может избежать последствий своего отрицания не только другого, но и главных ценностей жизни.

Но все-таки садист достигает немало — со своих убогих позиций, а именно непрерывности преступного поведения, которое, увы, не обречено на гибель. Непрерывность же надо понимать не как бесконечность одного эпизода, а как постоянное стремление к совершению вновь изуверских действий. Чрезмерность же на юридическом языке называется «особая жестокость».

Нет никаких оснований непременно связывать садизм с мазохизмом¹, как это делает, например, Ж. Лели. Он пишет, что «в силу амбивалентности инстинктов, подтверждаемой психоанализом, этот психоневроз всегда (! — Ю.А.) встречается в сопровождении своей неотъемлемой противоположности — мазохизма. Подобное сосуществование может показаться удивительным лишь на первый взгляд. В садизме, равно как и в мазохизме, речь, говоря несколько упрощенно, идет о реальной или символической связи жестокости с любовным наслаждением. Проявляем ли мы сами жестокость в отношении к любимой женщине, или эта женщина ведет себя жестоко по отношению к нам — желаемый результат в обоих случаях одинаков»².

Сексопатологическая и юридическая практика прекрасно знает, что садизм и мазохизм далеко не всегда сосуществуют вместе. Такие садисты, как Сталин, Гиммлер и многие их охранники и палачи, современные бандиты, террористы и «обыкновенные» убийцы не проявляют абсолютно никаких мазохистских тенденций. Они садисты, и только садисты, без каких-либо мазохистских и садомазохистских проявлений. Хотя, конечно, никто не оспаривает сейчас наличие противоположных сексуальных девиаций у отдельных личностей, а садист и мазохист часто составляют в некотором смысле гармоничную сексуальную пару. Все это позволяет говорить о единой садомазохистской наклонности. Многие из литературных героев Сада были садомазохистами, но это ничего не значит для реальной жизни.

¹ Одно из самых убедительных исследований мазохизма осуществлено К. Хорни (см.: Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М., 1993).

² Лели Ж. Садо-мазохизм Сада // Маркиз де Сад и XX век. М., 1993. С. 19.

Кроме тоталитарных вождей и верхушки тоталитарных режимов, абсолютными садистами, если можно так выразиться, представляются те, которые подвергают попавших к ним в руки пыткам, охранники и иные сотрудники концлагерей. Вообще такие лагеря — это совсем иной мир, отличный от любого другого, даже тюремного, особенно в цивилизованной стране, это мир с перевернутыми нравственными ценностями, мир, в котором возможно лишь зыбкое, размытое существование, но и оно во многом зависит от прихоти имеющих там власть, хотя бы и ничтожную.

Садизм наиболее полно отмечается, как уже указывалось, в годы войн и смут, но его, как и мазохизм, можно встрегить и в мирной жизни, но, скорее всего, в слабой мере и часто под покровом символики. Впрочем, и в такой жизни имеют место убийства с особой жестокостью и другие садистские преступления. Из лично известных мне убийц какой-то запредельной жестокостью отличались Чикатило и Головкин. Последний казненный в нашей стране преступник Головкин подвергал захваченных им обманом мальчиков 9—11 лет неслыханным страданиям, пытая их. Из последних трех он в специально подготовленном для этого бункере подвергал каждого пыткам на глазах у двух других. Он всегда получал удовольствие, наблюдая за мучениями детей.

Особая жестокость в обычной жизни имеет место чаще всего в бытовой сфере и при разбойных нападениях. Так, некто Вавилов 17 лет во время совместного употребления спиртных напитков приревновал свою девушку к другому молодому человеку и убил его, нанеся ему 234 удара ножом, вилок и разбитой рюмкой; затем убил свою девушку 63 ударами ножом и вилок; еще одного молодого человека, тоже присутствовавшего при расправах с первыми двумя, он убил молотком, 45 раз ударив им; девушке этого последнего он умышленно причинил тяжкий вред здоровью, нанеся ей один удар ножом в живот. В общей сложности Вавилов нанес 343 удара четырем жертвам. Как пояснил обвиняемый суду, он медленно убивал их потому, чтобы они поняли свою вину перед ним, и он хотел продлить их страдания.

Склонность к жестокости, достигающая уровня потребности, может быть у очень многих людей, которые и не догадываются об этом. Она лежит в глубинах их психики как один из способов утвердиться в жизни и побороть страх, размытый, смутный, беспредметный. Эта потребность может реализоваться при определенных обстоятельствах, обязательно благоприятных и желательно дающих возможность избежать ответственности. Садисты, которые зверствовали в гитлеровских и ленинско-сталинских концлагерях, до этого и во время этого могли быть хорошими гражданами и примерными семьянинами. Очень плохо, что и после службы там они, ес-

ли им удавалось избежать тюрьмы, вновь обретали прежние социальные статусы. Это по большей части те люди, которые обычно не испытывают угрызений совести, что, впрочем, вообще характерно для преступников. Террористы тоже могут быть людьми, заслуживающими уважения своих соплеменников.

Для понимания садизма важно отметить, что садист боится неожиданных поворотов в своей жизни, поскольку они грозят ему потерей объекта его агрессии. К этому объекту он жестко привязан и одновременно боится всего нового и чужого, как боится и того, кто стоит выше его по служебной лестнице и в неформальной групповой иерархии. Поэтому потребность в изуверстве и возможность ее удовлетворения являются едва ли не самыми важными способами связи с жизнью, которой он боится. Иными словами, садист — зависимая личность, точнее, он зависит от собственного поведения, а поведенческая зависимость вообще отнюдь не редкое явление как с положительными, так и с отрицательными знаками. Если человек зависит только от собственного поведения, а оно порицаемо, это приводит его к отчуждению, причем очень значительному.

Сами садисты обычно совершенно не могут разъяснить, почему они совершали свои чудовищные преступления. Об этом говорит мой клинический опыт исследования садистских убийц, в том числе сексуальных маньяков, а их было много десятков. Об этом говорят и материалы судебного процесса над маршалом де Рэ во Франции (XV в.). На вопросы судьи, исходя из каких мотивов, с какими намерениями и с какой целью он убивал своих жертв, обвиняемый мог только пояснить, что совершил эти преступления, следуя своему воображению, а не чьим-то советам, согласно своему собственному рассудку, стремясь лишь к наслаждениям и плотским утехам. Эти слова Рэ Батай комментирует так, что виновному не нужно было постигать или открывать источники своих преступлений. Его преступления были тем, чем был он сам, чем он был в глубине своей, трагически, до такой степени, что он не помышлял ни о чем другом. Никаких объяснений. Де Рэ был повешен, а затем сожжен.

Истязая и мучая людей или животных, садист может полностью погрузиться в переживаемые в связи с этим удовольствия, отгораживаясь при этом от всего остального мира. При этом мучитель может ощущать уникальность своей личности, своей жизни и судьбы, своих возможностей творить зло, упиваясь властью, которую он имеет и которую заслужил, властвуя теперь над другим или другими. Тем самым садист бессознательно пытается уйти от того, что мучает его, от неудовлетворенности собственными возможностями, их ограниченности даже при том, что у него может быть большая власть. Ощущение ограниченности и даже невозможности способно возникнуть на сексуальной почве, на чередке жизненных неудач и

провалов, на том, что окружающие не принимают его таким, каким он хотел бы быть или казаться, или на том, что иначе у него ничего не получается, чтобы принять самого себя. Иначе говоря, садизм является попыткой утверждения и особенно самоутверждения, попыткой быть, хотя соответствующие усилия в действительности чаще имеют место лишь в течение ограниченного времени.

Садизм — чаще всего удел людей, которые мучимы глубокой тревогой и имманентным, размытым страхом. К ним можно отнести и таких, имевших неограниченную власть некрофилов, как тоталитарные правители. Их и подобных им возбуждала, пользуясь известным афоризмом Сада, сама идея зла. В реальной жизни, а не в садовских фантазиях садистами могут быть не только высоко-вельможные или иные облеченные властью люди, но и самые что ни на есть простые, стремящиеся к господству над другими, стремящиеся снизить тревогу относительно собственного «Я». Садист надеется «стать хозяином самого себя» через реализацию стремления «быть хозяином другого», хотя бы ненадолго, но чтобы ощутить свое существование. Поэтому для него повторить насилие очень важно, при этом его совершенно не смущает, что, утверждая себя таким способом, он отрицает другого. Он не отрицает, т.е. не уничтожает последнего полностью, если тогда не будет возможности обрушить свою агрессию на иной объект. Садист уничтожает свою жертву заранее, ни во что не ставит ее жизнь, здоровье, честь и достоинство.

Российское уголовное право признает убийство, совершенное с особой жестокостью в качествеотягчающего обстоятельства. Но я полагаю, что не всегда такие убийства можно назвать садистскими: во-первых, совершившее его лицо может не осознавать свои действия особо жестокими и, во-вторых, не получать от них никакого удовольствия (удовлетворения).

Особая жестокость имеет место в случаях, когда в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязания, наносилось большое количество телесных повреждений, применялся мучительно действующий яд, сожжение заживо, длительное лишение пищи и воды, выставление на мороз и т.д. Некоторые юристы полагают, что особая жестокость при убийстве проявляется и тогда, когда преступник лишает жизни человека в присутствии его родных и близких. Эта же позиция изложена в Постановлении Пленума Верховного Суда России от 27 января 1999 г. № 1.

С этим нельзя согласиться, поскольку здесь спутаны две вещи: причинение особых мучений и страданий самому убиваемому и причинение таких мучений и страданий его близким, которые, конечно, могут глубоко переживать гибель близкого им человека, если его убивают на их глазах, скажем, всего одним выстрелом, не причиняя ему особых страданий и мучений. Однако и такие действия —

убийство на глазах близких жертвы — могут характеризовать преступника как садиста, если он знает об их близости (семейной, родственной или иной). В последнем случае мы наблюдаем причинные особые мучений и страданий близким, а не убитому.

Садизм неискореним. Он был и будет всегда, но его масштабы, пораженность им общества всегда будет меньше, даже значительно меньше при демократическом строе, безусловном уважении прав, свобод, чести и достоинства личности, взаимном доверии между людьми, их уверенности в том, что они непременно будут защищены законом, государством, общественными организациями, что они всегда смогут найти правду в суде. Когда страна превращается в гигантский концлагерь, садизм там просто неизбежен, и такая страна предоставляет возможность появиться самым дурным и отвратительным влечениям.

3.6. Некрофилия

Некрофилия принадлежит к тому же ряду источников агрессии, что и садизм, но существенно отличается от него. Садист хочет стать хозяином жизни и доказать, в первую очередь самому себе, что он есть, существует. Он может оставить жертву в живых, если не найдет другой объект агрессии. Некрофил стремится уничтожить свою жертву, растоптать саму жизнь, садист же хочет испытать чувство своего превосходства над жизнью, которая зависит от него. Некрофилию в характерологическом смысле Фромм определяет «как страстное влечение ко всему мертвому, больному, гнилостному, разлагающемуся; одновременно это страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения, а также исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому). Плюс к тому это страсть к насильственному разрыву естественных биологических связей»¹.

Однако различия между садизмом и некрофилией не только в этом. В отличие от садиста некрофил может быть совсем не агрессивен и не способен на насилие, тем более криминальное. Некрофилию вообще не следует оценивать в качестве только негативного социального явления, хотя меня в этой работе интересует именно этот ее аспект. Тем не менее некрофильская личность определенно может выполнять общественно полезную деятельность в сфере, где все время необходимо иметь дело непосредственно с покойниками, товарами и ритуалами, имеющими непосредственное отношение к смерти. У таких людей действительно может быть влечение ко всему мертвому и гнилостному, но без желания превра-

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 285.

щать все живое в неживое и страсти к разрушению. Некрофил вполне может быть добропорядочным гражданином, хотя и не улыбочивым и невеселым человеком. Все это дает основание различать доброкачественную и недоброкачественную некрофилию, безусловно оставляя последнюю в числе причин агрессии.

К этому следовало бы добавить, что интересующая нас некрофильская личность ощущает в смерти, чужой и даже своей, решение актуальных для нее проблем, а поэтому смерть становится для нее лишь способом, лишаясь нравственного содержания. Отсюда легкость агрессивного нападения, даже убийства, и отсутствие какого-либо раскаяния по этому поводу. Это одна из причин того, что раскаяние так редко посещает преступников.

Термин «некрофилия» в научный оборот ввел, как указывалось выше, Крафт-Эбинг. Он же приводит взятый из литературы красноречивый случай смещенной, почти символической некрофилии. Его описал Таксиль: некий прелат по временам являлся в Париж в дом терпимости и заказывал себе проститутку, которая должна была ложиться на парадную постель, изображая труп; для довершения сходства он заставлял ее сильно набелиться. Какое-то время в комнате, превращенной в покойницкую, он, облачившись в траурную одежду, совершал печальный обряд, читал отходную, затем совокуплялся с молодой женщиной, которая все это время должна была изображать усопшую¹.

В качестве широкого социального понятия некрофилия впервые была названа выдающимся испанским философом и писателем Мигелем де Унамуно в его выступлении против генерала Миллана Астрая в 1936 г. Фромм окончательно закрепил его в своей «Анатомии человеческой деструктивности», особенно в блестящем анализе личности Гитлера. Вместе с тем некоторые элементы его позиции относительно некрофилии вызывают сомнение. Я имею в виду отстаиваемое им отличие садизма от некрофилии, хотя и согласен с тем, что садист заинтересован в сохранении жизни мучимого им человека, но только в некоторых случаях, если другого объекта для агрессии не будет.

Самым опасным сочетанием является *некросадизм*. Во-первых, садизм, как уже отмечалось выше, не всегда приводит к смерти, садист может ограничиться нанесением увечий, унижениями и издевательствами. Если же садистические влечения переплетаются с некрофилией, это в подавляющем большинстве случаев означает смерть жертвы. Во-вторых, садизм и некрофилия взаимно усиливают друг друга, если некрофил будет убивать, то, как еще и садист, он будет причинять особые страдания и мучения. Некрофильская агрессия садиста является изуверской.

¹ См.: Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия. М., 1996. С. 111—112.

Некрофилия и садизм неискоренимы, они были и будут всегда, но их масштабы, пораженность ими общества всегда будут меньше, даже значительно меньше при демократическом строе, безусловном уважении прав, свобод, чести и достоинства личности, взаимном доверии между людьми, их высоком уровне культуры, их уверенности в том, что они непременно будут защищены законом, государством, общественными организациями, что они всегда смогут найти правду в суде.

В отличие от садизма некрофилия не всегда имеет криминологическое значение, и тем не менее это понятие должно использоваться для объяснения причин насильственных преступлений. В свою очередь и садизм и некрофилия сами нуждаются в объяснении, поскольку они начинают проявляться в поведении человека отнюдь не случайно. Важно отметить, что эти личностные особенности выходят на передний план при соответствующих социальных условиях: и как массовое явление, и как отдельные проявления в жизни человека, который таким образом реагирует на свои провалы и неудачи либо пытается утвердиться, в том числе в своих собственных глазах. Множественные убийства чаще совершают садонекрофилы (некросадисты).

Можно говорить о некросадизме, когда некрофил не только убивает, с помощью убийств решая свои проблемы (любого уровня), но и получает удовлетворение от убийства. Для этого совсем не обязательно надо пытать жертву, можно вообще не видеть ее гибели, но само знание того, что некто погиб по твоему указанию или по твоей просьбе, в результате твоих интриг и т.д., приносит удовлетворение. Сталин и Гитлер не видели, как убивают людей по их указаниям, но тем не менее испытывали удовлетворение от того, что так происходит.

Как утверждает Фромм, Сталин иногда сам давал указания, какой вид пыток применять. Его личным оружием был, главным образом, психологический садизм: он давал своей жертве заверения, что ей ничто не грозит, а затем через один или два дня приказывал этого человека арестовать. Сталин находил садистское удовольствие в том, что в тот момент, когда он заверял свою жертву в своей благосклонности, он уже совершенно точно знал, какие муки ей уготованы. Особенно изощренная форма садизма состояла в том, что у Сталина была привычка арестовывать жен, а иногда и детей высших советских партийных работников и затем отсылать их в трудовые лагеря, в то время как мужья продолжали работать и рабелепствовать перед Сталиным¹.

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. С. 248—249.

Э. Крепелин к числу некрофильских проявлений отнес такой, например, случай, когда мужчина при половом акте проявлял стремление вырвать у девушки зубами кусок мяса, потом он это осуществил на самом деле. Он приводит и такой факт, когда другой мужчина, выкапывавший мертвецов, целовал гениталии женских трупов и даже унес один труп к себе, чтобы осквернить его, так как живые не желали иметь с ним дело¹.

Все некрофильские проявления можно четко разделить на две группы: вступление в сексуальные контакты с уже мертвым человеком (чаще с женщиной; этот вид сексопатологи называют истинной некрофилией) и убийство в этих же целях либо получение сексуального удовлетворения в процессе самого убийства, агонии жертвы, расчленения трупа, вырезания внутренностей, съедения отдельных кусков тела и т.д. Во втором случае потерпевшими выступают не только женщины, но и мужчины, несовершеннолетние обоего пола. Вслед за Крафт-Эбингом некрофилией вначале называли факты сексуальных посягательств на тех, кто умер не от рук некрофилов, большинство из которых являются психически больными людьми. Можно назвать данную парафилию (извращение) сексуальной некрофилией, другой же ее вид отличается от нее, иногда резко. Его можно назвать социальной некрофилией.

Нет нужды доказывать, что злокачественные некрофилы, даже если они невменяемы, представляют собой исключительную опасность. Она определяется главным образом тем, что совершаются ужаснейшие, выходящие за пределы всего мыслимого, злодеяния и, как правило, с особой жестокостью. Если же брать все такие парафильные сексуальные деяния, то они еще и грубо подрывают наши представления о живых и мертвых, об отношении к усопшим, к вечному таинству смерти и, разумеется, о контактах между полами. В сексуальной некрофилии наиболее очевидно и ярко проявляются некрофильские тенденции — влечение к трупам, к разлагающемуся, к тому, что противостоит жизни, что вызывает страх и трепет у большинства людей, при некрофильском убийстве — к разрушению живого.

Сексопатологи обычно исходят из того, что главную роль в формировании «истинной» некрофилии играет психопатологическая почва, именно она способствует закреплению в личности патологического влечения и его реализации. Названный вид некрофилии чаще встречается у психически больных с выраженным слабоумием или эндогенным процессом, а также в рамках «ядерной» психопатии. Отмечается также, что у больных эпилепсией при гру-

¹ См.: Крепелин Э. Учебник психиатрии для врачей и студентов. Мюнхен, 1909. С. 277—278.

бом интеллектуальном снижении встречаются случаи некрофилии, которые обычно становятся объектом психиатрической экспертизы. Возможно, что в формировании этого извращения некоторое значение имеет и садизм, что дает возможность достичь абсолютного господства над трупом и осуществить любые манипуляции с ним, в том числе унижающие, как если бы это был живой человек. В ряде случаев в половые сношения с трупами вступают люди, у которых крайне затруднены обычные контакты с женщинами и которые много раз терпели поражения в своих попытках добиться у них взаимности. Но даже тогда некрофилия обычно развивается на фоне того или иного расстройства психической деятельности. Вообще эта парафилия, как и многие другие личностные свойства и тенденции (например, агрессивность), носит нейтральный характер и может реализовываться как в уголовно наказуемых, так и в социально полезных формах.

Конечно, в совершении некрофильских сексуальных актов большое значение имеет то, что возможность удовлетворения сексуальной потребности индивида заблокирована и что он страдает расстройствами психической деятельности. Тем не менее, если ограничиться учетом только этих обстоятельств, все-таки не до конца ясны причины таких действий, т.е. приведенные соображения не представляются исчерпывающими в качестве причин сексуальной некрофилии. Во-первых, сами по себе психические аномалии и психические болезни полностью не объясняют любое поведение. Во-вторых, почему и каким образом без остатка преодолевается естественная неприязнь, даже отвращение и страх перед мертвым телом, которое, напротив, становится объектом любовных ласк и вызывает сильное сексуальное возбуждение. Осуждение окружающих и угроза уголовного наказания за подобные поступки по сравнению с указанными психологическими барьерами, которые легко преодолеваются, выглядят несущественными. В-третьих, почему невозможность удовлетворения актуальной физиологической сексуальной потребности приводит к некрофильским посягательствам, а не к какому-либо иному поведению, например к мастурбации или совершению изнасилования. Даже такое тяжкое преступление, как изнасилование, по сравнению с сексуальной некрофилией представляется несравненно более человеческим и понятным.

Ответы на поставленные вопросы можно найти только в том случае, если опираться на тот несомненный факт, что лица с анализируемой сексуальной парафилией являются *некрофильскими личностями*. Их влечет сама смерть, они не ощущают в ней ничего страшного, она им эмоционально близка и понятна. Именно этот фундаментальный фактор определяет их отношение к себе, к окру-

жающим, ко всему миру, поэтому даже сексуальная потребность, реализация которой является главным источником жизни, удовлетворяется на мертвых. Иными словами, это люди смерти, а не жизни, и по этой причине мертвое женское тело для них столь же желанно, как для нормального человека — живое.

Для понимания сексуальной некрофилии важно и то, что субъект соответствующего поведения в силу разных личных причин не имеет обычно возможности вступать в нормальные сексуальные отношения с живыми. Они как бы отрезаны от него. Мертвое же тело полностью в распоряжении такого человека.

Как бы ни были опасны случаи сексуальной некрофилии, даже те, когда совершается убийство для получения полового удовлетворения, какой бы гнев они ни вызывали, все-таки подобных фактов мало. В этом смысле (только в этом) сексуальная некрофилия не идет ни в какие сравнения с асексуальной, социальной.

На все жизненные проблемы некрофил всегда, в принципе отвечает разрушением и никогда не действует созидательно, осторожно, бережно; в общении он обычно проявляет холодность, чопорность, отчужденность, реальным для него является прошлое, а не настоящее; у такого человека специфическое выражение лица, неподвижное, маловыразительное, каменное, он обычно не способен смеяться; наиболее употребимыми в некрофильском лексиконе являются слова, имеющие отношение к разрушению или же к испражнениям и нечистотам; некрофильские личности преклоняются перед техникой, перед всем механическим, предпочитая живой природе и живым людям их изображения, отрицая все натуральное¹.

Как мы видели, Фромм имеет в виду не только и даже не столько некрофильские поступки, сколько некрофильский характер, соответствующую личность, которая может реализовать в поведении заложенные в ней тенденции. Наверное, не у каждого человека, склонного к разрушению и ко всему мертвому, имеется полный набор перечисленных качеств, достаточно, чтобы в нем присутствовали наиболее важные из них. Точно так же далеко не каждый душегуб всегда движим ненавистью к своим жертвам. Фромм в этой связи приводит более чем красноречивый пример с фашистским преступником Эйхманом: он был очарован бюрократическим порядком и всем мертвым. Его высшими ценностями были повиновение и упорядоченное функционирование организации. Он транспортировал евреев так же, как транспортировал бы уголь. Он едва ли воспринимал, что речь в данном случае идет о живых существах. Поэтому вопрос, ненавидел ли он своих жертв, не имеет значения.

¹ См.: Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М., 1992. С. 10—36.

Таковыми же убийцами без страсти были и многие начальники фашистских и большевистских концлагерей, которые делали то, что «поручала им партия». Конечно, среди подобных «служителей смерти» были и есть садисты, которые наслаждаются мучениями жертв и относятся к тому же племени некрофилов.

Фромм на примере Гитлера блестяще доказал наличие некрофильских личностей и некрофильского характера. Совершенно очевидно, что такой личностью может быть не только убийца, стреляющий по толпе, но многие преступные правители, которые организуют разрушения и уничтожение людей. Подобно Гитлеру, некрофилом был и Сталин. Он страстно тяготел к смерти, ко всему гибнущему, разлагающемуся, активнейшим образом разрушал и уничтожал, отчего испытывал величайшее удовлетворение.

Однако вернемся на другой уровень — «обыкновенных» убийц, насильников, поджигателей, террористов, киллеров. Конечно, далеко не каждый убийца или поджигатель может быть отнесен к некрофильским личностям. Среди убийц немало тех, кто совершил преступление в состоянии сильного переживания, из мести или ненависти к другому человеку, под давлением соучастников или иных сложных обстоятельств своей жизни и при этом горько сожалел о случившемся и т.д. Некрофил же — это человек, который все проблемы склонен решать только путем насилия и разрушения, которому доставляет наслаждение мучить и заставлять страдать, — одним словом, тот, кто не может существовать, не превращая живое в неживое.

Я думаю, что среди насильственных преступников достаточно много некрофилов и к их числу в первую очередь надо отнести тех, кто не видит никакого иного выхода из своей жизненной ситуации, кроме убийства и разрушения, кто постоянно прибегает к ним, даже невзирая на то, что уже наказывался за это, кто убивает многих людей. Конечно, некрофилом является убийца детей — это преступление против самой жизни, а те, кто его совершают, недостойны жить. Я имею в виду и тех мерзавцев, которые зарезали детей в станице Кушевской Краснодарского края 4 ноября 2010 года.

В данном случае специальный рецидив насильственных преступлений весьма показателен, особенно если в их цепи присутствует убийство. Если же говорить об уровнях некрофильности, то наивысший из них будет представлен теми, кто убивает детей или совершенно незнакомых людей, с которыми не сводят личных счетов и к которым не могут испытывать ненависти или вражды (например, стреляя по толпе или убивая при разбое случайного прохожего), — наемными убийцами, которым все равно, кого убивать, лишь бы за это платили и была удовлетворена их жажда разрушения, наемниками-авантюристами в войнах и межнациональных конфлик-

тах, политическими и религиозными террористами, среди которых много фанатиков. Разумеется, это не полный перечень некрофилов-убийц.

При определении некрофилии не имеет значения, совершается ли убийство для удовлетворения половой страсти или ради иных целей. Главное в том, что субъект прибегает к причинению смерти для решения своих внутренних проблем. В определенном смысле даже самоубийцу можно считать некрофилом, если он только в лишении себя жизни видит выход из сложившейся ситуации. В принципе, для определения наличия некрофилии не имеет значения, одно ли совершено убийство или несколько, главное в том, что именно и только в лишении жизни другого преступник видит единственный путь.

Обнаружить в одном человеке обе формы некрофилии — *сексуальную* и *социальную* — можно сравнительно редко. Эти формы разительно отличаются друг от друга, если иметь в виду и поведение и личность.

Я буду руководствоваться мыслью, что некрофильской может быть не только отдельная личность, но и группы людей, даже отдельные регионы страны, где процветает насилие, даже отдельные эпохи в жизни того или иного общества, т.е. буду исходить из значительно более широкого понимания некрофилии, чем это делалось до сих пор. *Некрофильской эпохой* я признаю ту, где смерть (и угроза ее применения) становится основным регулятором отношений людей и управляет жизнью страны, когда смерть выступает в качестве основного способа реализации идей и решения возникающих проблем. Некрофильскими эпохами, в первую очередь, являются германский нацизм и советский большевизм. Следовательно, в понятие некрофилии я намерен ввести весьма обширный социальный компонент, хотя и разделяю мнение К.Г. Юнга, что причиной кровавого тоталитаризма, понимаемого мною и как вид некрофилии, выступают факторы психического порядка, точнее — социально-психологического.

Не у всех народов некрофильская эпоха связана с тоталитаризмом, а часто — с высоким уровнем их духовных исканий, как, например, у древних египтян. Они, по мнению Г. Лебона, презирали жизнь и лелеяли мысль о смерти. Более всего их занимала неподвижная мумия, которая своими покрытыми эмалью глазами в своей золотой маске вечно созерцает в глубине своего темного жилища таинственные иероглифы. Не опасаясь никакой профанации в своем гробовом доме, огромном, как дворец, среди расписанных и покрытых изваяниями стен бесконечных коридоров, эти мумии находили здесь все, что прельщало человека в течение его короткого земного существования. Для них копались подземелья, воздвига-

лись обелиски, пилоны, пирамиды, для них обтесывались задумчивые колоссы, сидящие с выражением спокойствия и величия на своих каменных тронах¹.

Опираясь на фрейдовскую теорию Эроса и Танатоса, французский философ и психолог Ж. Делез приходит к мысли, что ни тот ни другой не могут быть даны или пережиты. В опыте даны лишь те или иные сочетания этих двух, и роль Эроса при этом — связывать энергию Танатоса и подчинять эти сочетания принципу удовольствия. Вот почему, несмотря на то что Эрос дан не в большей степени, чем Танатос, он, по крайней мере, дает себя услышать и он действует. А Танатос, по сути своей, безмолвен и тем более страшен². Танатос, конечно, страшен, но не безмолвен — он властно заявляет о себе во всех сферах бытия, мы же не всегда способны услышать его шепот и прочесть его письма. Эрос связывает энергию Танатоса в той же мере, в какой Танатос связывает энергию Эроса, т.е. они находятся в равновесии, однако судьба человека не состоит в лихорадочном метании между ними и, конечно, не в рабстве у Танатоса.

Танатос отличается необыкновенной хваткой, это ни с кем и ни с чем не сравнимый захватчик. Он опьяняет своим могуществом и возможностью последнего утешения, а те, которые пленены им, все время обязаны приносить ему жертвы, в том числе и собственные жизни. Те, что страшатся его, стараются приблизиться к нему, чтобы понять, что, собственно, грозит им. Для этого они могут и убивать.

Некрофильские личности психологически принадлежат разным мирам, т.е. жизни и небытию; вхождение в последнее ими предощущается, но относительно редко становится предметом осознанного эмоционального переживания или рассуждения. Поскольку такие люди одновременно пребывают в различных мирах, они любого человека могут переправить (передать, направить, перенести) в небытие как в ту сферу, которая ему тоже психологически близка, причем несравненно ближе, чем другим индивидам. Поэтому даже убийство не вызывает у некрофила того комплекса негативных чувств и эмоций, которые при таких же обстоятельствах немедленно и неизменно появляются у обычных, т.е. нормальных людей, а также у убийц-ненекрофилов. Отсюда практически абсолютное отсутствие раскаяния и покаяния у таких преступников, искреннее непонимание ими того, что они в чем-то виноваты. Однако нельзя отрицать, что определенную сумму социальных норм они усвоили и поэтому понимают, что за преступную агрессию будут преследо-

¹ См.: *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 89–90.

² См.: *Делез Ж.* Представление Захер-Мазоха // Захер-Мазох Л. фон. Венера в мехах. М., 1992. С. 195–200.

ваться, в силу чего предпринимают необходимые, по их мнению, меры, чтобы избежать ответственности. Это обеспечивает им безнаказанность и возможность убивать еще очень долго, иногда годами.

Если сексуальным преступникам убийство приносит сексуальное удовлетворение и торжество над их извечным врагом — женщиной, если разбойники и бандиты часто убивают для самоутверждения и получения полной власти над жертвой, то другие некрофилы убивают только ради самого убийства. Иными словами, внутри самой группы некрофильских убийц можно обнаружить такое различие. Для представителей второй подгруппы лишение другого жизни есть смысл и цель их жизни; у представителей первой — данный мотив переплетается с сексуальными, корыстными и иными стимулами. Мне приходилось наблюдать, как привлеченных к уголовной ответственности за многие убийства некрофилов охватывало полное безразличие, апатия, они теряли интерес даже к самим себе и своей жизни и пассивно ожидали свершения своей судьбы. Это совсем не характерно для ненекрофильских убийц, которые обычно весьма активны в своей защите. Создается впечатление, что некрофил выполнил свое предназначение на земле и жизнь теряет для него всякий смысл.

Сказанное не означает, что после взятия под стражу такие некрофильские убийцы больше не представляют общественной опасности. Цикл апатии у многих из них может смениться периодом преступной некрофильской активности — в исправительном учреждении или после отбытия наказания.

После того как некрофильский человек начинает убивать, появляются новые, но подготовленные всем предыдущим развитием образы себя. На пороге перед первым убийством он, возможно, очень нуждался в принятии и понимании, но остался в одиночестве. Как можно было наблюдать, в жизни практически всех лиц, совершивших несколько убийств не одновременно, а «растянуто» по времени (с интервалом от нескольких недель до многих месяцев), и тех убийц, которые вообще часто прибегали к насилию, происходило постепенное переключение внимания от общественной реальности к гораздо более напряженной реальности их *внутренней жизни*, которая становилась не только исключительно напряженной, но все более изолированной. В этой внутренней жизни весьма активными оказались переживания смерти и рождения — именно так следует трактовать упоминаемые в рассказах многих обследованных темы, связанные с матерью, рождением, даже внутриутробным существованием, т.е. темы *Начала*. Случайность здесь исключена, в поисках Начала можно видеть абсолютно бессознательную потребность всеобъемлющего обновления в силу полного и травмирующего неудовлетворения своим состоянием. В этих поисках следует различать и

более крупные измерения — к прошлому Вселенной и первозданному хаосу, который предшествовал созданию мира. В последнем варианте прослеживается выход или, точнее, попытка выхода за пределы своей личности.

Сами убийства, совершаемые с легкостью и без сожаления, можно расценить как насаждение хаоса и попытку возврата в первоначальное — в неживое. Возможно и иное толкование: убийства как приведение явлений и процессов в упорядоченное состояние, разложение наиболее важных вещей по своим местам, установление справедливости и обеспечение более разумного устройства общественной жизни, взятие на себя мессианских функций, реформы религии и т.д. Но можно предположить, что все это только первый уровень бессознательной активности, а еще глубже — возвращение по архетипическим механизмам к первозданному хаосу.

Главное, что отличает некрофила как личность, — это его убежденность, что только насилие, и прежде всего смертельное насилие, есть единственное или, во всяком случае, предпочтительное средство решения проблем.

Многие некрофилы практически не умеют смеяться, их улыбки вымученны, безжизненны. Я считаю, что главным и обязательным признаком несексуальной некрофилии является стремление к уничтожению людей, реализуемая в поведении тенденция решать свои проблемы путем уничтожения другого. Это некрофилия в узком и негативном смысле, в широком — вообще влечение ко всему мертвому, разлагающемуся, причем в последнем случае подобное влечение вполне может быть доброкачественным и похвальным, если, например, человек работает в морге, не нарушая при этом никаких запретов. Можно предположить, что у некоторых людей, склонных к попаданию в жесткую зависимость от ситуации и собственных переживаний, доброкачественная некрофилия может перейти в злокачественную.

Кровь как представитель и символ смерти постоянно востребуется некрофильскими людьми. Она проливается из мести, ревности, зависти, для наказания, для завладения материальными и духовными благами, захвата, укрепления и скрепления власти или организации, ради жертвоприношения в надежде получить особые блага, она символизирует власть и право сильного, она должна укреплять власть, даже на символическом уровне (так, африканские царьки хоронили своих врагов вблизи трона или прямо под ним), и т.д. Кровь еще является квинтэссенцией жизни, ее пролитие означает и оплодотворение матери-земли для ее успешного плодоношения. Как показано в настоящей книге, кровь нужна и для поддержания постоянной связи с иным миром, небытием, — и в этом может быть мотив, скрытый смысл некоторой категории убийств —

некрофильских. Остановимся на том, что кровью, смертью скрепляя организацию, общину, этническую группу.

Э. Каннети приводит такой весьма впечатляющий пример.

Самый воинственный народ во всей Южной Америке — индейцы живарос из Эквадора. Для них не существует естественной смерти: если человек умирает, значит, враг заколдовал его издали. Тогда на долю близких выпадает выяснить, кто ответственен за смерть, и отомстить колдуну. Каждая смерть является, следовательно, убийством. Но поскольку смертоносное колдовство осуществлялось на большом расстоянии, кровная месть, обязательная для родственников, возможна лишь в том случае, если они сумеют отыскать врага. Поэтому живаросы ищут друг друга, чтобы мстить, и кровную месть в связи с этим можно считать формой социальной связи. Полагаю, что этот народ можно считать некрофильским, поскольку он все время требовал убийств и крови.

Фромм отмечал, что пролитие крови означает ощущение себя живым, сильным, неповторимым, превосходящим, всех остальных. Убийство превращается в великое упоение, великое самоутверждение на крайне архаической почве. Напротив, быть убитым — единственная логическая альтернатива убийству. В архаическом смысле равновесие жизни достигается тем, что человек убивает как можно больше и сам готов быть убитым, после того как на протяжении жизни он утолил свою жажду крови. Убийство в этом смысле по своей сути является чем-то иным, нежели любовь к мертвому. Это утверждение и трансцендирование жизни на почве глубочайшей регрессии. У отдельной личности мы иногда можем наблюдать эту жажду крови в фантазиях и снах, во время тяжелого душевного заболевания или в ходе акта убийства. Мы можем ее наблюдать также у некоего меньшинства людей во время отечественной или гражданской войны, когда отпадают нормальные социальные ограничения. Мы наблюдаем ее в архаических обществах, где убийство (или быть убитым) — господствующая полярность жизни. Мы наблюдаем ее на примере таких феноменов, как человеческое жертвоприношение у ацтеков, кровная месть в областях Черногории и Корсики. Сюда же относится и та роль, которую кровь играет в Ветхом Завете, когда Бог был принесен в жертву¹.

Можно, стало быть, выделить не только некрофильские периоды в истории разных стран, но и некрофильские этносы и нации. Убийства становятся образом жизни, в частности, в бандах и преступных сообществах, в тоталитарных странах, например в сталинском СССР, гитлеровской Германии, полпотовской Кампучии.

¹ См.: Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 27.

Можно ли считать некрофилом лицо, причинившее тяжкий или иной вред здоровью? Я думаю, что о таком преступнике, как некрофиле, можно говорить в том случае, если доказано наличие некрофилии у данного человека. Некрофилия может означать влечение не только к смерти, но и к нанесению увечий, опасных для жизни. Однако не все так просто и однозначно: некрофил может совершать ненекрофильские действия — преступные и не преступные; некрофилия как особенность человека способна порождать не только убийства, но и другие, не столь однозначные формы поведения, в том числе правопослушные. Однако и они при внимательном и глубоком анализе окажутся отмеченными каиновой печатью влечения к смерти.

Сказанное не означает, что убийца отличается какими-то особыми врожденными качествами в том смысле, что он самой природой запрограммирован на насильственное лишение жизни другого, что человек с садистскими чертами характера обязательно совершит садистское же преступление.

Краткое эссе Ф. Ницше «Жестокие люди как отсталые» скорее беллетристика, свободное упражнение ума, чем наука. Но тем не менее в нем есть тонкие наблюдения, имеющие криминологическое значение. Ницше пишет, что люди, которые теперь жестоки, должны рассматриваться как сохранившиеся ступени прежних культур; горный хребет человечества обнаруживает здесь более глубокие наслоения, которые в других случаях остаются скрытыми. У отсталых людей мозг благодаря всевозможным случайностям в ходе наследования не получил, считал Ницше, достаточно тонкого и многостороннего развития. Они показывают нам, чем мы были, и пугают нас; но сами они столь же мало ответственны, как кусок гранита за то, что он гранит. В нашем мозге должны находиться рубцы и извилины, которые соответствуют такому душевному складу, подобно тому как в форме отдельных человеческих органов, говорят, содержатся следы, напоминающие условия жизни рыб.

Я далек от мысли, что только садизмом и некрофилией можно объяснить убийства. Например, глубоко оскорбленный человек в состоянии аффекта способен убить своих обидчиков, о чем может потом искренне сожалеть. Это заставляет в каждом конкретном случае искать мотивы поведения.

Подводя итоги предпринятого здесь научного анализа некрофилии, попробуем определить это явление: некрофилия представляет собой как бы одновременное существование в двух мирах — в жизни и в небытии, смерти; это особое отношение к смерти, особое, чрезвычайное ее чувство, ощущение ее близости, но при этом отношение не обязательно понятное, скорее всего, вне пределов сознания; это восприятие смерти как силы, способной оказать важ-

ную помощь в решении стоящей перед человеком проблемы. Некрофилами не становятся, ими, скорее всего, рождаются, при этом в зависимости от воспитания некрофильская личность может быть агрессивной или неагрессивной.

В заключение приведу пример из опубликованных материалов А.П. Чуприкова и других о серийном убийце, которого они обозначили буквой О¹. Я слышал развернутое интервью с ним по одному из каналов российского телевидения, хотя и сожалею, что подобное интервью вообще состоялось. Думается, что О. и брейвикам (имеется в виду убийца 77 человек в Норвегии в 2011 г. Брейвик) ни в коем случае нельзя предоставлять общественную трибуну: найдется еще немало уродов, которые станут убивать, чтобы потом прославиться на весь свет.

Итак, О. без малого за пять месяцев унес жизни 44 человек (а в 1989 г. он убил девять человек). В селе Братковичи Львовской области он полностью уничтожил несколько семей, вплоть до младенцев. От его рук село потеряло больше людей, чем в годы Второй мировой войны. На поимку преступника были брошены основные силы украинских правоохранительных органов, но он был задержан почти случайно.

О. родился в 1959 г. в сельской местности. Отец бросил их с матерью, когда О. был один год. Мать умерла, когда ему было четыре года, и он жил у бабушки с бабушкой (родителей матери). В семь лет отец (дважды судимый за воровство и мошенничество) и старший брат насильно сдали его в детский дом. Обида на отца и брата не прошла у О. В детдоме он окончил восемь классов, после чего поступил в лесной техникум, который, проучившись три года, бросил. Во время учебы занимался мелким воровством, хулиганил, часто прогуливал занятия, занимался вымогательством денег, за что задерживался милицией. Сразу после армии поступил в мореходную школу, и с 1981 г. плавал на судах «Грузия», «Лев Толстой», «Максим Горький», ходил в заграничные и кругосветные плавания, стал членом КПСС. После увольнения отправился в Запорожскую область к своей знакомой, приобрел дом, занимался бизнесом, работал в пожарной охране. Был членом общества охотников и рыболовов, законным путем приобрел охотничье ружье-пятизарядку.

Летом 1989 г. при соучастии своего товарища Р. совершил три убийства на дорогах (соответственно убил двух, двух и пять человек). После последнего убийства он ожидал ареста, но его не последовало. Тогда он продал свою машину и ружье, а сам решил не-

¹ См.: Чуприков А.П., Цупрык Б.М., Арсениук Т.М., Цубера А.И. Украинский убийца-«рекордсмен» // Серийные убийства и социальная агрессия. Ростов н/Д, 1998. С. 250—253.

легально перейти границу. Подделав документы, в начале 1990 г. пересек границу с Венгрией, затем нелегально перешел югославскую границу, а оттуда нелегально — в Грецию, где работал на строительстве частных домов. В августе 1991 г. через Италию и Швейцарию перебрался в Германию. После трехмесячного заключения в Германии О. депортировали на Украину. На вокзале в Киеве он был задержан милицией, так как бесцельно бродил по вокзалу, часами стоял в одной позе, временами приставал к пассажирам. Доставлен в отделение психиатрии с диагнозом «реактивное состояние», который позже ошибочно заменили на «параноидная шизофрения». В июне 1994 г. О. убежал из отделения, но был задержан спустя две недели. Во время побега на соседней с больницей улице он залез в дом, хозяева которого отсутствовали, похитил носильные вещи и продал их на рынке. Попытку бегства объяснил тем, что психически больным себя не считает и хочет «благополучия в жизни». После выписки уехал к брату, а затем снова нелегально перешел границу с Венгрией. Оттуда перебрался в Австрию, где был задержан и три с половиной месяца пребывал в тюрьме, затем бежал в Германию, где совершил более ста краж, пока не был задержан полицией. После отбывания наказания осенью 1995 г. его снова депортировали на Украину. Переночевав два дня в Киеве на чердаке какого-то дома, отправился к брату, где похитил у его друга охотничье ружье 12-го калибра и сделал обрез.

С этого времени О. возобновил убийства, которые планировал заранее, знакомился с местом преступления, наблюдал за жертвами, анализируя их действия. В первую очередь убивал мужчин, которые могли оказать сопротивление, затем женщин и детей. Пользовался обрезом, для его перезарядки выходил на крыльцо, а затем возвращался и убивал остальных. Чтобы избежать лишнего шума, жертв добивал ножом, топором или другими предметами. При этом всегда пользовался перчатками. С целью запутать следствие надевал обувь большего размера. В первое время поджигал дома и машины, но затем отказался от этого, чтобы не привлекать внимания. После совершения преступления собирал гильзы, менял окровавленную одежду. С места преступления забирал деньги, вещи, ценности, которые в последующем продавал, дарил или использовал. Всех людей, случайно видевших его неподалеку от места преступления, О. убивал.

Двух своих жертв он изнасиловал. В Энергодаре на снегу изнасиловал тело мертвой женщины. В Олевске застрелил хозяина, убил молотком девочку, бил по голове и женщину, после чего изнасиловал. Обрез О. постоянно носил с собой. «У меня не было паспорта, обрез у меня был как паспорт. Если бы меня спросили паспорт, я

показал бы обрез, я стрелял бы», — говорил убийца на следствии. Примечательно, что его останавливали работники милиции. Один раз в Киеве, когда он брал из камеры хранения украденные в Запорожье вещи, он показал им карточку депортированного. Второй раз О. разбудили в поезде старшина и двое в гражданском. Он показал удостоверение, сказал, что вещей с собой нет, они его не стали проверять.

О. утверждал, что, обладая «сильной волей», он совершал преступления автоматически и никогда не испытывал переживаний по этому поводу. Вот одно из его высказываний: «Одним из мотивов совершения убийств была корысть, но этот мотив не был главным. Совершение убийств было для меня чем-то наподобие охоты, я не боялся, что меня может задержать милиция или меня могут убить. К процессу убийства я относился спокойно, считаю, что в каждом человеке есть зверь, и во мне это проявлялось с самого детства».

Знакомые характеризуют О. как культурного, воспитанного и спокойного человека, он никогда не повышал голоса, постоянно призывал верить в Бога, был аккуратным, любил чистоту, порядок, тщательно следил за собой. Убеждал друзей не пить спиртного, заниматься спортом, в частности каратэ, жены ставили его в пример своим мужьям.

Психическое состояние в момент проведения экспертизы характеризовалось следующим. Сознание ясное, правильно ориентирован в месте, времени и собственной личности. Внешне напряжен, взгляд чаще устремлен себе под ноги или вверх, избегает смотреть в глаза собеседника. Но когда поднимает глаза, то взгляд пристальный, холодный, изучающий. На вопросы отвечает по существу, помнит даты и мельчайшие подробности своей жизни. Заявляет, что испытывает на себе постороннее влияние, намекает на особенности своей психики, при этом, оценивая реакцию врачей на сказанное, пытается направить беседу в нужное ему русло. Крайне неохотно отвечает на вопросы, касающиеся инкриминируемых действий.

Признает себя виновным в совершении правонарушений, но вину за содеянное возлагает на потусторонние силы, воздействующие на него. Утверждает, что наслаждения от убийства не получал, но получал его от «анализа необычного», когда чувствовал себя «врачом, маньяком и анализатором одновременно». Жалости ни к кому не испытывал. Постоянно говорит экспертам о своем необычном психическом состоянии, он якобы дважды испытал «психическое нападение» потусторонних сил. Ранее следователям рассказывал, что его действиями руководили «голоса», что инопланетяне или спецслужбы телепатически управляли им с помощью «сверхсильного компьютера» либо «психотронного оружия». Когда же об

этом расспрашивали психиатры, он сказал, что ему надоело об этом говорить, никто на его слова в течение года не реагирует, поэтому данная тема его сейчас не интересует. Относит себя к избранным людям, которые могут влиять телепатически на других людей и животных, предлагает провести соответствующий эксперимент. С 20 лет уверен, что его никто не понимает, и поэтому он все время врал и притворялся, раскладывая все обиды и оскорбления «по полочкам». Когда чувствует недоверие экспертов, пытается убедить их в истинности своих утверждений. Если это не удается, раздражается.

Расстройств памяти, мышления, эмоционально-волевой сферы, критических способностей как на период совершения правонарушений, так и в период следствия не выявлено. Мышление последовательное, целенаправленное, память и интеллект не нарушены, запас знаний соответствует полученному образованию и жизненному опыту. Эмоционально адекватен, фон настроения ситуационно снижен. Активен, уровень психической работоспособности высокий. Для личностной сферы характерны скрытность, недоверчивость, эмоциональная холодность, практичность, эгоцентризм, злопамятность, рациональность и доминантность.

Экспертная комиссия пришла к заключению, что О. хроническими психическими заболеваниями не страдал и не страдает. В период времени, к которому относятся инкриминируемые деяния, он не обнаруживал признаков болезненного расстройства психической деятельности или состояния физиологического аффекта. У О. обнаруживаются признаки аномалии личности в виде психопатии смешанного типа с преобладанием шизоидных и эпилептоидных черт. Главным своеобразием является сочетание удивительной эмоциональной холодности и жестокости со стеничностью и злопамятностью. Высказывания испытуемого о «психических нападениях», «голосах» отрывочные, фрагментарные, не отражаются в поведении и не укладываются в картину какого-либо заболевания, поэтому их следует считать симулятивными.

О. является вполне социализированной личностью, был даже членом правящей партии, много путешествовал и, как следует из вышеприведенного жизнеописания, неплохо адаптировался там, где ему пришлось побывать.

У меня не возникает сомнений, что это типично некрофильская личность: он не знает жалости, убивает даже детей, эмоционально холоден и далек от покаяния, он даже не задумывается о нем. В интервью по телевидению убийца, явно хвастаясь, утверждал, что своими действиями он ухватил бога за бороду. Можно утверждать, что он жил, чтобы убивать, и убивал, чтобы жить.

3.7. Иллюстрация: Генрих Гиммлер — психологический портрет некросадиста

Появление в этой книге психологического портрета Генриха Гиммлера, одного из главных гитлеровских преступников, отнюдь не случайность — его образ, его жизнь и совершенные им несметные преступления являются яркой иллюстрацией некрофилии и садизма, изложенных выше мнений ученых об особенностях воспитания в немецких семьях.

В первую очередь отмечу, что Гиммлер — не множественный, а массовый убийца. На нем лежит вековая печать проклятия за убийства миллионов людей, умерщвленных с его участием и по его приказу с момента захвата власти нацистами в Германии, и особенно в годы Второй мировой войны. Недаром на Западе его называли «Кровавым псом Европы». Тем не менее мне трудно было устоять перед искушением исследовать некрофилию на примере столь заметной исторической фигуры. Тут же возникли и сложности, обусловленные тем, что о нем можно судить лишь по некоторым воспоминаниям и книгам, в которых рассмотрены его личностные особенности и действия как человека, политического деятеля и главы всего репрессивного аппарата фашистской Германии.

Но вначале некоторые сведения о детстве и молодых годах Гиммлера. Он родился в 1900 г. в Мюнхене в семье профессора Гебхарда Гиммлера и был назван Генрихом в честь баварского принца Генриха Виттельсбаха, который милостиво согласился выступить в роли крестного отца. Семья будущего «пса» была типично бюргерской, патриархальной, со строгим распорядком жизни и весьма средним достатком. Внимание к ней принца Генриха объясняется тем, что Гебхард Гиммлер после окончания Мюнхенского университета был назначен наставником к принцу. Родители Гиммлера, в частности отец, не были ни черствыми, ни жесткими, ни тем более жестокими людьми. В семье они раз и навсегда установили порядок, который царил во всех семьях среднего класса. Этот порядок с полным подчинением старшим не было необходимости создавать силой или жестокостью, были иные пути, например непререкаемый авторитет отца. В случае с Гиммлером грубо давить на него вообще не было никакой необходимости, поскольку он был чрезвычайно послушным сыном и подчинялся (без принуждения!) отцу, потому что ему надо было подчиняться. Будущий безжалостный палач всегда подчинялся более сильным, так как в нем сидел страх перед жизнью, а поэтому нужна была мощная опора, покровитель — ради карьеры, устранения конкурентов. Гиммлер не мог найти покровителя в лице бога по той простой причине, что не верил в него, а посещал церковь с родителями, лишь подчиняясь условностям.

Воспитание в такой семье оказало решающее и вредоносное влияние на всю жизнь Гимmlера. Он оказался жертвой строгих порядков и взыскательных родителей. Став взрослым он идентифицировался с этими «агрессорами», сам став агрессивным. Точнее — крайне агрессивным. Тем самым на бессознательном уровне защищался от страха смерти и унижений, которые он в детстве и отрочестве испытал в качестве жертвы. В то же время Гимmlер стал проецировать свою агрессию на других, особенно на евреев, которых немецкие нацисты, особенно Гитлер, считали своими исконными врагами.

Генрих Гимmlер постоянно вел дневник, в который записывал даже самые незначительные события своей жизни. Показательно, что вести дневник он стал по настоятельному совету отца, а это было проявлением сыновнего послушания: дневник ему практически не был нужен и он записывал в него мелкие, даже очень мелкие события. Подчинение отцу сопровождалось зависимостью Гимmlера от матери, которая любила и баловала сына, но ее любовь была примитивной, потому что она всегда любила маленького мальчика, даже когда он стал юношей, чем затормозила его развитие, он долго не хотел стать взрослым, что усилило его зависимость от отца, который был для него сильным лидером до тех пор, пока его не сменил Гитлер. Сам же Гимmlер навсегда остался слабым, что все время пытался компенсировать жестокостью, иногда невероятной. Но такая попытка так и осталась попыткой, ибо слабость и жестокость живут в разных плоскостях. О его зависимости от семьи свидетельствует, например, один такой факт, что, когда в 17 лет он оказался далеко от родительского дома на военных учениях, он написал за один только месяц 23 письма домой и горько жаловался, что не получал так же много писем и продуктовых посылок от них. При этом его отец и мать оставались любящими родителями.

Гимmlер рос слабым и неуклюжим юношей, с рыхлым телом, не мог выполнить в школе простые физические упражнения, из-за чего становился объектом насмешек товарищей. Но учился хорошо, и его любили учителя, но надо сказать, что они стояли на самой нижней ступени монархической лестницы.

Судя по дневникам, у Гимmlера были частые простуды и расстройства желудка, вообще он был слаб здоровьем. Есть запись о том, что он желал пойти на фронт, но фактически был зачислен в высшее учебное заведение, где приступил к изучению сельского хозяйства. Не став сразу офицером, начал работать на ферме, хотя его привлекала военная деятельность, скорее всего потому, чтобы восполнить недостаток своей маскулинности, который им переживался всю жизнь, по большей части бессознательно, но мотивируя его поведение, в том числе преступное.

Гимmlера не приняли не только в офицеры, ему отказывают даже в приеме в качестве полноправного члена студенческой организации. Однако он очень успешно был связан с полулегальными военизированными организациями, участвовал в праворадикальных движениях, начал выступать с политическими статьями в газетах, пробовал себя как оратора. Очень увлекался антисемитской литературой, сам писал антисемитские статьи, но особенно важно отметить его увлечение реинкарнацией, астрологией, гипнозом, телепатией, в которых он пытается найти «рациональное зерно», связь с потусторонним миром. Его очень увлекали работы, посвященные доказательствам жизни после смерти, иначе говоря, сама проблема смерти, что полностью выдает его некрофильскую натуру, которая перешла от «теории» к ужасающей практике.

Еще Гимmlер был трусом. Об этом свидетельствуют изыскания Фромма. Он написал следующее. Гимmlер постоянно публично призывал к мужеству и самопожертвованию. Это было фарисейство, и доказать это нетрудно, если вспомнить одну несколько запутанную армейскую историю, относящуюся к 1917 г. Как старший брат и многие другие молодые люди со связями, Генрих пытался найти полк, в котором он мог бы стать кандидатом в офицеры, т.е. прапорщиком. Такой путь имел два преимущества: явное и скрытое. Явное состояло в том, что появлялась возможность стать офицером и перспектива после войны остаться в профессиональной армии; скрытое же преимущество заключалось в том, что в этом случае обучение длилось дольше, чем обучение молодых людей, которые шли в армию добровольцами или по призыву как простые солдаты. Таким образом, можно было рассчитывать на то, что до фронта дело дойдет не раньше чем через восемь или девять месяцев. Простого солдата на той фазе войны посылали на фронт гораздо быстрее.

Брат Гимmlера Гебхард, продолжает Фромм, закончил свою офицерскую подготовку уже в 1916 г. и в конце концов попал на фронт. Когда Генрих увидел, каким вниманием семья окружила старшего брата, когда услышал, как много молодых людей уходит на фронт, он прожужжал родителям уши, требуя разрешения бросить школу и пойти учиться на офицера. Отец Гимmlера сделал все, что было в его силах. Но даже рекомендация вдовы принца Генриха не помогла поступить в полк, ибо там было уже достаточно кандидатов в офицеры. Отец, предварительно разузнав имена командиров полков и других влиятельных лиц в разных полках, обратился сразу в 23 полка. Но везде получил отказ. И даже тогда профессор Гимmlер не сдался. Через пять дней он подал 24-е прошение, на сей раз в 11-й пехотный полк, в который еще не обращался. В то время как отец бился с прошениями, Генрих перестал уже надеяться и понял,

что его призовут как простого солдата. Тогда он воспользовался связями своего отца в городе Ландсгут, чтобы получить работу во вспомогательной службе (вариант военной службы для тех, кто не подлежал призыву). Он ушел из школы и поступил в эту вспомогательную службу, явно надеясь таким образом отсрочить свой призыв. Когда затем Баварское министерство культов выпустило особый указ, из которого следовало, что опасность призыва миновала, Генрих снова вернулся в школу. Каково же было удивление отца и Генриха, когда вскоре после этого они получили положительный ответ на 24-е прошение и предписание явиться в 11-й пехотный полк в Регенсбурге в течение нескольких дней.

Как только опасность фронта миновала, к Генриху вернулась его самоуверенность. Он даже осмелился курить, не страшась отцовского гнева, и комментировать события на фронте. В 1918 г. с начала года и до начала октября он учился и ожидал призыва на фронт. На сей раз он, видимо, действительно хотел попасть на фронт: он пытается войти в доверие к офицерам, чтобы опередить своего друга Кистлера, если из них двоих будут выбирать одного. Но его усилия остались безуспешными, и он продолжал свою гражданскую жизнь¹.

Это не помешало Гиммлеру с презрением относиться к обывателям, которых испугала Первая мировая война. Соответствующая запись в дневнике свидетельствует, что он тем самым попытался обмануть сам себя. Впрочем, такое им проделывалось неоднократно, в том числе в печатном виде, в своем дневнике.

Фермерская деятельность Гиммлера продолжалась недолго из-за болезни, но еще и потому, что здесь он не имел возможности показать себя сильным и мужественным. Ведет он уединенную жизнь, вращаясь лишь в узком кругу друзей, но без искренней привязанности, стремится к дружбе с девушками, но без пылкости, а движущей силой для него является чувство долга. Впрочем, пылкость в нем все-таки была — в национализме и антисемитизме. У него были и терзания — на религиозной почве, но еще больше в связи с сексом: до 26 лет он, по-видимому, был девственником, что не могло не сформировать в глубинах его психики высокой тревожности по поводу своей мужской идентичности. Это он преодолел, но без успеха, всю жизнь. Другой бедой Гиммлера тогда был недостаток денег.

С начала 1920-х годов он начинает интересоваться политикой; сначала сближается с Ремом, затем с Гитлером и Герингом, в незначительной роли участвовал в мюнхенском путче 1923 г., после этого перестал работать и полностью окунулся в политику.

¹ См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 268.

В 1928 г. вступил в СС, был заместителем командира небольшого (около 200 человек) эсэсовского отряда. Отец Генриха не только разделял взгляды сына, но и всячески пытался ему помочь. В 1928 г. женился на женщине старше его на семь лет, польского происхождения. 6 января 1929 г. Гитлер подписал приказ о назначении Гимmlера рейхсфюрером СС, но расцвет этих войск начался позже, в 1931 г., когда к ним присоединились тысячи новых людей.

В СС были установлены особые правила поведения не только их членов, но и даже для невест эсэсовцев; численность СС в 1932 г. выросла до 30 тыс. человек. В 1934 г. Гимmlер организовал «свой» концентрационный лагерь в Дахау, а для охраны его — отряд под названием «Мертвая голова» (особые знаки различия — череп и перекрещенные кости). В том же году он возглавил гестапо, был активнейшим участником «Ночи длинных ножей» — кровавой расправы над Ремом и его сторонниками. Теперь он стал антикатоликом и антихристианином, скорее всего в подражание Гитлеру. Тем не менее Гимmlер никогда не входил в ближайший круг людей Гитлера.

Как отмечалось всеми, Гимmlер был слаб здоровьем и весьма тщедушен, хотя и истязал себя бегом, прыжками и другими физическими упражнениями даже в зените своей власти. Его желудочные хронические заболевания, скорее всего, были нервного происхождения, свидетельствующие о его высокой тревожности.

Гимmlер стал одним из главных, если не главным, убийцей Третьего рейха; постоянно расширял сеть концлагерей, превратил их в источники дохода; постепенно сосредоточил в своих руках всю репрессивную систему гитлеровской империи, стал палачом миллионов евреев, славян, цыган, военнопленных, противников режима и т.д. Командовал так называемой Резервной армией, но в качестве полководца потерпел полный провал. В мае 1945 г. попал в плен к американцам, где был, несмотря на небольшой маскарад, опознан и покончил жизнь самоубийством. Интересно, что несмотря на то что весь мир знал его как гнусного и злобного убийцу, «Кровавый пес» надеялся, что западные державы будут вести с ним переговоры и он станет главой Германии и главнокомандующим немецкой армией. О большом уме палача это вовсе не свидетельствует. Фромм прав, что это говорит не только о заурядном интеллекте и недостаточной способности к политическому мышлению, но также о феноменальном нарциссизме и самомнении, которые давали ему ощущение своей значительности даже в побежденной Германии.

Фромм считал его классическим случаем анально-накопительного садизма. Я же попытаюсь доказать, что этот обер-палач прежде всего был некрофилом, поскольку все свои служебные и политические проблемы, а поэтому и личные, он решал с помощью массо-

вых убийств, которые давали ему призрачное ощущение своей силы и власти. При этом был достаточно беспристрастен, холоден и психологически как бы отстранен от своих сверхкровавых деяний, но, впрочем, и от иных своих поступков. Это очень ярко характеризует его как личность неземную, причем такая черта сочетается у него с крайним фанатизмом. Можно предположить, что его сверхжестокость существовала вне его эмоциональной жизни, миллионы его жертв ни в коем случае не становились объектом его переживаний. Он был мрачен и совсем не склонен даже к единичным проявлениям веселья, а то, что он иногда проявлял заботу о других, — это лишь внешняя сторона его поведения, скорее всего определяемая его социальным статусом. При этом нужно отметить его полную преданность Гитлеру, подобострастие перед ним, готовность исполнять любые его приказы. Образ «Кровавого пса» будет неполным, если не отметить его чрезвычайную аккуратность и педантизм.

То, что Гиммлер был некрофилом, доказывается и тем, что он верил в свою способность контактировать с душами умерших людей, читал книги с доказательствами жизни после смерти, а уже став рейхсфюрером СС, верил в реинкарнацию (переселение душ). Примечательно, что он предпочитал черный цвет, носил форму этого цвета, подобные же воинские формы одежды носили его подчиненные. Их форменные фуражки (и Гиммлера тоже) «украшали» символы смерти — человеческие череп и кости. Созданное им для охраны концлагерей специальное подразделение СС было названо им «Мертвая голова».

Гиммлер часто выступал, и некоторые его выступления были гимном смерти. Так, в речи перед группенфюрерами СС 8 ноября 1938 г. заявил: «... полагаю правильным, если не будет ни одного пленного эсэсовца. Он должен будет покончить с собой. Мы тоже не будем брать никого в плен. Война будущего — это не перестрелка, а столкновение народов не на жизнь, а на смерть... Если речь идет о жизни нашего народа, мы должны быть лишены всякого сострадания. Нам должно быть безразлично, если в городе погибнут тысячи людей. Но мы должны быть готовы к тому, что погибнем сами. Если потребуется, я сделаю это сам и ожидаю от вас такого же поступка».

В октябре 1943 г. в Познани Гиммлер заявил группенфюрерам СС: «Большинство из вас узнают, что такое лежащие вместе сотня, пятьсот или даже тысяча трупов. Надо выдержать это, не поддаться человеческим слабостям, но остаться при этом достойным человеком. Это закалит нас и делает более жесткими».

Я не подвергаю сомнению то, что Гиммлер был еще и садистом, но полагаю, что не садизм, а именно некрофилия является ведущей чертой его личности. Приводимые сведения о нем, его пережива-

ниях и поступках могут расцениваться в качестве основы для объяснения некрофилии этого человека, для понимания, почему именно гиммлеровская некрофилия приняла столь разрушительную и гнусную форму.

Садизм можно определять как стремление путем причинения психической и физической боли к получению собственного удовольствия, а иногда и установлению своей власти. Что касается некрофилии, она представляет собой влечение к смерти — своей и (или) чужой, ощущение ее близости, понятности, как средства, решающего все проблемы. Некрофил часто говорит о смерти, о мертвых, их символах, его влечет к ним.

В замечательной монографии Фромма «Анатомия человеческой деструктивности» содержится прямое утверждение, что именно садизм является ведущей чертой его личности, и, несомненно, эта черта у него была. Но в первую очередь он был некрофилом, т.е. человеком, которому очень близка смерть, и с ее помощью он решает свои проблемы. В качестве еще одного доказательства можно привести текст одной из его речей 1943 г. по поводу нравственных принципов «Черного ордена». Гиммлер сказал: «Для представителя службы СС абсолютен принцип: быть честным, порядочным, верным, но все это — только в отношении чистокровных германцев. Как живут русские — мне это совершенно безразлично. Мы используем все хорошее, что есть у других народов, мы заберем, если нужно, их детей и воспитаем их так, как нужно. Живут ли другие народы в благополучии или подымают от голода — это интересует нас лишь в той мере, в какой нас интересуют рабы, работающие на благо нашей культуры. Сколько русских баб погибнет при постройке противотанковых окопов — тысяча или десять тысяч — волнует меня лишь в том смысле, что я хочу знать, когда будет готов этот противотанковый рубеж для обороны Германии. И мы никогда не проявим грубости или бессердечия, если в этом не будет необходимости».

Это тоже типичная речь некрофила, особенно в той части, в которой он говорит о русских женщинах, которые могут погибнуть при постройке противотанковых окопов для Германии. Но он, как садист, рационализировал свои указания, объясняя, что все это нужно для процветания Германии.

О том, что Гиммлер был в первую очередь некрофилом, свидетельствует и такой эпизод, если так его можно назвать. Поздним летом 1941 г. Гиммлер присутствовал при массовом расстреле в Минске и был изрядно потрясен. Он сказал: «Я считаю все-таки, что мы правильно сделали, посмотрев на это. Кто властен над жизнью и смертью, должен знать, как выглядит смерть. И в чем состоит работа тех, кто выполняет приказ о расстреле». Как мы видим, он не

торжествовал по поводу массового расстрела, как если бы был садистом, а был потрясен. При этом (опять-таки как садист) не мог не рационализировать увиденное. Вообще садизм, на мой взгляд, намного более осознанная потребность, чем некрофилия как влечение к смерти. Об этом ни в коем случае не следует забывать и применительно к отдельным людям.

Как некрофилом, Гиммлером в его гигантской империи уничтожения убиваемые бессознательно воспринимались именно как люди, «передаваемые» его идолу — смерти, которой он так преданно служил. Много раз говорилось, что он преданный слуга Гитлера, но он ему в конечном итоге изменил, пытаясь тайно договориться с западными державами, но не изменил другому своему пастырю — смерти. Пока она сливалась воедино с Гитлером, «Кровавый пес» был верен обоим, но как только Гитлер стал терять власть, ушел от него, поскольку тот уже не мог утолить его ненасытную некрофильную жажду.

Если во время массового расстрела в Минске в 1941 г. «пес» был потрясен, то в дальнейшем все творимые по его приказу зверства уже воспринимались им спокойно. Летом 1942 г. во время посещения им Аушвица (Освенцима) «он пронаблюдал весь процесс уничтожения только что прибывшего транспорта с евреями. Также он провел некоторое время, наблюдая за отбором работоспособных евреев, не делая при этом никаких замечаний. Ничего не сказал он также и о процессе уничтожения, сохраняя полное молчание. Во время процесса он ненавязчиво наблюдал за участвующими в нем офицерами и младшими офицерами... Затем он отправился взглянуть на фабрику синтетической резины»¹.

Вечером того же дня Гиммлер на вечеринке у местного гауляйтера был дружелюбен и разговорчив, особенно по отношению к дамам. На следующий день он наблюдал порку узниц в женском лагере: пороли по обнаженным ягодицам, для чего их привязывали к деревянным помостам. Ранее он приказывал сильнее бить недисциплинированных осужденных². В этих случаях проявляет садизм, во втором — с сексуальным подтекстом. И это же было его символической мстью всем женщинам, которые отвергали его, с которыми в юности он был неловок и неуклюж. После наблюдения за всем «процессом уничтожения только что прибывшего транспорта с евреями» он вечером дружелюбен и разговорчив, что явно свидетельствует о хорошем настроении. В Минске Гиммлер, очевидно, еще не был готов к таким кровавым зрелищам, но потом, как и следует истинному некрофилу, взял себя в руки и проявил свою холодность; здесь имело место и обретение чувства уверенности в себе.

¹ Мэнзэлл Р., Франкель Г. Генрих Гиммлер. Ростов н/Д, 2000. С. 205.

² Там же. С. 205.

Фромм писал и Гиммлеру, что он был слабым (а чувствовал себя не только неслабым, но и способным на нечто значительное). Благодаря своей педантичности и любви к порядку он приобрел чувство уверенности. Авторитет отца и желание быть на него похожим привели к формированию его стремления к неограниченной власти над другими людьми. Он завидовал прежде всего тем, кто от рождения был наделен и силой, и волей, и уверенностью в себе. Его «витальная импотенция» и породила ненависть к таким людям, желание унижать и уничтожать их (это относится и к евреям). Он был необычайно расчетлив и холоден, у него словно не было сердца, это пугало даже его самого, усиливая чувство изолированности¹. Очевидно, тот случай, когда он полностью наблюдал весь процесс убийства евреев, прибывших с новым транспортом, не испугал его, и поэтому в тот же вечер он был разговорчив и любезен с дамами. Даже самые мелкие добродетели ему недоступны, он бесчестен, лжив и неверен, он вечно лгал, в том числе самому себе. Все это вызывало в нем потребность садистских компенсаций. Его спокойствие при лицемерии убийств ни в чем не повинных людей и хорошее после этого настроение не должно вызывать удивления — он ведь был некрофил, он ведь отправлял в смерть, психологически понятную, доступную, близкую.

Рейхсфюрер («Кровавый пес») был садистом и некрофилом еще до того, как он занял столь высокий пост в государстве, которое в свою очередь иначе как некрофильским нельзя назвать, поскольку оно основывалось на ненависти, крови, предательстве и смерти. Оно само по себе предназначалось для убийств, а поэтому Гиммлер и подобные ему были очень нужны такому государству. Но власть, которую он получил от подобного режима, позволяла ему действовать, т.е. творить смерть в неограниченных масштабах, особенно после начала Второй мировой войны. Если бы этот человек родился и жил в другое время, в ином политическом режиме, то он с его низким интеллектуальным уровнем и высокой степенью аккуратности и исполнительности, скорее всего, стал бы мелким или средней руки чиновником. Но остался бы садистом и некрофилом: некрофильские тенденции проявлял бы иным способом и в иных формах (например, все время бы хвалил смерть, коллекционировал ее символы и т.д.), а садистские наклонности вполне мог бы удовлетворить в отношениях с членами своей семьи или подчиненными по службе.

Среди нас, как отмечал Фромм, живут тысячи гиммлеров. При ненадлежащей социализации они могут приносить немалый вред, особенно своему ближайшему окружению, но очень опасны при

¹ См.: Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. С. 272.

возникновении тоталитарного режима. Они будут увечить, калечить и убивать, прежде всего тех, кого они фанатично ненавидят, как, например, Гиммлер — евреев. Их он считал раковой опухолью, опутавшей своей паразитической сетью всю национальную экономику. Этой концепцией злобного «еврея», высасывающего жизненные соки из немецкой нации, был одержим не только Гиммлер, но и очень многие другие фанатичные нацисты. Он не мог смириться с тем, что считал проникновением евреев в немецкую экономику и культуру со своими расовыми и политическими целями: эти две расы, два мира никогда не должны смешиваться, их нужно разделить насильно, пока не обнаружились непоправимые последствия. Именно эта одержимость в сочетании с его академическим стремлением к точности, но в гораздо большей степени некрофилия убедили Гиммлера в правильности решения другого некрофила — Гитлера — не изгнать евреев с территории Германии, что тоже было бы выходом для них, а именно уничтожить.

Керстен, личный врач Гиммлера и в последние годы очень близкий ему человек, считал, что Гиммлер был жесток не по натуре, а по убеждению. Он был якобы против охоты и называл ее просто убийством. К уничтожению людей его, по Керстену, толкнули насильно, и он взялся за эту страшную работу, поскольку считал ее единственным и к тому же окончательным решением проблемы расовой чистоты Германии, которая всегда оставалась его глубоко укоренившимся идеалом. В условиях тотальной войны Гиммлер принял геноцид как единственное решение. Мэнвэлл и Франкель, из книги которого я взял эти суждения Керстена о Гиммлере, не вступают в полемику с Керстеном, хотя обширная литература об этом губителе Европы говорит о прямо противоположном: Гиммлер был одним из самых страшных убийц в истории человечества. Он убивал не потому, что его заставляли, а потому что он хотел этого сам.

Науке не в полном объеме известно, откуда и почему возникают садизм и некрофилия. Можно предположить (только предположить!), что садизм является реакцией на какие-то тяжкие душевные раны в детстве и способом защиты себя в настоящем. Некрофилия, возможно, есть не что иное, как поведение еще психологически не родившегося, еще не вошедшего в жизнь человека, оставшегося еще там, в непознанной и никому не известной вечности. Некрофил уже здесь, в жизни, но еще и там, в вечности, именуемой смертью. И садист и некрофил весьма тревожны, поскольку не адаптированы к жизни. По мнению тех же Мэнвэлла и Франкеля, Гиммлер, больше которого в Германии боялись лишь Гитлера, сам был жертвой хронических страхов.

Некрофилов и садистов в гитлеровской империи было много, но Гиммлер идеально подходил для роли главного палача. Именно

в том, что он взял на себя эту роль, в первую очередь проявляется его некрофильская сущность. Он пробовал немало сфер деятельности, даже пытался стать полководцем, но либо отказывался сам, либо терпел полный крах. Наконец, Гиммлер создал гигантскую фабрику террора и уничтожения людей, постоянно контролировал и направлял ее, постоянно искал и находил новые поводы для новых казней.

В Гиммлере продолжал жить юноша, который переживал по поводу того, что так и не стал офицером и вообще по причине недостаточности мужественности. Так, в 1929 г. А. Кребс, гамбургский национал-социалист, провел с Гиммлером во время железнодорожной поездки более шести часов. Гиммлер произвел на него впечатление, вспоминал Кребс, человека, который пытался своим поведением компенсировать некие внешние недостатки. «Он вел себя подчеркнуто браво, буквально бахвалился манерами ландскнехта и своим презрением к буржуазной морали, хотя, наверное, хотел посредством этого скрыть свою собственную слабость». Кребс подчеркивал, что для него была просто невыносима «глупая и беспредметная болтовня» Гиммлера, которую тот вел. Речи рейхсфюрера СС были «странной смесью из воинственного хвастовства, мелкобуржуазных разглагольствований и усердного фанатизма сектантского проповедника»¹.

Гиммлер был неискренним и черствым, все его дружелюбие по отношению к товарищам и родственникам было напускным и призвано было лишь создать видимость хорошего отношения и помощи. Он ничего не делал, если не видел в этом выгоды для себя. На самом деле был равнодушен к людям, холоден и жесток, делая только то, что способствовало его карьере. Он точно угадал: в гитлеровском режиме такая карьера такого человека возможна была именно теми средствами и приемами, которые им демонстрировались.

Корни деструктивного в Гиммлере могли быть заложены с детства в тяжелом чувстве неполноценности, во внутренней противоречивости. Терзающий конфликт между фантазиями о величии и реальным незавидным положением, незрелость его внешности должны были терзать подростка. Как крестный сын наследного принца Баварии, Гиммлер был предназначен своей семьей для высоких дел, однако в молодости, особенно в отрочестве, у него ничего не получалось. Будучи средним из братьев, он становился подчиненным старшему брату Герхарду, который был успешным в школе, более привлекательным, мог похвастаться знакомствами с девочками, впоследствии стал офицером, чего не смог добиться Генрих, но Генрих все-таки смог его подчинить себе.

¹ См.: *Васильченко А.* Гиммлер. Инквизитор в пенсне. С. 123.

«Кровавый пес» обладал неброской, как бы смазанной наружностью со слабо выраженным подбородком и совсем не походил на театрального или кинозлодея. Впрочем, такой внешностью отличались и многие другие обер-палачи, например «наши» Ягода, Ежов, Берия (кстати, тоже носивший пенсне). Гимmlера не следует представлять себе ни мелким бюрократором во главе колоссальной машины массового уничтожения людей, ни полным ничтожеством. Он был поразительно изворотливым, умелым и хитрым интриганом, двуличным и в то же время убежденным нацистом и антисемитом; он знал, когда нужно предать, а когда проявить верность; он был садистом и некрофилом в самом худшем смысле, и именно это определяло его жизнь. Некрофил Гимmlер был жалок и ничтожен и в то же время страшен, его кровожадность во многом определяется его ничтожеством.

3.8. Фанатизм

Во все времена фанатизм представляет собой по большей части общественно опасное явление. Поэтому очень важно знать, что представляет собой фанатизм, каковы его отличительные черты, в чем особенности фанатичной личности. Прежде всего отметим, что фанатизм есть отношение человека, группы, толпы, общества, государства к чему-либо или к кому-либо: самому себе, другому человеку или другим людям, идее, учению, в том числе вероучению, группе людей, в том числе облеченных властью, роду занятий и т.д. Фанатизм — всегда отношение, но не просто отношение, это отношение сверхпреданности, обожествление, придание объекту поклонения особо ценных и даже сверхъестественных качеств, безрассудное поклонение ему, предпочтение его всему остальному, безусловная его защита от реальных или мнимых врагов и столь же абсолютная его поддержка во всем, способность ради него пожертвовать многим, даже самим собой.

Некрофилия и садизм находятся в опасном соседстве с фанатизмом, точнее — фанатизм способен активно питать некрофилию и садизм, и наоборот. Фанатичная вера в единственно правильное учение, в единственно правильную идею или в единственно правильного бога потребовала великого множества жертв. Поэтому сейчас у западного мира нет никаких иллюзий по поводу того, что фанатизм — вечное, постоянно повторяющееся в большом и малом явление: тоталитарные режимы в СССР, Германии, Китае, Камбодже и исламский экстремизм более чем убедительно доказывают это. Вместе с тем до сих пор не создан эффективный механизм профилактики и обуздания фанатизма в более или менее значимых социальных масштабах. Но мы еще не всегда можем справиться

даже с фанатичной группой христиан, ожидающих, например, очень скорого конца света или воцарения дьявола. Или с футбольными фанатами.

В современном мире нас способна утешить лишь возможность научного познания фанатизма даже в случае, когда он имеет место в других культурах и укоренен в обыденное сознание другого народа. В рамках исследования фанатизма есть возможность объяснить и произрастающее на фанатичной почве зло, хотя это не дает никакой гарантии, что его можно преодолеть. Те, кто заняты изучением фанатизма, должны не упрощать наблюдаемые ситуации и в то же время не превращаться в параноидальных судей.

Фанатизм способен заполнить всю жизнь, толкнуть на благородные и самые отвратительные дела вроде массового убийства или самоубийства. Фанатичная преданность может стать мотивом поведения, когда появляется потребность в защите себя, смещать понятия любви и ненависти, поступать только «исключительно правильно» без колебаний и поисков, причем эти действия способен диктовать некто — бог или смертный в «божественном» облики. Фанатик часто карикатурен, лишен чувства юмора и толерантности, весьма склонен к маскараду и, конечно, самообману, а в некоторых случаях становится объектом насмешек. Им, например, стал один из самых страшных фанатиков в истории человечества — Гитлер, причем не только своими деяниями, но даже внешностью.

Фанатизм часто бывает неразлучим с *садизмом*: фанатик может получать удовольствие от мучений и страданий тех, кто не разделяет его убеждений, взглядов, пристрастий. Фанатизм может быть неразлучим и с *некрофилией*, достаточно вспомнить того же Гитлера.

Он был безраздельно, до конца предан своим идеям, в первую очередь потому, что это были идеи верховенства германской крови и подчинения ей остального мира. Посвяательства на эти идеи воспринимались им как посвяательства на него самого. Он был, так сказать, рассудительным фанатиком, поскольку постоянно старался обосновать свои идеи и взгляды, доказать их, был безгранично предан им, как и своей миссии, они составляли саму основу его бытия, его отношения к миру и самому себе. Если верить рассказам о сексуальной неполноценности Гитлера, то он, человек без жены и детей, тем более должен был сосредоточиться на своих фанатических переживаниях, уйти в них.

Учитывая все эти психологические особенности германского диктатора, не следует верить тем авторам, которые ради сенсации активно разрабатывают надуманную версию о том, что главного военного преступника, вполне живого, куда-то скрытно увезли британо-американские враги мира и где-то спрятали — чаще всего назы-

ваются страны Латинской Америки. Там якобы Гитлер мирно дожил свои дни.

Не говоря уже о том, что это никому из союзников не было нужно и могло только скомпрометировать, что западные демократы были убежденными противниками нацизма и фашизма (и большевизма, конечно, тоже), что после поражения Германии Гитлер не представлял для них никакого интереса, он бы сам не согласился бежать. Столь убежденный фанатик мог окончить свои дни только так, как он это сделал, — самоубийством. Гитлер, как он сам считал, держал ответ не перед самим собой, не перед Германией или ее армией и народом, а только перед историей — так и только так полагается мессии. Излишне напоминать, что нет абсолютно никаких данных, что он подумывал сдаться в плен.

Сталин тоже был фанатиком, но вряд ли можно поверить в то, что этот холодный, рассудительный, расчетливый человек был фанатиком коммунизма. Но все-таки он был безраздельно охвачен идеей — фанатиком собственно *власти*, ради чего он мог приносить любые жертвы.

Фанатизм делает человека агрессивным не только тогда, когда он облечен государственной властью. Агрессивным вполне может быть и семейный деспот, одержимый выработанным им особым способом воспитания; агрессивным может быть даже фанатичный научный сотрудник, яростно отстаивающий свою точку зрения и не принимающий ничью критику.

Фанатизм как форма поведения повышает градус любого конфликта, а как образ мыслей — лишает человека выбора, зашоривая его. Фанатика очень трудно, а нередко и невозможно переубедить, любые попытки в этом направлении он может ощутить как вмешательство в его внутренний мир и ответить на это агрессией. Однако не следует думать, что все упорство фанатика, его несокрушимая уверенность в своей правоте и правоте того дела, которому он служит, покоится лишь на эмоциях.

Здесь велика и сила убеждения, вполне разумного и обдуманного, особенно когда речь идет об идеологических, политических и религиозных учениях и концепциях. Уже не помогают ни воспитание, ни моральные запреты, ни даже страх и инстинкт самосохранения. Однако фанатик не понимает, какие собственные, внутренние силы, какие бессознательные механизмы заставляют его так цепко держаться своих установок. Именно это является надежным щитом для него, а применительно к отдельным личностям, группе, толпе, нации, религиозному объединению должно стать объектом научного исследования. Сейчас, когда появилось столько работ об экстремизме и терроризме, отсутствие должного внимания к фанатизму представляется более чем странным.

Фанатизм порождается, с одной стороны, повышенной тревожностью, страхами, накопленными обидами, а с другой — оскорбительным угнетением, бедностью, убожеством. Однако бедность и угнетение не способны вызвать фанатизм к жизни — в бедных странах он распространен менее всего. Политический, идеологический и религиозный фанатизм чаще всего возникает в тех странах, где подводные течения уже подготовили для него почву, где на фоне кризисных явлений чувствуется острый дефицит новых явлений, призванных «спасти» эту страну (общество), где значительная часть людей подспудно ждет своего «спасителя», эту архетипическую фигуру всех веков. Они призывают и признают его, хотя его установки и идеи плохо согласуются с их этическим опытом и этикой. Но как раз в абсурдности и нелепости мессианских идей они видят путь к спасению.

Сами фанатики далеко не всегда являются игрушками в чьих-то руках, напротив, они даже могут возглавить какое-то фанатическое течение и управлять им, заражая adeptов и увлекая их за собой. Но по большей части такие личности — идолопоклонники, подчиняются вышестоящим, составляя в то же время костяк массового воодушевления. Они не способны к осознанию собственной ответственности, а если такая потребность проявляется, будут это делать в рамках фанатической адаптации. Они неспособны поднять свой разум до критического уровня и критического отношения к иррационально деструктивному и массовому заражению, к общинной психологии. Они не способны выйти за пределы радикального разделения мира на добро и зло, черное и белое, а поэтому расщеплены между любовью и ненавистью, подчинены фантазии угрозы и преследования, необходимости проявления радикальной воли к изгнанию и уничтожению зла. Разумеется, все это делается (или надо сделать) ради «добра» («доброе объекта») и тогда исчезнет все зло и мир станет абсолютно справедливым, идеальным, чистым.

Несмотря на все различия между религиозным и тоталитарным фанатизмом, именно это является типичным и для того, и для другого. Поэтому фанатизму так свойственна *ненависть*. В принципе, она нейтральна, т.е. в некоторых случаях может быть поощряема, например когда обращена к жестоким врагам Родины. Но фанатическая ненависть обладает своими особенностями, исключаящими какое-либо снисхождение к ней. Это прежде всего яростное стремление любой ценой уничтожить «злой объект», весь, целиком, нежелание видеть хоть что-нибудь достойное жалости и понимания. Так, гитлеровские нацисты относились к евреям, а большевики — к «врагам народа». Проявляемый здесь садизм вполне объясним, при этом сильная фанатическая ненависть ориентирована на полное

уничтожение «злого объекта» и вместе с тем на избавление от собственной ненависти. Снедаемые ею люди обычно не осознают ее и не признаются в ней, все свое внимание сосредотачивая на «злом объекте», рационализируя свое отношение к нему и свои действия по его уничтожению. В самых тяжелых формах фанатической ненависти восприятие не только этого объекта, но и всего мира может быть лишено эмпатии.

Когда фанатик «насытил» свою агрессию, это совсем не значит, что он успокоился, потому что через некоторое время ему опять потребуется выбросить свою фанатическую агрессию, энергию. Его фанатизм никуда не исчез.

Даже к людям, используемым для фанатической агрессии, и их судьбам фанатик может относиться равнодушно как к средству достижения своей «высшей» цели. В параноидальный процесс реорганизации социальной системы, в том числе на религиозной основе, ради достижения названной цели могут быть втянуты люди, чья нравственность до этого не вызвала сомнений. Для них, как и для фанатиков вообще, характерно постоянное наслаивание фантазий и домыслов на реальные переживания, принятие на веру фактов без каких-либо доказательств, равно как и указаний лидеров, особенно мифологизированных.

Очень многие, а в некоторых случаях и все враги фанатиков представляют собой различные варианты архетипа «Чужой» (или «Враг»). Отношение к нему может переплетаться с нарциссизмом, в том числе с групповым. В этом случае вполне возможны фанатизм о *всемогуществе* и *избранности*, что особенно сильно способствует агрессии в отношении «Чужого». Толпа и человек толпы особенно подвержены тому, чтобы взлелеять в себе непреодолимое желание уничтожить его.

Фанатизм будет проявляться тем жестче и интенсивнее, чем жестче и интенсивнее влияние харизматического лидера, чем безуспешнее были попытки нарциссической самоактуализации в детстве и отрочестве, чем сильнее теперь желание слиться с идеалом и победить «зло»; если такие условия будут соблюдены, проявления фанатической ненависти практически неизбежны.

Коллективный нарциссизм побеждает, когда оскорбляют национальное достоинство или оберегающих богов, другие святыни, духовные символы и т.д. Тогда может возникнуть дикая, регрессивная и примитивная агрессия, иногда в оболочке упорядоченной и организованной деятельности, как, например, в Германии времен нацизма. Когда действуют государственные преступники, преступная толпа и человек толпы, пронизанный ее страхами и стремлениями, у всех них сформируется абсолютная убежденность в собст-

венной правоте, в необходимости восстановления справедливости, наказании «зла» и т.д. Для этого в полной мере используется архаическая и всемогущая фигура вождя и в равной мере способы, извлеченные из глубокой древности. Общие страхи, которые одновременно являются и общими ценностями, видоизменяя свою форму, но сохраняя содержание, цементируют народ, расу, нацию, семью, профессиональную группу и т.д., наконец, объединяют всех людей, толкая их на агрессию против врагов. Нацизм и большевизм представляют собой возврат невоспоминаемого коллективного опыта, точнее его *Тени*. Тень — это скопление негативной части коллективного невоспоминаемого опыта; она обладает властными, отмеченными аффектами, навязчивыми захватническими функциями, способными поразить и подавить даже хорошо упорядоченное эго. Когда сознание переживает угрозу или сомнения, то Тень проявляется как сильная иррациональная и агрессивная проекция.

Деструктивные режимы, вроде бы защищая национальные и духовные святыни, порождают не только глубокий экономический кризис (который, кстати, не всегда легко распознать), но и оскорбляют коллективный нарциссизм, те же ценности и символы, обычно тем, что грубо изменяют их содержание и функции. Найдутся фанатики, которые будут защищать изначальные значения ценностей, но найдутся и фанатики, которые захотят изменить им себе в угоду.

Психоаналитическая доктрина особенно успешна в исследовании *генезиса фанатизма*. Она отмечает, что слишком мягкое или слишком строгое воспитание, принудительные или параноидные семейные отношения могут в раннем возрасте развивать у детей склонность к фундаменталистским, радикальным религиозным отношениям и взглядам. Мифологизация гармонии в семье, постоянное культивирование чувства вины или религиозного мифа о спасении, поиск «врагов» семьей и непосредственным социальным окружением приводят к искажению реальности, оправдывают фанатическую борьбу с чужаками и инакомыслящими. Это определяет неспособность изменить структуру аффективных проявлений, замедленное эмоциональное научение, фиксацию на однообразных объектах и неизменность их эмоциональной значимости. Фиксация на однообразных аффектах влечет некритическую, фанатичную веру в них.

Во многих случаях фиксация на однообразных объектах, переходящая в фанатическую веру в них и готовность следовать их указаниям или идти за ними, может определяться природной недостаточностью субъекта, его потребностью найти защиту от своих страхов и сомнений. Такая потребность способна обнаружиться и в зрелом возрасте, но чаще в подростковом, когда субъ-

ект склонен бросаться в нешуточные и необузданные крайности, определяя для себя пути дальнейшей жизни. Он тогда все еще в поисках Великой матери или Великого отца. Решающим оказывается влияние семьи и неформальной среды, которые вполне определенно указывают, кого ненавидеть или любить. Так складывается, например, судьба палестинских детей и подростков, которые твердо знают, что их враги — евреи и еврейское государство. Их младенчески-регрессивные ожидания перерастают в фанатическую ненависть. Из них же рекрутируются террористы-самоубийцы, которые, несомненно, являются фанатиками, во всяком случае большая часть из них.

Не все террористы-самоубийцы — фанатики. Наши отечественные террористки-чеченки, взрывающие на себе бомбы, чаще всего ими не являются. Это потерявшие себя несчастные женщины, выброшенные из привычной жизни, которым самоубийство представляется единственным и естественным выходом из их архисложной ситуации. Некоторых из них просто вынуждают путем насилия или шантажа сделать это.

Группа фанатиков всегда руководствуется иррациональными установками и ожиданиями, она готова на борьбу или, в случае опасности, на побег. Их фанатизм, как правило, ориентирован на вождя, что представляет собой регресс, иногда в очень далекое прошлое, когда вождь предощущался в качестве полномочного представителя потусторонних могучих сил. Враги у фанатиков чаще всего примитивные, т.е. подготавливаются им примитивными, как и зло, которое они якобы творят. В таких ситуациях рационально-критические функции «Я» стираются, тем более если они имеют место в группах людей толпы.

Фанатизм начинается тогда, когда возникает угроза потери идентичности, потери веры, представлений о морали, справедливости и истине, составляющих основу бытия личности, ее отношений к себе, окружающему миру, своем месте в нем. Но важно, чтобы человек (с достаточно высокой ригидностью) не видел другого выхода для себя, кроме особо ценных для себя представлений. Поэтому он и мобилизует весь свой организм на их охрану. Особенно важна их защита при внешних кризисных явлениях или субъективном восприятии каких-то вещей как весьма кризисных и угрожающих ему. Вот почему осквернение, например, религиозных символов может вызвать взрыв фанатизма, поскольку они олицетворяют духовность, духовную основу и, стало быть, угрожают самому бытию человека или группы. Страх потери идентичности, скорее всего, связан с инстинктами, эмоциями и, конечно, с воспитанием и наличием расстройств психической деятельности.

Э. Эриксон, один из самых проницательных исследователей идентичности, отнес представления об этом явлении к числу весьма сложных и запутанных. Он полагал, что идентичность человека или группы может быть соотнесена с идентичностью другого или других и что гордость за сильную идентичность может свидетельствовать о внутренней свободе от более влиятельной групповой идентичности, например идентичности «сплоченного большинства» (Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 31).

Человек как биологический вид выжил, пишет Эриксон, будучи подразделен на группы, которые он называл псевдовидами. Сначала такими псевдовидами были отдельные стаи или племена, классы, нации, но затем и каждое религиозное сообщество стало считать себя единственным настоящим представителем человечества, а всех остальных — странным и непонятым изобретением какого-нибудь незначительного божка. Иллюзия избранности укрепляется наличием у каждого племени собственной теории, мифологии, а позднее — истории: этим обеспечивалась верность определенной экологии и морали. Не совсем ясно было, откуда же взялись все остальные племена, но, раз уж они появились, их можно было по крайней мере использовать в качестве экрана, на который проецировались негативные модели идентичности — необходимые, хотя и неприятные дубликаты положительных. Такая проекция и территориальное разделение оправдывали истребление друг друга «для вящей славы». Таким образом, если и можно сказать, что идентичность — «полезная вещь» в эволюции человека, поскольку полезно то, что служит выживанию, не следует забывать, что эта полярная категоризация служила подтверждению превосходства одного из псевдовида над другими. Возможно, мы и наша молодежь обращаемся к размышлениям об идентичности именно потому, что мировые войны показали: прославление псевдовида может привести к гибели всего человечества как вида (с. 50—51).

Фанатизм может быть непостоянным в человеке и тем более в группе, исчезая с исчезновением угрозы идентичности. Но вполне возможны религиозные подвижники, которые всю жизнь проводят в цепких объятиях фанатизма, нередко утратив связи с реальностью и полностью погрузившись в свои фантазии. Они, как правило, спасают свою так называемую душу, т.е. эгоистически сосредотачиваются на себе, на своих нуждах, не проявляя никакого альтруизма. Но тем не менее становятся любимцами церкви, обрастая различными легендами, в том числе и после смерти. Они способны подстрекать толпу к агрессии, как это бывает, например, в Палестине.

Человек постоянно стремится обеспечить свою идентичность, которая может подвергаться нежелательным воздействиям внешних социальных условий. Если они парализуют «Я», т.е. при сильном расстройстве идентичности, личность рискует потерять себя, свой центр. В особо сложных случаях она может склониться к тотальному преобразованию своих отношений с реальностью, в том числе с самим собой, заново построить реальность из доступных ей возможностей, расчленив ее на «хорошую» и «плохую». Все то, что укрепляет ее, позволяет найти место в жизни и себя, не просто принимается, а становится подлинной опорой, требующей фанатичного

отношения к себе. Человек попадает в психологическую зависимость от нее. Напротив, все угрожающее извне, реальное или мнимое, и все осуждаемое в себе, перенесенное на внешние нежелательные, раздражающие и т.д. объекты и воспринимаемое вместе с этими перенесенными особенностями, ощущается все вместе в качестве злых сил. Им может быть объявлена война, способная сотворить смысл жизни, но фанатическая приверженность такой войне вряд ли осознается. Объединение людей с подобными переживаниями и стремлениями может представлять повышенную общественную опасность, даже если это «просто» группа футбольных фанатов.

Эти фанаты представляют собой молодых людей в основном из бедных семей с весьма низкими интеллектуальными и духовными запросами, которым окружающая действительность представляется враждебной или, в лучшем случае, равнодушной к ним, не понимающей их, не дающей возможности показать и проявить себя. Футбольное фанатическое же боление предоставляет им возможность показать себя, обрести место среди других таких же неприкаемых, убедить себя, что все они вместе представляют собой немалую, а то и грозную силу. Достучаться до разума молодых фанатиков от футбола практически невозможно, поскольку ими движут лишь эмоции, потребность защититься и в то же время показать себя, что для них имеет бытийное значение. Как и в любой другой фанатической толпе, здесь не действуют ни мораль, ни запреты, а внутренняя динамика, имеющая свои закономерности и правила.

Наряду с футбольными фанатами или одинокими религиозными фанатиками есть крайне радикальные экстремистские группы, политические и религиозные, которые прекращают свое существование в результате законных репрессий государства или естественного распада. Лидерами таких групп часто становятся деструктивные и паранойяльные мини-пророки, которые убеждают себя и своих последователей, что служат высшей истине, которую они пытаются «достать» и с помощью агрессии.

Характерная черта деструктивного или эгоистического фанатика — отсутствие чувства юмора и совершенно непрактическое отношение к себе, напротив, они нарциссически и яростно отстаивают свой нарциссизм в своем окружении и вне его. Те, которые спасают свою душу, поневоле должны все время думать о смерти, психологически не просто все время приближаясь к ней, но и, образно говоря, живя в ней. Они вроде бы редко испытывают чувство страха и уверены в своей правоте, избранности и призванности, однако более глубокий анализ их психики позволяет обнаружить постоянный имманентный и диффузный страх, вечное опасение потерять свою идентичность. Этим же отличаются тоталитарные политические лидеры, этот источник соответствующих внушений окружающим и обществу. На критику в свой адрес они обычно отвечают агрессией.

Тоталитарные убийцы новейшей истории отнюдь не всегда фанатично преданы политическим и идеологическим учениям, которые привели их к власти и обеспечили пребывание на ее вершине. Гитлер и Геббельс были несомненными фанатиками нацизма, но такое невозможно утверждать в отношении Геринга. Очень сомневаюсь, что Сталин был фанатично предан идеям коммунизма — для этого он был слишком умен, но являл убедительный пример такой преданности идее власти, она была для него всем, его фанатизм был сосредоточен как раз на ней. Вместе с тем коммунистическое учение давало ему возможность прочно захватить и надолго удерживать деспотическую власть путем жесточайших репрессий и интриг. Этот властитель был некросадистом, как, впрочем, и другие такие же деспоты. Есть все основания полагать, что они являются акцентуированными личностями или имеют более серьезные расстройства психики.

Нацизм и большевизм отличаются садо-нарциссическим мистицизмом, который особенно выражается в несокрушимой вере в силу символа и слова, причем символическое значение имели сами нацистские и большевистские вожди, а также их слова. Все несогласные с ними подлежали репрессиям, поскольку посягали на самую основу их власти.

Для адекватного понимания генезиса фанатизма, особенно тоталитарного, значимы суждения П. Концена относительно *«фанатизма социального оскорбления»*. Он имеет в виду людей, которые чувствуют себя обманутыми, презренными, изолированными и рано или поздно впадают в саморазрушительную манию истины или справедливости. Часто их преследуют чувства бессилия и непризнанности, вся психическая энергия концентрируется на преследовании одной единственной идеи, которой подчинено все остальное. К этой группе относятся и фанатичные мстители, которые (часто абсолютно непредсказуемо) в моменты жизненного кризиса или оскорбления задействуют весь арсенал накопленной ярости для борьбы с образом врага. Основным признаком фанатичного особенно четко проявляется в неистовой защите собственной автономии, в переоценке истинности субъективной точки зрения. В бессознательном таких людей таится целый арсенал ярости, неимоверное «анальное» противостояние образу сверхсильных, угнетающих родителей, которую они направляют на борьбу с внешними угрожающими организациями. Если такие люди начнут действовать, это может привести к смертельным трагедиям¹.

Концен определял фанатизм как страстные убеждения, которые частично или полностью охватывают ядерную идентичность чело-

¹ См.: Концен П. Фанатизм. Психодинамический анализ этого ужасного явления. Харьков, 2011. С. 43.

века, за которые настойчиво, нетерпимо, а подчас жестоко ведут борьбу — позиция, которая основывается на убеждениях, но незоснанно служит усилению жизненного страха и ненависти¹.

Концен выделяет следующие виды фанатизма.

Исконный — страстное побуждение коренится главным образом в самой психике, во внутренней мотивации и в структуре личности. Исконный фанатик целиком и полностью охвачен идеей, верой или призванием; его идентичность и чувство ценности жизни зависят от исполнения его миссии, которая перекрывает все остальное.

Индукцированный фанатизм встречается там, где людей с помощью внешнего влияния, массового воодушевления, демагогии или внушения «втягивают» в радикальные эмоциональные состояния. Зачастую фанатизм опасен тем, что он может распространяться, подобно эпидемии, и способен увлекать. Если человек попадает под чары исконного фанатика — говорят об индуцированном фанатизме. Это члены сект, террористические группы или фашистские подразделения, которые слепо посвящают свою жизнь «фюреру» или «движению».

Исконный и индуцированный фанатизм могут выступать в качестве идейного фанатизма или фанатизма формы. При *идейном фанатизме* в центр восприятия стремительно перемещается идея, фантазия, видение. В его самой банальной форме это личные комплексы, исполнение клятв, подозрение или упорное, настойчивое отстаивание своих прав. Великие идейные фанатики были страстно убеждены, что переполнены творческими, политическими или религиозными видениями, которые однобоко навязывались «Я». Подобно художникам в состоянии упоения творчеством, такие люди чувствуют, что должны подчинить идее свои устремления. Внутреннее побуждение, конечно же, может быть однобоким и самоуничтожительным, часто доходя до такой точки, где страстность может уничтожить ценность самой идеи.

В *фанатизме формы*, напротив, речь идет о настойчивом воплощении идеи, об абсолютной аутентичности и надежности. Необходимо фанатично защищать форму произведения искусства, следить, чтобы люди соблюдали литургию или были неуклонно верны идеологической программе. Наименьшие отклонения вызывают иррациональный гнев и резкое осуждение со стороны «сверх-Я». Среди фанатиков формы мы часто встречаем пуристов, фарисеев, педантов, которые, имея высокое чувство эстетической или традиционной ценности, могут буквально «усыпить» разум. Их не надо путать с «формалистическими фанатиками», которые в слепом пылу выполняют задачу, не имея особого отношения к ценностям или идее.

¹ См.: *Концен П.* Указ. соч. С. 47—48.

Главным образом они действуют под давлением «сверх-Я», вынуждены принудительно удовлетворять требования «свыше», а мотивом их фанатической тяги выступает садизм, стремление к власти и к победе.

Обычно с фанатизмом мы ассоциируем что-то угнетающее, зловеще разрушительное. Но в экстремальных ситуациях, в которых невозможны дискуссия и толерантность, где необходимо мобилизовать все усилия, всю готовность к агрессии, существует что-то наподобие *конструктивного фанатизма*. Следует вспомнить потерпевших крушение, осажденных, меньшинства, которые противостояли жестокому большинству¹.

Для исследования человеческой агрессии очень важно отделить злокачественный фанатизм от доброкачественного. К *доброкачественному* следует отнести фанатическое отношение к творчеству, полную охваченность им при отрешенности от других дел и тем более увлечений. Такой фанатизм можно встретить среди ученых, художников, композиторов и т.д. *Злокачественный*, деструктивный фанатизм предполагает поляризацию мира, причем резкую, возведение себя в ранг высшего судьи и носителя высшей истины, ненависть к другим, думающим и действующим иначе, что всегда или почти всегда связано со стремлением к их уничтожению. Такие деструктивные фанатики могут управляться холодным расчетом или пылким импульсом, они как бы закупорены своей зашоренностью, злобностью, закрытостью для чего-нибудь другого, что имеет отношение к идеям или вере, своей готовностью к агрессии, неспособностью к диалогу и компромиссу.

Фанатизм близко соприкасается, иногда даже переплетается с *фундаментализмом*, который так часто угрожает современному хрупкому миру. Фанатизм, конечно, имеет свой психологический и идеологический фундамент, как, впрочем, и другие социальные явления. Этот фундамент имеет для него витальное значение. Понятие фундаментализма сейчас в основном связано с исламом, но может быть применимо к иным религиям, политическим и идеологическим течениям.

Фундаментализм — это активное неприятие всего нового, что противоречит устоявшимся традициям, а тем более учениям, и угрожает им, это обращение к древним текстам и их толкование, дословное, скрупулезное следование идеям, учениям, взглядам в этих текстах или вырванным из него частям, невзирая на то, когда и кем они написаны, соответствуют ли современным условиям жизни. Очень часто тексты толкуются превратно, в угоду сегодняшним целям, очень субъективно каким-либо авторитетным лицом, но это толкование становится эталоном. Если речь идет о священных пи-

¹ См.: *Концен П.* Указ. соч. С. 49—50.

саниях или текстах, приравненных к ним (например, творения отцов тоталитаризма), из них выскребается ненависть, которая становится абсолютом и формулой поведения. Другие взгляды не принимаются, они воспринимаются как оскорбление нарциссизма. Подобные сочинения могут иметь большой успех, поскольку современный разочарованный человек начинает искать выход из своих сложных и даже тупиковых ситуаций в глубокой древности, наивно веря, что именно там содержится вековая житейская мудрость. Это не что иное, как почитание первочеловека, создателя мира, которому были открыты все тайны.

Одновременно фундаменталисты апеллируют к начальным фазам истории, которые благодаря принятым тогда учениям были светлыми и радостными. Группы фундаменталистов, их сообщества управляются лидерами, религиозными, духовными, которые создают фундамент и зорко оберегают его. Эти сообщества ригидны, поскольку застывают на раз и навсегда данном; они паранойяльны, так как все время остерегаются новых внешних влияний и даже возражений или сомнений своих членов. А члены ищут и находят в них надежных защитников, как в детстве — в лице родителей. То, что эти новые «родители» могут толкнуть их на самую кровавую агрессию, обычно не вызывает у них возражений — ведь это «родители», а они мудры и всегда находят «верное» решение.

Сообщества фундаменталистов и их лидеры готовы воспользоваться всеми техническими достижениями современности, созданными, правда, не их культурой, но никогда гуманитарными — демократией и правами человека. Они нетерпимы, и эта нетерпимость прокладывает прямой путь фанатизму, который со своей стороны мощно подпитывает фундаментализм. Однако фундаментализм далеко не всегда фанатичен и он не слеп, как фанатизм. Он даже может искать истину, фанатизм — тоже, но только в пределах своей фанатичной сферы. И у фундаментализма, и у фанатизма мир суживается, их ненависть и ярость сосредотачиваются на враге их учений, на исповедуемых идеях.

Враг и даже сомневающиеся и неверующие безусловно зачисляются в категорию зла фундаменталистами, которые, конечно, всегда «правы» в своих оценках.

3.9. Жестокость и отрицание цивилизации

Под жестокостью следует понимать причинение боли, страданий и мучений другому человеку или даже многим людям, причем соответствующие действия могут быть средством достижения иных целей (например, завладения имуществом при разбойном нападении либо ради садистского удовлетворения их причинителя). Жестокость чаще носит умышленный характер, но вполне возможна в си-

лу пренебрежения к другому, безразличия и равнодушия к нему. Но она всегда должна быть против желания того, кто является ее объектом, иначе это будет мазохистский акт.

Объяснение субъективных причин жестокости (прежде всего, особой) и садизма — чрезвычайно сложная для науки задача. Она определяется тем, что надо выявить криминогенные детерминанты в глубинах психики, куда обычно не заглядывает человек. Он не пытается это сделать потому, что никогда не ставит перед собой такой задачи или его просто страшит подобное проникновение в себя. Действительно, там он может встретить чудищ и злобных дьяволов, которые постепенно, от самой колыбели накапливались во тьме его души, рожденные страхами, разочарованиями, обидами, завистью. Как правило, ему ничего о них неизвестно, а лишь ощущается смутная, совсем неясная опасность, что они есть, но их лучше не трогать. Для того чтобы попытаться их выявить и оценить, требуется не только умение, но и мужество, и честность перед самими собой в первую очередь.

Не менее важен учет внешних обстоятельств. Так, тоталитарные деспотии нацизма и большевизма высвободили дремавшие у людей в Тени грязные и жестокие помыслы и желания, тем самым сделав их ужасной реальностью для других. Но человек с такими промыслами и желаниями не хочет осознавать их своими, это для него слишком травматично. Поэтому он приписывает их окружающим, особенно тем, кого он считает врагами или недостойными людьми, и воспринимает их с этими перенесенными на них своими качествами.

Поставленная здесь проблема осложняется тем, что индивидуальная жестокость, приводящая к страданиям другого, может исходить от самых разных людей: разбойников в поверженном городе, охранников концлагерей, сотрудников так называемых специальных служб, особенно тайной полиции, сексуальных убийц, «простых» бандитов и т.д. Задача исследователя поэтому заключается прежде всего в том, чтобы установить, имеют ли злодеяния во всех случаях один источник, какими причинными комплексами детерминируется каждый тип жестокости, какова роль внешних социальных факторов, в чем она заключается и т.д.

Однако наука не может ограничиваться лишь констатацией того, что жестокие и особо жестокие действия совершают жестокие люди или садисты. Так было бы слишком просто, даже примитивно. Поэтому возникает архисложная задача — установить, почему данное лицо проявляет жестокость и садизм, почему эти личностные особенности вообще существуют, что хотели сказать природа и общество, когда породили эти опасные явления. Понятно, что жестокость всегда агрессивна, а агрессия — одна из главных форм человеческой активности, но агрессивность далеко не всегда порицаема, а во многих случаях она необходима и приветствуется. В отличие от нее жестокость и тем более садизм всегда вызывают негативные оценки, в

том числе правовые. Поэтому в цивилизованном мире даже уголовные наказания могут быть очень суровыми, но не должны быть жестокими. Тем не менее и они способны порождать страдания.

Ответы на поставленные вопросы можно найти в работах Виктора Франкла, выдающегося австрийского психолога, прошедшего гитлеровский концлагерь¹. Но он лишь частично отвечает на них, так как перед ним стояли иные задачи. Он отмечает, во-первых, что среди охранников концлагеря были безусловные садисты в строгом клиническом смысле этого слова. Во-вторых, таких садистов специально отбирали, когда нужно было составить очень жестокую команду. В-третьих, большую часть лагерной охраны составляли люди, просто отупевшие от тех огромных доз жестокости, ежедневными свидетелями которой они оставались годами. Эти закосневшие в своем относительно благополучном существовании люди не были, впрочем, яркими садистами в своих владениях, но против садизма других они, конечно, не возражали. В-четвертых, среди охраны были «саботажники», которые не убивали и не истязали заключенных. Эти последние нас, понятно, не интересуют.

Франкл рассказывает о таком эпизоде. В сильнейший мороз, совершенно не защищенные от холода своей жалкой одеждой, заключенные работают на открытом воздухе. Им разрешено по очереди примерно раз в два часа несколько минут погреться у походной железной печурки, которую топят здесь же собранными сучьями и ветками. Для заключенных эти минуты были, конечно, большой радостью. Но всегда находился какой-нибудь бригадир, надсмотрщик, который лично запрещал это и пинком сапога отшвыривал в снег печурку с ее благостным теплом. И по выражению его лица было видно, какое наслаждение он получает, лишая заключенных возможности погреться².

Для понимания природы жестокости в концлагере необходимо учитывать, что там происходит регрессия жизни — возвращение к примитивным формам поведения и таким же влечениям и потребностям. В этих местах невероятной концентрации зла и страданий все интересы заключенных сходились только на том, чтобы выжить, получить побольше еды и попасть на относительно теплую работу. Примитивизация не миновала и саму лагерную охрану, ведь она все время сталкивалась с насильно примитивизированными заключенными, с примитивностью самой жизни в лагере. Конечно, охранники, в том числе эсэсовцы, и раньше отнюдь не принадлежали к духовной или интеллектуальной элите. Особенность лагеря, писал Г. Адлер, состоит в том, что все ложное, опасное, глупое и низкое,

¹ Для иллюстрации сказанного позволю себе повторить ссылку на работу В. Франкла «Сказать жизни «Да»» (*прим. авт.*).

² См.: Франкл В. Сказать жизни «Да». Психолог в концлагере. С. 160—162.

произрастающее в человеке и человеческих институтах, смело выступает здесь в своей зловещей и неумолимой обнаженности. Любой охранник, даже самого низкого ранга, мог проявить какую угодно жестокость по отношению к узникам, заставляя их страдать, убить любого из них.

Ложное, опасное, глупое и низкое произрастало и в де Рэ, маршале Франции. Он в полной мере использовал свое социальное положение и богатство для того, чтобы мучить и убивать детей и подростков (точное количество жертв де Рэ неизвестно, оно колеблется от ста до двухсот). Ж. Батай, исследуя его жизнь и преступления, попытался раскрыть причины последних. Он отмечает, что, начав делать что-то важное, он уже не мог остановиться. Так, маршал промотал свое богатство, его безрассудное расточительство принимало неистовый характер; при этом он слепо доверял проходимцам и мошенникам; в битвах он проявлял мужество и отвагу; так же неистово терзал своих жертв, в то же время панически боялся дьявола, хотя занимался мистическими упражнениями, которые католическая церковь бесспорно осуждала. Батай отмечает инфантильность де Рэ, что проявлялось в детской беспечности и доверчивости, явно глупых поступках, непринятии мер предосторожности как в попытках общения с потусторонними силами, так и при совершении многочисленных убийств. Он, как малое дитя, не считался ни с какими запретами, убивая детей и подростков, но и не принимая никаких мер, чтобы не быть наказанным за это.

Батай пишет, что в жизни де Рэ не было ситуаций, в которых не проявлялось бы его крайнее равнодушие, некая рассеянность, сменявшаяся жестокостью. Чуждый осторожности, он был словно ввергнут во власть своих влечений, не подчиненных рефлексии. Его инфантильность, дополненная таким богатством и такой властью, раскрывала перед ним трагические возможности. Эта инфантильность чудовищна, перед нами ребенок, который обладает возможностями взрослого человека, и возможности эти, скорее, не инфантильные, а архаические — и этот момент в рассуждениях Батая надо особо выделить. Он похож на каннибала, а еще точнее — на одного из своих германских предков, не скованных условиями цивилизации, пишет Батай, приводя также многие примеры разнузданной жестокости феодалов. В жизни де Рэ архаика сыграла еще большую роль, поскольку он был наивен и столь же чужд разуму и расчетливости, сколь и мошенническим помыслам. Как можно понять Батая, маршал полностью усвоил дикость и разнузданность своего окружения; на воспитание де Рэ повлияли лишь жестокость воина, которой, как и во времена германцев, сопутствовали невероятное мужество и неистовство дикого зверя¹.

¹ См.: *Батай Ж.* Процесс де Рэ. Colonna Publications. С. 28—31.

Я не случайно привожу столь подробно мнение Батая о причинах садизма и жестокости де Рэ. Дело в том, что и в наше время можно встретить преступления и преступников, схожих с этим маршалом и его деяниями, для этого достаточно вспомнить хотя бы Чикатило. Поэтому исследование личности и причин поведения де Рэ является для нас достаточно актуальным. Если поставить перед собой задачу объяснения его поступков, можно попытаться ее решить, хотя за давностью лет и недостаточностью информации сделать это будет весьма непросто.

Несомненно, что де Рэ полностью вобрал в себя всю дикость и жестокость своей эпохи, однако и тогда убийство детей и сексуальное насилие над ними отнюдь не поощрялось, тем более что жертвы относились не к врагам, а к своему собственному народу. Батай убедительно доказывает, что маршал был глуп, из чего можно сделать вывод, что он совершенно некритически относился к жизни и воспринимал только то, что соответствовало его интересам и влечениям. Между тем, анализируя даже тот неполный материал, который имеется в нашем распоряжении, можно сделать и другие важные выводы.

1. Де Рэ, скорее всего, страдал расстройством психической деятельности, вследствие чего возникшее у него влечение не опосредовалось разумом, а немедленно или почти немедленно реализовывалось в поступки. Это расстройство объясняет также его безрассудное расточительство и почти детскую доверчивость, а кроме того непринятие мер к сокрытию своих преступлений и попытки вступить в сношения с потусторонними силами, особенно с дьяволом, что в глазах церкви было тягчайшим преступлением.

2. У де Рэ были какие-то сексуальные нарушения, очень возможно, он потерпел неудачи в попытках наладить половые контакты со взрослыми женщинами, а поэтому насилует детей и подростков обоих полов, причем предпочитал анальный секс даже с девочками. Последнее обстоятельство тоже немаловажно, его можно истолковать, как символический уход от женщины. Он еще был активным гомосексуалистом и мог бы знать, что такой секс французский закон тех лет карал повешением.

3. Де Рэ был садистом и некрофилом: он наслаждался мучениями умерщвляемых детей и подростков, видом крови, применял разнообразные способы лишения жизни, намеренно изобретал их; он целовал отрубленные головы и осуществлял сексуальные акты с мертвыми. Де Рэ делал это, как следует из его объяснений, приведенных в протоколах процесса, для сексуального удовлетворения.

4. Есть некоторые основания считать, что де Рэ является олицетворением первобытного мира в том смысле, что в совершенных им преступлениях можно обнаружить регрессию, возвращение к первобытным формам поведения.

Такую регрессию можно наблюдать в поведении душевнобольных, при инцесте и педофилии. В Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского зафиксированы случаи, описанные в кандидатской диссертации Ю.К. Чибисова, когда поступившие туда на обследование обвиняемые проявляли даже не первобытное, а дочеловеческое поведение: бегали на четвереньках, ходили сгорбившись, низко опустив руки, напоминая человекообразную обезьяну; лежали на полу, свернувшись калачиком; часто производили звуки, напоминающие то лай собак, то хрюканье свиньи, то крик гусей и петухов; пищу из тарелки лакали; при неприятных раздражителях скалили зубы, издавали звуки, напоминающие рычание, принимали позу животного, готовящегося к нападению, не пользовались бельем, от них неприятно пахло. После лечения в психбольнице вновь обретали человеческий вид. Механизм такой регрессии неизвестен, можно лишь предположить сохранение в психике передаваемой по наследству информации о дочеловеческой стадии развития, которая при некоторых условиях актуализуется, определяя соответствующее поведение. Но для того чтобы его воспроизвести сейчас, оно должно было иметь место в праистории.

Несмотря на все дикости (на наш современный взгляд), которые существовали на первых этапах развития человечества, тогда людей не убивали просто так, тем более детей и подростков своего рода или племени, во всяком случае ради своего удовлетворения, как пояснял де Рэ. Такой информацией наука не располагает. Описанные выше формы поведения Чибисов назвал синдромом одичания. Такой синдром наблюдали также А.И. Молочек и О.Е. Фрейеров. Н.И. Фелинская называла его регрессом психики, а я бы назвал его синдромом возвращения.

Таким образом, вполне возможно, что некоторые дикие убийства, совершенные с особой жестокостью, имеют архаическое происхождение, однако это не более чем предположение, хотя и обоснованное, если подобное предполагать, нужно выявлять, изучать и устранять условия, которые способны такие установки актуализировать. Причины жестоких преступлений также следует искать в личности преступника и его жизни, каждый раз задумываясь над тем, ради чего данный человек совершает данные действия, что он от этого психологически выигрывает. Такой выигрыш всегда должен иметь место, пусть даже сам человек и не осознает этого. Нацистские и большевистские убийцы тоже бессознательно стремились к выигрышу.

Человечество постоянно сталкивается с явлениями, которые, резко выделяясь своей необычностью, непонятностью своей природы и причин, вызывают гнев и возмущение, чувство омерзения и беспорное порицание, особенно если они агрессивны и влекут за со-

бой многочисленные жертвы и разрушения. Все их объединяет то, что они знаменуют возврат к первобытной дикости, к тем весьма далеким временам, когда человек еще не отделил себя от природы, не в полной мере стал личностью, еще не знал ни религии, ни нравственности. Иными словами, в такого рода явлениях со всей очевидностью чувствуется зов древнего человека, и они означают отрицание цивилизации.

Я имею в виду каннибализм, инцест и некоторые другие сексуальные нарушения, убийства, совершенные с жестокостью и особой жестокостью, а также тоталитаризм в его наиболее бесчеловечных формах. Разумеется, это явления разного уровня и разных масштабов, но главным и объединяющим их представляются те истоки, которые, на мой взгляд, лежат в глубокой древности. К названным явлениям можно присоединить и некоторые психические расстройства, связанные с первобытными временами. В психиатрической литературе (А.Д. Зурабшвили) уже высказывались соображения относительно *археопсихопатологии*. Однако археологические корни психических расстройств еще изучены явно недостаточно, особенно эмпирическим путем.

С одной стороны, культура делает предметом осознания и оценки, оформляет и регламентирует импульсы, идущие к ней от индивида, а с другой — «посылает» к нему нормы поведения, которые в окончательном виде вырабатывает на своем уровне. Иногда культурные нормы, как и нормы права, допускают возможность отклонения от них, но во всех иных случаях они «неумолимы». К числу неумолимых относятся нормы цивилизации, запрещающие каннибализм и инцест. Причем так обстоит дело практически во всем мире. Однако это нельзя сказать о тоталитаризме, к которому весьма предрасположены отдельные народы, видящие в нем не только естественный выход из собственной сложной и противоречивой ситуации, но и привычный образ существования. Здесь я вижу свою задачу в том, чтобы показать, что тоталитаризм в наиболее жестоких формах, равно как и каннибализм, инцест и другие сексуальные патологии, является отрицанием цивилизации, а чаще — ее злейшим врагом.

Отрицанием цивилизации является и убийство детей, с которыми во все времена обращались жестоко, хотя иногда убийства объясняли религиозными соображениями, принося их в жертву богам. Однако обеспечение неприкосновенности детской жизни — это аксиома цивилизации, а поэтому покушение на нее есть не только тягчайшее преступление, но и отрицание того этапа истории, который мы называем современной цивилизацией.

Такие действия современных дикарей или первобытных людей, которые поедали покойников, вступали в инцестуальные связи или уничтожали детей как ненужную обузу, нельзя расценивать как вызов цивилизации или отрицание ее: они попросту не знают, что это

такое. Действия же представителей древних цивилизаций (например, семитских), приносящих детей в жертву своим богам, предустраивались их цивилизацией, соответствовали ей.

Но не следует называть отрицанием цивилизации жестокие поступки только потому, что их истоки можно проследить в древности, тем более что и тогда, если они не приносили пользы, в том числе духовной, они не только не приветствовались, но и наказывались. Дело в том, что движение цивилизации включает в себя постепенное изживание жестокости, в частности носящей сакральный характер, отнесение ее к безусловно осуждаемым явлениям, о чем говорят не только мировые религии, но и вполне светская нравственность. Конечно, XX век с его тоталитарными режимами и их преступлениями, показывает, что это невероятно трудно сделать, но все-таки такие режимы были побеждены, а их людоедская «мораль» разоблачена. Таким образом, отрицание цивилизации жестокостью следует понимать и как ее явное несоответствие цивилизованным нормам нравственности¹.

Мы можем лишь предположить, что какая-то часть психики дикаря продолжает жить вопреки всем многовековым культурным запретам, и она передана его более чем далекому потомку посредством неких (?) архетипических механизмов. Не менее важно такое дополнение: страхи и неуверенность, хотя и появились издавна, постоянно поддерживались самыми разными бедствиями и опасностями буквально всех эпох человеческой истории.

Доктор Джекил и Эдвард Хайд уживаются во многих людях, о чем они сами, скорее всего, и не ведают. Но наступает время, и Хайд вдруг громогласно заявляет о себе и Джекил уже ничего не сможет сделать, а в некоторых случаях не захочет, возможно, и побоится возразить ему. Хайды очень напористы, агрессивны и нахальны, однако их главная опасность в том, что, раз заявив о себе, они на том не успокоятся и все время будут проявлять себя, требуя все новой крови. Впрочем, они способны успокоиться, если добросердечные Джекилы смогут остановить их или социальные условия настолько изменятся, что уже нельзя будет по-прежнему проявлять жестокость. Тогда Хайд затаится, чтобы при благоприятных обстоятельствах вновь проявить себя.

Видимо, именно Джекила и Хайда имел в виду апостол Павел, когда с горечью воскликнул: «Ибо знаю, что не живет во мне, т.е. в плоти моей, доброе; потому же желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу; доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Итак, я нахожу закон, что хочу де-

¹ Для более точного понимания советуем читателю еще раз обратиться к с. 93—99.

лать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божьем. Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающего меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Рим, 7:20).

3.10. Агрессивная толпа

В 1892 г. вышла в свет книга последователя французской социологической школы С. Сигеле «Преступная толпа», в которой предпринята очень интересная попытка исследовать психологию преступления толпы. Причем автору было вполне ясно, что ее преступления в подавляющем большинстве случаев являются агрессивными. Затем к проблемам толпы обращались многие социологи и социальные психологи (Э. Канетти, В. Райх, С. Московичи, К. Ясперс и др.). Однако, как ни странно, на эти проблемы почти не обращают внимания криминологи, а между тем для современного мира они весьма актуальны, потому что есть хулиганствующие толпы, которые путем погромов протестуют против условий своего существования, есть гигантские толпы, свергающие политические режимы, но не очень ясно понимающие, против чего они протестуют и чего хотят.

Поэтому представляется весьма актуальным исследовать толпу как источник и форму агрессии.

Толпу и ее психологию можно понимать в двух смыслах.

1. В широком — как массу людей, обладающую обывательским и усредненным сознанием, всасывающим в себя как власть и государство со всеми их институтами и органами, так и рядового человека. Она является носителем определенной идеологии, которая становится иногда идеологией государства и общества, во всяком случае ее элиты, что, конечно, очень характеризует эту элиту.

К. Ясперс писал, что свойство толпы в качестве публики состоит в призрачном представлении о своем значении большого числа людей; она составляет свое мнение в целом, которое не является мнением ни одного отдельного человека; бесчисленные другие, ничем не связанные многие, мнение которых определяет это решение. Это мнение именуется «*общественным мнением*». Оно является фикцией мнения всех, в качестве такового оно выступает, к нему зывают, его высказывают и принимают отдельные индивиды и группы как свое¹. В. Райх прямо связывал психологию масс с фашизмом. Он подчеркивал, что Гитлер, конечно, зажигал своими идеями массу, но центр исследования массовой психологии переносится с метафизики «идей фюрера» на реальность общественной жизни. «Фюрер» может тво-

¹ См.: Ясперс К. Власть массы // Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы. М., 2007. С. 45.

речь историю только тогда, когда структура его личности соответствует личностным структурам широких масс¹.

В таком понимании толпа представляет собой единство неопределенного количества людей, которые даже и не собираются вместе. Но именно вместе они создают ценности, представления, правила, которыми руководствуются в повседневной жизни, и заставляют воспринимать их каждым новым поколением, которым это бессознательно передается в качестве архетипов. Разумеется, мы найдем не очень много социального общего между, например, представителями интеллектуальной элиты и рабочими. Но есть некая общность, объединяемая экономическими, национальными, идеологическими, религиозными и иными социальными рамками, члены которой думают и действуют одинаково. Это могут быть одинакового достатка, например, чиновники, рабочие, аристократы и люди творческих профессий. Практически одни и те же чувства лженациональной гордости могут объединить профессиональных военных (офицеров) и представителей практически всех социальных слоев общества, как это было в гитлеровской Германии в эпоху расцвета нацизма.

Но можно ли называть толпой огромное, иногда даже многомиллионное, количество людей? Возражения здесь могут быть самые серьезные, поэтому необходимо пояснить, о чем идет речь. Толпа в таком широком смысле понимается как общность носителей бездуховных (не в религиозном смысле), примитивных, некритических, обывательских, очень часто искаженных потребностей и интересов. Подобным образом понимаемая толпа формирует свое общественное мнение, которое обязательно будет носить все родимые пятна своей родительницы. Толпа во всем и всегда будет иметь свои стандарты — в обыденной жизни, политике, видении будущего, спорте, искусстве и т.д. Стандарты редко и очень медленно пересматриваются в силу крайне консервативной природы самой толпы.

Толпа может быть и преступной, не в юридическом, конечно, а в криминологическом смысле, когда, например, требует крови «врагов народа» или противников «великой пролетарской культурной революции».

Таким образом, толпа как масса имеет свою психологию и свою идеологию.

2. В узком — как некое скопище людей, как неформальную временную социальную группу, иногда достигающую нескольких тысяч человек, которая тогда составляет уже большую толпу. Между этими двумя социальными явлениями (толпой как массой и толпой как скопищем людей) существует тесная социально-психологическая связь. Психология и идеология первого могут передаваться, даже диктоваться второму и толкать его на бесчеловечные поступки.

¹ См.: Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997. С. 59—60.

Так, антисемитская пропаганда нацизма толкала отдельные группы людей на еврейские погромы; объявленная маоистами «великая пролетарская культурная революция» стимулировала расправы над китайской интеллигенцией.

Если исключить религию, масса и толпа лишены духовности и не преследуют духовных целей. Толпа же религиозных фанатиков, готовая разорвать на части любого, кого сочтет врагом своей религии, в сущности, заботится как раз не о ней, а о себе. Преследуя и унижая религиозных врагов, ненависть к которым ее объединяет и сплачивает, она защищает сама себя. Толпа фанатиков (любых!) не способна к рассуждению, но если, фантазируя, приписать ей эту невероятную для нее способность, то она должна прийти к выводу, что отстаивает то, что является фундаментом ее бытия. Поэтому масса и толпа как скопище склонны к экстремизму и его разновидности — терроризму, которым они готовы служить людьми и материальными средствами, отдавать им все свои симпатии и эмоции.

Толпа как скопище людей не только психологическое, но и социальное образование. Она часто отрицает общечеловеческие ценности, а мотивация ее поведения бессознательна, поскольку от нее всегда ускользает внутренний смысл ее поведения. Но ее преследуют не в любом обществе, в тоталитарном ее даже поощряют, направляют, ставят перед ней конкретные задачи. Она имеет своих представителей и защитников в массе, среди элиты, даже в государственной власти, особенно если она действует длительное время. Велики и значительны связи толпы среди одобряющего большинства, она нередко выступает в качестве представителя этого большинства, например в националистических или политических эксцессах.

Чтобы понять некоторые экстремистские проявления, например погромные действия футбольных фанатов, необходимо обратиться к феномену психологии толпы. Разумеется, к погромам прибегают не только футбольные фанаты, а психология толпы проявляет себя и в других ее действиях.

Представление о толпе обычно рождается из личного опыта людей. Практически каждый либо бывал в толпе, либо видел ее поведение со стороны. Иногда, поддавшись простому человеческому любопытству, люди присоединяются к группе, рассматривающей или обсуждающей какое-то событие. Возрастая количественно, заражаясь общим настроением и интересом, люди постепенно превращаются в нестройное, неорганизованное скопление, или толпу. Как верно заметил Э. Ферри, от соединения личностей не получается сумма, равная числу их единиц.

Толпа — это группа, в которой люди находятся в состоянии взаимного внушающего воздействия. Они стремятся подчеркнуть то, что их сближает, то, что у них было общего до встречи. Каждый

из них сводит к минимуму свое личностное начало, которое могло бы привести к риску противостояния. С. Московичи отметил, что в ходе контактов и взаимодействий они все больше и больше стирают, сглаживают ту сознательную часть, которая их разделяет и делает непохожими друг на друга. Психическое единство толп, которое является результатом этого, не имеет иного интеллектуального или эмоционального содержания, как именно это бессознательное, вошедшее в дух и тело людей. Если мышление индивидов является критическим, т.е. логическим, использующим идеи-понятия, в большинстве своем абстрактные, то, напротив, мышление толпы является автоматическим. Над ним господствуют стереотипные ассоциации, клише, глубоко сидящие в памяти. Толпа пользуется конкретными образами. Московичи ссылается на Г. Лебона, который повторял в различных вариантах, что массы неспособны к абстрактным суждениям. Бесполезно, следовательно, обращаться к ним, взывая к качеству, которым они не обладают¹.

Мышление толп, отмечает Московичи, — это всегда мышление уже видимого и уже известного. Вот почему, когда мы попадаем, как рыбы, в сеть толпы и начинаем грезить наяву, идеи проникают в наше сознание в виде конкретных схем, клише и других представлений².

Толпа — бесструктурное скопление людей, лишенных ясно осознаваемой общности целей, но взаимно связанных сходством эмоциональных состояний и общим объектом внимания. Определение «толпа» вошло в социальную психологию в период мощного революционного подъема масс в конце XIX — начале XX в. Под толпой психологи в то время понимали главным образом слабо организованные выступления «трудящихся против эксплуататоров».

Весьма образное определение толпы в «Психологии народов и масс» дал Лебон: «Толпа похожа на листья, поднимаемые ураганом и разносимые в разные стороны, а затем падающие на землю». Там же он писал, что, каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятий, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности.

При объединении малых групп, состоящих из индивидов, которые негодуют по определенному поводу, в достаточно большую группу резко возрастает вероятность проявления стихийного, иногда деструктивного поведения. Последнее может быть направлено

¹ См.: *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996. С. 128—129.

² См.: Там же. С. 131.

на выражение испытываемых людьми чувств, оценок или мнений либо на изменение ситуации через действие. Очень часто субъектом такого стихийного поведения оказывается толпа, которая требует, негодует, поддерживает или опровергает, во всяком случае, выступает как сила, с которой во многих случаях необходимо считаться или реагировать каким-то образом, например, если ее поведение носит разрушительный характер.

Нередко требования толпы расцениваются политиками как «глас народа». Это мы хорошо помним из собственной отечественной истории, когда в 30-е годы прошлого века толпы народа, инициированные преступными вождями, требовали смерти для своих якобы врагов.

Толпой как *субъектом массовых форм внеколлективного поведения* часто становятся:

- (1) публика, под которой понимается большая группа людей, возникающая на основе общих интересов, часто без какой-либо организации, но обязательно в ситуации, которая затрагивает общие интересы и допускает рациональное обсуждение;
- (2) контактная, внешне неорганизованная общность, действующая крайне эмоционально и единодушно;
- (3) совокупность индивидов, составляющих многочисленную аморфную группу и не имеющих в своем большинстве прямых контактов между собой, но связанных каким-либо общим более или менее постоянным интересом. Таковыми оказываются массовые увлечения, массовая истерия, массовые миграции, массовый патриотический или лжепатриотический угар.

В эпоху больших социальных потрясений толпа, как заведенная невидимым, но могучим механиком игрушка в своих собственных руках, день за днем выходит на улицы больших городов, чтобы негодовать, требовать, крушить, даже убивать. Так было в Иране в 1960-х годах, в арабских странах в 2010—2011 гг. С таких действий толпы нередко начинались гражданские войны, как, например, в Ливии. У толпы вначале могло и не быть единого лидера, но он постепенно вырисовывался и захватывал власть, во всяком случае, начинал управлять толпой.

В массовых формах внеколлективного поведения большую роль играют неосознанные (бессознательные) процессы. На основе эмоционального возбуждения возникают стихийные действия в связи с какими-либо впечатляющими событиями, затрагивающими главные ценности людей в ходе, например, их борьбы за свои интересы и права. Таковыми были многочисленные медные или соляные бунты городской и крестьянской гольтбы в русском Средневековье или бунтарские выступления английских луддитов, выразившиеся в уничтожении машин, лишённые ясного идеологического контекста и четко осознаваемых целей совершаемых действий.

Толпа не есть нечто всегда безрассудное, совершенно неорганизованное и бессмысленное. Напротив, у нее есть некоторое единство в желаниях и стремлениях, общие основы, на которых она возникает, цели и смыслы действий. Поэтому не следует соглашаться с Сигеле, что в толпе нет никакого предварительного стремления к общей цели, следовательно, невозможно, чтобы она обладала коллективным желанием, обусловленным элементарными силами всех составляющих ее лиц. Между тем Сигеле далее признает, что среди бесконечного многообразия движений толпы мы видим некоторую целесообразность в поступках и стремлениях и слышим определенную ноту, несмотря на диссонанс тысячи голосов¹.

У толпы вполне может быть предварительное стремление к общей цели, что предопределяет ее коллективные желания. Так, бесчинства мусульманских толп в пригородах европейских городов порождены психотравмирующими переживаниями их этнической и религиозной ущемленности, недовольством социальными условиями жизни в другой культуре, причем многие их трудности созданы ими же самими, поскольку они не желают адаптироваться. У жителей арабских стран, потом объединяющихся в толпу, вначале, предварительно должно было сформироваться общее для большинства недовольство жизнью, что потом их вывело на улицы с опять же общей для них целью прогнать виновника их бед — правителя или (и) правительство. У футбольных фанатов заранее неизбежно формируется убеждение, что их команда самая лучшая. Потом они могут устроить всей своей толпой погром на улице или нападение на фанатов другой команды и в случае победы, и в случае поражения своей. Но, конечно, судьба собственно «своих» им безразлична: они отстаивают в них только перенесенное на них «свое» — престиж, уважение, даже судьбу, поскольку «свое» всегда должно торжествовать. У фанатов действительно есть единство мыслей и желаний. Конечно, не только у них.

Нельзя, конечно, думать, что лишь численность людей, собравшихся на одном месте и в одно время, объединенных одной идеей, одной привязанностью или одной целью, обязательно представляет собой агрессивную толпу.

Представьте себе, что у одного из подъездов оперного театра собралась толпа в несколько сот человек, чтобы приветствовать блестящее выступление своего любимца — тенора. Пойдет ли эта толпа крушить витрины магазинов, припаркованные автомобили, избивать проходивших и т.д., как это сделали бы футбольные фанаты или взбунтовавшиеся обитатели парижских пригородов. Единственный ответ здесь отрицательный, потому что толпа оперных любителей состоит совсем из других людей — интеллигентных, воспитанных, придержи-

¹ См.: Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. М., 2011. С. 25.

вающихся в жизни совсем других ориентаций. Футбольные фанаты — другие люди, иного культурного уровня, более низкого.

Вместе с тем не вызывает сомнений, что толпа дает своим единицам чувство их внезапного могущества. Они чувствуют, что могут употребить его, раскрыв свои самые низменные инстинкты, но за это их, скорее всего, не смогут наказать, поскольку они находятся под защитой все той же толпы, а возможно, о наказании они вообще не думают. Их опьяняет чересчур крепкий спиртной напиток, ударивший в некрепкую голову, что приводит к головокружению и частичной утрате понимания реальности.

Толпа из числа бродяг, привычных пьяниц и бездельников, неквалифицированных рабочих, безработной молодежи и других маргинальных личностей часто используется порочной государственной властью или партией, претендующей на такую власть, для расправы над своими противниками. Так поступали гитлеровские молодчики, когда расправлялись с коммунистами и социал-демократами, а также устраивали еврейские погромы в «Хрустальную ночь». В годы Французской революции толпы мародеров постоянно грабили и убивали, очень часто проявляя садистскую жестокость, о чем очень убедительно свидетельствует Т. Карлайль.

Основные механизмы формирования толпы и развития ее специфических качеств — это циркулярная реакция (нарастающее взаимонаправленное эмоциональное заражение), а также слухи. Ядром толпы или зачинщиками выступают субъекты, задача которых — сформировать толпу и использовать ее разрушительную энергию в поставленных целях. Участники толпы — это субъекты, примкнувшие к ней вследствие идентификации своих ценностей, ориентаций с направлением действий толпы. Они не зачинщики, но оказываются в сфере влияния толпы и активно участвуют в ее действиях. Особую опасность представляют агрессивные личности, которые примыкают к толпе исключительно из-за появившейся возможности дать разрядку своим невротическим, нередко садистским наклонностям. Другую разновидность участников толпы составляют те, которые преследуют свои корыстные, в том числе преступные цели, например что-нибудь украсть во время погрома.

В среду участников толпы попадают и добросовестно заблуждающиеся. Эти субъекты присоединяются к толпе из-за ошибочного восприятия обстановки, они подвижны, например, ложно понятым принципом справедливости. Такими были немецкие обыватели, искренне поверившие Гитлеру, что евреи являются врагами немецкого народа.

К толпе примыкают и другие обыватели. Они не проявляют большой активности. Их привлекает экссесс в качестве волнующего зрелища, которое разнообразит их скучное, унылое существование.

В толпе находят себе место повышено внушаемые люди, которые поддаются общему заражающему настроению, они без сопротивления отдаются во власть стихийных явлений, многие не без надежды на то, что в толпе и ее действиях они найдут выход раздирающим их эмоциям.

Участниками толпы оказываются и просто любопытные, наблюдающие со стороны. Они не вмешиваются в ход событий, однако их присутствие увеличивает массовость и усиливает влияние стихии толпы на поведение ее участников. Они как бы вдохновляют последних. Поэтому результаты действий толпы могут быть еще более опасными.

Как и любое другое социальное явление, *толпу можно классифицировать по различным основаниям.*

1. Если за основу классификации взять такой признак, как *управляемость*, то исследователи выделяют следующие виды толпы.

Стихийная толпа. Она формируется и проявляется без какого-либо организующего начала со стороны конкретного физического лица, государственной или общественной организации. Это могут быть спортивные фанаты.

Ведомая толпа формируется и проявляется под воздействием с самого начала или впоследствии конкретного физического лица, являющегося в данной толпе ее лидером. Он определяет ее направленность и способы агрессивного поведения.

Организованная толпа. Эту разновидность ввел Лебон, рассматривая в качестве толпы и собрание индивидов, вступивших на путь организации, и организованную толпу. Можно сказать, что он подчас не делает разницы между толпой организованной и неорганизованной, хотя согласиться с таким подходом трудно. Если какая-либо общность людей организована, следовательно, в ней имеются структуры управления и подчинения. Это уже не толпа, а формирование. Даже отделение солдат, пока в нем есть командир, уже не толпа. Но отделение солдат может превратиться в толпу, если она перестает быть организованной группой.

2. Если за основу классификации толпы взять *характер* поведения в ней людей, то можно выделить несколько ее типов и подтипов.

Оказиональная (ситуативная) толпа. Образуется на основе любопытства к неожиданно возникшему происшествию (дорожная авария, пожар, драка и т.п.). Она может быть как пассивной, так и весьма активной, оказывая, например, кому-либо помощь или, напротив, ввязываясь в драку.

Конвенциональная толпа. Образуется на основе интереса к какому-либо заранее объявленному массовому развлечению, зрелищу или по иному социально значимому конкретному поводу, например к протестному митингу. Готова лишь временно следовать достаточным диффузным нормам поведения, но если временное ее существо-

вание преобразуется в постоянное, то кто-то из ее членов сможет обрести там место.

Экспрессивная толпа. Она формируется, как и конвенциональная толпа. В ней совместно выражается общее отношение к какому-либо событию (радость, энтузиазм, возмущение, протест и т.п.), например к спортивному состязанию или общественному событию, которое расценивается как несправедливое.

Экстатическая толпа. Представляет собой крайнюю форму экспрессивной толпы. Характеризуется состоянием общего экстаза на основе взаимного ритмически нарастающего заражения (массовые религиозные ритуалы, карнавалы, рок-концерты, погромы, чаще всего происходящие в темное время суток, и т.д.).

Лебон различал виды толп по признаку *гомогенности*: разнородная, анонимная (уличная, например), персонифицированная (парламентское собрание), однородная, секты, касты, классы.

Современные представления о типологии толпы несколько отличаются от взглядов Лебона. Об организованной толпе уже шла речь выше. Также сложно рассматривать в качестве толпы персонифицированное собрание людей типа производственного совещания, парламентского собрания, присяжных суда (Лебон относит эти образования к категории «толпа»), которые лишь в потенции могут превратиться в толпу, но изначально таковой не являются. Классы тоже трудно отнести к разряду толп, особенно если иметь в виду большую группу людей, занимающих свое особое место в процессе общественного производства.

Есть все основания думать, что все-таки одним из основных системообразующих признаков толпы является ее *стихийность*. Но следует подчеркнуть, что она вполне может быть организована.

Толпа обладает и другими психологическими особенностями, знание которых поможет понять механизм ее преступного поведения.

В *психологической структуре* этого образования можно выделить когнитивный, эмоционально-волевой, темпераментальный и моральный аспекты.

Важными психологическими характеристиками толпы являются ее *бессознательность*, *инстинктивность* и *импульсивность*. Если даже один человек довольно слабо поддается посылам разума, а потому большую часть поступков в жизни делает благодаря эмоциональным, порой совершенно слепым импульсам, то людская толпа живет исключительно чувством, а чаще эмоциями и слепыми влечениями, логика противна ей. Вступает в действие неуправляемый стадный инстинкт, особенно когда ситуация экстремальна, когда нет лидера и никто не выкрикивает сдерживающие слова команд. Разнородное в каждом из индивидов — частице толпы — утопает в однородном, и берет верх бессознательные качества. Общие качества характера,

управляемые бессознательным, соединяются вместе в толпе. Изолированный индивид обладает способностью подавлять бессознательные рефлексy, в то время как толпа этой способности не имеет.

У толпы сильно развита способность к воображению, фантазированию и мифологизированию. Толпа очень восприимчива к впечатлениям. Образы, поражающие воображение толпы, всегда бывают простыми и ясными, как и истины, однозначные и плоские, усваиваемые ею. Вызванные в уме толпы кем-либо образы, представления о каком-нибудь событии или случае по своей живости почти равны реальным образам. Не факты сами по себе поражают воображение толпы, а то, как они предъявляются ей. Она не требует доказательств сообщаемых фактов, ей достаточно, что они доводятся до ее сведения. Еще один очень важный эффект толпы — коллективные галлюцинации.

Э. Канетти приводит поразительный пример коллективной галлюцинации и коллективного внушения. Однажды утром в мае 1856 г. девочка из племени козов пошла за водой на речку, протекающую поблизости от ее дома. По возвращении она рассказала, что видела у реки странных людей, каких раньше никогда не встречала. Ее дядя по имени Умлаказа пошел посмотреть на пришельцев и обнаружил их в указанном месте. Они сказали, чтобы он шел домой и произвел определенные ритуалы; после этого пусть принесет быка в жертву духам мертвых и на четвертый день придет сюда же. В их виде было нечто заставляющее подчиниться, и Умлаказа сделал, что было предписано. На четвертый день он пошел к реке. Странные люди снова были на месте, с удивлением он увидел среди них своего брата, умершего много лет назад. Тут он узнал, кто они такие и зачем явились. Извечные враги белого человека, как ему было объяснено, они пришли с полей битв, лежащих по ту сторону моря, чтобы помочь козам: благодаря их непреодолимой силе англичане будут изгнаны из страны. Умлаказа должен стать посредником между ними и вождями племени, он будет получать указания для дальнейшей передачи. Ибо, если предложенная помощь будет принята, случатся удивительные вещи, удивительнее всего, что когда-либо случалось. А первым делом он должен сказать козам, что они должны прекратить колдовать друг против друга, а также должны забить и съесть самую жирную скотину.

Весть об установлении контактов с миром духов быстро разнеслась среди козов. Крели, верховный вождь племени, встретил послание с радостью (говорят также, не заботясь, впрочем, о доказательствах, что сам он и был подлинным инициатором всего плана). Было решено подчиниться приказу духов забить и съесть лучшую скотину. Часть племени находилась под британским правлением, к ее вождям были посланы представители — рассказать о случившемся и просить присоединиться. В кланах козов закипела работа. Большинство вождей начали забой скота. Только один из них, по имени Зандиле, очень осторожный человек, колебался. Английский верховный комиссар велел сообщить Крели, что на своей территории он может делать все, что хочет, но если он не прекратит подбивать британских подданных уничтожать свое имущество, то будет наказан. Угроза Крели не обеспокоила — он верил, что вот-вот придет время, когда наказывать будет он.

Откровения, приходящие через пророков, набирали силу. Девочка, стоя посреди реки в окружении огромной толпы верующих, воспринимала особенные подземные звуки. Ее дядя, пророк, объяснил, что это голоса духов, которые собрались на совет о делах людей. Требование забивать скот было исполнено, но духи

оказались ненасытными. Сколько скота ни забивали, все было мало. Из месяца в месяц безумие росло, захватывая новые жертвы. Через некоторое время сдался даже осторожный Зандиле. Его принудил к этому брат, который своими глазами видел двух умерших советников их отца, лично с ними разговаривал, и они велели Зандиле забить принадлежащий ему скот, если он не хочет погибнуть вместе с белыми людьми.

Но вот поступило последнее указание пророка. Его выполнение означало завершение подготовки козов ко дню, когда при помощи армии духов они обретут небывалое счастье.

Все стада до последнего животного должны быть забиты, зерно в хранилищах уничтожено. Приказ сопровождался демонстрацией картины великолепного будущего. В назначенный день стада в тысячи и тысячи голов, прекраснее, чем те, которые пришлось забить, возникнут из земли и разбредутся по лугам. Огромные поля овса, зрелого и готового к употреблению, в один миг пробьются из почвы. В этот день восстанут умершие герои, вожди и мудрецы и будут радоваться вместе с живыми. Восставшие из мертвых и больные среди живущих будут вознаграждены молодостью и красотой. Ужасной, однако, будет судьба тех, кто противился воле духов или пренебрегал их указаниями. День, что принесет радость верующим, для них станет днем муки и гибели. Небо обрушится на землю и уничтожит их вместе с белыми и полукровками.

Миссионеры и агенты правительства напрасно старались остановить безумие. Козы стали как одержимые и не терпели ни возражения, ни сопротивления. Белым, которые пробовали вмешаться, адресовались угрозы, те всерьез стали опасаться за свою жизнь. Некоторые из вождей увидели в этом хорошую возможность для начала войны. Они хотели бросить на колонию все хорошо вооруженное и голодное племя. Они были слишком возбуждены, чтобы понимать ужасную опасность подобного предприятия, практически обреченного на неудачу.

Некоторые не верили ни в предсказания пророков, ни в возможный успех войны, но и они уничтожили свои запасы до последнего зернышка. К ним принадлежал дядя верховного вождя Крели. «Таков приказ вождя! — говорил он, а потом, когда есть стало нечего, старик и его любимая жена сели в пустом краале и умерли. Даже главный советник Крели возражал против чудовищного плана, пока не понял, что слова бесполезны. Сказав, что все, что он имеет, принадлежит вождю, он приказал уничтожить скот и зерно и убежал, как безумный. Тысячи козов действовали против собственного убеждения. Вождь приказывал — они подчинялись.

В первые месяцы 1857 г. по всей стране развернулась новая необычная деятельность. Готовились огромные краали для приема скота, который скоро должен был явиться в небывалых количествах. Изготавливались огромные кожаные емкости для молока, которого скоро станет столько же, сколько воды. Во время этой работы многие голодали. К востоку от реки Кей приказ пророка был выполнен в точности, но все равно день воскресения пришлось отодвинуть. В области, принадлежащей вождю Зандиле, приступившему к делу позже других, не закончили забой скота. Одна часть племени уже голодала, тогда как другая только приступала к уничтожению продуктов.

Правительство предпринимало все возможное для охраны границы. Посты были усилены, на границу ушли все имеющиеся в распоряжении солдаты. Колонисты тоже готовились отразить удар. Приняв необходимые оборонительные меры, стали думать, как спасти голодающих.

Наконец настал долгожданный день. Всю ночь козы бодрствовали в состоянии необычайного возбуждения. Они ждали. Над холмами на востоке должны были взойти два кроваво-красных солнца, после чего небо рухнет на землю и раздавит врагов. Едва живые от голода, они провели ночь в дикой радости. Но взшло,

как обычно, только одно солнце. Их сердца дрогнули. Они не сразу потеряли надежду: может быть, имелся в виду полдень, когда солнце стоит наиболее высоко. Когда и в полдень ничего не произошло, они стали ждать заката. Солнце зашло, все кончилось.

Воины, которые должны были обрушиться на колонию из-за непонятной ошибки, не сумели собраться вместе. А теперь было поздно. Попытки перенести день восхождения уже ничего не могли изменить. Радость и возбуждение сменились глубочайшим отчаянием. Не грозными мстителями, а голодными и нищими оборванцами козы устремились к колонии. Брат дрался с братом, отец с сыном за клочки кожи от огромных емкостей для молока, старательно приготавливавшихся в дни высшей надежды. Больных, старых и слабых бросали на произвол судьбы. Все, что растет, вплоть до древесных корней, вытаскивалось и съедалось. Те, кто жили ближе к побережью, пытались есть моллюсков, но, будучи непривычными к этой пище, заболели дизентерией и умирали. В некоторых местах люди сидели и умирали целыми семьями. Позже под одним деревом находили по пятнадцать—двадцать скелетов — родителей, умерших со своими детьми. Неостановимый поток голодающих залил колонию.

Несмотря на все усилия британских властей от голода, погибло 68 тыс. козов (см.: *Канетти*. Масса и власть. М., 1997. С. 211—215).

В воображении людей, собравшихся в толпе, события претерпевают искажения. Толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении виртуальный образ, в свою очередь, вызывает другие, той же природы, причем они могут не иметь никакой логической связи с первым. Толпа не отделяет субъективное от объективного. Она считает реальными образы, вызванные в ее уме и зачастую имеющие лишь очень отдаленную связь с наблюдаемым ею фактом. Толпа, способная мыслить только образами, восприимчива только к образам.

Толпа не рассуждает и не обдумывает. Она принимает или отбрасывает идеи целиком, не будучи способной их расчленять и анализировать по частям. Она не переносит ни споров, ни противоречий. Ее рассуждения основываются на ассоциациях, но они связаны между собой лишь кажущейся аналогией и последовательностью. Толпа способна воспринимать лишь те идеи, которые упрощены до предела. Так поступал Гитлер, который прекрасно знал ее психологию; он постоянно повторял одну и ту же мысль. Суждения толпы всегда навязаны ей и никогда не бывают результатом собственного всестороннего обсуждения. Если бы она была способна обсуждать, тем более здраво и взвешенно, это была бы уже не толпа.

Толпа никогда не стремится к правде. Она отворачивается от очевидности, если она не нравится ей, и предпочитает поклоняться заблуждениям и иллюзиям, если только они прельщают ее, если они соответствуют тем разжеванным истинам, которые она уже проглотила. Для толпы, не способной ни к размышлению, ни к рассуждению, не существует ничего невероятного, однако невероятное то и поражает всего сильнее. Она верит в него, особенно если оно

исходит от авторитетного человека, которому она привыкла подчиняться. Толпа, например, может легко поверить в то, что переживаемые страной трудности возникают только по причине происков зарубежных врагов или обманом вселившихся инородцев.

Обычно в толпе нет предумышленности. Она может последовательно пережить и пройти всю гамму противоречивых чувствований, но всегда будет находиться под влиянием возбуждений минуты, не отдавая себе отчета в имеющихся противоречиях. Ассоциация разнородных идей, имеющих лишь кажущееся отношение друг к другу, и немедленное обобщение частных случаев — вот характерные черты рассуждений толпы. Толпа постоянно попадает под влияние иллюзий.

Некоторые важные *особенности мышления толпы* следует выделить особо.

Так, она, не испытывая никаких сомнений относительно того, что есть истина и что есть заблуждение, выражает такую же авторитарность в своих суждениях, как и нетерпимость. Отсюда решительность в действиях толпы, когда, например, она расправляется с представителем «чужой» нации или расы, вообще с любым «врагом».

Будучи в основе своей чрезвычайно консервативной, толпа питает глубокое отвращение ко всем новшествам и испытывает безграничное благоговение перед традициями, например, ненависти к тем же «чужим». Она находится как бы под гипнозом ситуации, вождя или лидера, внушенной ей идеи, самой себя. Самое опасное и самое существенное в психологии толпы это ее восприимчивость к внушению, которое часто трансформируется в ее цель. В то же время всякое мнение, идею или верование, внушенные ей, она принимает или отвергает целиком и относится к ним либо как к абсолютным истинам, либо как к абсолютным заблуждениям.

Очень часто источником внушения в толпе выступает *иллюзия*, рожденная у одного какого-нибудь индивида благодаря более или менее смутным воспоминаниям либо намеренно вброшенная ей какой-нибудь группой, организацией или властью. Вызванное представление становится ядром для дальнейшей кристаллизации, заполняющей всю область того, что условно можно назвать разумом толпы, и парализующей всякие критические способности.

Ей очень легко внушить, например, чувство обожания, заставляющее ее находить счастье в фанатизме, подчинении и готовности жертвовать собой ради своего идола. Мы это очень часто видели в обожании, доходившем до обожествления коммунистических лидеров.

Как бы ни была нейтральна толпа, она часто все-таки находится в состоянии выжидательного внимания, которое облегчает всякое внушение. Рождение легенд, легко распространяющихся в толпе, обусловливается ее легковерием. Одинаковое направление чувств определяется внушением. Как у всех существ, находящихся под

влиянием внушения, идея, овладевшая умом, стремится выразиться в действии. Невозможного для толпы не существует. Часто реализацию невозможного она делегирует своим вождям, веря в их сверхъестественные способности. Так было во всех тоталитарных обществах. Ленин, Сталин, Гитлер, Мао Цзэдун были почти богами, об их смертности даже подумать было кощунственно. Поэтому они могли толкнуть толпу на любое преступление.

Человек склонен к подражанию. Мнения и верования распространяются в толпе путем заражения и подражания. Иными словами, в толпе имеет место такое социально-психологическое явление, как *эмоциональный резонанс*. Люди, участвующие в эксцессе, не просто соседствуют друг с другом, они заражают окружающих и сами заражаются от них. Термин «резонанс» к такому явлению применяется потому, что участники толпы при обмене эмоциональными зарядами постепенно накаляют общее настроение до такой степени, что происходит эмоциональный взрыв, с трудом контролируемый сознанием. Наступлению эмоционального взрыва способствуют определенные психологические условия поведения личности в толпе.

Чувства и идеи отдельных лиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление. Рождается коллективная душа, имеющая, правда, временный характер. Толпе преимущественно знакомы простые и крайние чувства, стимулирующие агрессии.

Различные импульсы, которым она повинуетя, могут быть, в зависимости от внешних обстоятельств, содержания, направленности и силы возбуждений, великодушными и злыми, героическими или трусливыми, но они обычно настолько сильны, что никакой личный интерес, даже чувство самосохранения, а тем более справедливости, не в состоянии их подавить.

В толпе преувеличение чувства обуславливается тем, что само это чувство, доброе или злое, распространяясь очень быстро посредством внушения и заражения, вызывает всеобщее порицание или одобрение, которое в значительной мере содействуют возрастанию его силы. Эмоции и сила чувств толпы еще более увеличиваются из-за отсутствия ответственности. Уверенность в безнаказанности (тем более сильнее, чем многочисленнее толпа) и сознание значительного (хотя и временного) могущества дают возможность скопищам людей проявлять такие чувства и совершать такие действия, которые просто немыслимы и невозможны для отдельного человека. Какими бы ни были чувства толпы, хорошими или дурными, характерной их чертой является односторонность. Односторонность и преувеличение чувств толпы ведут к тому, что она не ведает ни сомнений, ни колебаний.

Нас в этой книге в первую очередь интересуют те силы толпы, которые направлены лишь на разрушение. Инстинкты разрушитель-

ной свирепости дремлют в глубине души многих индивидов. Поддаваться этим инстинктам опасно для изолированного человека, но, находясь в безответственной толпе, где ему обеспечена безнаказанность, где он часто действует анонимно, он может свободно следовать велению своих инстинктов. В толпе малейшее пререкание или прекословие со стороны какого-либо несогласного немедленно вызывает яростные крики и бурные ругательства, даже побои. Нормальное состояние толпы, наткнувшейся на препятствии, — это ярость. Толпа никогда не дорожит своей жизнью во время возмущения. Крушащая, уличающая или громящая толпа создается главным образом на базе противопоставления данной общности объекту недовольства. Толпу делает общностью именно то, что «против них». Это, конечно, не слепая ненависть ко всему, с чем люди себя не идентифицируют. Тем не менее в толпе противопоставление «мы» и «они» достигает социально значимой, нередко весьма опасной величины.

У толпы отсутствует критическое отношение к себе и присутствует «нарциссизм» — «мы» безупречны, во всем виноваты «они». «Они» отливаются в образ врага. Толпа считается только с силой, и доброта ее мало трогает, для толпы доброта — одна из форм слабости. Очень ярко это проявляется в групповом насилии против представителей других наций или рас, которые всегда являются врагами. Если толпа небольшая, то личный интерес у каждого может быть могущественным двигателем, в то время как и у отдельного человека он стоит на первом месте. Хотя все желания толпы бывают очень страстными, они все же продолжают недолго, и толпа также мало способна проявить настойчивую волю, как и рассудительность.

В толпе нередко рождается невероятная жестокость, подстрекаемая демагогами и провокаторами, и усиливающаяся в состоянии опьянения. Безответственность позволяет толпе топтать слабых и преклоняться перед сильными. Агрессивность толпы, часто превращаясь в жестокость, всегда проявляется в физической активности и диффузности. Стремление немедленно превратить в действия внушенные идеи — ее характерный признак. Возбудители, которые действуют на повинующуюся им толпу, весьма разнообразны — этим объясняется ее чрезвычайная изменчивость. Над прочно установившимися верованиями толпы лежит поверхностный слой мнений, идей и мыслей, постоянно нарождающихся и исчезающих. Мнение толпы непостоянно.

Отсутствие ясных целей и диффузность структуры порождают наиболее важное свойство толпы — ее легкую превращаемость из одного вида (или подвида) в другой. Такие превращения часто происходят спонтанно. Знание их типичных закономерностей и механизмов позволяет умышленно манипулировать ее поведением в авантюристических целях либо в целях сознательного предотвращения ее особо опасных действий.

В толпе индивид приобретает ряд специфических психологических особенностей, которые могут быть ему совершенно не свойственны, если он пребывает в изолированном состоянии. Эти особенности оказывают самое непосредственное влияние на его поведение в этом стихийном скопище людей.

Человека в толпе характеризуют следующие черты.

Анонимность. Немаловажная особенность самовосприятия индивида в толпе — это ощущение собственной анонимности. Затерявшись в «безликой массе», поступая «как все», человек перестает отвечать за собственные поступки. Он, не отдавая в этом себе отчета, перестает ощущать себя источником своих же действий. Отсюда и та жестокость, которая обычно сопровождает действия агрессивной толпы. Участник толпы оказывается в ней как бы безымянным. Это создает ложное ощущение независимости от организационных связей, которыми человек, где бы он ни находился, включен в трудовой коллектив, семью и другие социальные общности.

Инстинктивность. В толпе индивид отдает себя во власть таким инстинктам, которым никогда, будучи в иных ситуациях, не дает волю. Этому способствуют анонимность и безответственность индивида в толпе. У него уменьшается способность к рациональной переработке воспринимаемой информации. Способность к наблюдению и критике, существующая у изолированных индивидов, полностью исчезает в толпе.

Бессознательность. Об этой особенности уже было сказано выше. В толпе исчезает, растворяется сознательная личность. В ней наблюдается преобладание бессознательных влечений, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действие внушенные идеи. Немаловажно отметить, что отдельный человек не только не контролирует себя, но и других тоже.

Состояние единения (ассоциации). В толпе человек чувствует силу человеческой ассоциации, которая влияет на него своим присутствием. Воздействие этой силы выражается либо в поддержке и усилении, либо в сдерживании и подавлении индивидуального поведения. Известно, что люди в толпе, ощущая психологическое давление присутствующих, могут сделать (или, напротив, не сделать) то, чего они никогда бы не сделали (или, напротив, что непременно сделали бы) при иных обстоятельствах. Например, человек не может оказать без ущерба для собственной безопасности помощь жертве при враждебном отношении к этой жертве самой толпы.

Индивид, побыв некоторое время среди действующей толпы, впадает в такое состояние, которое напоминает состояние загнипнотизированного субъекта, что отмечали Лебон, Московичи и другие исследователи психологии толпы. Он уже не осознает своих поступков. У него, как у загнипнотизированного, одни способности

исчезают, другие же доходят до крайней степени напряжения. Под влиянием внушения, приобретаемого в толпе, индивид может совершать действия с неудержимой стремительностью, которая к тому же возрастает, поскольку влияние внушения, одинакового для всех, увеличивается силой взаимности.

Субъект в толпе приобретает сознание неодолимой силы благодаря одной только численности. Это сознание позволяет ему поддаться скрытым инстинктам: в толпе он не склонен обуздывать эти инстинкты именно потому, что толпа анонимна и ни за что не отвечает. Чувство ответственности, сдерживающее обычно отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе — здесь понятие о невозможности не существует или, во всяком случае, о ней никто не задумывается.

Заражаемость. В толпе всякое действие заразительно до такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу толпы. Подобное поведение противоречит самой природе, и потому человек оказывается способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы. Здесь полностью стираются индивидуальные черты людей, исчезает их оригинальность и личностная неповторимость.

Утрачивается психическая надстройка каждой личности и вскрывается, выходит на поверхность аморфная однородность. Поведение индивида в толпе обуславливается одинаковыми установками, побуждениями и взаимной стимуляцией. Не замечая оттенков, индивид в толпе воспринимает все впечатления в целом и не знает никаких переходов.

Социальная деградация. Становясь частицей толпы, человек как бы опускается на несколько ступеней ниже в своем развитии. В изолированном положении — в обычной жизни — он, скорее всего, был культурным человеком, в толпе же это варвар, т.е. существо инстинктивное. В толпе у индивида обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости. Человек в толпе претерпевает и снижение интеллектуальной деятельности.

Для человека толпы также характерна повышенная эмоциональность восприятия всего, что он видит и слышит вокруг себя.

В поведении толпы проявляются как идеологические влияния, с помощью которых готовятся определенные действия, так и изменения в психических состояниях, происходящие под воздействием каких-либо конкретных событий или информации о них. В действиях толпы происходят стыковка и практическая реализация влияний идеологических и социально-психологических, их взаимопроникновение в реальное поведение людей. Естественно, что на толпу влияет вся масса, та сила, которая нередко ее организует и направляет.

Совместные чувства, воля, настроения оказываются в толпе эмоционально и идеологически окрашенными и многократно уси-

ленными. Обстановка массовой истерии служит фоном, на котором разворачиваются нередко самые трагические действия. Одним из видов поведения толпы является паника. Паника — это и эмоциональное состояние, возникающее как следствие либо дефицита информации о какой-то пугающей или непонятной ситуации, либо ее чрезмерного избытка и проявляющееся в импульсивных действиях. Факторы, способные вызвать панику, многообразны. Их природа может быть физиологической, психологической и социально-психологической. Известны случаи возникновения паники в повседневной жизни как следствие катастроф и стихийных бедствий. При панике людьми движет безотчетный страх. Они утрачивают самообладание, солидарность, мечутся, не видят выхода из ситуации.

Факторами, особо сильно влияющими на поведение толпы, могут быть следующие:

- (1) *суеверие* — упрочившееся ложное мнение, возникающее под влиянием страха, пережитого человеком. Впрочем, может иметь место суеверный страх, причины которого не осознаются. Многие суеверия связаны с верой во что-либо. Им подвержены самые разные люди, вне зависимости от уровня образования и культуры. По большей части суеверие основано на страхе, оно многократно усиливается в толпе, страх способен порождать агрессию как способ защиты от реальной или мнимой опасности;
- (2) *иллюзия* — разновидность ложного знания, традиции или обычая, закрепившегося в общественном мнении. Она может быть результатом обмана органа чувств. В данном же контексте речь идет об иллюзиях, относящихся к восприятию социальной действительности. Социальная иллюзия — своего рода эрзац-подобие реальности, создаваемое в воображении человека взамен подлинного знания, которое он почему-то не приемлет. В конечном счете основа иллюзии — незнание, которое может дать самые неожиданные и нежелательные эффекты, когда проявляется в толпе;
- (3) *предрассудки* — ложное знание, превратившееся в убеждение, точнее, в предубеждение. Предрассудки активны, агрессивны, напористы, отчаянно сопротивляются подлинному знанию. Это сопротивление до такой степени слепо, что толпа не приемлет никаких аргументов, противоречащих предрассудку. Они являются могучим источником активности толпы.

Психологическая природа предрассудков состоит в том, что память человека запечатлевает не просто мнение (знание), она сохраняет и сопровождающее это знание чувство, эмоцию, отношение. Вследствие этого память весьма избирательна. Факты и события, противоречащие определенному мнению, не всегда анализируются на уровне сознания. И конечно, они отбрасываются под влиянием

эмоций, которые обычно переполняют, захлестывают толпу. В случаях, когда распространенные стереотипы общественного мнения перенасыщаются эмоциями, возможно возникновение массового психоза, во время которого люди способны совершать самые безрассудные поступки, перестают отдавать себе отчет во всех последствиях своих действий.

Факторы, определяющие *характер мнений и верований толпы*, бывают двоякого рода: факторы непосредственные и факторы отдаленные. Непосредственные факторы, влияющие на толпу, действуют уже на подготовленную отдаленными факторами почву — без этого они не вызвали бы столь сокрушительных результатов, которыми нередко поражает беснующаяся толпа. Факторы, способные впечатлять и саму толпу, всегда обращаются к ее чувствам, а не к рассудку.

Часто поведение толпы определяется наличием или отсутствием в ней *лидера*. Лидер в толпе может объявиться в результате стихийного выбора, а нередко — и в порядке самоназначения. Самозванный лидер обычно подлаживается под настроения и чувства людей толпы и сравнительно легко может побудить участников ее к поведению определенного типа. В других случаях он назначается властью, хотя это тщательно скрывается.

Любое скопление индивидов инстинктивно подчиняется власти вождя. Герой, которому поклоняется толпа, поистине для нее бог. В душе толпы преобладает не стремление к свободе, а потребность подчинения. Толпа так жаждет повиноваться, что инстинктивно покоряется тому, кто объявляет себя ее властелином. Это древнейшее влечение, архетип, устоявшийся веками. Вождь почти всегда мифологизирован.

Люди в толпе теряют свою волю и инстинктивно обращаются к тому, кто ее сохранил. Всегда готовая восстать против слабой власти, толпа раболепствует и преклоняется перед властью сильной. Предоставленная самой себе, толпа скоро утомляется собственными беспорядками и инстинктивно стремится к рабству. Тут лидер или вождь может начать свою религиозную или политическую карьеру. Он должен учитывать, что толпа столь нетерпима, сколь и доверчива в отношении авторитета. Она уважает силу и мало поддается воздействию доброты, означающей для нее лишь своего рода слабость. Она требует от своего героя силы и даже насилия, хочет, чтобы ею владели, ее подавляли. Она жаждет бояться своего властелина. Власть вожаков очень деспотична, но именно этот деспотизм и заставляет толпу подчиняться. Гитлер и Сталин это блестяще продемонстрировали.

В толпе людей лидер часто бывает только вожаком, но тем не менее роль его значительна. Его воля — это ядро, вокруг которого кристаллизуются и объединяются мнения. Роль вожаков состоит главным образом в том, чтобы создать веру, все равно какую.

Именно этим объясняется их большое влияние на толпу. Однако власть вожаков по сравнению с вождями временна и подвержена разным случайностям. Чаще всего вожаками бывают психически неуравновешенные люди, полупомешанные, находящиеся на грани безумия. Как бы ни была нелепа идея, которую они объявляют и защищают, и цель, к которой они стремятся, их убеждения нельзя поколебать никакими доводами рассудка. Есть и еще одно качество, которым обыкновенно отличаются вожаки толпы: они не принадлежат к числу мыслителей — это люди действия. Однако они могут выдавать себя за мыслителей или духовных вождей, даже за спасителей — и в этом качестве они очень опасны. В таких ипостасях вожаки часто выступают в религиозных сектах, которые способны на самые эксцентричные поступки.

Среди вожаков выделяются люди энергичные, с сильной, но появляющейся у них лишь на короткое время волей, а также люди, обладающие сильной и в то же время стойкой волей, готовые управлять толпой длительное время. Один из важных факторов, определяющих влияние лидера на толпу, — это его обаяние. Оно может складываться из восхищения и страха. Личное обаяние не зависит ни от титула, ни от власти. Оно основывается на личном превосходстве, на военной славе, на религиозном страхе, но не только на этом. В природе обаяния участвует множество различных факторов, но одним из самых главным всегда был и остается успех. Он особенно важен в случае длительного управления толпой, и он обязательно должен быть у вождя.

Механизмами массового поведения может воспользоваться политик с любыми взглядами и любого морального уровня. В таких случаях толпа становится игрушкой в руках лидера. Обычно люди, жаждущие вести за собой толпу, интуитивно владеют приемами воздействия на нее. Они знают: чтобы убедить толпу, надо сначала понять, какие чувства ее воодушевляют, притвориться, что разделяешь их, а затем вызвать в воображении толпы прельщающие ее образы. Толпе надо всегда предьявлять какие-либо идеи в цельных образах, не указывая на их происхождение. Оратор, желающий увлечь толпу, должен злоупотреблять сильными выражениями. Преувеличивать, утверждать, повторять и никогда не пробовать доказывать что-нибудь рассуждениями — вот способы аргументации для толпы.

Однако не каждый вождь обязан быть оратором, особенно если он управляет массой (например, Сталин). В речи оратора утверждение тогда лишь воздействует на толпу, когда оно многократно повторяется в одних и тех же выражениях: в таком случае идея внедряется в умы так прочно, что в конце концов воспринимается как доказанная истина, а затем и врывается в самые глубокие области бессознательного. Этот прием также вполне успешно применяется лидерами или вожаками толпы.

4

Значение тревоги и страха

4.1. Тревога и страх смерти

Агрессия не может быть должным образом понята, если не исследовать один из важнейших и сложнейших ее источников — тревогу и страх.

Проблема *тревоги* ни в коем случае не является сугубо психологической или психиатрической — она имеет и широкое социальное звучание. Тревогой может быть охвачен не только один человек, но и группа людей, общество, страна, тревожным может быть время, даже долгие годы. Ее уровень всегда повышается во время войн, перед их приближением, перед приближением врага, в годы смут и революций, массовой безработицы и обнищания и т.д. Тогда, кстати, часто появляются «спасители» отечества (или народа) с их «мудрыми» идеями, некоторые из них становятся потом кровавыми тиранами.

Личность отвечает тревогой не только на внешние факторы, она может быть *тревожной* в силу своей индивидуальной физиологической предрасположенности к этому, которая не была снята надлежащим воспитанием и лечением. Во всяком случае тревога и тревожность препятствуют надлежащему развитию человека, они возникают по разным причинам, проявляются в разных формах. Я не буду здесь обстоятельно анализировать понятие и природу тревоги и тревожности, явлений тревожного ряда, отличие тревоги от страха и т.д. Отмечу лишь, что под тревогой я буду понимать переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагоприятия, какой-то катастрофы или трагедии, грозящей опасности. Р. Мэй считает, что тревога — «это мрачное предчувствие, вызванное угрозой какой-либо ценности, которую индивид считает необходимой для своего существования как личности. Угроза может быть направлена на физическую или психическую жизнь (угроза смерти или потери свободы) или на какую-то другую ценность, ко-

тору ю индивид связывает со своим существованием (патриотизм, любовь другого человека, «достижение успеха» и т.д.)»¹. Не совсем понятно, почему это всегда мрачное предчувствие, к тому же не ясно, что автор понимает под «мрачным».

Очень важно замечание Мэя, что при тревоге снижается способность индивида осознавать себя в своих отношениях со стимулами и поэтому в той же мере снижается способность адекватно воспринимать стимулы. Добавлю, что снижение осознания своих отношений со стимулами особенно часто можно наблюдать при внезапно возникшей к угрозе или тогда, когда она не определена. Рассказы многих обследованных мною насильственных преступников чаще всего содержали в себе указание на последнее обстоятельство — неопределенность опасности. Некоторые из них даже полагали, что угроза «сидит» в них самих.

Имеются важные различия между нормальной и невротической тревогой², хотя в агрессивном поведении можно наблюдать и ту и другую формы. При невротической тревоге агрессия будет характеризоваться теми же особенностями, которые свойственны лицам с психическими аномалиями (слишком быстрое принятие решения о применении насилия, неумение адекватно оценивать сложившуюся жизненную ситуацию, ничтожность внешнего обстоятельства как повода к применению агрессии и т.д.) и которые неоднократно наблюдались криминологами при анализе преступного поведения. Подавление (блокирование сознания) при невротической тревоге само по себе делает человека более уязвимым перед угрозами и таким образом увеличивает тревогу.

Кроме того, подавление влечет за собой возникновение и умножение внутренних противоречий, снижает способности выявлять действительные опасности и влечет за собой нарастание чувства беспомощности, что, в свою очередь, способно усилить его агрессивность.

¹ Мэй Р. Проблема тревоги. М., 2001. С. 223.

² По мнению Мэя, нормальная тревога (Фрейд называл ее объективной тревогой) отличается тем, что: (1) не является непропорциональной объективной угрозой; (2) не связана с подавлением или другими механизмами интрапсихического конфликта; (3) ею не управляют невротические защитные механизмы, и поэтому ей можно конструктивно противостоять на уровне сознания; (4) она прекращает действовать, если объективная ситуация меняется (см.: Мэй Р. Указ. соч. С. 227). В отличие от нее невротическая тревога представляет собой реакцию на угрозу, которая: (1) не соответствует объективно существующей опасности; (2) влечет за собой подавление (диссоциацию) или другие формы интрапсихического конфликта и, как следствие, (3) сопровождается различными ограничениями активности и осознания, например торможением, развитием симптомов и разнообразными невротическими защитными механизмами (см.: Там же. С. 231.)

Наряду с тревогой необходимо исследовать и тревожность, которая, по-видимому, может быть понята как некая особенность, присущая индивиду и проявляющаяся в его склонности к частым и интенсивным переживаниям тревоги. Она может быть постоянной личностной чертой либо возникать и функционировать длительное время, даже когда исчезнут внешние причины, ее вызвавшие. Нас в данной работе интересуют тревога и тревожность как факторы агрессии, т.е. агрессии, возникающей в ответ на тревожное неблагоприятие как способ защиты от мнимой или действительной угрозы.

Мэй задается вопросом, что происходит внутри индивида, что дает ему возможность непосредственно противостоять опасности, в то время как другие люди в той же самой ситуации могут обратиться в бегство. Взяв в качестве примера для исследования солдат, мы обнаружим, что субъективная мотивация, которая давала возможность солдатам противостоять опасности, часто состояла в их убеждении, что угроза, связанная с уклонением, превосходила угрозу участия в сражении. Можно без всяких сомнений сказать, что существовали ценности, связанные с противостоянием опасности, более значимые, чем ценности, следствием которых было бы бегство. Для многих солдат общей ценностью были, вероятно, ожидания их товарищей, находившихся рядом с ними; они не должны были подвести свою группу. На простом языке это может быть названо желанием не оказаться «трусом» перед своими приятелями; для более развитых солдат это может звучать как ответственность перед общностью. Таким образом, когда иногда делают банальное заявление о том, что человек противостоит опасностям и преодолевает их благодаря наличию «повода» для этого, вполне достаточно, чтобы служить противовесом угрозе, то это совершенно верно. Еще одна банальность состоит в том, что если мы вновь обратимся к нашему примеру, то найдем, что только у наиболее развитых солдат ценность, за которую они борются, вербализуется и становится поводом в более широком смысле, она выступает, например, в виде патриотизма, свободы или человеческого благосостояния.

Этот иллюстративный пример подготовил почву для следующего общего утверждения Мэя: человек внутренне готов противостоять неизбежной тревоге, когда он убежден (сознательно или бессознательно), что ценности, которым следуют, двигаясь вперед, являются более возвышенными, чем ценности, которым следуют, когда спасаются бегством. Тревога возникает, когда существует угроза ценностям, которые индивид связывает со своим существованием. Теперь можно сделать обратное утверждение: индивид противостоит вызывающим тревогу впечатлениям и двигается вперед, не становясь их жертвой, потому что ценности, которые он связывает со

своим существованием (например, свободу, престиж и т.д.), более могущественны, чем угроза.

Это очень интересные соображения, и, думается, несмотря на некоторую умозрительность, их можно принять в качестве общего правила, которое, конечно, имеет многие исключения. Например, солдат может броситься в бегство без каких-либо предварительных, пусть даже и самых коротких, размышлений о ценностях — просто под влиянием панического страха быть убитым, поскольку срабатывает инстинкт жизни. Страх смерти решительно отменяет любые мысли о долге, мнении товарищей и т.д.

Тревожность может быть психическим расстройством личности. Это исследовал, например, Б.В. Шостакович. Они писал, что в отечественной номенклатуре этот тип расстройств личности — психопатий в качестве отдельного варианта в последнее время не выделялся. Между тем еще в начале XX в. С.А. Суханов описывал тревожно-мнительный характер, основные признаки которого близки к этому типу личностей, который относится к кругу тормозимых психопатических личностей, по О.В. Кербикову.

Для таких лиц свойственна постоянная, ничем не обоснованная тревожность, ожидание надвигающейся беды, тяжелые предчувствия. Эти люди уверены в своей неприспособленности к существованию в обществе. Они считают себя внешне непривлекательными, некрасивыми, вызывающими у других неприязненное отношение. Поэтому нередко держатся перед знакомыми приниженно, считают других лучше и выше себя. Постоянно волнуются из-за взаимоотношений с окружающими, опасаясь критики в свой адрес. Им чрезвычайно сложно общаться с другими людьми без уверенности, что к ним отнесутся с уважением, примут как равных, что они смогут понравиться. Поэтому, всячески избегая каких-либо перемен, ведут уединенный образ жизни, остерегаясь неприятностей от чужих, малознакомых людей. Круг общения и занятий весьма ограничен. Они уклоняются от таких видов профессиональной или общественной деятельности, при которых необходимы участие в коллективных действиях, установление межличностных контактов.

К основным чертам тревожно-мнительного характера относятся: стеснительность, гиперчувствительность в сфере interpersonalных отношений, сказывающаяся ограничением контактов, покорность, нерешительность, совестливость. Если ананкасты мучают других, то «тревожные» страдают сами (J.M. Ingram, 1992). Лица с тревожно-мнительным характером с детства робки, пугливы, боязливы, они сторонятся животных, боятся темноты, не могут оставаться в одиночестве. Обычно они слывут «домашними детьми», в школе чувствуют себя неуютно, избегают драк и шумных игр, часто служат объектом насмешек со стороны сверстников. Поэтому в ка-

честве партнеров выбирают детей младшего возраста, с которыми чувствуют себя увереннее, спокойнее.

Особенно отчетливо у них нарастают тревожность и тенденции избегающего поведения при вступлении в самостоятельную жизнь, предполагающую новые, незнакомые ситуации. Это впечатлительные, склонные к ретенции преимущественно отрицательных впечатлений, боязливые, чрезвычайно конфузливые, застенчивые люди. Лучше всего они чувствуют себя в узком кругу хорошо знакомых людей. Подчас настолько робки, что боятся поступать по собственному разумению. Практическая сторона жизни их интересует мало. Как правило, они мало приспособлены к физическому труду, неловки в движениях¹.

Такие личности не способны стать инициаторами агрессии, напротив, они сами становятся ее объектами в армейских и тюремных условиях. Но там, когда насмешки, издевательства, оскорбления выходят за всякие границы, способны на ответную, иногда очень жестокую агрессию. Они действуют в состоянии аффекта.

В самом общем виде можно утверждать, что тревога, и особенно повышенная, вызывает враждебность. Человек, охваченный тревогой, переживает ощущения беспомощности, изоляции и конфликта, в связи с чем он негодует в отношении тех, кого считает виновным в этом. Такое отношение к ним, если конфликт не разрешается, способно приводить к усилению тревоги. Если она проецируется на других людей, субъект может чувствовать, что он живет во враждебном и угрожающем мире. Поэтому снижается, иногда весьма существенно, его субъективная возможность определить действительные и конкретные источники своего неблагополучия, порожденного тревогой. Отсюда формирование общей негативной установки к окружающему миру, допускающей применение насилия для защиты или достижения любой иной цели.

В реальной жизни тревога почти всегда имеет место. Совершенное отсутствие тревоги может означать болезненно искаженное или равнодушное отношение к культуре. Агрессия в результате тревоги — совсем не подавление во фрейдовском смысле, когда нечто угрожающее удаляется из сознания и удерживается на расстоянии от него. Это насилие, нападение на объект, чем-то угрожающий личности, и тем самым его обезвреживание. Но конечно, вначале необходимо обнаружить подобный объект и уже затем совершить насилие в отношении него. Насилие вполне может быть доброкачественным (по Фромму), если, к примеру, оно реализуется в отношении уличного грабителя или насильника.

¹ См.: *Шостакович Б.В.* Расстройства личности (психопатии) в судебно-психиатрической практике. М., 2006. С. 150—151.

Активность тревожных и жестоких личностей направлена главным образом на защиту своего социального и биологического бытия, которое понимается, точнее — ощущается, ими только в таком плане, т.е. нуждающемся в защите. Они чувствуют себя уверенно только тогда, когда господствуют над кем-то, кто находится в их власти. Такую личность следует понимать максимально широко — от государственных до семейных тиранов, от кровавых завоевателей до членов банды, измывающихся над незащитной жертвой. Проведенное в 1980—1990-х годах с моим участием исследование личности насильственных преступников показало, что тревожность высокого уровня является наиболее характерной их чертой. Совершая насильственные преступления, многие из них как бы защищаются от опасностей, которые существуют лишь в их ощущениях.

В 2008—2009 гг. Е.Н. Юрасовой было обследовано несколько сот студентов московских вузов. Оказалось, что ксенофобские установки характерны для тех из них, которые, как показало психологическое тестирование, отличаются повышенным уровнем тревожности.

Никто не приходит в этот мир жестоким человеком, он становится таким в силу высокой диффузной тревожности, травматического жизненного опыта и полученного воспитания, т.е. в случаях:

- (1) если человек рождается с высоким уровнем тревожности, но условия жизни не снижают его;
- (2) если условия жизни порождают повышенную тревожность, не компенсируемую нравственным воспитанием;
- (3) если при этом человек воспитывается в убеждении, что сила и принуждение решают все, и он может действовать соответственно этому убеждению, при этом он обретает спокойствие и уверенность, хотя бы на время.

Если бы тревога была просто плохим приспособлением человека к жизни, она оставалась бы в рамках терапевтической проблематики. Но это совсем не так: если глубоко вникнуть в историю, политику, религию, искусство, то везде можно обнаружить тревогу, а иногда даже и страх, причем и не очень скрытую, выявляемую практически с первого взгляда.

Тревога — характерная черта многих священных текстов, например Библии. Угрозами и проклятиями пронизаны, в частности, Книга Иова, Книга пророка Исаяи, Книга пророка Иеремии, Книга пророка Амоса и особенно отличается этим Откровение Иоанна Богослова, книга вполне христианская, но только потому, что включена в Новый Завет. В этих сочинениях тревога в сердцах людей создавалась гневом божества, его обещаниями всевозможных бед и несчастий, которые должны обрушиться на головы ни в чем не повинных людей, а им запрещено даже роптать по поводу тво-

римых по отношению к ним произволу и злу. Так, например, говорит иудео-христианское божество и его дух Иову. Разумеется, все божеские угрозы и проклятия современным человеком, даже верующим, воспринимаются совершенно иначе, чем в Древние или Средние века. Они в силу резкого и жестокого осуждения богами должны были почувствовать тревогу и жить согласно священным предписаниям.

Высоким уровнем тревоги является *страх*, когда человек особенно остро чувствует угрозу. Поэтому трудно согласиться с А. Лоуэном, что страх как таковой не является угрожающей эмоцией, он представляет собой эмоцию парализующую. Особенно справедливо указанное утверждение, если речь идет об ужасе — очень сильном страхе¹. Страх, даже ужас могут парализовать далеко не каждого человека — в таком состоянии некоторые люди могут, так сказать, мобилизовать себя и активно противостоять угрозе.

Тревога и страх одолевали человека с первых дней его существования. Он боялся грозы, ливней и других явлений природы, животных и людей чужого рода и того, что мы сейчас называем болезнями, но не только и даже не столько материальных, зримых объектов возможной опасности, сколько духов и иных сверхъестественных существ, даже ветра, пронесившегося над его головой, поскольку его гнали духи. Первобытные люди страшились злой магии и колдовства, даже самим было опасно пускать в ход вредоносную магию, поскольку был риск навлечь на себя обвинение и месть за причиненный магией вред. Очень боялись они и покойников, страх перед ними почти в полной мере сохранился и у нас — в первую очередь потому, что мертвое тело олицетворяет, символизирует смерть.

Смерть, небытие охватываются бытием, жизнью, существованием здесь и сейчас. Небытие находится внутри бытия и вечно преодолевается человеческой жизнью. Небытие давно стало основной темой мифологии, которая всегда пыталась понять, что оно собой представляет. Вообще, трудно представить себе мифологию без проблемы небытия, смерти, которая стала и одной из главных тем в искусстве и литературе. Страх смерти является главным страхом человека.

С. Кьеркегор в полном соответствии с религией утверждал, что «на языке людей смерть — это конец всего, и, как они говорят, пока есть жизнь, есть надежда. Однако для христианина смерть — вовсе не конец всего и не простой выход в единственный реальности, каковой является вечная жизнь; и она вмещает в себя бесконечно больше надежды, чем несет нам жизнь, даже наполненная здоровьем и силой. Таким образом, для христианина даже смерть не вы-

¹ См.: Лоуэн А. Радость. Минск, 1999. С. 303.

ступает «смертельной болезнью», а уж тем более не выступает таким все, что вытекает из временных страданий»¹.

Все это слова глубоко верующего христианина, который свою уверенность в правоте суждений о смерти черпает исключительно в вере в своего бога. Между тем вера в загробную жизнь не является изобретением христианства, в нее верили многие даже древние народы, верили потому, что вся их природа возмущалась смерти, и, несмотря на все уговоры и усилия христианской и дохристианской религий, всегда боялись смерти. Призывы и чисто словесные аргументы Кьеркегора и других богословов ни в коем случае не ослабили страх смерти, который заложен в человеке самой природой.

Кьеркегор считал отчаяние смертельной болезнью или болезнью к смерти, как он говорил, однако, по его убеждению для христианина сама смерть есть переход к жизни. В то же время он называл смерть «великой опасностью», что, конечно, противоречит его же утверждениям. Главная пытка человека, по Кьеркегору, состоит в том, что он не может умереть. Поэтому быть больным к смерти — значит «не мочь умереть, причем жизнь здесь не оставляет никакой надежды, и эта безнадежность есть отсутствие последней надежды, т.е. отсутствие смерти. Поскольку жизнь представляет собой высший риск, надеешься на жизнь, однако когда постигаешь бесконечность другой опасности, надеешься уже на смерть. Когда опасность увеличивается, смерть становится надеждой»². Автор, конечно, не имел в виду желание умереть смертельно больного человека.

Отношение человека к смерти играет исключительную роль в агрессивном преступном поведении, и в этом отношении надо особо выделить страх перед ней. Этот страх присущ всем живым существам, является атрибутом их психики, но у человека он осмысленный. Высокий уровень страха у него может появиться, в частности, вследствие неблагоприятных социальных воздействий, например эмоционального отвергания в детстве родителями, в первую очередь матерью, т.е. в период, когда он особенно нуждается в защите. Ее отсутствие рождает постоянно растущую тревожность и страхи, которые носят спонтанный, смутный, размытый характер боязни всего и в особо неблагоприятных случаях достигают страха смерти.

Вместе с тем хотелось бы особо подчеркнуть, что названный страх ни в коем случае не выступает в качестве единственной причины даже убийства, но среди причин преступного поведения страх смерти занимает заметное место. Ведущая черта его природы — особая близость к смерти и постоянное влечение к ней. Выскажем внешне противоречивое суждение: необычайная близость смерти и

¹ Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1992. С. 253.

² Там же. С. 259.

особое отношение к ней включают в себя и страх смерти, который переплетается и постоянно взаимодействует с влечением к ней. Влечение и страх составляют единое амбивалентное (двойственное) целое, которое должно стать предметом специального научного анализа.

Один из парадоксов влечения к смерти состоит в том, что конкретный человек может не только стремиться к ней, но одновременно и бояться ее. Поэтому утверждаем, что у таких людей складывается по отношению к ней амбивалентное отношение типа *«тяготение — отвергание»*. Думаем, это свойственно многим некрофилам, в том числе державным, например Сталину. Они страшились смерти, поэтому везде видели врагов, были мнительны, подозрительны, злопамятны и очень жестоки, в то же время, как истые некрофилы, стремились к ней, превращая все живое в мертвое. Не лишено оснований предположение, что, уничтожая других, человек тем самым подавляет в себе страх смерти, поскольку делает ее понятной и близкой, а себя начинает ощущать могучим вершителем чужих жизней. Это неизбежно снижает свойственную подобным людям неуверенность в себе и высокую тревожность, отодвигая смерть, точнее — предоущая ее, отодвигая подальше от себя, куда-то в неведомую даль.

Для насильственных преступников, в первую очередь некрофильских личностей, а их много среди убийц и террористов, отношение к смерти может выступать результатом глобального личностного изменения в самости, в ощущении, кем они являются, к чему «присоединяются», в предоущении своей бренности. Смерть для них представляет собой пугающего врага, неудачу, роковую ошибку в мироздании. Становятся убийцами в результате неблагоприятной социализации и воспитания, а не из-за психологической близости к смерти. В благополучных случаях некрофилия может привести к работе в морге, на кладбище или патологоанатомом. Но часто убивают, конечно, не всегда потому, что у преступников выработано какое-то особенное отношение к смерти, пусть и бессознательное, а потому, что они никак не ценят человеческую жизнь. Даже рожденный некрофилом, т.е. с повышенным интересом и влечением к смерти, вовсе не обязательно будет агрессивным преступником. Антисоциальная некрофилия выступает в форме преступного насилия.

Как можно предположить, мотив смерти для некрофильских личностей постоянен; особенно остро он дает о себе знать в периоды их критических состояний. В этом мотиве нет ничего мистического, так как он ограничен ощущением самого себя, своего окружения, самой жизни и ее завершения. Такие ощущения и соответствующие им взгляды (а они не так часто сформулированы) весьма

субъективны, они могут грубо исказить и себя и среду, но для индивида они таковы, каковыми он их видит, и вполне реальны. Взгляд и оценка со временем могут перерасти во что-то другое и трансформироваться. В аномальных состояниях, когда являются видения и слышатся голоса, человек иногда чувствует, что перенесен во владения смерти и живет среди духов умерших или активно общается с ними. Однако и тот, кто не страдает расстройствами психической деятельности, под влиянием своего особого отношения к смерти, влечения к ней способен отказаться от многих прежних ожиданий и начинает перестраивать свою жизнь. Не исключено, что тот привычный мир, который ему известен с детства, начинает разрушаться, ценности и эмоциональные проявления жизни словно сталкиваются со своими противоположностями, от чего могут потерпеть поражение.

Не думаем, хотя и не располагаем на этот счет эмпирическими данными, что на свете есть много людей, которые относятся к жизни как собственности, тем более что множество людей не имеют никакой собственности и не знают поэтому, как к ней относиться, т.е. у них не сформировалось чувство собственности. Здесь страх потерять не собственность — в конце концов, собственность есть лишь одна из ценностей жизни, а потерять все, в том числе простейшие радости, не замечаемые каждый день, — видеть близких, ясный солнечный день, работать и т.д. Утверждать же, что смерть не имеет к нам никакого отношения, можно лишь в качестве шутки или неумного утешения, которое никого не способно убедить. По Фромму, поскольку мы руководствуемся в жизни принципом обладания, то должны бояться смерти. И никакое рациональное объяснение не в силах избавить нас от этого страха. Однако даже в смертный час он может быть ослаблен, если воскресить чувство привязанности к жизни, откликнуться на любовь окружающих ответным порывом любви. Исчезновение страха смерти начинается не с подготовки к смерти, а с постоянных усилий уменьшать начала обладания и увеличивать начала бытия, заключает Э. Фромм.

Страх смерти по своей этической природе нейтрален, поскольку может подвинуть и на великое творчество, и на черную низость. Изучение конкретных случаев убийств показывает, что иногда они совершаются, чтобы снять страх перед смертью, делая ее близкой, понятной, логичной. Если она исходит из твоих рук, если ты, простой смертный, ее причинитель, значит, она не так страшна, тем более что религия, точнее, религии на протяжении тысячелетий готовили к смерти и жизни после смерти.

Один из обследованных нами серийных убийц Е. сказал, что убийство — это плата за собственную жизнь, он вообще часто мыслит афоризмами. Так, он объяснил, что смерть — это то, когда те-

ряется фактор времени. Иными словами, преступник убивает, чтобы жить, и в убийстве, следовательно, видит важное условие собственного существования. Плата, быть может, и высока, но ценность своей жизни несравненно выше, поэтому с субъективных позиций убийство более чем оправданно. Серийные убийцы-некрофилы, больше других страшась смерти, все время делают «взносы», чтобы продлить свою жизнь.

Мысль о том, что убийство — это плата за собственную жизнь, как ни удивительно, во многом совпадает с концепцией З. Фрейда, что инстинкт смерти непременно уничтожил бы личность, если бы не разворачивался в сторону внешних объектов. Следовательно, человек, уничтожая объекты внешнего мира, спасает собственную жизнь. «Инстинкт смерти становится инструментом деструктивности, когда он направлен вовне, на объекты — с помощью специальных органов, — писал З. Фрейд, — живое существо, так сказать, сохраняет свою жизнь, разрушая чужую»¹.

Открытие своей смертности может опустошить человека, не склонного или не готового столкнуться с неизбежным финалом. Но для тех, кто готов принять его, может иметь освобождающий эффект, позволяющий наслаждаться каждым мгновением жизни. Множество людей склонны скептически относиться к христианской и буддийской идее непрерывности всего существующего, жизни после жизни, как к тому, что изобретено самим же человеком для собственного утешения. Субъект, знакомый с древней мифологией, мог бы усмотреть здесь лишь построение первобытной легенды о смерти (хаосе), новом рождении и новом существовании, которая может опираться лишь на веру, не будучи подкреплена никакими эмпирическими данными. Для такого скептицизма есть весьма веские основания.

В близкие отношения со смертью вступают не только некрофилы, но и многие другие, например, люди, играющие со смертью. Они в одиночку пересекают в лодке моря и океаны, поднимаются на недоступные вершины, играют в русскую рулетку и т.д. Ими, как можно предположить, движет бессознательное стремление не только заглянуть в неведомое, но и выковать свою стойкость перед ним.

Состояние освобождения от различных ролей, отношений, от мира и самого себя — еще одна форма символической смерти. Это хорошо известно различным духовным системам как первейшая цель внутреннего развития. Такое освобождение от старого является необходимым событием в жизни, и оно естественно происходит в момент смерти — в то время, когда каждый человек понимает, что мы не сможем унести с собой те материальные вещи, которые нам

¹ Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992. С. 265.

принадлежат. Такие переживания дают свободу для того, чтобы они могли полнее радоваться всему, что имеют в жизни. Практика медитации и другие формы самоисследования приводят искателей к столкновению с этими переживаниями еще до того, как наступает момент физической смерти. В буддизме привязанность или страсти к проявлениям материального мира считаются корнем всех страданий, а отказ от этой привязанности — ключ к духовному освобождению.

Тяготение к смерти, которое находит свое наивысшее негативное проявление в некрофилии, одним из своих источников может иметь свойство человеческого ум видеть в том, что хорошо известно и понятно, выражение своего могущества и власти. Непонятное и непознанное вызывает, напротив, беспокойство, неуверенность, тревожность. Это хорошо представляли себе и наши далекие предки. Так, по поверьям индейцев племени куна, условием удачи на охоте является знание о происхождении дичи. Если удается приручить некоторых животных, то только потому, что магам известен секрет их сознания. Равным образом небезопасно держать в руках раскаленное железо или ядовитых змей, если неизвестно происхождение огня и змей. Верование это достаточно распространено и встречается не только у племен одного вида культуры. На Тиморских островах, например, при созревании риса в поле отправляется тот, кому известны мифические традиции риса. Он проводит там всю ночь, громко рассказывая легенды о происхождении риса (миф о происхождении), напоминает рису, что он должен расти особенно хорошо, дружно и густо, как тогда, когда его сажали в первый раз, т.е. в мифологические времена всех начал. Рису напоминают, как он был создан, чтобы научить его, как должно себя вести, магически принуждают вернуться к своему генезису. В большинстве случаев знать миф о происхождении недостаточно, его надо воспроизводить, демонстрировать, показывать¹.

Некрофилы, среди которых немало убийц, — это индивиды, у которых раздвоен весь жизненный опыт в силу психологической принадлежности различным мирам. У них нет удовлетворительной связи с человеческим обществом, а иногда, при наличии психического заболевания, разрушена и связь с самим собой. Уход в небытие, особенно если он совершается с помощью убийства (хотя это и не единственный способ), показывает, что их личность находится в постоянном бегстве от обычной реальности, которую они воспринимают в качестве неприемлемой. В результате большинство из них ведут неполноценное существование, характеризующееся одиночест-

¹ См.: Элиде М. Аспекты мифа. М., 1997. С. 25—27.

вом и чувством изолированности. Но далеко не все ощущают свою нереальность и оторванность от мира здравого смысла.

Ошибочно думать, что страх смерти порождает только насильственные преступления и особенно убийства, этот страх может детерминировать и корыстные преступления, когда человек, страшащийся неизбежного конца, стремится приобрести максимально возможное количество материальных благ и доставить себе как можно больше удовольствий, не считаясь с законом и моралью. То же самое он способен сделать для своих детей и внуков. В других случаях индивид, которого социальные бедствия, во многом преувеличенные, приводят в содрогание, может решиться не противоправное приобретение денег и ценностей, чтобы с их помощью защитить свою жизнь. Этими же целями, невзирая на аморальность способов их достижения, руководствуются те мнительные люди, которые подозревают у себя разные опасные болезни и постоянно боятся смерти.

Особо следует сказать о некрофилах из числа террористов, чаще всего это организаторы террористических убийств и их исполнители — террористы-самоубийцы. Между ними и смертью нет преград, смерть отпечатывает на них свой образ, начинает говорить с ними на своем языке, и они его понимают. Террорист не защищен от смерти задачей выживания, часто он и не ставит таковой перед собой, поскольку сам стремится к ней. Раз приблизившись к смерти, такой человек начинает приобретать опыт, который либо осознается и становится основой внутреннего развития, либо не осознается и на уровне личностного смысла определяет поведение, в том числе через потребность вновь и вновь испытать дрожь соприкосновения с тем, что находится за гранью. Для них атмосфера близости к смерти может толкать на совершение самоубийственных террористических актов, но также и других убийств, необязательно террористических, например, при участии в разных военных конфликтах.

Террористы, которые видят в смерти, своей или чужой, единственный путь решения вставших перед ними проблем, естественно не испытывают страха перед возможной гибелью. Поэтому профилактический эффект неотвратимости уголовного наказания в отношении таких людей практически ничтожен. Они не боятся смерти, а перспективы длительного, даже пожизненного лишения свободы обычно не принимаются ими во внимание, они просто не думают о нем. Только после вынесения приговора такие люди начинают осознавать, что им всю жизнь или значительную ее часть предстоит провести в местах лишения свободы. Их страдания, связанные с наказанием, начинаются с этого момента.

В нашем нынешнем мире смерть ужасает нас прежде всего в связи с опасностью превратиться в ничто, и именно поэтому она

всячески маскируется. Некрофильские личности принадлежат к числу тех, кто, стоя на грани между мирами, уже в силу этого способны дать хоть какую-то информацию о том, что ждет нас в небытии, хотя, конечно, далеко не всегда подозревают об этом. Неудивительно, что в силу такого своего статуса со стороны окружающих они встречают непонимание и даже вражду, что делает их дезадаптацию еще более глубокой. Например, Д., сексуальный маньяк, убийца и людоед, время от времени уходил жить в пещеры, что следует расценивать в качестве крайнего выражения социальной и психологической изоляции подобных людей. Поскольку общество выступает в качестве постоянно травмирующего фактора, убийство не воспринимается убийцей как нечто ужасное, напротив, может оцениваться как воздаяние за те обиды, которые ему были причинены когда-то (или ему так показалось) и не были забыты и прощены. Чтобы лучше понять страх смерти у современного человека, обязательно нужно иметь в виду различные восприятия и понимания смерти: для верующих это переход в иное бытие, а для неверующих, какими и сейчас являются большинство людей европейской культуры, — в небытие. Именно *небытие «Я»* и вызывает страх, даже ужас, но это не означает, что у верующих (и у так называемых примитивных народов в древности и сейчас) мысль о смерти или ее предощущение не вызывают боли страха. Скорее всего, здесь можно видеть боль расставания с привычным и близким, в первую очередь с близкими людьми, особенно если они нуждаются во внимании и поддержке, но боль существенно снижает уверенность в том, что смерть является таким концом, за которым сразу же следует новое начало. И у примитивного человека даже вера в жизнь после смерти вызывала не только боль, но и самый настоящий страх перед ней, в сущности мало отличающихся от страха вполне современного неверующего человека. Этот страх лежит в основе самого человеческого существа, этот страх, как и у бегущих от пожара животных, заложен самой природой как условие существования в мире, где всем живым всегда что-то угрожает, явно или открыто. Лишение такого страха означает полную дезадаптацию. Поэтому страшится даже зародыш в лоне матери.

Весьма сомнительно, чтобы, зная, что смерть есть лишь пролог к возрождению, к высшему существованию, те же примитивные общества наказывали бы смертью своих соплеменников-преступников и тем более врагов. Если не учитывать изначальный, психический, даже организмический страх перед смертью, то окажется, что наказание ею в древности и сейчас есть вовсе не наказание, а поощрение и награда. Если у первобытного (или современного верующего человека) не было (и нет) страха смерти, почему он сра-

жался с врагами, защищался от хищных животных и естественных бедствий вроде пожаров, наводнений или засухи, почему стремился излечиться от опасных болезней?

Конечно, в таинствах *инициации*, о которой написано большое количество литературы, посвящаемый испытывал ритуал смерти. Но о такой «смерти» он и его близкие хорошо знали, что это вовсе не настоящая смерть. Инициация преследовала цель превращения ребенка (подростка) во взрослого, и он проходил символический путь от смерти к выздоровлению. Кроме того, что очень важно, юноша прочнейшим образом схватывался всей тогдашней религиозной системой или, выражаясь современным языком, поглощался соответствующей идеологией, что было неременным условием прочности того общественного строя. Но не преследовал ли весь названный ритуал, помимо декларированных и понятных целей, еще и другую — обман смерти, снижение страха перед ней, делая ее психически близкой?

Религии, в том числе архаические и христианство, основываются на том, что кризисы, провалы, падения, катастрофы, сама смерть не есть конец всего, а, напротив, важнейший этап, ведущий к новой, лучшей жизни. Смерть, следовательно, дает возможность жить заново и на более высоком уровне, а поэтому она получает свое истинное позитивное значение и ее не следует страшиться. Однако даже примитивного человека не удалось убедить в этом. Страх перед смертью оказался сильнее.

Все легенды о чудесных воскрешениях, в том числе библейские и фольклорные сказания, выдают страстное человеческое желание бессмертия, хотя, естественно, и были случаи действительного возвращения к жизни тех, кто находился в состоянии клинической смерти, комы или летаргического сна. В большинстве стран к таким людям относились с пониманием и заботой, но так бывало не везде. Р. Киплинг рассказывал, что индусы весьма отрицательно относились к людям, которых вернули «с того света», содержали их в резервациях и не давали возможности общаться с другими. Думается, что такая их строгая изоляция не случайна: очевидно, местные жители полагали, что побывавший в «другом мире» человек уже по этой причине чем-то опасен, он может «оттуда» принести нечто, что представляет очень серьезную угрозу для людей. Ведь и древним людям тот, кто соприкасался со смертью, в том числе защищавший родину и убивший врагов воин, представлялся весьма опасным. Его дикари не встречали, как сейчас, с почестями, барабанным боем и литаврами. Напротив, он обязательно должен был пройти длительный обряд очищения. Следовательно, страх смерти может реализоваться и в таких несколько опосредованных формах.

Практически у всех народов мира имеется неисчислимое множество примет, поверий, суеверий, которые помогли бы человеку избежать смерти, поскольку они ориентированы на то, чтобы вовремя указать ему на смертельную опасность. Связанные с опасностью смерти суеверия охватывают все сферы жизни и в том числе связаны с предметами и явлениями, которые, казалось бы, не имеют никакого отношения к нашей бренности. Все указанные суеверия проникнуты страхом смерти.

4.2. Тревога и тревожное состояние

История знает немало примеров, когда предпринимались попытки разорвать повторяемость, навязать качественно иную систему отношений, но такую, которая уже отвергалась, вытеснялась последующим развитием, т.е. вернуться назад, восстановить забракованный опыт. В силу этого подобные попытки не только трагичны, но и заранее обречены на провал. Пример — большевистский переворот 1917 г. и последующая тоталитарная деспотия, все-таки закончившаяся крахом. Парадокс же заключается в том, что глубинным источником соответствующей активности является коллективное бессознательное, точнее, его теневая часть. Получается, что прошлый опыт оживает, чтобы разрушить, хотя бы на время, какой-то уже устоявшийся порядок вещей, вызывающий постоянную тревогу, хотя в целом коллективное бессознательное и представляет собой гарант этой устойчивости. «Бунтует», следовательно, то, что вытесняется жизнью в тень.

Аналог можно найти в поведении отдельного человека, прибегающего к насилию. Исследование мотивов его действий показывает, что чаще всего они допускаются лицами, у которых наличествует страх смерти, принимающий деструктивные формы. Этот страх, обычно минуя сознание, заставляет их предпринимать упредительные удары, чтобы самим не быть уничтоженными. Однако сам страх смерти, как и постоянная тревожность, формируется в далеком детстве в результате эмоционального лишения со стороны родителей, в первую очередь матери, необеспечения ими надлежащей психологической защиты ребенка. Этот страх, складывающийся в бессознательном и ведущий там потаенное существование, вырвавшись на волю, начинает затем мощно мотивировать жестокие и особо жестокие поступки. Следует подчеркнуть, что насильственный преступник уничтожает не только других, но и сам в результате собственного поведения очень часто становится объектом агрессии. Не реже наступает и социальное разрушение человека, т.е. потеря им в результате совершения преступлений многих прав и привилегий, социальных статусов и ролей, сниже-

ние и оскудение личности, падение на самые низшие ступени общественной лестницы.

Я хочу тем самым сказать, что очень давнее прошлое вполне способно, вернувшись, разрушить своего носителя, его социальный карточный домик, лишив всего того, чего он смог достичь, даже здоровья, чести, самой жизни, разрушив до конца его же представление о самом себе. Как и в обществе, уничтожается тот порядок, который был у данного человека и вокруг него.

Довольно интересная мысль высказана М. Элиаде. Он считает, что в современном обществе человек ощущает себя узником своей повседневной работы, в которой он никак не может уйти от времени. Поэтому он старается сделать это в часы досуга: отсюда ошеломляющее количество отвлечений внимания, изобретенных современной цивилизацией. Чтение и зрелища позволяют ему уйти от времени, выйти из своего собственного течения времени, чтобы идти в другом ритме, жить в иной истории. Для сегодняшней личности это превосходнейшее отвлечение, дающее иллюзию господства над временем, что, как «вполне можно предположить, удовлетворяет тайное желание человек уйти от неумолимого течения времени, ведущего к смерти»¹. Можно утверждать, что это, по видимому, один из возможных бессознательных путей преодоления тревоги, особенно если повторить вслед за Элиаде, что современность изобрела великое множество отвлечений.

Деструктивный импульс появляется в живом существе в том случае, если оно хочет уничтожить источник опасности. Тогда разрушение или умерщвление объекта является биологически осмысленной целью. В качестве мотива выступает не первоначальное удовольствие от деструкции, а заинтересованность влечения к жизни, в том, чтобы обойтись без тревоги и сохранить «Я» в целом. В опасной ситуации уничтожается то, что порождает тревогу. Влечение к деструкции начинает служить первоначальной биологической воле к жизни. Однако это можно принять с весьма серьезными замечаниями и дополнениями.

Во-первых, не всегда агрессия, смертельная в том числе, осуществляется ради сохранения собственной жизни, т.е. защиты. Во многих случаях убийца вполне четко сознает, что ему никто не угрожает, бессознательное не посылает ему об этом никаких сигналов.

Во-вторых, существует достаточно много людей, которым сама агрессия доставляет удовольствие. Некрофильский человек убивает только ради убийства, но решает при этом свою собственную проблему. Она настолько значима, что чужая жизнь просто не принимается во внимание.

¹ Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии. М., 1996. С. 37—38.

В последнем аспекте большой интерес представляют взгляды В. Райха на агрессивную сексуальность. Он считает, что если она не имеет возможности найти удовлетворение, то все же сохраняется стремление к его достижению. Тогда возникает импульс на получение удовольствия любыми средствами. Агрессивная нота начинает заглушать любовную. Если цель достижения удовольствия полностью исключена, стала бессознательной или связана со страхом или тревогой, то агрессия, которая первоначально представляла собой только средство, сама становится действием, разряжающим напряжение. Она принята как проявление жизни. Так возникает *садизм*. Из-за утраты подлинной цели жизни развивается ненависть, самая сильная в тех случаях, когда встречаются препятствия любви или желанию быть любимым. Вытекающее из ненависти стремление к уничтожению превращается в сексуальное действие, чему соответствует, например, убийство на почве полового извращения. Его предварительным условием является полная блокировка способности испытать естественное генитальное наслаждение. Тем самым садизм как половое извращение есть смешение изначальных сексуальных импульсов со вторичными деструктивными. В животном царстве оно отсутствует и представляет собой лишь приобретенное свойство человека, вторичное влечение.

Эти конструкции В. Райха весьма ценны для объяснения многих убийств на сексуальной почве, многих, но не всех. Конкретные исследования «живых» убийц уже давно привели нас к выводу, что заблокированные сексуальные потребности приводят к насилию и убийству только часть сексуальных преступников, и больше при первых случаях агрессии, если преступления многоэпизодны. Блокированная сексуальная потребность действует не только на организменном уровне, а запускает в действие мощный механизм притяжения — неприятия данного человека жизнью. Его отторжение, отчуждение закономерно могут перевести человека в категорию некрофильских личностей. При этом «перевод» в данном случае не нужно понимать буквально и лишь как следствие несчастной и трагической жизни. Отторженным жизнью он может родиться, как было с Гитлером и Сталиным, т.е. быть рожденным не для жизни. Несчастная, с катастрофами жизнь совсем необязательно приводит к смертельной агрессии, напротив, через катарсис, очищение страданием она может обратить человека к любви к людям и самопожертвованию.

С другой стороны, не следует рассматривать заблокированные потребности организма в качестве причины деструкции вне социального контекста и межличностного взаимодействия. Поэтому вызывает некоторые сомнения утверждение Райха, что каждый вид самостоятельно проявляющегося деструктивного действия есть реак-

ция организма на невозможность удовлетворения какой-либо важной потребности, прежде всего сексуальной. Здесь мы говорим о своих сомнениях, но не отвергаем полностью вывод Райха. Думаем, что он прав, говоря о жестокости в характере наблюдаемых им больных, страдавших хронической сексуальной неудовлетворенностью, у злобных старых дев и аскетических моралистов. Напротив, ему бросались в глаза мягкость и доброта людей, удовлетворенных в генитальном отношении. Такие люди не могут стать садистами, считает Райх. По-видимому, он прав, во всяком случае применительно к большинству людей. Сам маркиз де Сад, насколько позволяют судить его преступления и их описания, начиненные невероятной сексуальной фантазией, был сексуально неудовлетворенным человеком. В то же время вполне можно представить себе человека, даже молодого, которого по разным причинам совсем не заботит его сексуальная жизнь, и он не имеет возможности удовлетворять свои сексуальные потребности.

Если Фрейд рассматривал влечение к деструкции как изначально биологическое, параллельное сексуальности, то Райх вывел интенсивность влечения к деструкции из степени сексуального застоя и отличал агрессию от деструкции. Это различие между внешне схожими понятиями вполне обоснованно, поскольку агрессия представляет собой неотъемлемое свойство целого ряда видов общественно полезной деятельности. Но при этом часто бывает так, что при создании что-то неизбежно разрушается, как, например, при атаке футболистов разрушается защита противника.

Тем не менее остаются сомнения по поводу максимализации сексуальных переживаний человека, свойственной взглядам Райха, Фрейда и некоторых других психоаналитиков. Но многие их суждения заслуживают самого внимательного отношения.

П. Тиллих писал, что тревога — это состояние, в котором бытие осознает возможность своего небытия. То же самое утверждение в более краткой форме звучало бы так: тревога — это экзистенциальное осознание небытия. Определение «экзистенциальный» указывает здесь на то, что тревогу порождает вовсе не абстрактное знание о небытии, но осознание того, что небытие составляет часть собственного бытия человека. Тревогу порождает не мысль о том, что все имеет преходящий характер, а воздействие всего этого на постоянное, но скрытое осознание неизбежности нашей смерти. Тревога — это конечность, переживаемая человеком как его собственная конечность¹.

Здесь, как мы видим, Тиллих не выделяет различные виды тревоги, ее степени. Между тем вызывает большое сомнение, что тре-

¹ См.: *Тиллих П.* Избранное. Теология культуры. М., 1995. С. 30.

вога связана только с небытием, поскольку в жизни немало и других явлений, обоснованно или необоснованно порождающих тревогу. Тревожное отношение к небытию можно обозначать страхом смерти, однако тревога перед ней может и не достигать уровня страха, если исходить из того, что страх представляет собой наиболее острую и болезненную стадию тревоги. Но Тиллих различает тревогу и страх по другим основаниям, полагая, что страх в отличие от тревоги имеет определенный объект, который можно встретить, проанализировать, побороть, вытерпеть. Человек может воздействовать на этот объект, соучаствовать в нем — пусть даже формой соучастия будет борьба. Таким образом, человек может принять этот объект внутрь своего самоутверждения¹.

Эта точка зрения представляется небыстречной. Тревога, как и страх, могут быть неопредмечены, а логика поведения человека в ситуации угрозы состоит в том, чтобы найти, что именно ему угрожает, т.е. очень сильное эмоциональное напряжение, он вполне может не знать, что именно ему угрожает. Страх — более острое переживание тревоги, которая является более общим понятием.

Тревога и страх могут не покидать человека и во время отражения опасности путем применения и насилия, поскольку он способен предположить, что его агрессия вызывает новые нападения. Так, советские партизаны во время Великой Отечественной войны, нападая на немецких захватчиков, вполне могли думать, что те обязательно проведут ответные карательные операции. Но все это не значит, что тревога сопровождает любое поведение человека, как полагал Р. Нибур².

Часто понятия тревоги и страха используют как идентичные. Так, по-видимому, считал З. Фрейд, в одной из своих лекций утверждавший, что проблема страха — узловой пункт, в котором сходятся самые различные и самые важные вопросы, тайна, решение которой должно пролить яркий свет на всю нашу душевную жизнь. Единственным целесообразным поведением при угрожающей опасности, продолжает далее Фрейд, была бы спокойная оценка собственных сил по сравнению с величиной угрозы и затем решение, что обещает большую надежду на благополучный исход: бегство или защита, а может быть, даже нападение³. Тревога (или страх) — это действительно тайна человека, возникшая с его возникновением как неотъемлемая часть его сущности и судьбы. Ему, как и другим живым существам, постоянно нужно опасаться чего-нибудь или кого-нибудь.

Страх и даже ужас могут быть преодолены с помощью агрессии, в том числе бессмысленного неистовства, когда человек как бы от-

¹ См.: Тиллих П. Указ. соч. С. 30.

² См.: Нибур Р. Природа и судьба человека. Нью-Йорк, 1941. С. 182.

³ См.: Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1990. С. 251.

страняется от внешнего мира, его эмоции достигают высшего накала, разум глушится, а реальность воспринимается только фрагментарно. Такое поведение можно наблюдать не только у людей с поражениями головного мозга, но и у многих других, не имеющих психических патологий. Каждый из нас мог заметить по собственному опыту, как вследствие тревоги искажается не только самовосприятие, но и восприятие объективной действительности. В этом может быть одна из причин неадекватной агрессии: тревога разрушает взаимоотношения между Я и объектами.

Усилить тревогу может сам факт осознания человеком того, что он для защиты был вынужден прибегнуть к насилию, если это противоречит его этическим представлениям. Уже по этой причине он может считать, что попал в чрезвычайную ситуацию.

Между тем сама тревога может толкать на совершение агрессивных преступных действий. Так, при изучении серийных сексуальных убийств я (как, наверное, и некоторые другие исследователи подобных преступлений) выявил, что после первого такого сексуального нападения убийца, получив психологическое и сексуальное удовлетворение, на время успокаивался, но затем постепенное начинала нарастать тревога, которую он сам был не в состоянии объяснить. Однако понимал, что она нуждается в «разрядке», и когда у него не оставалось сил заглушить ее, совершал новое нападение, после чего через некоторое время тревожные переживания возобновлялись, он опять совершал сексуальное убийство и т.д. Так формировалась психологическая зависимость субъекта от своего собственного поведения, которую можно назвать *поведенческой зависимостью*.

Подобную зависимость можно наблюдать и среди других категорий преступников, например карманных воров, которых к совершению все новых преступлений стимулирует постоянная тревога — вновь и вновь испытать переживания, связанные с опасностью быть пойманным. Это становится для них необходимостью.

Разумеется, такую зависимость от своего поведения испытывают не только преступники. Например, научный сотрудник может переживать тревогу, что сделал слишком большой перерыв в своей научной работе; пианист, упрекающий себя за то, что так непозволительно долго не садился за фортепиано, и т.д.

В литературе распространено мнение, что современный мир особенно неблагоприятен для человека, поскольку все время порождает у него тревогу и чувство напряжения, что только некоторые люди могут быть относительно спокойны. Беспокойство, которое ранее не имело своего имени, якобы кралось по следам современного человека, чтобы привести это беспомощное существо в мир тревоги и постоянного беспокойства, в мир, который неизменно ощущает приближающуюся к нему катастрофу. Катастро-

фическое сознание, в свою очередь, парализует волю человека, затрудняет (и весьма существенно) его творческую активность и вообще мешает жить.

На самом деле тревога не является исключительно современной проблемой или проблемой одного лишь Запада. Люди во все времена были тревожны, хотя, разумеется, не все, во все времена были угрозы, которые порождали защитную агрессию, в том числе угрозы, исходившие из глубин человеческой психики, которые именно поэтому было трудно, а порой и невозможно понять. По этой причине люди находили очень простое объяснение своим страхам и тревогам — их субъективные источники они переносили на других и воспринимали последних уже как носителей угрозы.

Попытаюсь доказать, что тревога была всегда, а следовательно, всегда была причина с помощью агрессии защититься от угроз и обеспечить свою безопасность. То, что в современном мире она превратилась из скрытой проблемы в явную, есть один из важнейших признаков нашего времени. Это превращение в первую очередь следует объяснить десакрализацией западного человека, когда он начал искать и находить причины своих состояний не в сверхъестественном мире, а в окружающей его реальности, в которой находится и он сам. Но это ни в коей мере не означает, что исчезли причины тревоги, что уже нет отчуждения и одиночества, что твоя личность всеми и всегда ценится, что все тебя понимают и принимают, что уже нет внешних угроз. Тревога не исчезает даже при условии общего принуждения к конформности.

Но обо всем этом подробнее будет сказано ниже, а сейчас остановимся на вопросах тревоги в древности.

Человек появился на земле во враждебной среде: среди животных, которые постоянно угрожали его жизни, в природных условиях, неблагоприятное развитие которых тоже грозило ему. Он еще боялся людей другого племени или рода. Страхи древнего человека были связаны и с духами природы и животных, духами предков и покойников, особенно убитых врагов. Он страшился колдовства, небесных светил и, наконец, голодной смерти. Страх, как стена, плотно окружал его.

Воспользуемся исследованиями Л. Леви-Брюля¹. Он писал, что первобытный человек никогда не в состоянии хладнокровно помыслить об окружающих его невидимых силах, об этих неуловимых влияниях, постоянное присутствие и действие которых он замечает или подозревает. При одной мысли, что какая-нибудь из этих сил угрожает ему, он лишается самообладания от страха, если не уверен

¹ См.: *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 26, 29, 143—146.

в своей способности отразить удар. Один эскимосский шаман, Ауа, сделал интересное сообщение о своей жизни Кнуду Расмуссену. Столь же искренне, сколь и умно откликнулся этот шаман на усилия знаменитого исследователя проникнуть в самые глубины эскимосского мышления. Чтобы выразить преобладание эмоциональных элементов страха в представлениях о невидимых силах, он нашел такую формулу: «Мы не верим, мы боимся».

Л. Леви-Брюль отмечает, что для эскимосов мир видимый и мир невидимый таят в себе одинаковые ужасы. Всюду их окружают угрозы страданий, голода, болезни и смерти, но у них нет ни малейшего представления ни о небесном провидении, ни о высшем божестве, чья попечительская отеческая благодать простирается на людей. Единственная возможность спасения заключается в том, чтобы сообразовать свое поведение со спасительными преданиями, унаследованными от минувших поколений. Поэтому упрямая, почти непреодолимая приверженность к традиционным предписаниям и табу, которую констатируют не только у эскимосов, но и у других обществ того же порядка, проистекает не из одного только желания угодить предкам и не прогневить их. Она рождается из страха, вернее, нагромождения страхов, до тех пор пока сознание человеческое таким образом одержимо и заполнено этим страхом, оно в состоянии сделать лишь незначительные успехи в познании природы.

Множество свидетельств, приводимых Леви-Брюлем, подтверждают слова эскимосского шамана. Отмечая, что то место, которое принадлежит страху, можно было бы назвать религией первобытных людей, если понимать этот термин в достаточно широком смысле. Вот эти свидетельства.

Когда-то на Таити ни одному самому ревностному служителю какого-нибудь божества и в голову никогда не приходило, что объект его поклонения и покорности может относиться к нему с любовью и благосклонно; да и сам он со всем его рвением и благочестием был чужд всякому чувству, которое приближалось бы к любви. Страх был тайной причиной могущества богов, главным и часто единственным мотивом, определявшим поступки наиболее упорных и ревностных служителей этих богов.

В Новой Зеландии весь маорийский ритуал находился под влиянием не любви к богам, а страха перед ними; даже к Ио, благодетельному божеству, маори питал не любовь, а благоговейный страх. Так же обстояло дело и с нага в северо-восточной Индии. Туземцу из племени лота его религия представляется как серия церемоний и обрядов, закрепленных обычаем. Пренебрежение хотя бы одним из обрядов сопряжено с опасностью. Ао-нага, соседи лота, убеждены, что если они не принесут своим божествам всех причитающихся им жертв, те могут в любой момент погубить их посе- вы и наслать болезни.

Однако чувство страха отнюдь не покрывает, как можно было бы подумать, флером печали и тоски всю повседневную жизнь туземца. Напротив, жизнь среди постоянных опасностей не исключает у него ни беспечности, ни хорошего настроения. Он знает, что в любое мгновение на него может обрушиться непредвиденное несчастье. Но именно потому, что опасность угрожает из стольких различных направлений и в такой разнообразной форме, стоит ли о ней думать, раз угроза еще не воплотилась в реальность и беда пока не свалилась на голову? Беспокойство гнездится у него в подсознании и не мешает наслаждаться жизнью.

Оценивая обряды фетишизма в Южной Африке, Леви-Брюль делает вывод, что совокупность обрядов и церемоний, завещанных предками, составляет единственную действенную гарантию против всякого рода дурных влияний, внушающих опасения и страх. Исследователь ссылается на А. Швейцера, который считал, что фетишизм у первобытного человека родился из чувства страха. Первобытный человек хочет обладать талисманом против злых духов и покойников, против зловредной силы себе подобных. Он приписывает эту защитную, предохранительную силу некоторым предметам, которые он носит на себе или с собой. В Верхнем Конго религия болоки покоится на том страхе, который внушают им многочисленные невидимые духи, окружающие их со всех сторон и постоянно старающиеся навлечь на них болезнь, несчастье или смерть. Единственная цель религиозных обрядов болоки — обольстить, утихомирить, обмануть или даже припугнуть и убить этих духов, беспокоящих человека. Вот откуда берутся колдуны и знахари, их обряды, церемонии и талисманы. О багунде, живущих в соседнем районе, этнологам известно, что они находятся во власти закона страха: болезни, несчастья, смерти, всех тех зол, которые причиняются либо преступными людьми, либо духами. Вся жизнь язычника бергдама, племени в Южной Африке, от детства до старости отмечена страхом смерти.

В своей великой «Золотой ветви» Д.Д. Фрезер приводит обширный список опасностей, угрожающих душе, запретных действий, табу на людей и предметы, запретных слов. Так, в древности существовал запрет на общение с иноплеменниками; например, на острове Нанумеа (южная часть Тихого океана) новоприбывшим европейцам и жителям других островов не разрешалось вступать в общение с населением до тех пор, пока они не побывают во всех четырех храмах острова, где возносились молитвы о том, чтобы бог отвратил любое вероломство или болезни, которые могли принести с собой эти чужеземцы¹. Страх перед чужаками был взаимным.

¹ См.: *Фрезер Д.Д. Золотая ветвь*. М., 1986. С. 189.

Вступая в незнакомую страну, дикарь испытывал чувство, что идет по заколдованной земле, и принимал меры для того, чтобы охранить себя как от демонов, которые на ней обитают, так и от магических способностей ее жителей¹. Это табу очень многое объясняет в происхождении и сущности архетипа «Чужой» (или архетипа «Враг»), который в своем современном обличе экстремизма порождает столько насилия.

В последующих за древностью веках страхи и тревога сохранились. Людям грозили войны, пленение и рабство, произвол рабовладельцев, а потом феодальных сеньюров. Самыми ужасными карами грозила христианская церковь, причем не только загробными мучениями, но и при жизни, если обнаруживалось, даже пало подозрение в отступлении от веры, святотатство, связь с дьяволом и т.д.

Р. Комер отмечает, что в Европе времени 500—1350 гг. очень выросла власть духовенства. Церковь отрицала научные формы исследований и контролировала образование. Религиозные верования, сами по себе избыточные как суевериями, так и демонологией, стали доминировать над всеми аспектами жизни. Поведение человека рассматривалось обычно как борьба между добром и злом, Богом и дьяволом. Поведение, отклоняющееся от общепринятых норм, в особенности психическая дисфункция, рассматривалось как свидетельство влияния сатаны. Средние века были напряженным и беспокойным временем, эпохой войн, восстаний городского населения и чудовищных эпидемий. Люди винили дьявола за тяжелые времена и боялись, чтобы он не овладел ими².

Неудивительно, что в Средние века вернулись некоторые из ранних демонологических практик лечения психических аномалий. Снова стало считаться, что ключ и исцелению больного состоит в том, чтобы изгнать из тела овладевшего им дьявола.

Со временем многое, конечно, изменилось. Прежде всего, человек перестал бояться диких животных, затем очень постепенно так сильно злых духов и магии, на смену которым пришли боги, впрочем, духи повсеместно до сих пор прекрасно уживаются с богами. В современном секуляризованном мире, особенно западном, страх перед божествами и иными потусторонними персонажами, разумеется, совсем не такой, как в первобытных и других древних сообществах, он не ощущается обычно в качестве непосредственной и фатальной угрозы жизни. Вместе с тем остается страх перед природными катаклизмами, а в последнее столетие — и перед техногенными катастрофами. Люди по-прежнему боятся войны, причем соответ-

¹ См.: Фрезер Д.Д. Указ. соч. С. 191.

² См.: Комер Р. Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики. СПб.; М., 2002. С. 27.

вующие переживания стали еще более острыми из-за того, что ядерное оружие сделало практически одинаково уязвимым фронт и тыл.

Однако не следует преувеличивать страхи людей по поводу атомного оружия: оно существует уже давно, они с ним смирились и редко вспоминают о нем. Люди продолжают страшиться преступников, причем в некоторых странах Африки, Латинской Америки и Азии защита в этом отношении крайне неэффективна.

К. Ясперс имел все основания писать, что вместе с феноменальными успехами рационализации и универсализации порядка существования утвердилось сознание грозящего крушения вплоть до страха утратить все то, ради чего стоит жить. Человека охватывает страх, вызванный тем, что он не может жить оторванным от своих истоков, ощущая себя просто функцией, его сопровождают жуткий страх перед жизнью, боязнь утратить витальное бытие. Страх распространяется на все, усиливая неуверенность. Жестокостей стало меньше, но они представляются страшнее, чем когда-либо. Каждый человек, чтобы выстоять, должен напрячь свою рабочую силу до предела, работать все интенсивнее из боязни быть выкинутым.

Страх перед жизнью обращается и на тело, считает Ясперс. Несмотря на увеличивающиеся шансы на долгую жизнь, господствует все увеличивающаяся неуверенность в жизнеспособности. Если существование более не поддерживается душевными силами, становится невыносимым в невозможности даже постигнуть его значение, человек устремляется в свою болезнь, которая как нечто обозримое охватывает его и защищает. Страх усиливается в связи с опасностью неизбежно исчезнуть как потерянная точка в пустом пространстве. Связывающая людей в сообществе работа продолжается лишь короткое время. В эротических связях вопрос об обязанностях даже не ставится. Ни на кого нельзя положиться, и человек не ощущает абсолютной связи с другими. Угроза быть брошенным создает ощущение подлинного одиночества, которое выводит человека из состояния сиюминутного легкомыслия и способствует возникновению цинизма и жестокости, а затем страха. Существование как таковое вообще превращается в постоянное ощущение страха¹.

К. Хорни полагает, что тревога может скрываться за чувствами физического дискомфорта, такими как сильное сердцебиение и усталость; за многочисленными страхами, которые внешне представляются рациональными и обоснованными; она может быть скрытой силой, толкающей нас к выпивке или погружению во всевозможные помрачения сознания. Часто мы можем наталкиваться на нее как на причину неспособности выполнять то или иное дело или получать удовольствие, и мы всегда обнаруживаем ее в качестве влиятельного фактора, стоящего за внутренними запретами.

¹ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 327—328.

Наша культура порождает в живущих людях огромную тревожность, констатирует Хорни. Следовательно, практически каждый построил ту или иную форму защиты. Чем невротичнее человек, тем сильнее его личность пронизана и скована такими защитами и тем больше вещей, которые он не способен и не пытается делать. Испытывая тревогу, он чувствует огромную и неотвратимую опасность, перед которой абсолютно бессилён, ощущая беззащитность перед ней. Иногда он ощущает ее как идущую извне, а в других случаях, как исходящую из собственных неуправляемых импульсов¹.

Разумеется, в понятия тревожности, тревоги, страха, боязни и т.д. можно вкладывать самое разное содержание, и мы не видим свою задачу в том, чтобы дать приемлемые для всех определения соответствующих явлений. Отметим лишь, что есть особые субъективные эмоциональные переживания, часто имеющие бытийное значение. Полагаем, что тревога и тревожность — синонимы, отражающие более низкий уровень беспокойства по сравнению со страхом, выше которого, в свою очередь, ужас, представляющий собой паническое, неуправляемое состояние психики. Нельзя не согласиться с Хорни, что наша культура порождает в людях огромную тревожность, особенно в урбанизированных регионах.

Особый страх вызывает преступность, и очень часто, уже не рассчитывая на правоохранительные органы, люди самоорганизуются, чтобы дать отпор преступникам, с помощью насилия творя свое «правосудие». В некоторых странах они просто боятся полиции, как, например, в России.

XX век с его двумя мировыми войнами и тоталитарными режимами продемонстрировал невиданные до этого масштабы жестокости, насилия и разрушения. У А. Камю были все основания назвать этот век «столетием страха». Одно из самых страшных зол этого столетия заключалось в том, что с ее помощью можно решить очень многие жизненные проблемы. Фашизм и коммунизм создали хаос и пустоту, в которых тщетно искали свои цели доведенные до отчаяния люди.

Фашизм и коммунизм еще создавали и тщательно культивировали образы врагов, вражеское окружение, от которых необходимо было защититься. Тем самым они создавали крайне тревожную обстановку в обществе. Отсюда оправдание террора внутри страны и нападений на другие страны, отнесенные к категории беспорных врагов. Вообще военным нападениям почти всегда предшествует психологическая обработка населения, чтобы оно начало страшиться врагов, прожывающих в определенных странах. Так, Муссолини убеждал итальянцев в том, что для них опасна далекая Эфиопия, а Гитлер доказывал немцам, что им грозит Польша.

¹ См.: Хорни К. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 312—313.

5

Объяснение злокачественной агрессии с архетипических позиций

5.1. Архетип «Чужой»

Возможности архетипической психологии могут быть с успехом использованы для научного объяснения самых разных социальных явлений, в том числе таких сложных, как злокачественная агрессия. Ниже будет предпринята попытка объяснить отдельные виды злокачественной агрессии с архетипических позиций. Представляется, что такой подход отличается новизной и будет значим для науки и практики, в том числе для уяснения неискоренимости подобных явлений: архетипическая природа человека и общества будет все время порождать злокачественную агрессию, разумеется, во взаимодействии с другими факторами.

Прежде всего, обратимся к очень яркой архетипической фигуре — *Чужой*.

Чужой — это глобальный прообраз, который сопровождает человечество с доисторических времен. У примитивных сообществ он наделялся таинственными мистическими силами, его следовало опасаться, как и убийц, воинов, убивших врагов, женщин во время менструаций, женщин после родов, лиц, находящихся в трауре, и т.д. Чужой выступал в качестве некоего психологического представителя враждебных сил, окружающих человека. С тех самых пор он неотвязно преследует людей в разных формах и разных ситуациях, но всегда олицетворяя собой угрозу, разрушение и даже смерть. Очень возможно, что на заре развития человеческой психики *чужой* был совершенно необходим: он заставлял думать и переживать, быть готовым к отражению атаки.

Чужой — это человек другой страны, другого рода, нации, языка, религии, иных убеждений, обычаев и традиций. Одним словом, чужой — это представитель другой культуры, который, очень возможно, является врагом, а поэтому его следует опасаться.

Для древних людей, как и для многих современных, своя территория воспринималась (и воспринимается!) не просто как ланд-

шафт, дома, улицы, люди «моей» культуры и т.д., но и как нечто хранящее духовные ценности, символы и смыслы, без которых существование немислимо. Человек, не осознавая этого, здесь ощущает свое как бы мистическое слияние со своей землей.

Как справедливо отмечает Т.В. Евгеньева, в условиях социокультурного кризиса современный человек готов отказаться от собственной индивидуальности в обмен на чувство защищенности, безопасности, которое дает реальное или мифологическое слияние с группой. При этом на первом этапе кризиса вперед выходят наиболее очевидные этнические и этноконфессиональные характеристики, по которым и происходит идентификация. Позже они дополняются и идентификацией региональной, где регион выступает в качестве особым образом идентифицированного субъекта («Мы») и возникает мистическое единство общности с территорией¹.

Чужой существует потому, что есть свой, свои, «мы». Принадлежность к «мы», т.е. к данному сообществу, определяется через «нашу» культуру, ее духовные ценности, обычаи, обряды, традиции. Ощущение принадлежности к ней в индивидуальном и групповом сознании обычно пребывает в латентном состоянии, но в кризисные периоды активизируется. Виртуальные «мы» и чужие есть реальная жизнь людей, многие из которых теряют самоидентичность из-за экзистенциального слияния со своей группой, ее символами и мифами, мифологизированными представлениями о времени, обществе, истории и т.д.

Архетип чужого и порождаемая им ксенофобия — не исключение из правил, а всеобщая закономерность. История религий, культур, отдельных стран и отношений между ними, войн, в том числе гражданских, — это история разделения на своих и чужих, это не только постоянный страх перед чужим, но и неугасающая убежденность в том, что он хуже, чем «мы» (он коварный, глупый, бездарный, трусливый и т.д.). То, чем он владеет, не должно посправедливости принадлежать ему, он завладел им с помощью обмана или грубой силы, по недоразумению или невероятному стечению обстоятельств. Владения чужого вызывали зависть и ревность, а иногда страх и ощущение опасности.

Чужое — это система таинственных и непонятных, а потому пугающих знаков чуждых людей, это система мифов, обычаев и традиций, в корне отличающихся от «наших» в первую очередь тем, что они представляют собой сплошную череду «нелепостей», которых «мы» бы, конечно, не допустили. Ксенофобические же уста-

¹ См.: *Евгеньева Т.В.* Культурно-психологические основания формирования образа «Другого» в современной России. «Чужие здесь» // *Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России.* М., 2004. Т. 2. С. 47.

новки передаются не только страхами перед другими, но и ленью, вялостью ума, интеллектуальной и эмоциональной ограниченностью людей, не желающих выходить за пределы привычных стандартов и коллективистских норм, многие из которых представляют собой пережитки общинной психологии. Поэтому можно утверждать, что *ксенофобия* является мощным источником идеологии и психологии массового сознания, этого главного хранителя архетипа чужого. Вместе с тем названные стандарты и нормы являются фактором, обеспечивающим цельность, единство со своей средой, что всегда остро необходимо человеку толпы. Он с радостью отдает этому единству самого себя, в том числе и свою свободу, лишь бы избавиться от невыносимой ноши самостоятельного принятия решений и ответственности.

С. Московичи писал, что толпа, масса — это социальное животное, сорвавшееся с цепи. Моральные запреты сметаются вместе с подчинением рассудку. Ослабляется социальная иерархия. Стираются различия между людьми, и люди выплескивают, зачастую в жестоких действиях, свои страсти и грезы: от низменных до героических, от иступленного восторга до мученичества. В цивилизациях, где толпы играют ведущую роль, человек утрачивает смысл существования, как и чувство Я. Блестящее определение национализма дал писатель Ф. Искандер: «Национализм — это когда свинья вместо того, чтобы чесаться о забор, чешется о другую свинью».

Как и каждому животному, толпе нужна добыча, и таковой очень часто становится чужой, выделяемый по любому признаку его непохожести на массу и ее человеческих единиц — расовому, политическому, национальному, религиозному, сексуальной ориентацией и т.д. Массу, которую раньше очень точно называли простонародьем, невозможно убедить, что чужой ни в чем не виноват, поскольку она в этом не нуждается, ей нужны не доказательства, а жертва. Она заранее уверена, что жертва виновна, потому что она есть воплощение архетипа чужого. При этом правильное понимание психологии предполагает, что ее члены отнюдь не только те, которые находятся в данный момент среди множества других таких же во время, например, демонстрации, собрания, шествия, погрома и т.д. Носителями ее идеологии и психологии являются все, кто принадлежит ей и в своей повседневной жизни, кто даже в одиночку будет думать и действовать как действительные ее члены, т.е. не по законам разума.

Очень важное негативное значение имеет тот факт, что в России слишком велик разрыв между интеллектуальной элитой, творческой интеллигенцией и массой, т.е. теми, кого выше я назвал простонародьем. Согласен, что это грубо, но точно. Насилие, в том числе преступное, чаще всего встречается в этом слое общества, а

его представители составляют значимое большинство тюремного населения.

Идеология и психология толпы не существуют только в тот момент, когда она во множестве собрана и мобилизована на что-то. Страна, в которой жизненно важные вопросы решаются не демократическим путем, а опираясь на толпу, провоцируя ее, скорее всего, находится в глубоком кризисе со всеми соответствующими последствиями. Мнения населения, которые постоянно стряпают различные фонды, газеты и центры, надо воспринимать крайне критически, так как они часто произвольно дают неверную картину, которая не может лечь в основу принятия государственных решений.

Из-за неспособности думать сборище людей проецирует извне свои образы-идеи. Она принимает за реальные факты то, что на самом деле является продуктом ее желаний и фантазий, слухов и внушений. Под влиянием других человек очень легко может уверить себя, что существует некая угроза, исходящая от той или иной национальной или религиозной группы, она приписывает ей ритуальные убийства, обманы, изнасилования и другие преступления, раздувает слухи и пускается в погромы и убийства. Если власть, опирающаяся на толпу, принимает недемократические или антигуманные решения, то она может быть уверена в их поддержке толпой.

Игнорирование массой явных противоречий, нежелание искать объяснение явлений и, напротив, желание видеть причины бед в чужих, их кознях и вероломстве, склонность к принятию простейших решений и использованию грубой силы и т.п. дают определенные основания полагать, что психология толпы является *хранителем архаического* психологического материала. В этом аспекте следует признать закономерным, что в объятия толпы сравнительно редко попадают люди с высокой культурой и образованием, разве лишь в качестве вождей и других лидеров; она обычно состоит из простонародья. Гитлер был точен, когда утверждал следующее: «Искусство пропаганды состоит в том, чтобы, примеряясь к уровню понимания тех слоев, среди которых работает воображение, слоев высоких масс, ведомых инстинктом, пропаганда в надлежащей психологической форме находила пути к их сердцу». Он превозносит использование образа во всех его формах, поскольку благодаря этому человеку приходится еще меньше напрягать свой рассудок.

Человек в ходе социализации обретает сознание, но в нем в разной степени присутствует человек прошлого, в том числе с помощью архетипа, мало сопоставимый с тем длительным филогенетическим периодом, в ходе которого мы сформировались и результатом которого мы являемся. Отключая сознание и существуя на уровне воображения, фантазии и инстинктов, человек совершает

обратный путь к своему более чем далекому предку. Когда он в толпе, ему совсем непонятно, что он действует против чужого.

Особое отношение к чужому заложено в человеческой природе: именно по этой причине маленькие дети боятся новых лиц. Но имеющиеся наблюдения показывают, что, если ребенок ощущает эмоциональную близость с матерью, ее защиту, его страхи перед чужими встречаются реже и они не столь глубоки и длительны. Детские страхи перед чужими людьми — это диффузное, спонтанное, имманентное предчувствие опасности, это восприятие нарушения кем-то границ знакомого и уже пока еще скрытая возможность предвидения будущего на фоне несформировавшегося Я.

У ребенка по мере взросления начинает расширяться горизонт, он постепенно будет понимать, что мир состоит не только из мамы, папы, бабушки и т.д. В этот период очень велика роль матери как связующего звена между ребенком и окружающим миром. Она путем своего эмоционального и телесного общения с сыном или дочерью должна дать им понять, что они могут доверять ей и миру, а также самому себе. Только нравственно и психически здоровая семья может обеспечить ребенку через его мать уверенность в том, что внешний мир не состоит из одних опасностей, что он составляет единое целое с ним.

Возникающий таким образом онтологический источник веры и надежды Э. Эриксон назвал первичным ощущением доверия. Это основная цельность, поскольку она подразумевает, что внутренний и внешний мир могут восприниматься взаимосвязано и как благо. Тогда первичное недоверие и страх — это совокупность различных переживаний, несбалансированных процессом интеграции. Можно полагать, что появившиеся на этом этапе из-за чужого вражда, отрицание, страх потери удовольствия и состояния нервно-психического напряжения при дальнейшем неблагоприятном развитии жизни и воспитании закрепляются в глубинах психики и определяют установки и отношения уже взрослого человека, в том числе недоверие и неприязнь к чужим. Общественные институты, религия и церковь способны сформировать в человеке доверие и уважение к чужим, но очень часто именно они и определяют линию разрыва между своими и чужими и само негативное содержание отношения к последнему. Особенно нетерпимые установки к чужим существуют в бедных, нуждающихся странах, но строящих планы своего экономического и социального процветания; там свои беды обычно чужим и приписывают.

Важно отметить, что человек, ненавидящий другого за его религиозную принадлежность, о самой религии того, другого, мало что знает, да и не хочет знать. Для него принадлежность чужого к этой «неправильной» есть данность, его исконная виновность; он осуж-

дает, собственно, не саму религию, в которой он ничего не понимает, а обычаи, традиции, в целом культуру, обусловленную религией. Точно так же он ничего не знает о нации чужого, ее историю, особенности, заслуги, о ней в целом он судит лишь по отдельным представителям.

Очень важна традиция отношения к той или иной нации и религии; например, в России многие десятилетия на бытовом, а в советские годы и на государственном уровнях такой традицией был антисемитизм.

Чужой, конечно, не является единственной причиной страха. Та же религия может порождать и другие страхи, тревогу, опасения, например по поводу конца света и Страшного Суда, демонов, сатаны и т.д. Причем надо отметить, что сатана или дьявол тоже являются частично архетипами чужого, но очень важно, что они выступают носителями зла, олицетворением его. Впрочем, позже они несколько изменились, уже у М.Ю. Лермонтова демон приобрел романтический ореол бунтаря, постоянно ищущего персонажа. Бог, этот великий архетип, создатель и покровитель всего на свете и, казалось бы, совсем не являющийся чужим, тоже может выступать причиной глубочайших страданий. Так, для Мартина Лютера не было страдания больше, чем неуверенность в своей судьбе в вечности; он не верил, что Бог, столь страстно почитаемый им, обеспечит ему спасение. Это было связано не только с ощущением собственной греховности, но и с неуверенностью в Боге, пожалуй, даже в большей степени. За всем этим стоит страх Лютера перед смертью, но не из-за мрака и неизвестности, с которой она может ассоциироваться, он как глубоко верующий боялся «сил адовых», которые там могут настичь его.

Страх перед чужим может быть вполне оправдан, если, например, он испытывается перед врагом Родины. Этот страх наряду с другими не менее важными факторами будет в основе осторожности, продуманности, предусмотрительности, выбора тактики и стратегии борьбы с действительным врагом.

Грань между своим и чужим может быть самой разной, если чужой — это незнакомый человек или лицо, придерживающееся иных нравственных убеждений, представитель другой социальной, национальной, религиозной группы и, следовательно, культуры. Наиболее кровавыми, как показывает вся история человечества, бывают идеологические границы, образующие политические или религиозные учения и догмы. Носители иных идеологических истин представляют особую опасность, поскольку они видят и воспринимают мир своими (естественно, «неверными») глазами, они верят в такие вещи и придерживаются таких духовных ценностей, которые неизменно являются «ложными» или в лучшем случае про-

дуктом заблуждения. Чужие идеологические ориентиры опасны не только сами по себе, но и потому, что они создают собственную культуру, свои институты, этику и эстетику, систему отношений, особую ментальность, а также государственные и общественные учреждения и организации, их защищающие. Культура, созданная идеологией, особенно религиозной, очень долговечна, она способна охватывать века, даже тысячелетия, поэтому ее влияние на общественное, групповое и индивидуальное сознание, на образ жизни и мироощущение людей чрезвычайно велико.

Этнорелигиозная и политико-идеологическая культуры, часто сливаясь, весьма экспансивны, в первую очередь те, которые сформулированы мировыми религиями. Они постоянно стремятся захватить другие ареалы, отнюдь не брезгуя при этом агрессией, а поэтому угрожают «нашим» кровным интересам. Человеку жизненно важно взаимодействии со своей средой, общение же с носителями иной культуры в ряде случаев может быть для него весьма травматичным. Оно может давать определенный опыт, который, как правило, нужен человеку думающему, а таких среди экстремистов ничтожно мало.

Порождение современной глобализации — появление новых линий размежевания между людьми. Эти линии идут теперь не столько по государственным границам, сколько по религиозным, которые стали размежеванием культур, в первую очередь христианской и исламской. Новые границы могут пролегать внутри одной и той же страны, одного и того же региона, вызывая нетерпимость и ненависть, а отсюда экстремизм и терроризм. Глобализация усилила ксенофобию во всем мире, поскольку ускорила миграцию, смешение рас, наций и религий, обычаев и традиций. Возникло поэтому взаимное непонимание, недоверие и неприязнь, рождающие агрессию. Россия, которая никогда не отличалась толерантностью, испытала это в полной мере. У нас стихийная, слабо контролируемая миграция привела к тому, что мигранты плохо адаптируются в новой среде, а среда отталкивает их от себя. Отсюда взаимная антипатия и вспышки агрессии.

В России, а еще больше в западном мире множится литература по толерантности, уважению личности независимо от ее социальной, национальной, религиозной принадлежности, цвету кожи или сексуальным пристрастиям, осуждению преступлений по мотивам ненависти к чужому. Но еще более значителен у нас вал литературы, пробуждающий, провоцирующей эту ненависть. Сейчас в российских книжных магазинах свободно продается антисемитская и иная националистическая литература. В ней вражда и ненависть к чужому не нуждаются в доказательствах, само отношение националиста или религиозного радикала к чужому уже является доказа-

тельством. Ксенофобическая психология опирается не на факты, а на проекции своих страхов и тревог, придает частному и единичному значение общего, подтасовывает факты и подвергает их предвзятым интерпретациям. Эта психология подвержена мистицизму, что особенно наглядно видно на примере гитлеровского нацизма, иррациональные смыслы которого маскировались штампованными фразами для толпы. Чужому могут приписываться даже магические, весьма губительные для других свойства, а также ориентация на достижение желаемого любыми средствами и любой ценой. Ксенофобическое сознание всегда нуждается в чужом, своем извечном враге, который постоянно плетет заговор, при этом враг — чужой никогда объективно не исследуется и не оценивается, он всегда подозревается, преследуется и разоблачается.

В массовом сознании противостояние «мы» и *чужие* часто дополняется верой в существование абсолютной правды. Ею обладают, конечно, только «наша» религия, нация, система, партия и т.д., убеждения и взгляды всех остальных — лишь заблуждения и ошибки, иногда злонамеренные. Эта вера определяет, в частности, messiанизм российской политической культуры и такое специфическое явление этой культуры как соборность, которую приписывают себе даже российские коммунисты, не очень, видимо, понимая, что это такое. Соборность противостоит понятию демократии, поскольку в соборности невозможно существование иного мнения, позиции меньшинства. Любой выпадающий из общности автоматически становится носителем ложных идей, часто враждебным *чужим*. На мой взгляд, соборность тесно связана с общинной идеологией и психологией, более того, она скорее всего порождается ими, являясь характерной особенностью российского общества, в котором еще сильны коммунистические начала, а последние вообще характерны для бедных стран.

В какой бы культуре ни функционировали и ни развивались бы человеческая психика, сознание, рациональная деятельность — в традиционной, модерновой или постмодерновой, везде и всюду пролегают более или менее заметные границы, водоразделы, стены, демаркации между «своим» и «чужим». Давно замечено, что сознание питает больший интерес к *чужому*, нежели к «своему», ибо свое — знакомое, здешнее, обычное, тогда как чужое — колоритное, энигматичное, загадочное, вызывающее страх и одновременно интерес и влечение. В значительной степени *чужой* обладает активным поведением, он как бы представитель иной реальности. В культуре на основании архетипической оппозиции «свое — чужое», структурирующей бессознательное, возникла соответствующая категориальная оппозиция, сознательно осуществляющая рубрикацию мира — внешнюю и внутреннюю, пространственную и временную — и об-

наруживающая в себе характер конституитивного параметра. Данное различие размыкало хаос и позволяло высвободить планы порядка. Для архаического человека, если прибегнуть к современной терминологии, свое — суть реальность, а чужое, хаос — суть виртуальность, отличающаяся неимоверной подвижностью, не позволяющей чему-либо стать в виде действительного¹.

Наш интерес к *чужому* для объяснения агрессии заключается в том, что отношение к нему лежит в основе терроризма и экстремизма, особенно носящих этнорелигиозный характер, многих убийств и иных насильственных действий, субъективный смысл которых может заключаться в защите от другого. Архетип чужого мотивирует преступления ненависти на расовой, национальной, религиозной или социальной почве, число которых в России достаточно велико. Восприятие другого как чужого активно питает военные преступления против мирного населения и военнопленных, а также может объяснить жестокость в отношении представителей иных наций и религий, пренебрежительное отношение к их правам и интересам. Корыстные имущественные посягательства на них тоже способны быть следствием того, что они «чужие».

Исламские радикалы, так склонные к экстремистским и террористическим действиям и отличающиеся только черно-белым видением мира, четко делят его на свой и чужой. Это совершенно естественно для них, и подразумевается, что все *чужое* недостойно уважения, жизнь и честь чужих ничего не стоят, тем более что они постоянно угрожают «нам». Эта угроза остро ощущается в современных процессах глобализации, которая может уничтожить привычный образ жизни, идущий от далеких предков, духовные ценности, символы и смыслы. К символам, например, исламские фундаменталисты особенно чувствительны, поэтому 11 сентября 2001 г. были атакованы символы западного процветающего общества: экономический — башни-близнецы Торгового центра в Нью-Йорке и военный — здание Пентагона в Вашингтоне.

Российские неисламские террористы и экстремисты психологически мало чем отличаются от исламских, для них любой представитель иной нации, расы или религии представляет угрозу, которую необходимо снять. Они не в состоянии понять, что страх, вызываемый *чужим*, есть продолжение их детских страхов, бессознательный перенос на других собственных личностных неприемлемых черт и восприятие этих других уже как носителей названных черт. У детей и примитивных людей (не только первобытных, но и вполне современных, например у тех же этнорелигиозных террористов и экстре-

¹ См.: Адлер Г. Предисловие // Нойман Э. Глубинная психология и новая этика. СПб., 1999. С. 7—8.

мистов) страхи и желания не испытываются и не познаются как часть собственной психики. Они проецируют их на окружение и объективируют в виде злых сил, особыми носителями которых являются *чужие*. Собственные черты, воспринимаемые как недостатки и переносимые на других, есть, собственно говоря, *Тень*, т.е. низшая и бессознательная часть личности, которая вследствие своей несовместимости с сознательно избранной установкой подавлена. Один из способов подавления и состоит в переносе Тени или ее части на других, при этом они остаются относительно автономными, отщепленными сегментами с противоположными тенденциями.

Как убедительно писал Г. Адлер, современному человеку в первую очередь необходимо осознать все зло, заключенное в нем самом: свою «темную», неполноценную личность, свою Тень. Эту сторону слишком часто и слишком легко обнаруживали в другом человеке и проецировали на него, что составляло один из способов удовлетворения известной потребности найти козла отпущения для своих собственных недостатков. В результате этого мы разделили мир на «хорошие» и «плохие», высшие и низшие народы, расы или индивиды со всеми вытекающими отсюда катастрофическими последствиями. Такими катастрофическими последствиями стали нацистские и большевистские практики уничтожения *чужих*.

В условиях экономического и социального кризиса этот опаснейший *чужой* начинает заявлять о себе во весь голос. Гитлеровская Германия и большевистский СССР были окружены плотной стеной страшных и неумолимых врагов, которых, естественно, следовало уничтожать.

В СССР словосочетание «враг народа» многие годы было столь же обычным и привычным, как впоследствии «пятилетка качества» или «великие стройки коммунизма». Конечно, «врагом народа» мог быть только *чужой*, его влияние на общественную жизнь и даже развитие экономики, по представлению советской пропаганды, было огромным, при этом он выводился за рамки советского общества. Для германских нацистов *чужими* были евреи, цыгане, славяне, западные демократии.

Вообще очень просто и выгодно называть других причинами своих промахов и неудач, своей лени и безынициативности, своей необразованности и бестолковости. Поэтому если кто-то в чем-то нуждается, но не может удовлетворить свои потребности, то виноваты представители известной нации или религии, которые захватили все богатства в свои руки; если нет работы, то, разумеется, по той причине, что ее дают только приезжим; если проигрывается сражение, то не потому, что бездарны военачальники и армия плохо вооружена, а из-за шпионов и предателей и т.д.

Таким образом, мы видим, что корни ксенофобии, убийств и иной жестокой агрессии на почве национальной, религиозной или социальной вражды и ненависти носят архетипический характер.

Для исламских фундаменталистов граница между своим и чужим строго очерчена верой, которая объединяет всех, кто ощущает угрозу со стороны среды — иного, немусульманского мира. В соответствующем видении этого мира важное место уделялось отдельным элементам, которые социально-психологическими механизмами объединяются в системы образов — символов, т.е. архетипов. Эти образы суть стержни, вокруг которых объединяются сообщества. В тех странах или сообществах, которые готовятся к вооруженным действиям, террористическим акциям, проявляют агрессию по отношению к соседям или в международных делах, особенно сильна тяга к возвышению лидера, который начинает приобретать черты героя и вождя. Его образ мифологизируется, его власть и психологическое пространство вокруг нее сакрализируются, как, например, с образом аятоллы Хомейни в Иране. Одновременно происходит поиск виновных, в число которых обычно входят потенциальные противники, очень часто надуманные.

Чужими, как справедливо отмечает Э. Нойман, могут быть незаурядные, исключительно талантливые, гениальные люди. Они тоже способны выступать объектом преследований и гонений, особенно если их политические установки и предпочтения противоречат существующей системе. Их травят именно по этой причине, а не потому, что, как полагал Нойман, они служат связующим звеном между тотемными остатками, ритуальным убийством короля на заре человечества и концепцией искупительной жертвы Бога. Особенно рельефно названная мной причина проявляется в тоталитарных обществах, которые вполне покровительствуют тем талантливым людям, которые воспевают его ценности. Другие же, имеющие собственное мнение, отвергаются режимом, преследуются маргинальными личностями.

Нойман прав, что история так называемых цивилизованных стран характеризуется принесением в жертву выдающихся личностей, хотя они являются проводниками той силы, под воздействием которой история движется вперед. Сократ, Иисус и Галилей принадлежат к бесконечному ряду таких людей. Все народы и все эпохи внесли свою лепту в ритуал принесения в жертву выдающихся личностей в качестве козла отпущения. И если в наши дни этот ритуал осуществляется и сознательно и бессознательно, то вряд ли можно говорить о каком-то прогрессе¹.

¹ См.: *Нойман Э.* Глубинная психология и новая этика. СПб., 1999. С. 54.

В странах западной демократии идентификация происходит не по национальным, расовым или религиозным признакам, а по гражданству. Однако это не значит, что там не существует *чужой*, выделяемый по тем же национальным, расовым или религиозным признакам, но такой чужой там гораздо менее отделен от остальных и конфликты на этой почве реже. Между тем *чужой* может быть определен и по социальным признакам, т.е. по своему месту в системе общественных отношений или по уровню материальной обеспеченности. Одним словом, *чужой* представляет собой вечную социально-психологическую категорию, так же как и «мы».

Угроза, олицетворяемая чужим, часто не имеет характера определенного ущерба, который будет нанесен. То, из-за чего человек тревожится, может быть совершенно неопределенным. Эта неопределенность не только оставляет нерешенным вопрос о том, какая именно внешнемировая сущность угрожает, но может свидетельствовать о том, что такая сущность вообще непонятна и незнакома. В последнем случае даже то, что имеется под рукой, может не помочь, лишь увеличивая уровень тревожности и приводя к панике и обрушению всей системы личностной защиты. Страх перед... сразу становится страхом за... *Чужой* подтверждает, что мир есть далеко не безопасное место и он непредсказуем. *Чужой* в то же время является способом познания себя и мира, открытия новых реальностей, в первую очередь путем хотя бы простого сравнения.

Однако было бы неверно думать, что тревожность и страх возникают исключительно в связи с появлением *чужого*. Они могут быть детерминированы самой природой человека, его организмом и фактом существования человека в мире. Все это полностью относимо к обществу: оно тоже может опасаться *чужого* потому, что такова ее природа и особенно — ее актуальное состояние, тем более если оно тревожное. Естественно, что *чужой* может изобретаться намеренно, например, для расправы с кем-то.

Между тем далеко не все согласны с тем, чтобы жить в окружении только всего знакомого. Многим абсолютно необходимы выходы за пределы привычного бытия и контакты, даже столкновения с *чужим* — людьми, обычаями, ценностями, культурой, особенно если свое не дает ответа на самые важные и мучительные вопросы. Но это не значит, что они не испытывают страха и тревоги, в частности, перед *чужим*. Эти эмоции совершенно необходимы социализированному человеку, равно как и животным, что дает им преимущество с точки зрения эволюции, для защиты и выживания.

Чужой — это не чужой или посторонний. По Камю, это не отчужденная личность, а человек, пришедший из другого мира, среды, культуры, сообщества, способный разрушить «наш» гомогенный мир, культуру, бытие. Как физическая фигура, он вполне реа-

лен, а вот его опасность, олицетворяемая им угроза, — только виртуальны. Это его последнее качество, впрочем, тоже реально для воспринимающего, особенно если последний отличается высокой тревожностью и мучим страхами.

Для него данная виртуальная оппозиция всегда демонстрирует что-то чуждое, непонятное, даже страшное, вызываемые импульсы и реакции зачастую оказываются ранее неизвестными для «Я». *Чужой* в ряде случаев может вызывать сильные эмоции, напряжение, даже потрясение. Этот архетип все время доказывает свою устойчивость, в то же время корректируя свои проявления в зависимости от внешних условий. Он предстает в качестве основы для возникновения различных комплексов и искажений действительности.

Виртуальный *чужой* архетипичен не только как персонаж, но и как извечно длящееся событие, выплескивающееся в реальность, а поэтому не подлежащее рассмотрению в качестве индуктивного обобщения вытесненных неприятных встреч с реальным *чужим*. Виртуальный *чужой* — тень, стремящаяся к поглощению, завладению, разрушению чего-то ценного и принадлежащего нам, а не ему. Это наше когда-то, возможно, и принадлежало ему, но было безвозвратно отчуждено и передано в нашу пользу. Виртуальный *чужой* посягает на нашу свободу, одухотворенность, на возвышенность нашей души. Все действия *чужого*, как и приписываемые ему помыслы и намерения, носят архетипический характер.

Конечно, в эпоху глобализации люди намного лучше знают других, но, во-первых, именно глобализация рождает смешение рас, наций и вероисповеданий; во-вторых, знание отнюдь не означает признания. Поэтому, оказавшись рядом, люди разных культур не способны понять и принять друг друга.

Чужой может представляться явно патологизированным образом или такой фигурой фантазии, которая с трудом собирается в единое целое. *Чужой* может рисоваться как нечто страшное, но и как ничтожное, мелкое, слабое, недостойное жизни, безобразное. Такое случается, например, перед войной или во время войны, когда готовится захват другой страны. Но и страшное, и ничтожное следует рассматривать как порождение собственных глубинных переживаний и влечений человека, бытие которого совершается тяжело и болезненно. То виртуальное, которое именуется *чужим*, способно быть ловушкой, и попавший в нее оказывается в ситуации вечного опасения и утраты себя. Ему обычно не дано осознать, что утрата себя здесь есть освобождение от этой ловушки.

В качестве чужого может выступить и свой, но вышедший за ролевые рамки, предписанные данной культурой. В качестве чужого может рассматриваться и так называемый маргинал, если под маргинальной личностью понимать такую, которая, хотя и стоит на

границы двух культур, все же больше тяготеет к иной. Архетип чужого отмечает внешние границы «своих», причем границы могут быть очень жесткими, недоступными для чужаков. В качестве барьеров могут быть расовые, этнические, религиозные, социальные и иные нормы, наряду с которыми способны выступать предрассудки и даже суеверия.

5.2. Архетип «враг»

Человек не всегда в состоянии понять, что он сталкивается с *чужим*, непонятым, чуждым ему, например когда сталкивается с обаятельным и умным злодеем. И злодей также является архетипической фигурой, но иногда хорошо замаскированной. Чтобы понять его, индивид иногда начинает идентифицировать его с известными ему объектами реальности, но, если такая попытка ошибочна, т.е. объект выбран неверно, планы злодея получают хорошие шансы на реализацию. Как архетип злодей многолик: от мелкого пасквилянта, терзающегося по поводу своей ничтожности, до державного преступника — главы тоталитарного государства, уничтожившего тысячи и даже миллионы своих соотечественников. Особый класс злодеев составляют рецидивисты, многократно совершающие тяжкие насильственные преступления, сексуальные банкроты, которые насилуют и убивают женщин и детей, наемные убийцы.

Выявление и клеймение чужого представляют собой рационализации в виде защитного механизма. Она дает мощный толчок ксенофобским настроениям во всем обществе или в его отдельных группах. Поиски врагов осуществляются и в собственной истории, и они, конечно, оправдывают наихудшие предположения. Одновременно из прошлого один за другим вытаскиваются «наши» герои, основная заслуга которых состоит в подавлении и разгроме врагов. Таким образом, происходят сакрализация истории, которая становится не профанным, а священным временем, а также демонизация врагов. Мифологизация позволяет скреплять общество, формируя и поддерживая идентичность. Идея общенационального единения в России выражена, например, в проправительственном движении «Наши», позволяющем оттенить, выставить напоказ других — *чужих*, вредных, опасных.

Страны, возникшие после распада империй — СССР и Югославии, пережили социокультурные кризисы, в рамках которых и в целях самосохранения шел поиск своей национальной и религиозной идентичности, утверждение на этой основе себя в качестве самостоятельного субъекта отношений. Это не могло не вызвать напряженность и конфликты с другими, особенно с соседями, что вылилось в настоящие войны и военные преступления.

Этническая идеология дает некоторым видам политических движений устройство по типу клановой идентификации, которая берет свои формы в глубокой архаике, считает А.Л. Зверев. В тех обществах, где до сих пор существуют архаизированные отношения, существует и клановая идентификация в прямом смысле (Африка, Средняя Азия и др.). В современной политике такая идентификация представлена в виде так называемых партий власти¹. Именно такая система существовала и существует в странах Средней Азии, была в СССР, сохранилась в России, в том числе на региональном уровне. Она порождает межклановые конфликты и ксенофобические настроения, активно подогреваемые утверждениями, что проблемы и несчастья нашей страны вызваны засильем нерусских во властных структурах и всемогуществом олигархов, евреев по национальности. Они и выступают в роли *чужих*, но, конечно, не они одни.

Л. Гудков, опираясь на мониторинговые исследования массового сознания, проводимые во ВЦИОМ, показал становившуюся все более явной после 1994 г. взаимосвязь между высокими самооценками публики, вновь утверждавшейся в своем великом прошлом и необыкновенных национальных достоинствах, и нарастающей ксенофобией и изоляционизмом, невротическим отказом сопоставления себя и других стран, особенно тех, которые считаются нормальными, т.е. благополучными. Восстановление на публичной сцене «врага» (не только мятежных «варваров» — бандитов-чеченцев, но и американцев, НАТО и др.), его присутствие в качестве «горизонта» происходящего, стало условием повышения всеобщего массового тонуса в 1999—2000 гг. Антизападный фактор в большой мере способствовал приходу к власти лидеров, вышедших из спецслужб и армии.

Актуализация образа врага означает, что само общество начинает испытывать сильные социальные напряжения, источники которых с трудом опознаются и рационализируются. Речь в данном случае идет не о конкретных неприятностях или частных действующих лицах — противнике, оппоненте, социально опасном лице, т.е. предсказуемых и понимаемых по своим мотивам действиях. Для того чтобы этот актер стал «врагом», он должен получить ряд генерализированных характеристик: неопределенность и непредсказуемость, асоциальную силу, не знающую каких-либо нормативных или конвенциональных характеристик. В такой тревожной и неясной ситуации общих страхов начинают оживать архаические интегративные механизмы, заставляющие людей чувствовать свою общность перед лицом опасностей².

¹ См.: Зверев А.Л. Образ «Другого» в политических регионах России // Политическая психология: Хрестоматия. М., 2007. С. 207.

² См.: Гудков Л. Идеология «врага». «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М., 2005. С. 11—12.

Враг — наиболее опасный тип чужого, главная угроза обществу, стране, государству, нации, душе, религии, природе, сверхценной идее, социальной группе «мне» и т.д. Он может быть надуманным, в том числе для расправы с инакомыслящими (например, «враг народа» в СССР), или вполне реальным (например, нацистская Германия для народов СССР). От него необходимо защищаться, в частности, путем нападения, можно укрыться, уйти, убежать либо победить. Враг может не только сплачивать людей, но и разъединять их. Он может действовать напрямую и даже открыто, так сказать, с «мечом в руке», другие враги действуют скрыто, представляют угрозу отдельным социальным институтам и общественным ценностям, обществу в целом, его смыслом и символам. Эти «другие враги» могут переманивать на свою сторону тех, кто недоволен существующими порядками в своей стране, в своей общности, группе, вызывая таким образом в них раскол, подозрительность и недоверие.

Враги иногда составляют атрибутивный элемент идеологии и психологии, в первую очередь тоталитарных государств: в силу своей паранойальности у них всегда есть враги, внутренние и внешние, эти враги всегда тотальные. Образы врагов при этом являются продуктом соответствующих социальных институтов, государственных, бюрократических учреждений и находящихся у них на содержании идеологов. Эти образы вырабатываются постоянно, меняется только их внешнее обличье, появляются новые враги и новые угрозы в соответствии с политическими изменениями и государственными заказами. Как показывает история, страхи паранойального государства всегда влекут за собой многие тысячи жертв. То же самое можно сказать о традиционалистских обществах, которые в современных условиях глобализации видят врагов в западных цивилизациях и готовы обороняться от них с помощью террора.

Нельзя не присоединиться к мнению Гудкова, что для современного, сложноустроенного, упорядоченного, обладающего значительным ресурсом безопасности и многократными системами внутренней и внешней защиты общества неспецифичны архаические механизмы объединения людей перед лицом реальных или мнимых опасностей. В таких обществах ни армия, ни полиция не являются центральными, представительскими институтами, символически обозначающими основные ценности всего целого. В качестве таковых выступают совершенно иные публичные институты: свободный рынок, парламентская или научная дискуссия, спорт, гражданская благотворительность и т.д.

Человек психологически объединяется со своим врагом более тесной зависимостью, чем с просто чужим. Они оказываются прикованными друг к другу взаимной неприязнью, враждой, ненавистью, и уже это не дает им возможности разойтись. Причем враг

может быть той веры, социальной и национальной принадлежности, что и его контрагент, но это не делает его своим: он чужой по своим моральным, профессиональным, духовным, эстетическим качествам, потому что их разъединяет ненависть, зависть, ревность и другие аналогичные чувства. Такой враг, выделенный не на массовой основе, а в личных, даже интимных контактах, более индивидуализирован, чем, например, солдат вражеской армии. Но даже и такой индивидуализированный враг обычно наделяется не только личностно-неповторимыми, но и архетипическими чертами.

Враг всегда обростаёт нелестными характеристиками, низкими моральными качествами, а иногда и убогим интеллектом. Так поступали и поступают террористы и экстремисты всех мастей, так происходит и в повседневной современной жизни. Когда же дело доходит до войны или вооруженных столкновений, врагу приписываются трусость, коварство, подлость, недалёковидность.

Так, хронисты первого крестового похода считали, что мусульманские правители отличаются гордыней, которую средневековая религиозная мораль осуждала особенно сильно. Вообще все мусульмане, по мнению крестоносцев и их бытописателей, были грешниками со всеми вытекающими отсюда последствиями, поскольку они не знали истинного Бога. Образы сарацинов не лишены фантастических и экзотических черт, все время подчеркивается их способность к магии, постоянные занятия астрологией и предсказаниями будущего по звездам. Между тем магия, этот вид чудесного, вообще не вписывалась в систему официального христианского вероучения. Зловредная магия и благочестивое чудо были двумя полюсами в контактах со сверхъестественным. Христианские отцы церкви, не отрицая способности сатаны преступать в своих действиях законы природы, предупреждали, что зловредная магия, магические чудеса суть лживые подделки, лишённые характера божественного откровения и благочестивого смысла. Хронисты в своих повествованиях ясно дают понять читателю, что чудесное, связанное с мусульманским миром, в любом случае не вписывается в систему христианских ценностей. В их рассуждениях о «другом» именно магические и экзотические интеллектуальные занятия мусульман являются одними из критериев их инаковости¹.

Мусульмане рисуются подчас неразумными и беспечными, не умеющими адаптироваться к новой ситуации. Главное, что сарацины — другие, поскольку занимаются зловредной магией и прорицаниями, верят в иррациональную переменчивую судьбу, уверены в возможности заглянуть в будущее и повлиять на него посредством

¹ См.: *Луцицкая С.И.* Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 198.

магических действий. Поэтому их мировоззрение несовместимо с христианскими ценностями.

Во время войны на Северном Кавказе при подготовке боевиков и террористов идеологи исламских фундаменталистов широко использовали возможности очернения всего российского, и прежде всего русского, всех немусульман, их нравов, обычаев, моральных качеств.

Ненавистью и враждой к чужому проникнуты даже некоторые великие книги. Так, Откровение святого Иоанна Богослова постоянно угрожает смертью тем, кто не разделяет христианского верования, и даже тем, кто не доверяет пророчествам этой книги. Все они — чужие. Не случайно Апокалипсис стал синонимом насилия и жестокости. Но эта книга — не исключение в Библии, и в других ее произведениях много кровавых страниц, причем самые страшные угрозы и проклятия исходят от бога-отца — Яхве.

Постоянное деление на своих и чужих легко можно обнаружить в «Манифесте Коммунистической партии». Чужим Маркс и Энгельс прямо и косвенно грозят уничтожением, что и сделали их российские и иные последователи. В этом отношении «Манифест...» мало чем отличается от Библии и особенно Апокалипсиса.

В центре идеологизированного языка коммунистов лежала возможность описания реальности как укорененной в древнем противостоянии «мы — они», в расколотости, во взаимоотталкивании этих полюсов, в стремлении либо подавить силой раскол общества и власти, либо попыткой подменить реальный конфликт каким-то другим путем, чтобы найти мифологизированного врага, направить против него архаичную массу.

Культурная ситуация в советском обществе открывала возможность ее описания на языке конфликта. Попытка подавления раскола силой, создание идеологизированной картины конфликта требовали постоянных человеческих жертв. Народ в ситуации раскола воспроизводил в качестве руководителей ту группу людей, которая говорила на понятном ему, глубоко архаичном языке подавления врагов. Идеология позволяла в соответствии с политическими стремлениями власти быстро менять границы между полюсами «мы — они». В сложном обществе эта формула, оставаясь неизменной, могла постоянно интерпретироваться как меняющая свое конкретное содержание, т.е. «назначение» тех, кто, какие группы, народы, страны относятся к «мы», а кто — к «они». Архаичный вариант этой культуры сохраняет неприятие культуры с преобладанием диалога. Коммунисты не признавали диалога и компромисса, они могли только диктовать.

Ненавистью к врагу дышит грязная фальшивка «Протоколы сионских мудрецов». Она составлена очень умело: «мудрецы» излага-

ют якобы свои сионистские планы мирового господства, подчинения себе всех стран и народов путем финансового порабощения и нещадной эксплуатации. При этом они презрительно отзываются о неевреях, и все это, вместе взятое, рисует психологически достоверный для не критических мозгов образ лютого врага — еврея. Не случайно «Протоколы...» вызвали еврейские погромы в дореволюционной России и были взяты на вооружение гитлеровской Германией. Антисемиты и сейчас верят в их подлинность.

Образ жертвы преступления как чужого и даже врага постоянно формируется у преступников. Так, исследование, осуществленное А.В. Молостовым, показало, что представления о жертвах преступлений, характерные для осужденных, содержательно отличаются от представлений законопослушных людей. Осужденные обычно утверждают, что жертвы преступлений сами часто совершают преступления, в то же время боятся преступников и хотят их наказать, в первую очередь возместить ущерб от преступления, и не нуждаются в сочувствии, ибо сами виноваты в том, что с ними произошло. Показательно, что 31% общего числа преступников в своих рисунках в качестве жертвы изобразили физически и социально успешного мужчину¹. Именно этот факт свидетельствует о том, что потерпевшие принадлежат к иному миру, чем преступники.

Все или во всяком случае очень многие беды и трагедии человечества исчезли бы, если люди перестали бы так остро и непримиримо воспринимать других людей как чужих, которых следует опасаться, ненавидеть, презирать и т.д. Поэтому можно сказать, что *толерантность* — это высшая культура, это не только понимание различий в мире, но и придание этим различиям ценности. Толерантность — это высшая нравственность.

В то же время мы не должны пренебрегать фактическим разнообразием культур, нельзя не констатировать наличие дикарей и варваров, нельзя утверждать, что их культура по сравнению с европейской просто другая культура. Различия существуют, причем весьма существенные, и культура дикарей не просто иная: утверждать такое — значит ставить знак равенства между их фольклорной музыкой, исполняемой на примитивных деревенских инструментах, и музыкой, например, Моцарта. Дикари и варвары несомненно существуют, но это ни в коем случае не означает, что не нужно уважать их честь и достоинство, их верования, обычаи и традиции, если, конечно, они не противоречат морали и закону. Сегодняшняя вариативность культур иллюстрирует стадийность всемирно-исторических процессов зарождения и развития цивилизаций. В XX в. ци-

¹ См.: Молостов А.М. Представления осужденных о жертвах преступлений: диагностика и коррекция: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань. С. 14—15.

виллизация продемонстрировала, насколько она хрупка, когда Россия и Германия провалились в варварство. Даже в рамках одной нации, религии, страны. Есть вполне современные с виду люди, ничем не отличающиеся от дикарей, например серийные убийцы.

Деление людей на своих и чужих, вражда и ненависть к чужим приводят к самым трагическим последствиям. Небывалый рост ксенофобии в России не только оказывает существенное влияние на правопорядок и преступность в обществе, но и сотрясает самые его основы, что особенно проявилось во время чеченских войн. Поэтому необходим поиск причин ксенофобии, но следует учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, Россия, населенная людьми разной национальной и религиозной принадлежности, всегда была насыщена насилием, особенно в годы ленинско-сталинской диктатуры. В России всегда были сильны антисемитские настроения, они не исчезли и в нынешних условиях проявляются свободно, в том числе в средствах массовой информации. Во-вторых, нельзя объяснять преступления ксенофобии (преступления ненависти) одними столько материальными обстоятельствами. Объективно нетерпимость, ксенофобия, злоба, зависть и, как следствие, преступления ненависти, совершаемые по мотивам расовой, этнической, религиозной вражды, а также гомофобии суть закономерный, необходимый и неизбежный результат непомерного разрыва уровня и образа жизни сверхбогатого меньшинства населения и нищего или полуннищего большинства, всеобщей неустроенности жизни, ее низкого качества.

Представляется, что только обстоятельствами экономического характера, уровнем материального обеспечения людей невозможно объяснить феномен чужого и весь комплекс ксенофобических проблем с их криминальной составляющей. Например, в США после отмены рабства ненависть к неграм вспыхнула с необыкновенной силой, причем в первую очередь со стороны вполне обеспеченных белых; ненависть к англичанам и шотландцам несли совсем небогатые ирландцы, а к испанцам — такие же баски. Вместе с тем не вызывает сомнений, что нищих и полуннищих людей с соответствующим уровнем образования и культуры достаточно легко убедить в том, что в их бедах повинны не они сами, не те, кто захватил власть и богатство, а евреи, лица кавказской национальности, американцы, НАТО и т.д. Таких людей легко привлечь в погромные (штурмовые) отряды типа организации «Наши» в России, склонить к ограблению семьи в Чечне или устроить еврейский погром. Таким образом, мы видим, что чужой и ксенофобия «нужны» для решения самых разных социальных и политических задач.

Представление о других расах, отношение к ним как к врагам тоже может быть объяснено с архетипических позиций. Так, Хиллман полагает, что представление о превосходстве белой расы архетипически наследуется самими представителями этой расы. Он цитирует этнографические свидетельства, которые антрополог В. Тернер привез из Африки, чтобы продемонстрировать в транскультуральных аспектах, что не только белые, но и черные склонны считать «белый» и «черный» цвета как, с определенной точки зрения, превосходящие (или хорошие) и подчиненные (или плохие). В работе «О человеческом многообразии» (1993) известный культуролог Ц. Тодоров также настаивает, что расизм может быть обусловлен отчасти причинами, имеющими отношение к универсальному символизму: белое—черное, светлое—темное, день—ночь — эти пары, по-видимому, существуют и действуют во всех культурах, причем первый компонент пары обычно имеет превосходство перед вторым. Хиллман и Тодоров интересуются, почему расизм столь устойчив к серьезным социально-политическим попыткам его уничтожить. И они находят схожие объяснения: бессознательная проекция архетипического или универсального фактора — оценка света (белый-светлый-день в оппозиции к черной-темной-ночи) переносится на людей.

Согласно Хиллману, проблема в том, что расисты — это буквалисты, которые иррационально смешивают физическую реальность с психической реальностью и неправильно применяют оппозицию белого и черного цветов для своих предосудительных и дискриминационных целей. Для разрешения этого затруднения и преодоления расизма, утверждает он, необходимо предусмотреть (дебуквализировать, или метафизировать) фальшивую оппозиционную логику, которая производит представление о превосходстве белой расы. С этой точки зрения расизм является ошибкой воображения¹.

Р. Боснак, специалист в области архетипической психологии, тоже обсуждает «черноту» в контексте оппозиций белое—черное, светлое—темное, день—ночь. Он различает образы «африканской» черноты и образы черноты «Танатоса». По мнению Боснака, чернота «Танатоса» не имеет отношения к расе. Ночь, страх и смерть, но также романтика и любовь — все эти образы, ассоциирующиеся с ночью, транскультуральны. Существует что-то в ночи, заставляющее людей бояться. Это иной сорт черного, чем расовое черное. Танатические, черные фигуры могут встречаться в сновидениях людей любой расы².

¹ Приводится по: *Адамс М.В.* Архетипическая школа // Кембриджское руководство по аналитической психологии / Под ред. П. Янг-Айзендрат и Т. Аусона. М., 2000. С. 177—178.

² Там же. С. 178.

Безусловно, присоединяясь к этим суждениям, хотелось бы добавить, что презрительное и (или) враждебное отношение к представителям черной расы возникло и по другим, гораздо более видимым причинам — экономическим и общесоциальным. Прежде всего, страны черной расы значительно отстают в своем экономическом, политическом, культурном и общественном развитии. Еще в древности ее представители находились в услужении людей белой расы, в социальной иерархии они обычно занимали низшие ступени. Это породило ложное представление о том, что люди черной расы по своим интеллектуальным и даже этическим возможностям просто не способны сравниться с людьми других рас, особенно белой. Само такое отношение стало архетипическим.

5.3. Другие архетипические образы, вызывающие агрессию

Архетип злодея Одна из главных и наиболее заметных архетипических фигур — архетип *злодея*. Он есть олицетворение и носитель зла, хотя и выступает в разных ипостасях в различных культурах, причем особое своеобразие ему всегда придает религия. Но у всех (или почти у всех) народов есть один и тот же зловещий образ, воплощение земного зла — преступник, потому что у всех (или почти у всех) народов есть преступники. Впрочем, в ряде культур, главным образом в Древности и Средневековье (эти периоды и сейчас характерны для отдельных стран и народов), в качестве преступников выступали «посланцы» потусторонних сил, обвиняемых в колдовстве и других подобных культовых и пережиточных преступлениях. Иногда даже «обычные» преступники, например воры или убийцы, тоже объявлялись порождениями сатаны.

Для современного цивилизованного мира фигура преступника вполне привычна, и поэтому наука делает ее одним из объектов научного познания. Она выступает под названием «личность преступника», но наука стала определять так тех, кто совершает преступления, не сразу. В разные эпохи и в разных культурах по-разному понимали преступника, а также причины преступного поведения. Архетип злодея не является синонимом личности преступника. Из числа преступников к злодеям можно отнести военных преступников, лиц, совершающих особо тяжкие преступления против мира и безопасности человечества, серийных убийц, бандитов и разбойников, совершающих убийства, террористов и некоторых других преступников, виновных в наиболее опасных, циничных и жестоких деяниях. Некоторые преступники стремятся походить на злодеев, чтобы произвести впечатление на окружающих для получения ка-

ких-либо выгод, например материальных, утверждения собственного престижа и т.д. Часто это бывает в местах лишения свободы.

На протяжении тысячелетий архетип злодея формировала повседневная жизнь людей, в том числе правоохранительная практика, да и сами преступники, особенно в местах их концентрации. Немало сделали для этого и ученые.

Долгое время в общественном, а по большей части и в обыденном сознании существовал архетип прирожденного преступника, т.е. человека, которого сама природа наделила особыми наклонностями к преступлению и неотвратимостью их совершения. Это некий глобальный злодей, могучая злая сила, не останавливающаяся ни перед чем. Для создания такого образа особенно постаралась христианская церковь, объявив его делом рук сатаны (дьявола). Поэтому многие из них нашли свой конец на кострах инквизиции. Абсолютные злодеи активно действуют в ранней европейской художественной литературе, в том числе в готическом жанре.

С появлением науки криминологии во второй половине XIX в., и в первую очередь стараниями Ч. Ломброзо, прирожденный преступник под названием преступного человека прочно вошел в научные исследования. Его монография под названием «Преступный человек» содержит немало данных о биологических детерминантах преступного поведения, наряду с этим она насыщена и социологическим материалом о социальных причинах преступности.

Среди биологических факторов преступников Ломброзо особое внимание уделил строению черепа, крови, биологической наследственности, влиянию психических и соматических болезней, алкоголизму, проследивая их действие от родителей к детям. Наследственность, по Ломброзо, есть тот ключ, который открывает все криминологические двери.

В другой своей работе, «Новейшие успехи науки о преступности», и в ряде трудов по политической преступности Ломброзо дал еще более развернутые характеристики преступного человека.

Ломброзо считал, что психический процесс преступления надо всегда рассматривать как болезненное явление независимо от того, страдает преступник каким-либо психическим расстройством или нет. А за отсутствием других доказательств большее значение может иметь трансформация болезненных психических процессов вследствие наследственности, тесно связывающей между собой преступность, сумасшествие и самоубийство. Преступники и сумасшедшие могут происходить от самоубийц; от сумасшедших могут рождаться самоубийцы и преступники; преступники, наконец, дают жизнь самоубийцам и сумасшедшим, часто без всякого специфического признака душевной болезни или преступности. Сле-

довательно, болезненное состояние не уничтожается, а претерпевает превращение.

Эта циклическая, наследственная форма, по Ломброзо, объясняет многие спорные пункты в вопросе о преступниках.

В высшей степени редко, полагает Ломброзо, можно встретить в анамнезе преступника болезненную наследственность, которая не вела бы своего начала от преступления, самоубийства, сумасшествия или какого-либо иного болезненного явления, вроде эпилепсии, идиотизма и т.п.¹

Ломброзо приходит к таким выводам:

- «(1) преступные наклонности передаются наследственно от родителей к детям и вообще от выживающих по прямым и боковым линиям, что указывает, по всей вероятности, на зависимость этих наклонностей от особенностей организации;
- (2) эта организация должна считаться ненормальной постольку, поскольку она носит на себе отпечаток всех тех признаков вырождения, которые доказывают, что эмбриональное происхождение и последующее развитие человека чрезвычайно далеки от физиологической нормы;
- (3) преступность весьма часто развивается на почве наследственности, более или менее близкой к сумасшествию; поэтому мы видим, что она, подобно сумасшествию, зарождается и вырастает в подонках преступной расы. Должно признать, что происхождение обоих явлений тождественно и имеет источником ненормальное душевное состояние, проявляющееся то одним, то другим способом;
- (4) что это в действительности так, доказывается двояко: во-первых, сумасшествие часто проявляется во время разгара преступной деятельности; во-вторых, преступные наклонности часто проявляются в течение различных душевных болезней, которые сами по себе не способствуют проявлению преступных наклонностей;
- (5) так как оба явления имеют источником наследственность, то их сущность должна быть тоже по необходимости одинаковой; и так как сумасшествие есть болезнь, то, следовательно, равным образом и преступность есть также болезненное состояние»².

Взгляды Ломброзо на природу преступника и причины преступного поведения вызвали неоднозначное отношение ученых того времени, по большей части острокритическое. Но были и сторон-

¹ См.: *Ломброзо Ч.* Новейшие успехи науки о преступнике // Преступный человек. М.; СПб., 2005. С. 190.

² См.: Там же. С. 195–196.

ники, в России например. Таким образом, хотел он этого или нет, Ломброзо слепил образ прирожденного злодея, исправление которого более чем сомнительно.

Для изучения и аргументации идеи об архетипе злодея очень много сделал Э. Ферри, последовательный и убежденный сторонник Ломброзо. Согласно Ферри, мысль, что преступный человек, особенно в случаях наиболее резко выраженного преступного типа, есть не что иное, как дикарь, попавший в нашу цивилизацию, высказывали до Ломброзо многие авторы, «но ее не надо понимать в смысле литературного выражения, а надо признать за ней строгое научное значение, согласно с дарвиновским или генетико-экспериментальным методом и с принципами естественной эволюции... Одной из главнейших научных заслуг Ломброзо перед уголовной антропологией является то, что он внес свет в исследование современного преступного человека, указав, что такой человек, вследствие ли атавизма, вырождения, остановки в развитии или иного патологического условия, воспроизводит органические или психические свойства примитивного человечества. Идея эта в высшей степени плодотворна»¹.

С.В. Познышев, написавший обширное предисловие к монографии Ферри «Уголовная социология», признает, что идея о прирожденном преступнике, о преступнике как особой разновидности рода человеческого умирает. Первоначально Ломброзо выставил один тип прирожденного преступника, позднее этот единый тип раскололся на несколько частных типов — на тип убийцы, насильника и вора. Еще позднее устами Ферри школа признала, что прирожденный преступник — это не лицо, фатально обреченное своими дефектами на преступный путь, а просто субъект, в большей или меньшей степени предрасположенный к преступлению; весьма возможно, продолжает далее Познышев, что такой субъект во всю жизнь не совершит никакого преступления, равно как возможно совершение любого преступления и лицом, не отмеченным никакими чертами прирожденной преступности. Познышев совершенно справедливо отмечает, что при таком изменении понятия от «прирожденного преступника» не осталось ничего. Существенно изменилось и учение школы о разных отличительных признаках прирожденного преступника. Ферри, например, считает, что по черепам преступники не отличаются от дегенератов, но он же придает лицу чрезвычайно важное значение — лицо, по Ферри, единственный решающий признак для распознавания преступника².

¹ Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908. С. 43.

² См.: Там же. С. 10.

В этом последнем утверждении Познышева можно обнаружить существенное противоречие: если от прирожденного преступника, согласно Ферри, не остается ничего, то почему он же придает человеческому лицу такое исключительное значение? А происходит это, как следует из работ того же Ферри, потому что лицо является внешним выражением того, что присуще прирожденному преступнику.

Итак, для ломброзианства прирожденный преступник, т.е. злодей, — вполне реальная фигура. Ее ведущими чертами являются, во-первых, то, что определенные биологические особенности детерминируют совершение преступления, и, во-вторых, склонность к преступному поведению передается (или может передаваться) по наследству. Поэтому у К. Каутского были все основания сделать такие выводы из теории Ломброзо: «Преступление есть следствие врожденных особенностей физической организации преступника. Последний в такой же мере, как и волк, ответственен за свои деяния; он в такой же мере способен отказаться от преступных влечений, как волк от своих инстинктов. Если общество желает оградить себя от преступника, оно должно поступить с ним так, как поступают с диким зверем: убить его или запереть на всю жизнь...»¹

Однако уже тогда было сказано немало добрых слов о роли Ломброзо в науке. Так, В.А. Бонгер писал, что, во-первых, Ломброзо стоит на точке зрения детерминизма без всяких ограничений и в этом отношении является одним из основоположников этого научного направления; во-вторых, он первым сделал преступного человека объектом систематических антропологических исследований и таким образом увлек за собой по этому пути целый ряд ученых; косвенно он в значительной степени содействовал развитию криминальной социологии благодаря тем возражениям, которые он вызывал у социалистов; в-третьих, он доказал, что у части преступников, пусть и малой, начало преступных наклонностей коренится в патологической сущности их натуры².

Я тоже полагаю, что научные заслуги Ломброзо велики. Он первым поставил криминологию лицом к преступнику, показывая и нам сейчас, что без изучения «живого» человека ничего значительного в криминологии добиться невозможно.

Однако придание ломброзианством мощной биологической составляющей преступнику делает архетип злодея особенно злоеющим, не поддающимся никакому социальному влиянию, а поэтому всегда опасным.

¹ Каутский К. Ломброзо и его защитник // Проблема преступности. Киев, 1924. С. 93.

² См.: Бонгер В.А. Чезаре Ломброзо // Там же.

Советской наукой (а скорее всего, советской властью) учение Ломброзо, Ферри и их последователей было предано анафеме. Иначе и быть не могло, потому что отвергалось все, что не соответствовало официальной доктрине, которая состояла в том, что преступление порождается социальными причинами; когда такие причины отомрут, отомрет и преступность — при коммунизме, разумеется. Этому совершенно не соответствовала ломброзианская теория о биологическом и наследственном характере преступности. Следовательно, такую теорию надо было громить. И «громилы», естественно, нашлись. Причем иногда критиковали со знанием дела, как, например, А.А. Герцензон, но чаще без знания работ Ломброзо и его последователей, что совсем неудивительно, поскольку прочитывать их было очень трудно: они не издавались, не продавались и имелись далеко не в каждой научной библиотеке.

Герцензон обстоятельно критиковал Ломброзо в первую очередь за то, что тот полагал, будто его анатомические исследования преступников «установили» новое сходство между безумным, дикарем и преступником: «...изобилие волос, черных и курчавых, редкая борода, очень часто коричневая кожа, косоглазость, малый размер черепа, развитость челюстей, покатошь лба, большие уши, сходство между полами — являются новыми характерными чертами, приближающими европейских преступников к австралийскому и монгольским типам». Так Ломброзо «сконструировал» тип прирожденного преступника, который якобы резко отличался от непреступного человека по своим анатомическим и физиологическим признакам. Но Ломброзо пошел еще дальше: он дал и психологическую характеристику прирожденного преступника, столь же резко отличную от подобной характеристики непреступного человека.

Со стороны психической прирожденный преступник, по мнению Ломброзо, характеризуется следующими чертами: пониженной чувствительностью к боли, повышенной остротой слуха, обоняния и осязания, большим проворством, повышенной силой левых конечностей, отсутствием раскаяния или угрызений совести, цинизмом, предательством, тщеславием, мстительностью, жестокостью, леностью, любовью к оргиям и азартным играм, созданием особого преступного языка — аргю, распространенностью татуировок.

Герцензон правильно отмечал, что сущность ломброзианства не в этих, ныне звучащих крайне наивно, описаниях «прирожденного преступника», а в самой концепции биосоциальной, биологической теории причин преступности. Герцензон отмечал также влияние ломброзианства на построение расологических и нацистских «теорий», которые, как мы увидим позже, живучи и по сей день.

Герцензон обращает внимание на эволюцию взглядов Ломброзо:

«Общеизвестна та свобода, с какой Ломброзо оперировал статистикой, статистическим методом. Первоначально, опираясь на свои произвольные наблюдения, он «насчитывал» до 100% «прирожденных преступников». Позже, под влиянием критики и новых наблюдений, он «снизил» этот процент до 40, а в конечном счете свел его в своей книге «Преступление, причины, средства борьбы» до 33.

Если в 1860—1870-х годах Ломброзо стремился обосновать чисто биологическую концепцию причин преступности, отвергая какое бы то ни было влияние социальных факторов, то позже, в 1890—1900-х годах, он обратился, продолжая развивать теорию врожденного преступника, к исследованию социальных причин преступности, или, точнее говоря, к тем социальным условиям, которые способствуют осуществлению преступных наклонностей врожденного преступника. Природа, как утверждал Ломброзо, создает основу, биологическую предпосылку преступления, а общество приносит условия, развязывающие преступные наклонности врожденного преступника.

Эволюция взглядов Ломброзо очень наглядно отразилась в содержании и структуре двух его основных произведений. Если «Преступный человек» был построен на строго монистической концепции чисто биологического происхождения преступления и у Ломброзо не было необходимости прибегать к использованию теории факторов преступности, то в «Преступлении» он уже прибегает к этой теории, все более склоняясь к позитивистской философии. В «Преступном человеке» дана не система факторов преступности, а система признаков, характеризующих врожденного преступника»¹.

Казалось бы, даже неумная и неумелая критика ломброзианства значительно «облегчила» наиболее опасные черты архетипа злодея. Но если это и произошло, то только в научной литературе. В реальной же жизни коммунистический режим со своей чудовищной карательной политикой в массовых масштабах создал таких злодеев, таких монстров, каких до сих пор не знала российская история.

Архетип «великая мать» Есть такие архетипы, лишь отдельные аспекты, стороны которых могут породить злокачественную агрессию. Прежде всего, обратимся к такому важному архетипу, как *великая мать*, имея в виду все многообразие его аспектов: матери-земли, богини, источника жизни, защитницы, символа всего рождающего и т.д. Люди всегда проявляли исключительную преданность этому архетипу, порой она может быть даже чрезмерной. Например, ислам-

¹ Герцензон А.А. Против биологических причин преступности (очерк первый) // Вопросы предупреждения преступности. М., 1966. С. 12—13.

ские, в том числе кавказские и арабские, народы воспринимают процессы глобализации как смертельную угрозу их великой матери — исламу и его ценностям, миру, который создан этой религией. В таком случае человек, фанатично привязанный к ней, может стать убийцей и террористом, чтобы защитить ее от действительных или мнимых врагов. Значит, глубинные истоки современного этнорелигиозного терроризма следует искать в названной чрезмерной привязанности к архетипу великой матери.

В целом *этнорелигиозный терроризм* носит архетипический характер и может быть объяснен в том числе в рамках архетипической психологии. Многие кровавые конфликты и войны начались из-за споров по поводу принадлежности той или иной земли (страны, анклава, области). Причем очень часто стороны не в состоянии логично объяснить, почему им так нужна эта земля.

Один из аспектов *архетипа великой матери* — злая, жестокая, коварная, смертельно опасная женщина. Ее, в частности, олицетворяет индийская богиня Кали, которую всегда изображают с черепами, орудиями убийства и другими атрибутами смерти. Такая архетипическая фигура всегда наводила страх и представляла собой свидетельство признания двойственной, противоречивой и опасной женской природы. Поэтому в Средние века в Европе женщин часто считали ведьмами и сжигали на кострах. Но во все времена, и сейчас тоже, женщину как зло воспринимают многие сексуальные неудачники, которые в силу своих физиологических, психологических или иных недостатков не умеют или не могут вступать в нормальные сексуальные отношения с представительницами противоположного пола. Женщина для них — носитель зла, причина их страданий. Подобные мужчины не желают признавать себя «виновными» в сексуальных неудачах и перекладывают всю вину на женщин. Они не могут принять себя в качестве отвергнутых, ненужных женщине, а поэтому своеобразно защищают свое мужское достоинство. Можно утверждать, что серийные сексуальные убийства, обычно совершаемые с особой жестокостью, надругательства над женскими гениталиями имеют ярко выраженные архетипические характеристики.

Можно обоснованно предположить, что среди средневековых инквизиторов тоже было немало сексуальных неудачников. Архетипическое восприятие женщины как носительницы зла может порождаться и пуританскими, аскетическими устремлениями, прежде всего, среди религиозных фанатиков. Этим особенно отличается христианство, которое провозгласило девственницей не только мать Христа, но пыталось то же сделать и с его бабушкой.

Архетип великой матери постоянно принимает обличье политической партии, тайного общества (тайной организации), ордена и т.д. Членство в подобных сообществах особенно ценно для психо-

логически отчужденной личности, которая только в них черпает себе силу и уверенность. Подобно Антею, такие личности обретают мощь, только касаясь животворящей земли, т.е. принадлежа единственной, великой, могучей, избранной партии, ордену и т.д. Поэтому, если партия прикажет, ее верный сын или столь же преданная ей дочь могут совершить преступление. Они в великом множестве и совершали их именем Коммунистической партии и ради нее, точнее, ради принадлежности к ней.

Есть гипотеза, к которой я готов присоединиться, что многие из тех, кого обвиняли в контрреволюционной деятельности на судебных процессах 30-х годов прошлого века, склонялись к признанию своей несуществующей вины и давали уличающие показания в отношении других невиновных людей только потому, что их убедили, что так нужно Коммунистической партии, — этой великой матери или великому отцу, в данном случае это не имеет значения. Думается, что по этой же причине были столь обильны в СССР доносы о совершении политических преступлений: их авторы стремились охранить свою «великую» мать — партию, а также еще одну столь же «великую» мать — идею коммунистического общества.

Таким образом, и здесь архетипические объяснения вполне убедительны.

Архетипы «охотники» Проявление архетипа великой матери можно проследить и на примере насильников, к которым относятся лица, совершающие преступные сексуальные действия в отношении незнакомых женщин. Их можно называть «охотниками». Они нападают внезапно (на улице, в подъезде, сквере и т.д.), очень часто сзади, стараясь силой сразу преодолеть сопротивление потерпевшей. Обычно такие преступники заранее поджидают жертву или ищут подходящую ситуацию, в которой можно было бы осуществить насилие. Их поведение образно можно сравнить с действиями охотника, поджидающего или выслеживающего свою добычу и ищущего подходящий момент для нападения. Агрессивные действия в целях изнасилования обычно включают избиения, иногда довольно жестокие, активные попытки физическим путем мгновенно сломить сопротивление жертвы.

«Охотники» редко отбирают у потерпевших ценности или деньги. Вину в совершенном преступлении они обычно признают, так как не могут в отличие от других категорий осужденных за изнасилование, сослаться на то, что жертва не оказывала сопротивления и добровольно вступила в половой контакт с ними. Это, очевидно, связано с тем, что они совершают нападения, как уже отмечалось, на ранее не знакомых женщин, и более того, совершению преступления не предшествует какой бы то ни было контакт с потерпевшей.

Два момента в агрессивном поведении «охотников» являются ключевыми для характеристики их личности: (1) нападение в целях изнасилования направлено только на незнакомых женщин; (2) внезапность применения физического насилия (преступник как будто избегает любой иной формы контакта, даже возможности столкнуться взглядом с потерпевшей).

Несколько необычным, с позиций содержания и тяжести совершенного преступления, оказывается и характеристика субъекта преступления. Большинство имеют семью — жену, детей. Своих детей они любят или в худшем случае безразличны к ним. К жене в основном относятся положительно или нейтрально. В то же время в отношении других женщин испытывают отрицательные эмоции, отзываются о них пренебрежительно, считают безнравственными, способными на любую подлость.

Проведенные нами исследования осужденных за изнасилования, которых условно можно называть «охотниками», показывают, что они психологически очень мощно слиты с матерью или ее образом и продолжают эмоционально зависеть от необходимости такого рода симбиотических отношений, испытывая потребность в их постоянном воссоздании. У этой категории преступников не произошло «психологического рождения» в качестве автономной личности с самостоятельными адаптацией и установками. Поэтому-то у них и нарушена идентификация с мужской ролью, которая предполагает личностную и эмоционально-ролевую независимость.

Можно сказать, что у насильников из числа «охотников» не произошло эмоционального отрыва от матери, они как бы задержались на подростковой стадии развития эмоциональных связей. Именно поэтому в качестве жены они обычно неосознанно выбирают женщин, идентичных по своим качествам их матерям. Тем самым такие лица как бы воспроизводят структуру семейных отношений, которые существовали у них с матерью или человеком, заменившим ее.

Охотник — архетип очень древний.

Архетип героя Еще один архетип — *героя* — необходимо привлечь для нужд исследования агрессии. Среди преступников архетип героя достаточно распространен. Его можно выделить, например, среди молодых людей, в том числе подростков, желающих своими преступными действиями продемонстрировать силу, храбрость, ловкость. Очень часто именно для того, чтобы выглядеть героем, а не из-за корыстных соображений они совершают кражи, грабежи, разбой и другие имущественные преступления. Именно героем в собственных глазах хотел стать Раскольников в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Это ему не удалось, и не в последнюю очередь, потому, что он слишком примитивно понимал статус и со-

держание «героя». Естественно будет спросить, почему Раскольников пытался самоутвердиться путем совершения тягчайших преступлений, а не иным способом. Очевидно, потому, что он был таким — жестоким и хладнокровным убийцей по своей нравственно-психологической природе. Такие люди вызывают только осуждение.

В качестве архетипической фигуры героя часто предстают лидеры преступного мира — «воры в законе», «смотрящие» и т.д. Подобные персонажи не только могут возглавлять преступные группы, готовить и направлять совершение конкретных преступлений, они еще являются главными хранителями и попечителями обычаев и традиций преступного мира. Иногда они пытаются появляться в облике защитников слабых и бедных, но это им редко удается. В местах лишения свободы они ведут себя как герои, нередко таковыми и выглядят. Но справедливости ради следует сказать, что многие «воры в законе» и т.д. — это карнавальные, показушные герои, если иметь в виду их реальные материальные выгоды от преступной активности. Те преступники, которые действительно имеют большие материальные выгоды, обычно находятся в тени, скрытно руководят преступной организацией, при этом нередко занимая высокое административное положение. Но это не герои, поскольку амплуа героя всегда предполагает ту или иную степень публичности.

«Благородные» разбойники еще до Робина Гуда составляли архетип героя. В этом образе воплощены скрытые надежды народа на мифологизированного защитника и покровителя. Поэтому он имеется в фольклоре многих культур. Его образ далек от мессианских ожиданий, хотя «благородный» разбойник наделялся способностью решать не только материальные (экономические), но и социальные вопросы, хоть как-то восстанавливать общественную справедливость и наказывать богатых за их несправедное богатство.

В современной западной культуре появился новый архикриминальный герой — киллер, выросший из гангстерской прозы. В книгах и на экране он за плату, не задумываясь, убивает людей, причем крайне редко такой преступник подвергается автором суровому осуждению. Книжные и киногерои — киллеры нередко обладают обворожительной внешностью, они храбры, умны, ловки, хорошо подготовлены физически и иногда действуют не без благородства, продолжая робингудовскую традицию. Некоторые из них еще и чудо-любовники. Нередко стали появляться (наверное, для разнообразия) на страницах бульварного чтива и в кинофильмах того же уровня киллеры-женщины, обладающие теми же привлекательными качествами, что и их собратья-мужчины, но, конечно, с женской спецификой. Понятно, что при такой подаче образа «карьер» киллера может увлечь немало молодых людей.

Архетип вождя К архетипу героя тесно примыкает другой архетип — *вождя*, о котором в данном контексте мы говорим в связи с тем, что очень многие вожди являются агрессивными преступниками. Значимость вождя в первобытном обществе и в Древнем мире была необычайно велика. В цивилизованном демократическом обществе его вообще нет. Провозглашение кого-то в тоталитарном обществе в качестве вождя является атавизмом.

Фрезер отмечал, что

на определенной стадии развития общества нередко считается, что царь или жрец наделен сверхъестественными способностями или является воплощением божества, и в соответствии с этим верованием предполагалось, что код природных явлений в большей или меньшей степени находится под его контролем. На него возлагают ответственность за плохую погоду, плохой урожай или другие стихийные бедствия. При этом исходят из того, что власть царя над природой, как и его власть над подданными и рабами, осуществляется посредством волевых актов; поэтому, если имеют место засухи, голод, эпидемии, бури, народ приписывает эти напасти небрежности или преступному поведению своего правителя. За это его наказывают розгами и заковывают в кандалы, а если он продолжает упорствовать, его либо свергают, либо убивают¹.

Может показаться, что такое отношение к вождю (властителю) для нас совсем не актуально. Но это не так, особенно если ориентироваться только на современные страны. Цивилизация в целом, очевидно, движется по пути ограничения власти одного человека, отрицая тем самым деспотию. В современном мире осталось очень мало абсолютных монархов, ни одного короля не наделяют сверхъестественными способностями, президенты государств избираются только на четыре-пять лет и во многих странах могут переизбираться лишь один раз. Но такое наблюдается исключительно в демократических странах или в странах с усеченной демократией. В тоталитарных государствах все иначе: поэтому итальянский журналист эпохи фашизма мог написать, что Муссолини взглядом остановил стекающую с вулкана лаву, а большевистские идеологи в полном соответствии с примитивной магией утверждали, что слово вождя священно и способно перевернуть весь мир. Естественно, что особы Ленина, Сталина, Гитлера, Мао Цзэдуна, Ким Ир Сена и других тоталитарных вождей были священны, даже легкая их критика или неосторожное слово могли стоить головы дерзновенному. Тело Ленина продолжает сакральное существование.

Преступления, совершенные перечисленными вождями, не поддаются никакому подсчету. Даже о совершенных ими убийствах мы

¹ Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. С. 165.

можем говорить лишь весьма приблизительно. Так, одни специалисты утверждают, что за годы тирании Ленина—Сталина было уничтожено около 10 млн чел., другие считают, что их было не менее 23—26 млн.

Весьма трагично, если политическую партию (движение) возглавляет лидер, фанатически одержимый «великой идеей» спасения человечества или своей нации (религии). Если партия достаточно велика и материально обеспечена, хорошо организована, имеет прочный идеологический фундамент и пользуется поддержкой народа, соответствуя его менталитету, если ее возглавляет харизматическая, тираническая личность и партия захватывает власть в государстве, то страна превращается в тоталитарный заповедник. Лидер партии и государства в глазах населения постепенно теряет черты живого человека, мифологизируется и превращается в архетипический образ великого отца, чье слово является высшей мудростью и законом, а воля и желание не имеют границ. Только он знает, что нужно народу, и ему он указывает единственно верный путь.

При этом не очень существенно, принадлежит ли тоталитарный вождь к фанатически заряженным личностям, как Ленин или Гитлер, либо он холоден и расчетлив, как Сталин, — все они некрофильские люди, способные уничтожить миллионы ради своих целей.

Здесь высказаны соображения архетипического характера относительно криминальных явлений (уголовно-наказуемого поведения) и преступников. Естественно, что вполне архетипическими могут быть и, так сказать, обычные поступки, и обычные люди. Иными словами, все или почти все виды поведения (деятельности) и люди, их реализующие, в той или иной мере, полностью или частично могут быть названы архетипическими, либо такими могут быть лишь отдельные поступки. Люди, обладающие определенными биологическими и психологическими особенностями, в силу воспитания и своего социального положения склонны к некоему виду (типу) поведения, который никогда не бывает совершенно новым, всегда повторяет что-то из того, что уже было. То же самое относится к типам личности.

Архетипичными можно назвать *мотивы преступного поведения*. Это только на первый взгляд кажется, что в каждой новой эпохе проявляются новые по своему содержанию и смыслу преступные деяния. На самом деле они новы и неожиданны по способам совершения, масштабам распространенности, продуманности, степени организованности, но они стары как мир по своим мотивам, т.е. по смыслам совершения. В них, как и в глубокой древности, бьются корысть, самоутверждение, защита, игра, преодоление тревожности и страха смерти.

Идеологические причины злонамеренной агрессии

6.1. Общие положения

Идеологией можно считать весьма существенный пласт духовной жизни общества или его отдельный большой группы (по марксистской терминологии — класса). Этот пласт скрепляет составляющих его людей, определяет их мировоззрение, идеалы и цели, к которым они должны стремиться, правовые и моральные нормы. Идеологии групп (классов) могут не совпадать друг с другом и общества в целом, отсюда нормативная аномия, т.е. негативное, пренебрежительное отношение к нормам права и морали всего общества, или нравственности иных групп (классов). Не случайно, например, коммунисты («Манифест Коммунистической партии») утверждали, что законы, мораль и религия не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы.

Самой древней и, видимо, самой живучей является *религиозная идеология*. Свой исключительно длинный путь она проделала от бесспорного господства во всех сферах общества и даже захвата высшей государственной власти до современного (во всяком случае, так в христианстве, буддизме и индуизме) идеологического течения, обогащающего духовную жизнь, хранильницы морали и милосердия, оказания помощи больным, увечным и слабым. Со своими противниками церковь, опираясь на религиозную идеологию, а еще больше на собственные воззрения, связанные с этой идеологией, ранее расправлялась огнем и мечом, что в наибольшей степени относимо к католицизму. Эти времена безвозвратно ушли.

Крайне агрессивными были также *националистская* (фашистская) и *коммунистическая* (марксистско-ленинская) идеологические доктрины. При этом надо особо отметить, что во всех трех, особенно в националистической, призыв к насилию был выражен ясно и не замаскирован. Религиозной идеологии служила церковь, коммунистической — партийные организации и сама государственная власть, захваченная Коммунистической партией. Именно они были

агрессивны, именно они направляли суд и другие репрессивные органы, формировали общественное мнение. Когда же нужны были «неопровержимые» аргументы, их легко обнаруживали в священных текстах, или так называемых первоисточниках: работах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, что было равносильно священному тексту.

Естественно, что названные виды идеологии не исчерпывают всего многообразия систем взглядов на то, чем мы являемся, что нас ждет впереди, каким путем надо идти, как вести себя, кто создал космос, мир, человека и т.д. Идеология свойственна не только большим, но и малым группам людей. Но для нас сейчас важнее всего то, что именно названные три самые большие, самые распространенные идеологические теории — религиозная, националистическая и коммунистическая — сильнее всех других «потребовали» человеческой крови, точнее — убийств, жестокостей и иных видов насилия для торжества своих идей. Вместе с тем отметим еще и следующие проблемы:

- (1) агрессия, особенно кровавая, нужна этим идеологиям, если они сами агрессивны, особенно если они стремятся захватить или удержать власть;
- (2) сама идеология напрямую может и не требовать агрессии, но она, эта идеология, создает свою, так сказать, дочернюю, вторичную идеологию, предполагая, прямо предписывая ей агрессию;
- (3) все три идеологии прошли многовековой и извилистый путь, много раз менялись. Следовательно, они всегда были нужны человеку;
- (4) все три идеологии носят исключительно иллюзорный, мифологический характер, все три виртуальны (религиозная, на мой взгляд, тоже), ни одна из них не может быть подтверждена эмпирически, в них можно только верить. Оказалось невозможным внедрить незыблемо хотя бы одну идеологию на все времена, даже религиозную громили во время французской, мексиканской и русской революций, но она все-таки выстояла;
- (5) часто эти идеологии находятся в острых конфликтных отношениях друг с другом. Так, религия строго запрещалась новой коммунистической властью в России, которой оказались нужны совсем другие боги, нередко живые. Германский нацизм совершенно нетерпимо относился к марксизму-ленинизму, хотя и заимствовал его приемы, — также относился марксизм-ленинизм к нацизму. Этот же нацизм занимал негативную позицию по отношению к религии.

Существует, видимо, закономерность, когда последствия самых гуманных и человеческих идеологий являются прямой противоположностью породивших их учений. Так, «Свобода, равенство и

братство» Великой Французской революции обернулись гильотиной, христианское учение о любви и прощении — религиозными войнами и инквизицией, марксистский коммунизм — ГУЛАГом и массовым расстрелами. Следует исключить нацизм (фашизм), который сам по себе как идеология был крайне агрессивен и требовал крови.

А.А. Зиновьев, как всегда ироничный и насмешливый, писал, что существует наивная иллюзия, будто руководство страны может по своей воле изменить официально идеологию и будто это существенно повлияет на его поведение. Руководство бессильно по своему произволу изменять господствующую в данном обществе идеологию, если даже оно хочет это сделать и не верить в ее правоту. Неверие в истинность идеологии тут не играет роли хотя бы потому, что говорить об истинности идеологии вообще бессмысленно... Для социальных механизмов важен сам факт существования какой-то идеологии, ее формальное функционирование, а не содержание»¹.

Применительно к советскому обществу (именно о нем и говорит Зиновьев) следует подчеркнуть истинность сказанного, несмотря на весь его сарказм. Во-первых, руководство страны действительно не смогло бы изменить официальную идеологию хотя бы потому, что тогда ему пришлось бы расстаться с властью. Ведь официально считалось, что руководство в лице его центрального комитета Коммунистической партии ведет страну к коммунизму. Вполне допускаю, что некоторые члены руководства, если не все, не верили ни в какой коммунизм. Учение о нем было вроде заклинания, которое лежало в основе поведения людей на официальном (производственном, политическом, управленческом) уровне. Во-вторых, нельзя не согласиться с тем, что для социальных механизмов важен сам факт существования хоть какой-то идеологии, ее формальное функционирование, а не содержание. В идею коммунизма, особенно после Великой Отечественной войны, верили очень немногие — самые тупые, но все знали, что она как бы лежит в основе правил, регулирующих жизнь. Идеология стала инструкцией, как вести себя, но все дело в том, что именно так, как велела инструкция, делали очень немногие. Поэтому и в этом качестве она оказалась не нужна — в конечном итоге.

Доказывается это тем, что на защиту коммунистической идеи никто не встал, защищали не идею, а свою власть, свои привилегии и статусы. В так называемых странах народной демократии, где все держалось на советских штыках, об этой идее даже не упоминали.

Церковная, националистическая и большевистская идеологии страшны не сами по себе, а потому, что навязываются обществу

¹ Зиновьев А.А. Зияющие высоты. М., 2010. С. 281.

силой и без агрессии их реализация никак невозможна. В силу этого каждая такая идеология создает тоталитарный режим, который особенно нетерпимо относится к любому инакомыслию.

Торжество тоталитаризма в современном мире неизбежно приводило к табуизации общества. В СССР существовало множество запретов: на занятие определенными видами деятельности, поощряемыми во всех цивилизованных странах (например, на частно-предпринимательскую деятельность), на места проживания и свободу передвижения, на высказывания и намерения, вообще на свободную мысль, на отношения с другими людьми, особенно с иностранцами (табу на общение с иноплемениками было весьма широко распространено среди дикарей), на браки с иностранцами в том числе, на отдельные виды сексуальных контактов (гомосексуализм преследовался в уголовном порядке) и т.д. Была установлена мелочная опека над повседневной жизнью людей в многочисленных коммунальных квартирах и общежитиях, а также в общественных местах, для чего разрабатывались подробные и нудные правила поведения для пользования транспортом, посещения театров, кинотеатров, спортивных сооружений, библиотек, учебных заведений и т.д. К чести советского народа, надо сказать, что его правовой нигилизм, образовавшийся в ответ на неисчислимы запреты, приводил к неисполнению значительной части правил. Более того, люди их обычно не замечали.

В целом же я убежден, что «первобытная» регламентация во все времена типична для малообеспеченных в духовном смысле сообществ, в которых к тому же наличествуют глубокая нравственно-психологическая неустойчивость и высокий уровень тревожности. Вследствие этого существовали не только запреты, но и предписания осуществлять определенные действия.

Именно по этой причине доходящая до идиотизма регламентация существовала и в фашистской Италии. Там среди фашистов были отменены рукопожатия, женщинам запрещалось носить брюки (как и в одно время в СССР), для пешеходов устанавливалось одностороннее движение по левой стороне улицы, чтобы они «не мешали друг другу»; фашисты обрушились на «буржуазную привычку» пить чай и пытались запретить употребление личного местоимения женского рода третьего лица *Lei*, использовавшегося в качестве вежливой формы обращения; считалось также, что «женская форма обращения» чужда «мужественному стилю фашистской жизни». По решению правительства все итальянцы независимо от возраста, социального положения и пола должны были по субботам заниматься военно-спортивной и политической подготовкой. Вспомним: политические занятия с населением были любимым делом коммунистов всех коммунистических стран.

Число запретов и предписаний обычно увеличивается в ходе войны, и это естественно для каждой страны. Но в тоталитарных странах это приобретает чудовищные размеры и начинает проявлять смехотворные черты. Так, во время разбойничьего нападения Италии на Эфиопию, в обстановке националистического угара детям запрещалось петь иностранные песни и использовать в разговоре слова иностранного происхождения, книги можно было читать только на итальянском языке, покупать и носить только итальянские вещи.

Очень красочно, более того, очень цинично сказал о сущности коммунистической революции и ее деятелях Троцкий (отнюдь не осуждая их) в своей книге о Сталине:

Революционный катехизис предписывает отказаться от всякого личного интереса, личного чувства, личной связи, порвать с цивилизованным миром, его законами и условностями. Признавать только одну науку, именно науку разрушения; презирать общественное мнение, ненавидеть установленные нравы и обычаи, быть беспощадным и не ждать пощады к себе, быть готовым умереть, приучиться переносить пытку; задушить в себе всякое чувство родства, дружбы, любви, признательности, чести; не иметь другого удовлетворения, как успех революции; уничтожать все, что препятствует этой цели, ценить товарищей только в зависимости от их пользы для дела, проникать во все круги общества, включая полицию, церковь и двор, эксплуатировать высокопоставленных людей, богатых и влиятельных, подчиняя их себе посредством овладения их секретами, усугублять всеми средствами беды и несчастья, от которых страдает народ, дабы исчерпать его терпение и толкнуть его на восстание. Наконец, соединяться с разбойниками, подлинными революционерами в России.

Поистине при наступлении большевизма и фашизма (нацизма) цивилизация в пораженных ими странах отступает по всему фронту, и Четвертый всадник Апокалипсиса свободно врывается в историю: «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными» (Откровение Святого Иоанна Богослова, 6,8).

Во главе всей системы репрессий стоит тоталитарное государство, управляемое вождем (пожизненным президентом, монархом и т.д.). Это государство не может не быть крайне жестоким, бездушным и циничным, максимально удаленным от человека. Кафкианское государство по сравнению с тоталитарным относительно безобидное изобретение, основными чертами которого являются равнодушные и безразличные ко всем и ко всему, кроме себя. Эти черты есть и у тоталитарного государства, но в добавление к ним еще свирепость доисторического животного и убежденность в своей полной безнаказанности.

Тоталитарное государство — это не только чиновники разных рангов (количество их бывает несметным), но и так называемые общественные организации, партии, церковь и т.д., пронизывающие страну сверху донизу.

В социалистическом обществе, писали так называемые советские теоретики, нет противоположности общества и государства, общество и личности. Социалистического государства — народное государство в полном смысле этого слова, разглагольствовал А.Я. Вышинский.

А вот как был велеречив В.М. Молотов:

Одно бесспорно для последнего периода: роль государства, как орудия борьбы за коммунизм, поднялась в наших глазах. Мы больше стали понимать эту роль, роль социалистического государства в капиталистическом окружении... Мы имеем опыт 21 года существования социалистического государства, начиная от первых его шагов к социализму до полной победы социализма внутри Советского Союза. Мы имеем богатейший опыт строительства государства нового социалистического типа, опыт его вооруженной борьбы на протяжении ряда лет против нападавших капиталистических стран, опыт его социалистической переделки всего народного хозяйства и ликвидации всех эксплуататорских классов, наконец, опыт развития его отношений с враждебным капиталистическим окружением в условиях так называемого мирного существования.

Вышинские и молотовы выполняли функции хора из древнегреческой трагедии, который подтверждал то, о чем вещал главный персонаж — Сталин. Но они в свою очередь были солистами для многочисленных хоров рангом пониже, и прежде всего для юристов и политиков. Правда, со временем первые «герои» — Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко — стали пожиже и глотки у них были послабее, чем у «отца народов», да и не всегда слаженно подпевал хор. Но в целом «несокрушимое единство» было налицо, что ярко проявлялось, например, в отчетных докладах генеральных секретарей Компартии очередному «историческому» съезду и в последующем «всенародном» изучении материалов такого съезда. Мифотворчество в советском государствоведении продолжалось.

Особенно усердствовали государствоведы, которым каждый компартийный съезд давал кусок хлеба — очень часто в прямом смысле слова. Однако надо признать, что марксистско-ленинское государствоведение за долгие годы не сделало ни одного качественно нового шага вперед. Все те же кочующие из работы в работу цитаты из «основоположников», все тот же менторский и несомневающийся тон, неискренний и бодренький пафос, стершиеся до неприличия трескучие фразы, споры по мелочным поводам и создание видимости глубокомысленных научных дискуссий, обличение

классовых противников и западных государствоведов. Поражает убогая, прямо-таки нищенская аргументация, которая обычно сводилась к ссылкам на Маркса, Энгельса и Ленина или на партийные документы. Намного проще поступал Вышинский, который без особых затей и всяких там научных тонкостей, по-фельдфебельски приказывал думать так, как положено, грозя в противном случае самыми страшными карами. Как мы знаем, в палаческом деле академик слов на ветер не бросал.

И юристы старались, как могли, причем не только в 1930—1950-е годы, но и позже. «Любо-дорого» читать их определения социалистического государства.

Учебник «Теории государства и права» (1965): «Социалистическое государство является высшим типом государства потому, что оно базируется на экономике высшего типа — на социалистическом способе производства ... оно выражает волю трудящихся, а не эксплуататоров... и представляет собой новый высший тип демократии».

Учебник «Теории государства и права» (1968): «Социалистическое государство является организацией политической власти трудящихся, созданной по воле трудового народа на весь период перехода от капитализма к коммунизму. Как основное орудие преобразования общества социалистическое государство призвано обеспечить построение под руководством Коммунистической партии социализма и коммунизма, а также — безопасность страны, развитие братского сотрудничества с социалистическими странами, отстаивание дела мира и социального прогресса».

Коллективная монография «Октябрь и социалистическое государство» (1967): «Наиболее общую закономерность развития советской государственности составляет постоянное расширение демократии, превращение ее в демократию для всех советских граждан». «Расширение советской демократии означает не только увеличение количества граждан, вовлекаемых в управление, но и обеспечение безраздельной и решающей роли народных масс в государственном руководстве всеми сторонами жизни общества». «Советское социалистическое государство есть главное орудие построения коммунизма».

Монография А.П. Косицына «Социалистическое государство»: «Торжество подлинной демократии, пределов свободы и равенства, которое демонстрирует социалистическая государственность, привлекает к ней внимание и симпатии миллионов людей во всех странах. Путь к свободе, демократии и социализму становится столбовой дорогой всемирной истории». «Только с победой социализма, когда полностью ликвидируется частная собственность, а орудия и средства производства переходят в руки общества, когда исчезают эксплуататорские классы и экономические основы эксплуатации вообще, государство впервые в истории человечества перестает быть орудием классового господства».

Раз социалистическое государство подобно заботливой и нежной матери печется только о благе общества, то горе тому, кто на него посягнет. Поэтому государственное насилие, принуждение, подавление вполне о п р а в д а н н ы, но, конечно, «давить» других может только социалистическое государство. Нас поучали, что принципиально ошибочной является всякая попытка оценивать насилие (так же как и принуждение и подавление) вообще, в отрыве от конкретно-исторических условий применения и социального поддержания данных категорий. При оценке каждой из них единственно надежным компасом служит классовый подход. Но если наивный читатель подумает, что после ликвидации эксплуататорских классов нужда в государственном насилии отпала или будет применяться только в отношении общеуголовных преступников, то он глубоко заблуждается.

Тоталитарный режим разными путями и способами, но всегда с участием, чаще всего активным, государства обеспечивает господство своей идеологии. Это, во-первых, сочинения и речи основоположников и вождей, которые объявляются вне критики. Они — откровение, которое имеет магическую силу, одним словом, это священные тексты. Их необходимо учить и заучивать, руководствоваться ими при решении повседневных проблем, а тем более производственных и особенно политических. Сочинения и речи издавались огромными тиражами и распространялись, часто бесплатно, во всех предприятиях и учреждениях.

Во-вторых, создание разветвленной сети детских и молодежных организаций, которые создавались исключительно на основе господствующей идеологии. Партийные организации правящей партии создавались везде — в учебно-воспитательных и государственно-управленческих учреждениях, на предприятиях, в сельском хозяйстве, промышленности, на стройках и т.д. На них тоже возлагалась задача распространения и обеспечения господства партийной идеологии. Противодействие ей, равно как и критика властей, немедленно вызывало шквал репрессий. Иначе не могло и быть, поскольку сама идеология была весьма агрессивна. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать хотя бы «Программу Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса или «Мою борьбу» А. Гитлера.

Особая роль в торжестве тоталитарной идеологии отводилась искусству, причем государство и партия, захватив власть, сразу же объявляют искусство исключительно своей «собственностью» и орудием своей идеологии. В силу этого все возможности художественной жизни находятся в подчинении государству и партии, для чего, конечно, создается особый аппарат контроля и надзора за ней. Вырабатывается официальное течение в искусстве, как правило, самое консервативное и традиционное, творчество вне рамок

этого течения запрещается, а все попытки выступить со своим художественным видением вызывают только агрессию. Ничего не понимающие в искусстве партийные деятели нагло выступают с критикой художественных произведений и указывают, как можно и как нельзя творить.

Еще одна особенность тоталитарного искусства состоит в том, что оно единообразно во всех тоталитарных странах, казалось бы весьма далеких друг от друга по своей культуре, истории, менталитетам, особенностям художественного видения. В гитлеровской Германии, фашистской Италии, большевистском СССР, коммунистическом Китае царили одни и те же привычные сюжеты, выполненные в строго реалистической манере: портреты вождей, дымящиеся трубы заводов и фабрик или веселые стройки на фоне символического рассвета, целеустремленные и умные рабочие, счастливые колхозники, мускулистые спортсмены и грозные воины, народные праздники и ликования и т.д. Не зная авторов, неопытный зритель подчас не сможет определить, в какой стране данная картина или скульптура изготовлена.

Примерно то же самое можно сказать и об архитектуре тоталитарных стран: помпезные, лишенные души здания, грандиозные проекты «на века».

Если, пофантазировав, мы попытаемся представить себе тоталитарное государство сегодняшнего дня с его информационным бумом и техническими достижениями, в полном объеме нам это будет трудно сделать. Но то, что старое, казалось бы, давно ушедшее все равно вновь вернется, можно не сомневаться. Гитлеровский рейх или большевистский СССР тоже имели аналогии в прошлом. Поэтому так уместно вспомнить слова английского писателя О. Хаксли: «Очарование истории и ее загадочный урок заключаются в том, что от века к веку тут ничего не меняется и то же время все выглядит совершенно по-другому».

6.2. Агрессия, связанная с религиозной радикальной идеологией

Как уже отмечалось, сама религия может быть агрессивной или не очень агрессивной, но это с лихвой возмещается церковью или культурой, если она (культура) противоречит либо чувствует враждебность или чуждость окружающей ее культуры (культур). Такую ситуацию мы наблюдаем сейчас в исламе. Его священные тексты несомненно миролюбивы, но порожденная им культура отстает, например, от христианства примерно на шесть веков, и сейчас она, эта культура, проходит этап, который христианство прошло около шести-семи веков назад, когда в 1572 г. во Франции было уничто-

жено свыше 32 тыс. гугенотов католиками, а сейчас и уже давно убивают друг друга шииты и сунниты (например, в Ираке). Современный ислам, ощущая чуждость, а иногда и враждебность христианства, иногда прибегает к терроризму. Убежден, что через шесть-семь веков ислам будет совершенно другим.

Христианство, если иметь в виду только Новый Завет и условно исключить из него Откровение святого Иоанна Богослова, действительно не содержит агрессии. Сам Иисус все время проповедует любовь, милосердие и прощение, но нельзя забывать, что христианство признает своей священной книгой Ветхий Завет, а он перенасыщен кровью и жестокостью. Апокалипсис поражает своей агрессивностью.

По этому поводу А.Дж. Тойнби ставит вопрос: «Почему христианство, которое решительно отвергло иудаизм, провозгласив, что Бог — это любовь, вновь приняло концепцию «страшного Бога Яхве?» Эта частичная духовная регрессия, отвечает себе Тойнби, нанеся христианству немалый урон, была той неизбежной платой, которую христианство должно было заплатить за победу в смертельной схватке с культом Цезаря. Религиозная война велась бескомпромиссно, потому что коллективное поклонение человечества человеку представляет собой высшую форму идолопоклонства и противопоставить ей можно лишь поклонение Истинному Богу. Соглашение между противоборствующими сторонами было невозможным, потому что поклонение Цезарю считалось благородным и благодатным делом»¹.

Христиане одержали более чем убедительную победу над римскими цезарями, но у победителей не было решительно никаких оснований писать на своих знаменах «Бог есть Любовь», поскольку по мере продвижения к власти и победы над римскими богами любовь становилась все более воинственной и агрессивной, а грубая сила превратилась в повседневный способ разрешения разногласий, в том числе, как ни печально, внутри самого христианства. Обнаружилась удивительная связь между Христом и Яхве, и мы видим, например, что в Апокалипсисе невозможно определить, в каком случае грозит ужасными карами и карает Христос, этот символ любви, а в каких — Яхве или оба вместе.

Тойнби, скорее всего, прав, что для победы над римской религией в христианстве надо было сохранить наряду с Христом и Яхве. Вместе с тем Яхве был сохранен потому, что в христианстве, которое зародилось в еврейской диаспоре греческого мира, нужна была высшая сверхъестественная сила, прямо связанная с новым божеством, иначе в Христа просто не поверили бы.

Сама религия, как уже отмечалось, может быть неагрессивной или не очень агрессивной, но это с лихвой возмещает церковь.

¹ Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 525.

Христианская церковь, особенно католическая, сделала агрессию одним из главных орудий установления своего господства. Однако еще до разъединения христианской церкви на западную и восточную, даже в начальные века развития христианства, агрессия использовалась весьма активно. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть Откровение святого Иоанна Богослова, и уже в первых двух главах мы найдем недвусмысленные угрозы в адрес Эфесской, Смирнской, Пергамской, Фиатирской, Сардисской, Филадельфийской и Лаодикийской церквей. Совершенно очевидно, что названные церкви в чем-то определенно провинились и их ожидала кара. Таким образом, уже в те весьма далекие годы наблюдалось отступление от христианской веры или каких-то религиозных процедур, но эти отступления предполагалось исправить отнюдь не христианскими методами. Последующие гонения на катаров и альбигойцев, их массовое уничтожение показали, что католическая церковь совсем не намерена смириться с инакомыслием.

В Европе, где господствовала христианская идеология, за преступления против религии предусматривалась, конечно, и уголовная ответственность. Она наступала не только в рамках инквизиции, о чем уже говорилось выше. В «Каролине», уголовно-судебным уложением императора Карла V, которое действовало с 1532 по 1870 г. на территории Священной Римской империи германской нации, в частности, предусматривалась ответственность за «богохульство и кощунство»: ст. С VI — «Если кто-либо приписывает Богу то, что ему не подобает, или в своих речах отрицает то, что ему присуще. Либо оскорбляет всемогущество Божье или Святой его матери девы Марии, то он должен быть взят властями или судьей по долгу службы и посажен в тюрьму и подвергнут затем смертной казни, телесным или увечным наказаниям, соответственно обстоятельства и характеру богохульства и положению совершившего его лица.

Если такой богохульник схвачен и посажен в тюрьму, то судья и судебные заседатели должны обратиться к властям, сообщая им все обстоятельства дела, за надлежащими указаниями о том, как должна быть наказана такая хула, согласно Нашему общему императорскому праву и в особенности соответственно содержанию особых статей Нашего имперского уложения».

Страны (государства), в которых господствует только одна религия, а все другие преследуются, иногда очень жестоко, с полным на то основанием могут быть названы тоталитарными. Вот почему к числу тоталитарных можно отнести не только большевистский СССР или гитлеровскую Германию, но и все те страны, в которых безраздельно властвовала только одна-единственная религиозная идеология, например средневековую Испанию после изгнания из нее арабов, а также многие другие средневековые европейские дер-

жавы. Вернейший признак тоталитаризма — преследование всех инакомыслящих, т.е. противников или просто несогласных с господствующей идеологией.

Вообще следует заметить, что разногласия идеологического содержания, порой очень острые и нередко связанные с захватом и удержанием власти, имеют место только тогда, когда есть люди, разрабатывающие соответствующие идеи, верующие в них, нередко фанатично, ценящие их теоретическую и практическую значимость. Тогда разногласия, как показывает мировой опыт, неизбежны, потому что нельзя заставить всех думать одинаково, прежде всего, о том, что имеет первостепенное значение. Но как только идеи теряют свою силу, т.е. когда люди перестают верить в них и руководствоваться ими, разногласия исчезают. Безразличие — это гибель идеи.

Так, большевики, особенно до октябрьского захвата власти в России и даже в первые годы после него, вели яростные дискуссии о путях построения коммунизма, но когда сама идея коммунизма приказала долго жить, всякие споры исчезли сами собой. Тоталитарная власть посчитала это своим триумфом, на самом деле это означало начало ее конца.

Сейчас, в эпоху десакрализации западного мира, в христианстве споры по поводу главных узлов веры могут вести лишь богословы, а это очень небольшой круг, широкие слои общества в них не вовлечены, им все это не интересно. Дискуссии среди богословов будут вестись, наверное, всегда, поскольку сама религия вечна, хотя и склонна изменять свои формы. «Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Но каждому дается проявление Духа на пользу» (1 Кор., 12:4—7).

К числу великих событий XX—XXI вв. следует отнести всепроникающие воздействие христианского мира, западной культуры на все остальные. Христианская культура перевернула очень многое в них, изменив повседневную жизнь людей, их жилища, одежду, интересы, мораль, музыку; некоторые люди другого мира стали оценивать себя и знакомых по степени близости к Западу, точнее — к его повседневности.

Проникновению западной культуры в другие регионы мира активно способствовали глобальные изменения в экономической стратегии. В ее рамках произошел перенос капитала и промышленных мощностей из развитых в развивающиеся страны. Это потребовало от промышленных корпораций приспособиться к культурным и идеологическим основам соответствующих стран. Но приспособление далеко не везде прошло и проходит гладко, в ряде случаев пришлось ломать некоторые культурные догмы этнорелигиозного характера, а это воспринималось как посягательство на идео-

логию. Такое наступление в исламском мире отрицается в первую очередь теми, кто стойко придерживается своих традиционных ценностей, — их называют фундаменталистами. Они порой очень агрессивны, способны на убийства и иные физические расправы, преследуют «изменников» и лиц, особенно рьяно продвигающих западные ценности и символы. В ряде мусульманских стран государственная власть (например, в Иране) принадлежит именно фундаменталистам. Но преувеличивать влияние Запада на Восток не следует: ведь еще ни в одной восточной стране не произошло смелых, как это имело место в Римской империи.

Некоторые деятели западных стран и просто их граждане часто проявляют удивительную бестактность, грубость и агрессию в отношении мусульманских религиозных ценностей. Особенно достается пророку Мухаммеду, в Западной Европе и Америке постоянно появляются карикатуры, кинофильмы и художественная проза, оскорбляющие религиозные чувства мусульман. Следствием этого становятся бунты и погромы в разных странах, в том числе европейских.

Но отнюдь не исключено, что нехристианская культура, в том числе ислам и буддизм, будет в будущем оказывать все более существенное давление на западную культуру. Делать такой прогноз дают основание процессы глобализации и все более интенсивное проникновение жителей Востока в западные страны и в Россию. Возможно, это станет первым шагом к унификации мира в единое сообщество, если такое вообще возможно.

Крайним выражением религиозной агрессии является *религиозный экстремизм* и *порождаемый им терроризм*. В.А. Бурковская, исследовавшая эти явления, считает, что они существуют в следующих взаимосвязанных формах:

- (1) религиозное сознание (общественное и индивидуальное), которому свойственны признаки тоталитаризации и преувеличения ценности определенной совокупности религиозных идей в ущерб все иным религиозным и светским идеям; нигилизма — отрицания всех иных идей, в том числе религиозных, кроме одной; религиозного фанатизма — безусловно-го верования в истинность единственной религиозной идеи (совокупности идей) и готовности следовать ей при любых обстоятельствах;
- (2) религиозная идеология (религиозная доктрина), характеризующаяся произвольным провозглашением истинным единственным объяснения проблем существующего мира предложением однозначных (истинных) способов из разрешения; безусловном разделением всех социальных явлений на «добро» и «зло»; приданием исключительного доминирующего положения одному из аспектов бытия в ущерб осталь-

ным; отрицанием объективно господствующей иерархии общесоциальных (общечеловеческих) ценностей; игнорированием или принижением регулятивной значимости любых социальных, в том числе правовых, норм, не соответствующих объявленной истинной религиозной доктрине;

- (3) деятельность по реализации религиозной доктрины, провозглашенной единственно истинной;
- (4) организационные формы осуществления религиозной доктрины, в частности религиозные экстремистские организации (тоталитарные секты, экстремистские и террористические организации)¹.

Подобные организации ставят перед собой различные цели: построение идеального мира на исламских ценностях; обеспечение чистоты веры и пресечение любых отступлений от религиозных норм, сколь бы древними и неактуальными они ни были; активная борьба против неверных, создание могучего исламского государства, даже всемирного, и т.д. Допустимыми для экстремистской (террористической) организации являются любые средства, в том числе физические расправы с инакомыслящими и врагами ислама. Единственными ценностями признаются только те, которые вытекают из религиозной доктрины. Религиозный экстремизм способствует не только религиозной вражде и ненависти, но и расовой и национальной.

Бурковская выделяет пять типичных форм *религиозного экстремизма*:

- (1) институциональный, т.е. имеющий незаконные организационные формы религиозный экстремизм, прямо запрещенный уголовным законом;
- (2) обособленный, внеинституциональный, криминальный религиозный экстремизм, применительно к которому признак отношения к религии прямо указан в тексте закона;
- (3) необособленный, внеинституциональный, криминальный религиозный экстремизм, применительно к которому признаки религиозного мотива или отношения к религии прямо не указаны в тексте закона;
- (4) терроризм и иные преступления террористического характера, совершаемые по религиозным мотивам;
- (5) общественно опасные злоупотребления свободой совести и вероисповедания².

Любая из этих форм религиозного экстремизма (конечно, отнюдь не только исламского) влияет на состояние нравственности в

¹ См.: *Этнорелигиозный терроризм* / Под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2006. С. 57.

² См.: Там же. С. 61.

обществе, общественного порядка и духовного здоровья населения, угрожает правам и свободам человека, свободе слова и средств массовой информации. Во всех цивилизованных странах ведется борьба с религиозным экстремизмом, а для России она тем более значима, что в нашей стране существует множество религий.

Особо опасен *религиозный фанатизм*. Религиозные фанатики, почти всегда агрессивные, как любые другие страстные и неудержимые сторонники какой-либо идеи, находятся в лихорадочном поиске абсолютно чистой идеи и находят себя в ней, но реализуются еще в ее поисках. Возвышенные цели религии — радость утешения, гуманность, милосердие, спасение души, колоссальные культурно-творческие достижения — чаще всего находятся вне внимания такой экзальтированной личности. Главное требование фанатика — подчинение всех, всего мира, во всяком случае известного, тому, как он понимает религию в целом, бога, святых. Конечно, нередко фанатические идеи, особенно в традиционных обществах (сообществах и общинах), охватывают толпу, и тогда ее действия могут стать общественно опасными.

Такая опасность прикрывается именем и волей бога, а толпа особенно агрессивна, если она приняла на веру, что ее бог (или боги) оскорблен и поруган. Никакая подлинная религия не в состоянии предотвратить то, что ненормальные фанатические личности или секты компилируют из отрывочных тезисов бессмысленные, якобы религиозные воззрения, которые служат защитой от страха жизни, выполняя в то же время функции ненависти и вражды. Иногда религиозный фанатизм становится защитой несправедливой тиранической власти, а самая гуманная религия может быть извращена фанатиками до неузнаваемости. Так, ни один религиозный деятель не был так далек от лицемерия и агрессии, злоупотребления властью и ненавистью, как Христос. Тем не менее его фанатичные последователи охотно и по много раз прибегали к религиозным войнам, религиозной резне, крестовым походам и инквизиции, хотя учение Христа было и остается учением о любви.

Естественно, что для нас очень важно знать, каковы источники и механизмы религиозного фанатизма, каким образом он становится таким агрессивным?

Думается, что религиозный фанатизм, угрожающий и самой религии, и ее церкви, во-первых, своим глубинным и бессознательным источником имеет саму веру в ценности, существование которых невозможно рационально, эмпирически доказать, а поэтому их «просто» следует принять как истину. Экзальтированные, необузданные натуры, поверив в нее, защищая ее, тем самым отстаивают свою идентичность. Они как бы погружаются в нее страстно, без остатка, она превращается в часть их Я. Их поведение становится зависимым от них же самих. Во-вторых, религиозными фанатиками

становятся те, которые живут в фанатически зараженной агрессивной среде, например арабы на палестинских территориях. Они считают или постоянно ощущают свою уязвимость от внешнего негативного воздействия. Любое выступление со стороны воспринимается как покушение на «свою» религию, «свои» обычаи и традиции, «свою» неприкосновенность, как унижение религиозного и национального достоинства. Агрессивный фанатизм толпы становится защитительным жестом.

Религиозным фанатикам и фундаменталистам свойственна твердая вера в обладание абсолютной, единственной и окончательной истиной, даже мессианское предназначение, высшую уникальную миссию во имя спасения или счастья человечества. Указанных лиц можно отнести к «закрытому» типу личности. «Закрытый» он потому, что исключает всяческую критическую мысль, свободу выбора, несмотря на то что видит мир только в свете предустановленной, «единственной истины», хотя она, может быть, не имеет никакой связи с реальностью или давно ее утратила. Логичным следствием «закрытости» и фанатизма является поразительная, подчас парадоксальная узость, односторонность, ведущая к максималистической абсолютизации частного, вырванного из общей системы связей. В силу этого мир в результате трансформации в таком сознании теряет реальные очертания, а сознание становится мифологизированным. Все же, что противоречит «закрытому» сознанию, рискует стать объектом агрессии.

Религиозная идеология теснейшим образом связана с национальными, в том числе и особенно националистическими, процессами. Этнорелигиозные явления очень часто сливаются воедино, что особенно заметно при конфликте культур, сейчас — исламской и западной. Это совершенно естественно, поскольку религиозная и националистическая идеологии, сплачиваясь, усиливают друг друга. В такой сплоченности человек как бы дважды чувствует себя частью «мы», т.е. дважды защищенным и вооруженным, а следовательно, может с большей уверенностью вступать в схватку. Это не может не порождать групповой нарциссизм, как правило, весьма опасный.

Трудно сказать, какая из частей этнорелигиозного целого наиболее сильна и важна, но в идеологическом отношении, наверно, религия.

В традиционных культурах сама жизнь протекает очень медленно, жизнь внуков мало чем отличается от жизни их дедов, а это достигается естественной неподвижностью религиозных норм и мифологизированным сознанием. Такая культура все новое встречает очень настороженно, что может перетекать во враждебность; носители нового являются чужими, которым верить очень опасно. Но следует отметить, что многие современные этнорелигиозные общности не всегда имеют непререкаемые традиции и обычаи, стабильную

идеологическую картину мира: существенные элементы их культуры размываются в нынешнем мире, меньше почитаются идеологические ценности предков, ставится под сомнение вековая заданность их культуры. Даже в сугубо религиозных странах молодежь создает свою субкультуру, которая помогает ей самоидентифицироваться и самореализовываться, определять свои общие статусы.

Однако было бы ошибкой считать, что даже в таких условиях под влиянием процессов интернализации молодые люди остаются безразличными к тому, что, по мнению их общности, их религия и создаваемая ею идеология находятся в опасности. Анализ современного терроризма и экстремизма более чем убедительно показывает, что именно молодые люди самым активным образом участвуют во всех террористических и экстремистских актах. Их религиозность не должна подвергаться сомнению. В условиях конфликта они ощущают нестабильность окружающего мира, в будущее часто всматриваются с тревогой и все-таки склонны подчиняться старшим, которые указывают им «конкретный и ясный путь».

Сказанное позволяет сделать важный вывод: прежде всего не сама религия, если иметь в виду ее основополагающие тексты, взгляды на мир, человека и космос, их происхождение и перспективы, учение о душе и загробном существовании и т.д. не содержат прямых призывов к расправам и пролитию крови. Религия представляет собой цемент, который скрепляет определенную общность и делает всех ее людей как бы единым организмом. Вот почему так остро, иногда самым разрушительным образом реагируют эти люди на то, что они расценивают как посягательства на их религию, хотя к собственно религиозным эти объекты могут и не относиться. Таким образом, мы видим, что религия рождает, точнее, формирует определенную культуру, свое «дочернее предприятие», которое не только автономно, а, по существу, суверенно ведет независимое от самой религии существование. Но это формирование происходит не с чистого листа, а имеет место впитывание предыдущих культур и субкультур, их фрагментов или целиком, прежних верований, ценностей и символов. Многие из них могут быть отнюдь не миролюбивыми.

Итак, агрессивность людей культуры, порожденная религией, чаще всего зависит не от религии, а от актуальных условий жизни, проблем, которые они решают, отношения к ним других культур, традиций, обычаев и верований, которые возникли и развивались на протяжении многих веков еще до появления данной религии. Именно фактическим отделением религии от порожденной ею культуры можно объяснить подчас очень враждебное отношение к самим религиозным деятелям, в частности, убийствам муфтиев (в исламе).

Отдельные деятели церкви (например, Русской православной), которые требуют жестких наказаний для тех, кто, по их мнению, проявляет враждебность к религии, по существу, выступают не от

имени религии, а как дети той самой культуры, которую я назвал суверенной. Этим деятелям, естественно, легко находить в священных текстах оправдания своей агрессии, но это тоже проявление все той же культуры. Иначе говоря, высшее проявление кощунства.

То же самое можно сказать и об исламе. Беснующиеся толпы тех, кого можно назвать мусульманскими фанатиками, защищают, собственно, не идеи Аллаха, основы его вероучения, а актуальные привычки, традиции и обычаи, которые складывались веками. На основы исламского вероучения никто и не собирался покушаться. Исламская церковь может быть агрессивна в той мере, в какой она обладает властью. До десакрализации западного общества христианство обладало силой и властью и в полной мере пользовалось ими, т.е. было весьма агрессивно. Можно было бы написать историю Европы XX в., не упомянув в ней ни католичества, ни протестантизма. Их власть безвозвратно ушла в прошлое, но совершенно очевидно истина, что любая властная сила вне контроля общества всегда агрессивна. Она начинает жить по своим внутренним законам и своей логике, в которых нет места другим, особенно обществу. Некоторые конфессии пытаются вернуть себе былую силу, например Русская православная церковь, но это в общем невозможно, хотя незначительные успехи у них все же есть.

В те века, когда христианство исполняло монархические функции, организовывало крестовые походы, казнило еретиков, вело религиозные войны и т.д., ни в коем случае не могли появиться великие гуманисты Альберт Швейцер, доктор Гаазе, Мать Тереза (Бояджиева).

Справедливости ради нужно отметить, что священнослужители нередко сами становились жертвой агрессии, в первую очередь со стороны государства, но это всегда была «молодая» государственная власть. Так было в дни Великой Французской революции, мексиканской революции, после октябрьского большевистского переворота. Последний может быть здесь выделен в том отношении, что реакция коммунистов на религию и церковь, особенно благодаря Ленину, была неистово жестокой и беспощадной, среди репрессированных оказалось немало служителей церкви, которые в этих условиях проявили подлинные мужество и героизм.

6.3. Националистическая идеология

Националистическая идеология представляет собой наиболее общее понятие, объединяющее все идеи (взгляды, положения, требования) о преимуществах одной нации над всеми другими или, во всяком случае, окружающими. В связи с этим «главной» нации приписываются особая ценность и особые черты, якобы данные ей самой природой или (и) историей. В соответствии с этим «главной» долж-

ны быть даны особые полномочия, в основном она должна решать государственные дела.

Национализм имеет различные степени проявления — от бытового, с виду сравнительно неопасного, до нацизма, когда, как в гитлеровской Германии, одна нация — немцы — была провозглашена господствующей, управляющей всеми другими, которых она могла как угодно эксплуатировать и даже уничтожать, если ей это было выгодно или необходимо. Однако опасность бытового национализма не стоит преуменьшать, поскольку именно в его границах возникают и функционируют националистические предрассудки и извращенные представления, подчиняя себе сознание многих людей и порождая групповой нарциссизм, который сам по себе содержит огромную взрывную силу. Гитлеровский нацизм начинался с бытового.

Нацизм — это не только позиция гитлеровской Германии в национальном вопросе, это ее политический режим, ее власть, ее мировоззрение.

Нацизм был одним из редких моментов в истории христианской цивилизации, когда была предпринята попытка распахнуть дверь в некий антимир, в котором господствовали ценности, не имеющие никакого отношения к нравственности. Нацизм не укладывался в рамки только политического движения. Посвященные в тайны доктрины гитлеризма считали, что его руководители находятся в магических отношениях со Вселенной, а поэтому могут то, что не способны сделать другие. Будущая мутация человеческой расы создаст существа, сознающие эти отношения человекобогов. Эта мутация уже дает себя знать в некоторых мессианских душах, ощущающих свою связь с очень отдаленным прошлым и вспоминающих о днях, когда великаны оказывали влияние на движение звезд.

Нацисты из верхнего звена хотели изменить мир. У них было магическое понимание мира и человека. Они пожертвовали всем ради этого понимания и принесли в жертвы миллионы человеческих жизней, желая следовать за Высшим Учителем. Они ненавидели иудеохристианскую цивилизацию, презирали ее слащавый гуманизм и безграничный материализм. Эти избранные должны были победить, потому что были носителями огня, который их враги уже давно погасили в себе заботами о комфорте и чувственных удовольствиях. Они должны были стать господами на тысячелетия, ибо на их стороне — великие жрецы и демиурги, но оказались побежденными, раздавленными и уничтоженными. И кто же одержал верх — обычные люди, у которых не было никакого священного огня, а лишь «примитивные» верования и «ничтожные» цели на уровне бредящего полета.

Гитлер и его ближайшее окружение были увлечены оккультными делами, будучи убеждены в том, что строят новый, доселе невиданный мир, но по только им открытым рецептам, которые изго-

товили их мистические предтечи. Несомненно, что некоторые из них верили в своих таинственных Учителей и в то, что унаследовали их могущество. Несомненно и то, что фашистские идеологи были убеждены в необходимости омоложения мира и неизбежности гибели старых богов, но способами, которые они считали наиболее адекватными и эффективными. Кстати сказать, так же считали и большевики, которые тоже исходили из потребности постоянного омоложения общества и тоже не стеснялись в средствах, проповедуя, что насилие есть повивальная бабка истории.

Конечно, в каждом обществе в любое время существуют бациллы фашизма. Носители их на обочине, и нормально функционирующая формация может держать эту группу под контролем. Но потом что-то происходит: экономическая катастрофа, повергающая многих в отчаяние, национальное несчастье, полный провал в итоге войны. Презируемая группа «обочины» внезапно становится значимой, она мгновенно инфицирует политиков, армию, полицию — нация сходит с ума. Бесконечные парады, иступленные речи, песнопения, униформа, знамена — всепроникающая истерия. Фашизм — это в первую очередь политическая техника, механизм захвата и использования власти. При отказе от демократии и гуманизма — культ силы и мистического коллективного «Я», перед которым личность должна пасть ниц, вера во всемогущего вождя.

В Германии масса сограждан с увлечением и дрожью восторга принимала участие в захвате фюрером власти, с ним же они переживали свои собственные комплексы власти и мести. Так, они экстатически отделились «сверхчеловеку», чтобы создать расу господ. Теперь все — притеснения, убийства, преследования «чужаков» — могло происходить без всякого чувства вины, потому что появились новые законы, новые ценности, новая мораль, которым нужно следовать, чтобы самому не стать чужаком и изгоем.

Такой подход к тоталитаризму, как и некоторые другие, охватывает в основном внешнюю сторону исторических событий. Многие работы на данную тему не содержат в себе объяснений того, почему произошли эти события, а лишь констатируют их, причем иногда с очень большой степенью достоверности и точности. Между тем ни констатация силы и значимости оккультных верований среди фашистской верхушки и слепой веры огромного большинства немцев в своего мессию, равно как и обещание большевиков построить коммунизм, ни знание того, что многие нацистские и большевистские деятели попросту преследовали свои корыстные и низменные цели, не объясняют, почему красно-коричневое безумие вдруг овладело многими странами, в числе которых были и те, которые обладали давними демократическими традициями, высокой культурой и утонченным интеллектом. Конечно, не следует с пренебрежением

относиться к идеям Гитлера, Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна, какими бы абсурдными они сейчас ни выглядели. Особенно в век значительного усиления возможностей массового влияния на людей истерия толпы может иметь самые пагубные и неожиданные последствия. В бессознательных коллективных процессах таится огромная и неконтролируемая сила, которая вдруг вырывается на поверхность.

Человек очень часто оказывается марионеткой в собственных руках, но этими руками управляет не сознание, а нечто другое, лежащее за его пределами. Иными словами, человек — объект управления «чего-то», что заставляет его говорить определенным голосом. Даже самому изощренному и тренированному сознанию редко удается уловить то, что, подобно вате, мягко, но неизбежно обволакивает его со всех сторон. Всякие самодовольные утверждения, что «мне о себе известно все», не более чем приятный самообман, бесплодная попытка одурачить собственную природу грубым и примитивным упрощением. Особенно трудно понять свои поступки на уровне их истинного смысла, подлинных мотивов, часто функционирующих на бессознательном уровне.

Но если поведением человека руководит находящееся в нем бессознательное, которое, конечно, постоянно взаимодействует с сознанием, то есть основание думать, что и жизнь народов в значительной мере направляется коллективным бессознательным. Между тем народы и их правители (как и отдельный человек) в подавляющем большинстве случаев не осознают источников собственной активности или, напротив, пассивности, не понимают, в чем смысл их поведения, более того, они обычно не знают, к чему же это в конце концов приведет, если, конечно, не иметь в виду политиканствующий уровень.

Торжество националистических идей в Германии способствовало поражению этой страны в Первой мировой войне. Полное экономическое разорение и продовольственный кризис, резкое обнищание людей и массовая безработица здесь сочетались с национальным унижением (по Версальскому договору территория страны уменьшилась на 1/8, население — без малого на 1/10) и острыми социальными столкновениями. Один из биографов Гитлера — И. Фест об этом периоде писал, что дух безнадежности парил надо всеми. Прокатилась беспрецедентная волна самоубийств, и, как всегда в подобные моменты истории, у людей пробудилась иррациональная страсть к полной переделке мира. Шарлатаны, астрологи, ясновидящие и всякие медиумы процветали вовсю. В период всеобщего бедствия они вызывали псевдорелигиозные чувства, придавали жизни утраченные смысл и значение. Обладая исключительной интуицией, Гитлер лучше других политических деятелей уловил подсознательное стремление масс. Это ему тем более необходимо

было сделать, так как если в некоторых странах на Западе царили хаос, отчаяние и голод, то Германии пришлось хуже всего.

Немцы бессознательно ждали прихода вождя-избавителя, ибо в трудные времена люди всегда ждут мессию. Образ всемогущего отца настойчиво маячил в воображении тех, кто устал от тягот жизни. После поражения в войне, унижительного Версальского договора и резкого падения уровня и качества жизни Германия мечтала о чуде, надеясь на вмешательство высших сил. Успех Гитлеру был предуготован, поэтому в него поверили сразу и доверяли до тех пор, пока ему сопутствовала удача. Сам он очень точно определил этот момент в своей книге «Моя борьба»: «Когда люди надламываются и начинают впадать в отчаяние, именно тогда им больше всего нужны великие гении. Именно тогда на бедных и несчастных людей из прошлого глядят тени великих людей, сумевших стать против нужды, позора, несчастий, сумевших показать людям дорогу к счастливой жизни. Горе народу, который стыдится обращать свои взоры за помощью к великим людям».

Всем слоям и классам Германии была присуща тенденция послушания и жажда, чтобы ими руководили. В изменившихся условиях республики обладатели такого сознания увидели, что их неожиданно-негаданно оставили в беде. Смутные комплексы страха, которыми они были переполнены, ощущались ими с особой силой еще и потому, что новая форма государственности не создала никакого авторитета, могущего в будущем полагаться на привязанность и лояльность. Рождение республики из беды поражения, проводимая державами-победительницами и диктуемая страждущим непониманием политика возмездия за давние грехи кайзеровских времен, гнетущий опыт голода, хаоса и расстройств денежного обращения, а также, наконец, неверно толковавшаяся как забвение национальной чести политика выполнения условий Версальского договора порождали величайшую неудовлетворенность в плане потребности отождествления себя с государственными порядками, той потребности, которой эти люди всегда были обязаны, и какой-то частью уважения к самим себе. Будучи лишенным блеска и униженным, это государство было для них ничем, и с его приходом они во многом перестали понимать мир. В своем беспокойстве они шли в гитлеровскую партию, которая была как бы политической организацией их собственной растерянности. И в связи с этим получает объяснение тот парадокс, что их тяга к порядку и добрым нравам, к верности и вере находила, как они это чувствовали, самое лучшее понимание именно у проникнутых духом авантюризма представителей партии Гитлера. Он обращался к внушенному нации инстинкту правил и дисциплины, либо принимавшему мир упорядоченным, либо не принимавшему его вообще.

Гитлер подарил разбитым и униженным войной немцам «великую» идею: немцы — самая могучая, умная и энергичная нация на свете, она должна управлять другими народами, подчинять их себе как рабов, а если нужно — просто уничтожить. Самым ненавистным, лживым и подлым он называл (еще в «Моей борьбе») евреев; более того, зная, как важно для германского обывателя определить виновника военного поражения, он им объявил еврейский народ Германии, причем весь, а не только финансовую верхушку. В его списке вслед да евреями шли славяне, которые, по его мнению, без всяких оснований владели огромными землями Восточной Европы, которые совершенно необходимы были германцам.

О евреях Гитлер писал: «...в свое время евреи умели в течение многих лет занимать общественное мнение борьбой между унитаризмом и федерализмом. Пока эти два лагеря вели истребительную войну друг против друга, евреи торговали нашей свободой и продавали наше отечество международному капиталу. Так поступают они и теперь, натравив католиков на протестантов и обратно, они обделяют свои делишки, стараясь в то же время постепенно отравлять сознание и католического и протестантского лагеря»¹.

Еврейский народ с его несомненными интеллектуальными качествами не имеет настоящей культуры, и прежде всего своей собственной, утверждал Гитлер. Показная еврейская культура ныне является, по сути дела, достоянием других народов и к тому же в значительной мере в еврейских руках искажена... У евреев нет тех качеств, которые характеризуют расы, обладающие созидательной, а вместе с тем культурной одаренностью².

С сентября 1933 г. в прусских, а затем и во всех школах страны расовое учение стало обязательным. Старшеклассники были обязаны изучать наследственность, расовую науку, вопросы семьи и популистской политики, основные положения которых включались в биологию. Эти расовые «проникновения» были внедрены в практику так называемым Нюрнбергским законом о гражданстве, по которому евреи были исключены из состава немецкого народа.

Разумеется, я здесь не ставлю перед собой задачи обстоятельного исследования национальной (расовой) политики гитлеризма, а лишь хочу показать только некоторые важные моменты этой политики, которая стоила жизни миллионам людей. Расовые бредни нацизма — один из главных источников агрессии.

Чтобы сделать убедительной какую-то легенду, особенно в глазах обывателей, необходимо ее мистифицировать, что подводило под миф некую «научность», весьма ценимую толпой. Самая «могу-

¹ Гитлер А. Моя борьба: Пер. с нем. М., 1992. С. 472.

² Приводится по: Моссе Д. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. М., 2010. С. 94—95.

ча» раса (нация) не могла не обладать древнейшей историей, которую исповедовали некоторые тайные общества в Великобритании и Германии. Они исходили из того, что возможно появление людей, наделенных сверхчеловеческими физическими, психическими и нравственными силами, намного превосходящими все остальное население. Мистические объединения, по существу, были новоязыческими, отрицающими христианство, и в свете данного обстоятельства становятся понятными последующая борьба Гитлера с христианством и его попытки восстановить культ древнегерманского бога Вотана. Тайные общества ориентировались на сверхчеловека, более того, ставили задачу грандиозной мутации человечества. Как мы знаем, мечта о наделении индивида невообразимыми возможностями всецело овладела Гитлером и его наиболее фанатичными приверженцами. Я думаю, что за этой идеей прочно стоит вековая мечта человека преодолеть свою смертную природу и стать равным богам. Иными словами, она стимулирована страхом смерти.

Можно связывать теорию новоязыческих сект, предтеч гитлеризма, с теософией, в частности с Е. Блаватской, с доктринами, которые опирались на древние мифы, воскрешали древние пророчества и легенды о сотворении и истории мира, о гигантах и богах. Одновременно ниспровергались основные современные научные достижения в области и естественных и общественных наук, причем делалось это без какой-либо строгой аргументации. Можно сказать, что совершалась попытка полного возврата к истоку времен. Особое внимание в тайных учениях уделялось искупительным жертвам, и я полагаю, что это не случайно: здесь с Гитлером и его каннибальской политикой самая непосредственная связь, поскольку планомерно истребленные им миллионы людей вполне можно представить себе как гигантское жертвоприношение. Неважно в данном случае, по какому принципу выбирались жертвы — национальному (евреи, цыгане, славяне) или состоянию здоровья (психически неполноценные). Впрочем, никакого принципа и не было, поскольку Гитлер готов был уничтожить и весь немецкий народ.

Можно предположить, что уничтожение гитлеровцами 750 000 цыган не имеет никаких иных причин, кроме магических. Гестаповец Сиверс был назначен исполнителем, священным палачом, ритуальным убийцей, осуществлявшим жертвоприношение. Высшие ответственные лица Германии массовыми казнями пытались победить безразличие Сильных, привлечь их внимание. В этом заключался магический смысл человеческих жертв от майя до нацистов. На Нюрнбергском процессе вызывало удивление равнодушие верховных главарей к убийству. Его ритуал возбуждал, но жертвы тотчас же забывались. В этом нацистские и другие такого же рода убийцы ничем не отличаются от обычных.

Человеческие жертвоприношения по своему глубинному смыслу восходят к первым дням жизни человека на земле, когда в жертву приносились люди, чтобы заслужить милость и расположение богов и иных потусторонних сил, чтобы «победить безразличие Сильных». Этим целям можно было бы успешнее достичь, если отдавать Сильным самое дорогое — других людей, их жилища и поселения, часто и собственных детей. Поэтому есть веские основания думать, что массовые человеческие жертвоприношения XX в. — это убедительное подтверждение действия коллективного бессознательного, поскольку налицо обращение к древнейшему опыту.

Мистические идеологи нацистского режима (Горбинер, Гаусгофер) утверждали, что после многих ступеней возрождения на Западе родилась другая цивилизация, оторванная от своего сказочного прошлого, ограниченная во времени и пространстве, цивилизация людей, измельчавших и ищущих утешения в мифах, изгнанных из мест своего зарождения и не сознающих величия судеб живого, связанного с великими космическими движениями. Человеческая, гуманистическая цивилизация — иудохристианская цивилизация. Она безнадежно мала и остаточна. По мнению этих идеологов, мы приближаемся к другой эпохе. Произойдут мутации. Будущее протянет руку отдаленному прошлому. Земля вновь увидит великанов, будут новые потопаы, новые апокалипсисы, и новые расы придут к власти.

Мощный бросок далеко назад немецкого фашизма был начат тогда, когда обрели вторую жизнь такие древние культы и учения, как, например, легенды о том, что Земля полая (напомним, что в ранних цивилизациях в ее недра помещали души умерших, ад, драконов и т. д.), что где-то на Крайнем Севере был исчезнувший остров Туле, а населявшие его существа обладали огромным запасом сил, способных вернуть Германии главенство над миром. Было создано общество Туле, которое стало магическим центром нацизма и пыталось освоить многие духовные ценности Центральной Азии и буддизма. В качестве одной из главных эмблем была избрана свастика (ее предложил Гаусгофер) — символ Солнца, источник жизни и плодородия, или грома — демонстрации божественного гнева. Самый древний след свастики был обнаружен в Трансильвании и восходит к концу эпохи неолита. Ее находят в остатках Трои, она появилась в Индии в IV в. до н. э., в Китае — в V в.н. э., в Японии — во время введения буддизма. Это исключительно арийский знак, ставший позднее символом чистой крови для нацистов, а для всего мира — символом войны, насилия, уничтожения цивилизации.

«Посвященные» из общества Туле опирались на древнюю тибетскую легенду, согласно которой 30—40 веков назад в Гоби существовала высокая цивилизация. Вследствие катастрофы Гоби превратилась в пустыню, и спасшиеся эмигрировали — кто на северную

окраину Европы, кто на Кавказ. Бог Тор из северных легенд был одним из героев этой миграции. Мигранты из Гоби составили основную расу человечества и были родоначальниками арийцев. Поэтому их потомки должны завоевать всю Восточную Европу, Туркестан, Памир, Гоби и Тибет.

Обращение к древним культам и мифам характерно для критических периодов истории многих стран. Например, на коммунистической Кубе, которая переживает острый кризис и охвачена тотальным терроризмом, в 1992—1993 г. всеобщее распространение получил древний культ африканского народа йоруба и черная магия того же происхождения. «Всеобщее» — здесь не красочная гипербола, поскольку этот культ стали исповедовать высшие должностные лица режима и даже ее лидер Ф. Кастро, который стал появляться в белых культовых одеяниях и совершать обряды религиозного омоложения и очищения от всяких грехов. И это в стране с безраздельным господством ортодоксальной коммунистической идеологии, стране, где атеизм давно стал государственной политикой! На первый взгляд непонятно также, почему возродилось не христианство, а, казалось бы, давно позабытые африканские верования. Конечно, христианство — это и церковь, следовательно, определенная организация со всеми присущими ей особенностями, а поэтому совершенно недопустимый конкурент для фашизма или коммунизма. Несколько другое дело — культы далекого континента, но ведь, оформившись, культ тоже станет организацией. Здесь, я полагаю, не потеря бдительности, а попытка спасти систему и себя любой ценой, а седовласые магии и легенды можно не только подчинить себе, но и активно использовать для упрочения своего господства, как это делал Гитлер.

Возрождение древних легенд, мифов и магий в Германии (и на Кубе, причем я уверен, что подобные же примеры можно найти и в других странах) свидетельствует, во-первых, о том, что это происходит только в эпохи острых кризисов, охватывающих все стороны жизни общества, которое стоит перед необходимостью жизненно важного выбора. Во-вторых, активное культивирование старинных верований представляет собой некую идеологическую и психологическую проработку или подготовку, а в некоторых случаях оправдание предстоящих практических решений.

Особенно любили воспевать древних арийцев нацисты, Гитлер и его приспешники, при этом никто не доказал, что немцы являются потомками арийцев, а сами арийцы — сверхталантливые, сверхумные и сверхсильные люди, да и само существование арийцев — это большой вопрос. Между тем Гитлер разделял все человечество на три группы: (1) основатели культуры, (2) носители культуры и (3) разрушители культуры. Представителями первых двух групп были только одни арийцы, именно они создали фун-

дамент и стены всех человеческих творений. Другие народы наложили свой отпечаток лишь на внешнюю форму и окраску. Все основные планы человеческого прогресса, все самые большие камни, необходимые для постройки, — все это дал ариец. Другим расам принадлежало только выполнение планов¹.

Арийским племенам, продолжает Гитлер, зачастую в численном отношении до смешного малочисленным, удается подчинить себе чужие народы. Опираясь на особые условия, свойственные данным территориям, и используя соответствующим образом имеющуюся теперь в их распоряжении большую рабочую силу, арийцы пробуждают в покоренных народах духовные и организаторские способности, спавшие до сих пор непробудным сном. В течение немногих тысячелетний, а иногда даже только столетий арийцам удается создавать новую культуру². И так далее в том же духе, главное — автору необходимо было доказать, что германцы — это потомки арийцев, причем, конечно, никаких доказательств Гитлер не приводил. Не приводил по уважительной причине — их у него (как и у его последователей) попросту не было.

Этот небезызвестный автор не скупится на комплименты по адресу полумифического народа — предтечу германской расы. Оказывается, что арийцы велики не своими духовными качествами как таковыми, а только своей готовностью отдать эти способности на службу обществу. Инстинкт самосохранения принял у арийцев самую благородную форму, ибо ариец подчиняет собственное «я» жизни обществу, а когда пробьет час, ариец охотно приносит себя в жертву общим интересам³.

То, что Гитлер был патологически лжив, общеизвестно. Он был мастером на всякого рода измышления, не останавливаясь перед самыми невероятными. Я привел лишь примеры в связи с арийцами, их можно привести еще множество, и не только, конечно, в связи с этим народом. Тем не менее книге верили в первую очередь люди немецкой толпы. И не случайно ее называли нацистской Библией, естественно оскорбляя тем самым последнюю.

Нацизм особо выделял нордического человека, властителя и покорителя мира; нордическими людьми в первую очередь были немцы. Вот что писал по этому поводу Л.Ф. Клаус: «Нордический стиль с его ультимативностью и настойчивостью позволяет нам расширить концепцию нордической пространственности на Средиземноморье. В этом смысле вся Земля и даже вся Вселенная укладываются в нордической душе, стремящейся проникнуть повсюду, что становится закономерностью. Северяне настроены открывать новые земли и

¹ См.: *Гитлер А.* Моя борьба: Пер. с нем. М., 1992. С. 243.

² См.: Там же. С. 244.

³ См.: Там же. С. 250.

районы, исследовать их и культивировать, а в конечном счете — и покорять. Ограничения при этом они устанавливают сами себе. Но иногда случается и так, что они игнорируют любые ограничения»¹. Когда Клаус писал эти строки, ему было еще неизвестно, что за игнорирование любых ограничений могут строго наказывать.

Фашизм — неискоренимая болезнь человечества, способная проявляться в разных обличьях, поскольку всегда найдутся люди, недовольные своим актуальным положением и ищущие тех, кто виноват в их бедствиях, провалах и т.д. Фашизм дает возможность отомстить им, подлинным или мнимым врагам. Естественно, что виновных они находят не в себе, а в других — чужих для себя по национальной, расовой, религиозной или социальной принадлежности. Фашизм еще очень романтичен (точнее — лжеромантичен), особенно для молодых людей, которых прельщает все «таинственное»: вроде бы запрещенные сборища, особый мир взаимного понимания, слов и символов, подчинение сильному, которое делает тебя самого сильным и дает надежду, что потом ты будешь господствовать над другими, постоянное закаливание тела и духа, отрицание милосердия как вредной слабости и т.д. Есть еще славная война или перспектива ее, когда совсем в духе Х. Весселя можно будет, воспевая смерть, топтать цветы.

Знаменитый исследовательский проект «Группы из Беркли» (Т. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д. Левинсен, Р. Сенфорд), осуществленный в США после Второй мировой войны, опираясь на идеи Фрейда, вывел отношение к чужим группам из процесса социализации ребенка в раннем детстве, в частности из амбивалентности эмоциональных отношений в семье. Если в ней царят формальные, жестко регламентированные отношения, часть агрессивности выплескивается наружу, т.е. на тех, с кем индивид себя не идентифицирует, — на внешние группы. В фашистской Германии заменителем ненавистного отца оказались евреи.

Исследователи из Беркли составили новый антропологический тип, который они назвали *авторитарным*. Он включал в себя:

- (1) конвенционализм (приверженность традиционным социальным нормам);
- (2) безоговорочное подчинение властям и авторитетам;
- (3) авторитарную агрессию (поиск людей, нарушающих конвенциональные нормы, чтобы осудить, отвергнуть и наказать их);
- (4) антиитрацепцию (неприятие всего субъективного, наполненного фантазиями, чувственного);
- (5) стереотипность мышления и подверженность суевериям;

¹ Клаус Л.Ф. Расовое воплощение, расслоение и мировое господство // Моссе Д. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. М., 2010. С. 107.

- (6) силовое мышление и культ силы (мышление в жестких категориях типа «сила — слабость», «господство — подчинение» и поддержка жестких методов властей);
- (7) деструктивность и цинизм (общая враждебность, злобное отношение ко всему человеческому);
- (8) проективность (предрасположенность к вере в заговоры и мрачное будущее человечества; проекция инстинктивных импульсов вовне);
- (9) сексуальное ханжество¹.

Националистическая идеология может быть связана с вполне определенными смыслами, в том числе культурно-языковыми, в которых основное место занимают споры о сохранении языка и культурной самобытности; политические, в том числе сепаратистские, вплоть до отделения и обретения полного суверенитета какой-то нации; экономические, которые главным образом определяются возможностями доступа к материальным и духовным благам той или иной национальной общности, а поэтому и ее экономическим благополучиям; территориальные, основным содержанием которых выступает претензия на территорию другой нации (страны, государства). Часто такие смыслы могут переплетаться друг с другом и реализовываться на основе компромиссов и мирного согласия либо агрессии. Последнюю мы часто наблюдаем в современном мире.

Расистские (нацистские) теории отнюдь не перестали существовать после разгрома Третьего рейха. Усилиями отечественных расистов и нацистов (они деликатно именуют себя расологами), и в первую очередь В.Б. Авдеева, у нас издан ряд книг по этим вопросам (*Авдеев В.Б.* Расология. Наука о наследственных качествах людей. М.: Белые альвы, 2005; *Гюнтер Г.Ф.К.* Избранные работы по расологии. М.: Белые альвы, 2005). Эти работы никакого отношения к биологии не имеют; пересказывать их содержание бессмысленно и даже вредно, а критиковать — ниже моего достоинства. Отмечу лишь, что Гюнтер был одним из главных гитлеровских специалистов по «научной» расологии, его «труды» легли в основу (наряду с другими, конечно, факторами) в обоснование отношения фашизма к другим народам и его захватнической политики.

В России национализм в весьма жестком выражении нашел широкое распространение: я имею в виду убийства и другие виды насилия на почве национальной ненависти и вражды. На мой взгляд, это явление определяется следующими обстоятельствами.

1. Большая часть населения России бедна, зачастую лишена элементарного достатка, качество жизни очень низкое, если иметь в виду образование, медицину, дороги, попечение над несовершеннолет-

¹ Приводится по: *Стефаненко М.Г.* Этнопсихология. М., 2003. С. 308—309.

ними, стариками, инвалидами, а также иные виды обслуживания. Естественно, что люди ищут причины своего бедственного положения, а согласно логике толпы, не видят их в самих себе, а только в каких-то внешних факторах. Поэтому виновных чаще всего обнаруживают в приезжих, людях иной национальной принадлежности. Здесь поэтому всегда возникает сравнение «себя» с «ними», результат же всегда оказывается только в пользу «себя». Таким путем на обычательском уровне возникает русский национализм, который в своем крайнем выражении часто прибегает к самому грубому насилию.

2. Национализм в России нередко пытаются объяснить проживанием в ней многих наций, что порождает конфликты между ними, тем более что они подчас принадлежат к разным культурам. Такое объяснение не представляется убедительным, поскольку и в других странах можно наблюдать такое же многонациональное многообразие, однако там нет межнациональных конфликтов, доходящих до кровавых расправ. Я имею в виду, в частности, Соединенные Штаты Америки, которые часто сравнивают с плавильным котлом. Там, как известно, были многочисленные конфликты между белым населением и неграми (афроамериканцами) и в этой связи даже гражданская война в XIX в., унесшая около 700 000 жизней. Однако конфликты удалось так успешно разрешить, что американцы даже избрали своим президентом человека с отнюдь не белой кожей, причем дважды.

Я полагаю, что межнациональных конфликтов в США и других демократических странах всегда удавалось избегать по той исключительно важной причине, что представители самых разных наций и конфессий были прочно включены в единый и весьма интенсивный производственный процесс. Они совместно активно трудились и у них не было времени и возможности выяснять, кто из них лучше, а кто хуже по причине национальной или религиозной принадлежности. Худших выталкивал на обочину жизни сам производственный процесс.

Совсем иная ситуация сложилась в России. До революции это была, как известно, крестьянская страна, в которой до реформ Александра II трудились миллионы рабов. Их труд принципиально не мог быть производительным, поскольку у них сложилось отношение к нему как к подневольному. После освобождения и столыпинских реформ они устремились в города, а после ленинско-сталинского погрома и ограбления деревни — особенно. Как городские рабочие, бывшие крестьяне перенесли свое отрицательное отношение к труду на новое производство. Труд городских рабочих и колхозников ни в коем случае не мог быть эффективным, поскольку ни те ни другие не были хозяевами ни предприятий, где они трудились, ни выпускаемой ими продукции. Главное — оплата их труда была минимальной, а условия жизни — очень плохими. По-

этому все работали по формуле «Пока вы делаете вид, что платите нам, мы делаем вид, что работаем».

Пренебрежительное отношение к труду сохранилось и после краха советской системы, поскольку оплата труда оставалась низкой, а условия жизни — неудовлетворительными. Все это активно способствует алкоголизации населения в городах и селах, росту и без того немалой социальной прослойки «людей дна». В чем же криминогенность отсутствия совместного интенсивного труда? При отсутствии такого труда люди и на работе были психологически изолированы друг от друга и плохо понимали других, у них было сколько угодно времени для рассуждений о том, чья нация, чей бог, чьи нравы, традиции и обычаи лучше, а чьи хуже; люди начали оценивать других не по профессиональным знаниям и умениям или достигнутому результату, а по национальным признакам, а в советские времена еще и по социальному происхождению. Негласно были выделены нации, которым вообще не следовало доверять. Однако явно агрессивный национализм жестко подавлялся властью.

3. Нельзя думать, что сейчас в России существует только русский национализм: националистов достаточно много, например, на Северном Кавказе. Между тем русскому национализму способствуют и более широкие явления, о которых достаточно убедительно пишет Э.А. Паин. Он отмечает, что россиянам внушается бессмысленность и вредность привычки сравнивать положение России с развитыми странами. Мы другая цивилизация. Внедрение в массовое сознание представлений об «особой цивилизации» и «особом пути» должно выполнить функцию санитарного кордона, препятствующего проникновению в Россию «чуждых» ей либеральных и демократических веяний. Политический аналитик Михаил Юрьев так понял эту задачу: «...подготовить идеологическое обеспечение изоляционизма путем создания непреодолимых цивилизационных различий».

Впрочем, мотивы поддержки идеи «особой цивилизации» и предопределенности «особого» исторического пути России неодинаковы у разных политических сил страны. Вот три группы апологетов этой идеи:

- (1) «охранительная». Это прежде всего представители силовиков. Именно они чаще других ссылаются на культурную предопределенность судьбы России в стремлении легитимировать этой предопределенностью свой политический курс на повышенные полномочия государственной бюрократии в системе управления;
- (2) «упадническая». Представлена большей частью деятелями, позиционирующими себя либеральными мыслителями. Они традиционалисты поневоле и в большинстве своем сторонники западного пути развития, который, по их мнению, к

сожалению, невозможен в России. Именно в этой группе популярно представление о России как о «стране рабов»;

(3) «националистическая». Ее составляют защитники идеи, которую можно назвать «агрессивным цивилизационным национализмом». Вот их постулаты:

- особая русская цивилизация определяет неизбежность ведущей роли государства в политической системе и особой роли лидера нации, ее вождя или монарха;
- естественной формой такой цивилизации выступает империя;
- ведущую роль в империи призван играть русский народ. Эту доминанту должно закрепить законодательство.

Почему в России сегодня такой спрос на традиционализм? Потому что он непреходящий спутник «обратной волны». Ее признаки и проявились отчетливо в начале 2000-х годов, когда либеральные реформы 1990-х (пусть крайне непоследовательные и противоречивые по своим последствиям) были оборваны и сменились контрреформами¹.

Паин правильно полагает, что взрыв традиционализма в мире, чреватый националистическими последствиями, был всего лишь кратковременной волной, завершающей цикл индустриальной модернизации. Однако небезосновательно предположение, что традиционалистический бум в России слишком затянется.

6.4. Большеви́стская (марксистско-ленинская) идеология

Я не буду останавливаться на различных теориях причин появления в некоторых странах коммунизма. Кстати сказать, этих теорий не так уж и много, точнее, очень мало, и мы в общем-то не знаем, почему в России, например, он одержал вначале совершенно безоговорочную победу и почему оказался у нас столь живуч. Между тем именно для нашей страны по известным причинам этот вопрос весьма актуален. Знаменательно, что о природе и причинах коммунизма на Западе написано гораздо больше, чем у нас, что, конечно, не может объясняться тем, что в нашей отчизне гораздо меньше толковых голов. Думаю, что дело опять-таки в исключительной живучести, даже «бессмертности» у нас этого явления, в приверженности ему очень многих людей. И еще, что очень важно, речь идет о собственной стране.

Чтобы постичь тайны популярности и торжества идей коммунизма в России, необходимо хотя бы очень кратко исследовать особенности исторического развития России, что мне, неисторику, сделать непросто. Во всяком случае, ясно, что Россия всегда суще-

¹ Паин Э.А. Волшебная сила разнообразия // Независимая газета. 2012. 25 сентября.

ственно отставала в экономическом, техническом и политическом развитии от стран традиционной западной демократии, поскольку у нас до 1915 г. власть принадлежала абсолютной монархии, а до 1861 г. сохранялось рабство и эти два обстоятельства накладывали отпечаток на всю жизнь России и россиян, на их психологию и мироощущение. Несмотря на все столыпинские усилия, страна упорно хотела сохранить общину, этот пережиток общинно-родового строя, а поэтому потом большевики воссоздали общину — в лица колхозов. Кстати, германские фашисты сохранили колхозы, что было сделано не только для планомерного ограбления деревни, но для и удержания ее в зачаточном состоянии.

Если смотреть на российскую историю максимально широко, то октябрьский переворот вполне логично в нее вписывается: это возврат в абсолютную монархию (в культе вождя) и общинный строй на селе. Иными словами, этот реакционный переворот есть продолжение сопротивления реформам Столыпина, его убийства, продолжение политики Александра III и Николая II, но в наиболее резкой, жестокой и кровавой форме. Можно сказать, что Россия шла к октябрю 1917 г. Русская православная церковь, сама того не желая, подготовила почву для торжества идей большевизма: она проповедовала бедность на земле и совершенствование духа, чтобы получить вечное блаженство на небесах. Почти то же самое проповедовали марксисты, но с той лишь разницей, что вечное блаженство должно был наступить на земле, а не на небесах, но тоже в весьма неопределенное время.

Коммунизм — это, как известно, фашизм бедных. Он вырастает там и тогда, где есть бедные и бедность, и коммунизм является их идеологией, их надеждой. Это их вечнозеленая мечта, которая никогда не увянет, пока у человека есть эта спасающая его черта — надежда. В богатых странах коммунизм не имеет успеха, если там и есть коммунистические партии, то, как правило, не имеющие никакого политического веса. Но чаще их там просто нет.

Но коммунистические идеи (соответственно идеология) могли быть восприняты лишь неразвитыми и обманутыми людьми очень невысокой культуры либо теми, кто собирается делать, опираясь на эти идеи, карьеру. Поэтому насадить их можно было только с помощью агрессии в отношении всех несогласных, которых большевики стали именовать контрреволюционерами, врагами народа, врагами революции и т.д. В отношении других народов репрессии советских коммунистов не были столь массовыми, как у германских нацистов.

Большевистский террор против народов других суверенных стран (например, Латвии, Литвы, Эстонии, Венгрии, Чехословакии) тоже, конечно, имел место, но он не носил, как у немцев, характера массового геноцида, одним словом, не было планового уничто-

жения «иног» населения, в том числе германского. Были отдельные карательные акции советской охраны, в том числе очень крупные, такие как уничтожение 15 тыс. польских офицеров в Катыни, были отдельные вспышки жестокости со стороны военнослужащих во время Великой Отечественной войны, были эксцессы, и очень часто со стороны тех, кто потерял во время войны родных и близких. Что касается родного народа, столь, казалось бы, любимого, зверства против него превзошли все мыслимые рамки: по подсчетам отечественных специалистов, за годы сталинского правления было уничтожено около 30 млн человек.

В период коммунистического тоталитаризма, по данным историка В.Н. Земскова, страна была превращена в огромный концлагерь, а население обращено в рабов: к началу войны число заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа составило 2,3 млн чел., в сентябре 1948 г. — 2 258 957 чел., т.е. их численность оставалась стабильной. В это число не включены лица, проходившие проверку и фильтрацию в спецлагерях НКВД, переименованных в феврале 1945 г. в проверочно-фильтрационные лагеря. С момента их организации в конце 1941 г. и до октября 1944 г. через них прошло 421 199 чел. По состоянию на 1 января 1945 г. в этих спецлагерях проходили проверку 71 398 чел. Кроме того, значительное число людей содержалось в тюрьмах: на июль 1945 г. там было 263 819 заключенных, на январь 1947 г. — 304 386. За 1939—1951 гг. (нет сведений за 1945 г.) в тюрьмах умерло 86 582 чел. В 1947 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа находилось 14 630 детей, заключенных женщин и 6779 беременных женщин.

За годы гражданской войны в Китае погибло 1,5 млн чел., а после захвата власти Мао Цзэдуном — 2 млн в период «большого скачка» и «народных коммун», 1 млн — в период кампании против национальных меньшинств, 500 тыс. — во время «культурной революции», 15 млн (по другим подсчетам, 25 млн) было уничтожено в «школах перевоспитания».

Я придерживаюсь той точки зрения, что советский тоталитаризм, как и любой другой, порождается коллективным бессознательным. Точнее, в общество возвращаются взаимодействующие друг с другом архетипы и появляется строй, который существовал 200—300 и так далее веков тому назад: без демократии и ее атрибутов (суда, разделения властей, учета интересов меньшинства и т.д., а главное, уважения к личности). Иными словами, на сцену истории выходит *тень коллективного бессознательного*. Это сравнимо с бессознательной мотивацией агрессивных действий отдельных личностей.

Конкретные исследования показывают, что агрессивные действия совершаются тогда, когда данному субъекту грозит какая-то опасность либо, что бывает еще чаще, он ощущает какую-то неопределенную угрозу себе и далеко не всегда в состоянии внятно объ-

яснить, чего именно и почему он боится. Действия других людей бессознательно воспринимаются как материализация этой угрозы. Не случайно убийцы в большинстве своем — это люди, весьма чувствительные в межличностных контактах и испытывающие неопределенный, диффузный страх быть уничтоженными, а субъективный смысл их насильственных действий очень часто заключается в защите от реальности при высоком уровне тревожности, нередко достигающем страха смерти. Можно констатировать, что они прибегают к насилию и жестокости в тех случаях, когда наступает острый кризис в их жизни.

Теперь выйдем на уровень общества в целом. Даже беглый анализ социальных, экономических, социально-психологических и иных условий всплеск глобального насилия при большевизме и фашизме убеждает в том, что соответствующие периоды в истории России, Германии, Италии и некоторых других стран как раз характеризовались всеохватывающими кризисами.

Так, в результате многовекового разделения Италии юг страны в экономическом отношении сильно отстал от севера, само Итальянское государство складывалось на основе отсталых экономических и социальных отношений. Положение в Италии ухудшилось после окончания Первой мировой войны: она унесла более 700 тыс. жизней, около 1,5 млн чел. были ранены и искалечены; итальянская промышленность оказалась без емкого внутреннего рынка, отмечался высокий уровень безработицы и обнищания населения; богатые северные провинции были опустошены. Был резко нарушен социальный и психологический статус бывших фронтовиков. Перенесшие все тяготы и лишения войны, они оказались за бортом мирной жизни. Перед уходом на фронт многие мелкие собственники продали свои лавчонки, а иных источников существования не имели. Уйдя на фронт, десятки тысяч студентов так и не доучились в университетах, а рабочие потеряли места на производстве. Поэтому озлобление фронтовиков постепенно возрастало и многие из них активно откликнулись на призывы фашистов Муссолини, политическая программа которого была нацелена на завоевание широких народных масс.

О развале России перед октябрём 1917 г. известно всем. Но здесь следует подчеркнуть, что она ни в экономическом, ни в военном и особенно в психологическом и нравственном отношениях никак не была готова к войне, которая обрушилась на нее, как слепая снежная лавина. Неокрепшее еще в новых капиталистических условиях общественное сознание пришло в полную растерянность и не способно было предложить личности систему индивидуального спасения, как, впрочем, и всему обществу. Военные поражения после недолгих успехов нанесли самолюбию народа, привыкшему к ратным победам, еще один весьма ощутимый удар. Люди как бы

оказались в социально-психологическом вакууме. Они постепенно утрачивали чувство государственности и причастности, которое заметно ослабилось после отречения царя, что очень многими ощущалось как сокрушение основ их бытия. Эту культуру не смогли заполнить программы различных партий и движений, а сама война, которая очень часто сплачивала народ и формировала его подчинение единой высшей воле, утратила такую свою роль. К тому же эта война была какой-то унылой, бесконечной, непонятной, без особой ненависти к противнику.

Положение усугублялось экономическим развалом, ускоряющимся процессом пауперизации городского населения, начавшимся еще до войны, и распадом сельской общины, которая испокон веков сплачивала крестьянство. Уход на фронт мужчин и гибель там значительной части из них расшатал и семью, что нанесло обществу огромный моральный и психологический ущерб. Названные явления тесно переплетались с общей анархией и неразберихой, бурным развитием атмосферы вседозволенности и растления нравов. Кризис охватил все слои населения, в том числе интеллигенцию, аристократию и духовенство, которые уже были не в состоянии, как раньше, оставаться проводниками и хранителями духовности и нравственности.

В подобной ситуации была остро нужна твердая рука, и она, на фоне общей растерянности, нашлась, как известно, у большевиков и Ленина. Но это была не просто убойная власть, опирающаяся лишь на насилие: она обещала не только порядок и защиту вконец растерявшемуся человеку, но и особый строй, который обеспечит всеобщее благоденствие и исполнит вековую, хотя и примитивную, мечту о полном равенстве и равном дележе богатств. Семена упали на благодатную почву разоренного и обескровленного народа, да и террор большевиков был ему не внове, ведь к этому давно их готовили террористы и нигилисты, Нечаевы, разноликие базаровы, народовольцы и т.д. Но наступление кровавого хаоса, апокалипсиса и царства антихриста угадывалось давно. Об этом писал М. Лермонтов, а Ф. Тютчев, ощущая наступление грозных разрушительных сил, призывал:

*Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда —
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись — теперь иль никогда...*

Коммунизм-фашизм с его идеологией есть не просто возвращение к какому-то неопределенному прошлому, а главным образом к первобытному варварству, потому что такой строй отрицает религию и утверждает магию, т.е. насаждает дорелигиозные системы жизни и мировосприятия, а своих вождей и их учение наделяет магическими свойствами; потому что современные кровавые деспоты обеспечивают примитивизацию общества и личности, возвращение

к тем архидиким временам, когда община поглощала человека, превращая его в просто единицу стада под властью вождей (царьков)-магов; потому что, как древние маги и колдуны, главари современных орд высокомерно провозглашали, что только им открыты высшие и сокровенные тайны о том, что такое мир и по каким законам он движется, а поэтому они должны быть наделены неограниченной властью; потому что фашизм и большевизм стремятся к предельному упрощению социальных, политических и государственных структур, а также духовной жизни, по существу — к ее уничтожению; потому что названные режимы желали воссоздать примитивного человека, лишь жующего, размножающегося, работающего, воющего; потому что все свои схемы тоталитарные диктатуры пытались внедрить и сохранить с помощью грубой силы и неимоверной жестокости, отставив в сторону все представления о добре и зле и руководствуясь только эгоистическими соображениями собственных интересов и целей, а тем самым — восстановить тот период, когда еще не было нравственности, одним словом, из-за того, что фашизм и коммунизм есть отход к тем временам, когда еще не было цивилизации.

Для доказательства того, что нацисты и большевики намеревались уничтожить современную культуру, приведу несколько выдержек из трудов их идеологов и вождей.

Маркс и Энгельс («Манифест Коммунистической партии»): «Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество».

Гитлер («Моя борьба»): «Современная так называемая цивилизация в моих глазах скорее всего является прямым врагом подлинной культуры, ибо на самом деле это в лучшем случае есть псевдоцивилизация, если вообще уместно здесь говорить о какой-либо цивилизации».

Ленин («Государство и революция»): «Диктатура пролетариата есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс».

Сталин («Об итогах XIII съезда РКП(б)»: «Старые навыки и привычки, традиции и предрассудки, унаследованные от старого общества, являются опаснейшим врагом социализма. Они, эти традиции и навыки, держат в руках миллионные массы трудящихся, они захлестывают иногда целые слои пролетариата, они создают иногда величайшую опасность для самого существования диктатуры пролетариата. Поэтому борьба с этими традициями и навыками, обязательное их преодоление во всех сферах нашей работы... — являются очередными задачами нашей партии.

Вопросам своей идеологии большевики стали уделять огромное внимание с первых же дней захвата власти и особенно после того, как они смогли удержать ее. Во многом это объясняется тем, что во главе революции стоял Ленин, который был прекрасным теоретиком и отлично понимал, насколько важна идеология для нового режима. Все несогласные с новой идеологией — построения коммунистического общества, диктатурой пролетариата и т.д. — преследовались со всей суровостью: их расстреливали, изгоняли из страны, сажали в тюрьмы и концлагеря, лишали работы и т.д. Репрессии против врагов марксистско-ленинской идеологии приводились упорно и жестоко, они преследовались все годы советской власти.

Наряду с этим сформировался борзописный слой заядлых «продолжателей» и «комментаторов» марксистско-ленинской идеологии. Они ни в коем случае не ставили новых вопросов и, конечно, ни за что на свете не взяли бы под сомнение ни единой строчки из созданной отцами-основателями теории, сколь бы нелепой она ни была. Эти лжеученые создали бесконечный ряд учебников по философии, диалектическому и историческому материализму, научному коммунизму и т.д. Преподавателей высших учебных заведений по философии и научному коммунизму утверждали партийные органы. Одним словом, большевистская идеология охранялась как зеница ока и горе тому, кто посмел бы покуситься на нее. Это называлось сохранение в чистоте марксистско-ленинской теории, т.е. идеологии.

Вожди большевизма и фашизма мыслили категориями и идеями, рассчитанными не на ближнее или ближайшее будущее, а якобы на тысячелетия. Их идеи были резко противопоставлены действительности, впрочем, она вообще не принималась ими во внимание или представлялась такой, какой ее хотели видеть. Они, вожди-теоретики и вожди-идеологи, утратив чувство реальности, вместо нее создавали программы, на базе которых пытались построить идеальные царства. С помощью своих учений они сделали бегство от действительности, характерное для всех времен, массовым явлением и в XX в., придав ему колоссальное ускорение. Их идеология, как и отдельные идеи, представляла собой немислимую комбинацию мифологического и рационального мышления, бессознательных инстинктов и комплексов, в которых мощно звучит тема возврата назад, в спасительное материнское лоно, изначальное для всех людей, особенно желательное для слабых.

Функции *государственного терроризма* — излюбленного оружия нацизма и большевизма — отнюдь не ограничиваются наведением страха на противника, в том числе потенциального, и создания атмосферы всеобщего ужаса. Кровавое насилие придает особую торжественность, значимость, судьбоносность тем мерам, которые реализует тоталитарный режим, тем самым укрепляя идеологию

марксизма-ленинизма. Ведь это жертвоприношение, а древний человек их совершал не по любому поводу, а только для достижения жизненно важных целей. Современный человек толпы тоже ощущает, что если приносятся человеческие жертвы, то это делается ради чего-то великого и он, сопричастный к действию, приобщается тем самым к мировой истории. Тенденция к сопричастности подобным путем была вначале инстинктивно, а затем более осознанно и точно оценена Лениным, Гитлером и Сталиным. Казни, как это ни парадоксально на первый взгляд, придают тоталитарной эпохе тот самый героический и романтический ореол, которого так не хватает обывателю в его серой жизни.

Тоталитарные правители, решительно уничтожающие противника, отнюдь не представляются массе кровавыми злодеями. Напротив, это сильные, мужественные люди, настоящие вожди, железной рукой наводящие порядок, беспощадно расправляющиеся с врагами родины, и поэтому им следует подчиняться. По сравнению с ними демократические, либеральные лидеры слабы и никчемны, особенно те, которые предшествовали нынешним сильным людям и довели страну до хаоса и распада. Другого пути массовая психология не видит.

В приведенных выше высказываниях отчетливо звучат апокалиптические мотивы разрушения и распада, уничтожения яростно ненавидимой цивилизации, носителями которой в первую очередь являются живые люди. Стоит вслушаться, с какой ненавистью и непримиримостью звучат, например, такие фразы из «Манифеста Коммунистической партии»: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал... Это может, конечно, сначала произойти лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения»; «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией».

«Классики» не были наивными людьми и прекрасно понимали, что «вырвать у буржуазии... весь капитал при помощи деспотического вмешательства», что «насильственное ниспровержение» могут означать только одно — разбой, кровь и смерть тех, кто владеет хоть каким-то капиталом, кто как-то связан с ним, хотя бы и психологически, кто верит в современные ему духовные и нравственные ценности и не представляет без них своей жизни, кому дорог именно такой строй, такой образ жизни, а не какой-нибудь другой, такие, а не иные отношения между людьми. Всем им не предоставилось никакой альтернативы, кроме подчинения новому господ-

ству, никаких переходных ступеней, никакого смягчения. И хотя сейчас стало модным писать, что Маркс и Энгельс имели в виду совсем не то, что сделали большевики, что они призывали достичь благородных целей всеобщего счастья только гуманными средствами, что коммунизм и большевизм — совсем разные вещи, подобные утверждения абсолютно беспочвенны. Маркс и Энгельс призывали именно к грабежу, насилию и убийству, причем делали это исключительно талантливо, а большевики претворили эти призывы в жизнь. В этом и заключается сущностная связь между теорией, идеологией и практикой марксизма-ленинизма.

Не совсем так, как пожелали того основоположники, реализовались и их призывы к тому, чтобы «господствующие классы содрогнулись перед Коммунистической Революцией». Я имею в виду, что перед революцией и ее большевистскими последствиями содрогнулись не только господствующие классы, но и вся современная цивилизация. Но как зловеще звучит сама ничем не скрываемая смертельная угроза: «пусть содрогнутся»? Это же прямой призыв к кровавому насилию, которое составило существенную часть всей марксистской идеологии. Воистину «Манифест Коммунистической партии» стал «Песней песней» марксизма, как назвал его Ленин. Поэтому представляется глубоко ошибочным и очень наивным мнение о том, что марксизм, коммунистическое учение создавались не для захвата абсолютной власти. Появление тоталитарного режима под вывеской «коммунистического» якобы было обусловлено серьезными стратегическими ошибками Маркса, совершенно не предвидевшего и не предположившего, чем может обернуться на практике применение его теории «диктатуры пролетариата».

Коммунистическое учение тщилося приобрести самодовлеющее значение, каждому его слову приписывался магический статус. А все его тексты объявлялись священными. Сам характер коммунофашистского вождизма, мистический культ живых людей, восторженное, не знающее границ преклонение перед ними есть возврат не к цивилизованной религии, а ко временам магии, к тем, казалось бы, истлевшим годам, когда еще не было веры в богов или она только-только формировалась. Вот почему вождизм фашизма и коммунизма следует рассматривать как один из важных признаков возвращения коллективного бессознательного. Верховные идола обладают всеми чертами архетипа Отца — мудрого, всезнающего, справедливого, защищающего. Он требует жертв, много жертв и ему их приносят, но это не подрывает веры в него, напротив, возносит его еще выше.

Тоталитарные вожди в качестве магов, т.е. лиц, ощущающих себя таковыми или приписывающих себе магические свойства, не могли не придавать огромное значение слову. Во-первых, сознательно или бессознательно с помощью слова они рассчитывали на желательные для себя изменения в окружающем мире, на должное

направление событий и, надо признать, очень часто добивались этого. Однако они надеялись на слово даже тогда, когда их расчеты были в прямом противоречии с уже известными закономерностями. Во-вторых, слово способствовало упрочению их авторитета и влияния, но оно же и могло причинить им существенный вред. Особую опасность в этом плане представляло слово, произнесенное соперниками или врагами, многие из которых, как предчувствовалось, тоже могли обладать колдовской силой.

Подобное отношение к слову, восприятие его в качестве могучего магического инструмента имеет, по-моему, самые страшные последствия для общества. Обильная сталинская жатва по «знаменитой» ст. 58¹⁰ Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. («Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы такого же содержания») во многом была как раз вызвана страхом перед чужими словами, которому приписывались вредоносные свойства. То, что в те годы очень и очень часто многие подвергались самым суровым наказаниям за самые безобидные слова или даже шутки, подтверждает высказанное выше предположение о страхе перед чужим словом.

Уголовная ответственность за «опасное слово» была сохранена коммунистами и в Уголовном кодексе 1960 г. Репрессии не были столь уж жестоки, как в сталинские годы, но тем не менее соответствующая статья достаточно активно применялась.

Произведения Маркса, Энгельса и особенно Ленина и Сталина насыщены нуднейшими спорами со своими оппонентами, часто и в тех случаях, когда словесных дуэлей вполне можно было избежать. Весьма показательны в этом аспекте работы Сталина, причем не только в области политики, но и по совершенно мирным научным проблемам, например языкознания.

Его произведения создают впечатление, что их автор постоянно отбивается от видимых и невидимых врагов, постоянно с кем-то спорит, опровергает, доказывает, уничтожает своим словом. Кстати, после уничтожения словом очень часто следовало физическое уничтожение политического противника. Стиль пустого словопрения вполне естественно перешел из совершенно обязательных трудов основоположников в философию, политэкономия, экономику, право и в другие общественные, а иногда даже в естественные науки, например в биологию. Постепенно общественные науки стали вырождаться и место опыта, исследования, эмпирики, живого и ищущего мышления заняли слова, за которыми ничего не стояло и которые ничем не подкреплялись, кроме ссылок на тех же классиков марксизма-ленинизма. Бесплодная борьба с чужими словами в общественных науках стала самоцелью.

Наконец, необходимо отметить, что страх перед словами породил в тоталитарных странах свирепую цензуру — в науке, журналистике, искусстве, литературе. Цензурный кляп душил любую иную мысль.

В отличие от других, нетоталитарных, правителей Ленин, Сталин, Гитлер, Муссолини постоянно и очень много прорицали, и есть все основания утверждать, что это была одна из их основных функций. Собственно, без прорицаний, которым посвящены многие письменные труды и устные выступления, составляющие вершину их экономических и идеологических концепций, без прорицаний, которые всегда и тесно связаны с обещаниями, эти фигуры просто немислимы. Причем они прорицали и до прихода к власти, и после ее захвата, нередко пытаясь охватить своим предвидением и другие страны, что обычно выдавало их высокую агрессивность. Разумеется, ни один крупный политический деятель не может обойтись без анализа существующего положения и без обрисовки того, что могут дать планируемые им шаги или к чему приведет реализация мер его политических противников. Но это другой, всегда частичный и всегда ограниченный во времени прогноз. Коммунофашистские же вожди мыслят только глобально, только тотально, в масштабах всего общества и даже всего мира, определяют пути развития навечно и для всех народов.

В этом своем качестве они опять-таки выступают как древние маги, пытаясь по своему желанию сотворить историю, и очень напоминают гадалщиков, которые, по мнению английского этнолога В. Тэрнера, играют заметную роль в традиционных (примитивных) обществах. Тэрнер отмечает, что значительная часть гадалщиков должна иметь параноидальные наклонности и относиться к маргинальным личностям. Когда в жизни людей происходят кризисы, то гадалщики представляют ясную, хотя и иллюзорную систему, которая, по выражению Тэрнера, переводит в культурные понятия ментальные структуры паранойи. Сеансы отгадывания тайных причин великого несчастья приносят своего рода восстановление нарушенных социальных отношений, но это восстановление происходит посредством возбуждения всеобщей ненависти.

Помимо совпадения самой функции гадания, немало и другого общего между гадалщиками глухих африканских деревень и фашистскими лидерами европейских стран: параноидальные черты характера у Сталина и Гитлера, маргинальность Ленина, Сталина и Гитлера, предоставление ими ясных, но иллюзорных систем, сеяние всеобщей ненависти. Как и гадалщики примитивных племен, тоталитарные главари не принадлежали к высшим слоям населения, а это их делало особенно чувствительными к тому, что от них хотели услышать.

Коммунисты всех направлений и оттенков всегда отрицательно относились к религии. Для анархо-коммуниста М. Бакунина (кстати,

заклятого врага марксизма) бог есть дьявол, источник власти человека над человеком, порабощения и насилия. Христа, по мнению Бакунина, следовало бы посадить в тюрьму как лентяя и бродягу. В работе «К критике гегелевской философии права» Маркс писал: «Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездумных тварей. Религия есть опиум народа». Ленин в письме к Горькому (1913) утверждал, что «всякий боженька есть труположество». В этих высказываниях привлекает внимание не только резко негативное отношение к религии, но и упрощенное ее понимание. Не случайно в трудах «основоположников» мы не найдем скрупулезного научного анализа этого сложнейшего явления. В целом же Маркс и Энгельс, которые все-таки были более интеллигентными, к религии и церкви относились терпимее, чем их российские последователи. Во многом это можно объяснить тем, что в первые годы, даже десятилетия после революции среди руководителей и идеологов русской «стройки коммунизма» было очень мало русских, а еще меньше — российских интеллигентов.

Советская антирелигиозная литература отличалась необыкновенной грубостью, примитивностью, нелепой аргументацией, отсутствием серьезных попыток анализа религиозной философии и религиозной психологии, часто просто незнанием религиозных учений, церкви и их истории. Антирелигиозную литературу сочиняли люди, не имевшие надлежащий философской и теологической подготовки; их самыми существенными доводами против религии были окрик и угроза.

Большевики набросились на религию с неистовой яростью. Тысячи церквей были уничтожены или превращены в склады, хранилища и гаражи, имущество было разграблено, многие священнослужители лишены свободы или убиты, атеистическая пропаганда приняла чудовищные размеры, религиозные чувства верующих зло и грубо попирались. Со свойственной коммунизму склонностью к планированию и централизации в 1922 г. была создана «Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП (б)», а с 13 июля 1928 по 17 ноября 1929 г. — «Антирелигиозная комиссия» при Политбюро ЦК КПСС (АР-комиссия). Стратегию и основные направления комиссии вначале непосредственно определял Ленин, затем Сталин. В ее работе в разное время принимали участие Бухарин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Дзержинский, Каганович, Рыков, Ярославский, Калинин, Молотов, Крупская. Весьма показательным, что основную массу АР-комиссии составляли люди с самым низким уровнем образования и культуры, многие не имели и среднего образования. Бессменным председателем ее с момента организации и до роспуска был главный «безбожник» страны Емельян Ярославский (Ицко-Мейер Губельман). Еврей, крестившийся взрослым, он проявил себя страстным фанатиком борьбы с

любой религией: с равной ненавистью он пытался искоренить и православие, и иудаизм, и протестантизм, и католицизм.

Комиссия не только организовывала и сама вела антирелигиозную пропаганду, но и направляла и координировала репрессии. 19 марта 1922 г. Ленин пишет «Письмо В.М. Молотову для членов Полтбюро ЦК РКП(б)», в котором прямо требует развернуть репрессии против духовенства, «чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Работа комиссии носила строго секретный характер. За неполные 8 лет работы ею было рассмотрено 842 вопроса относительно политики партии (государства) в отношении религиозных организаций, внедрения атеизма, отдавались распоряжения различным ведомствам и учреждениям, в том числе и ОГПУ-НКВД. Последние давали АР-комиссии необходимую информацию и принимали непосредственное участие в ее работе. Вполне понятно, что именно объединяло эту комиссию и карательные органы. Кроме активной роли в репрессиях, АР-комиссия несет прямую ответственность за удушение культуры, нравственности, духовной жизни. Сама религия была объявлена контрреволюционной идеологической силой, в специальной директиве в августе 1929 г. (за подписью Молотова и Кагановича) религиозные организации (церковные советы, мусаваллиаты, синагогальные общества и др.) были названы легально действующими контрреволюционными организациями. Такая постановка вопроса давала зеленый свет самым кровавым репрессиям против духовенства.

Особое место в антирелигиозной деятельности коммунистов занимает грабеж церковных ценностей, в том числе богослужебного назначения, и их присвоение партией. Организованный грабеж был начат в 1922 г. 19 марта 1922 г. был арестован глава православной церкви патриарх Тихон. Столкновения, происшедшие на почве церковных ценностей, дали формальный повод к организации судебных процессов в Москве, Петрограде, Смоленске и других городах. Многие церковные деятели по приговору суда были расстреляны, тысячи направлены в тюрьмы и концентрационные лагеря. Репрессии против религиозных деятелей, религиозных философов и тех верующих, которые активно защищали свои права, продолжались все долгие годы правления Сталина.

Со временем отношения с церковью стали более цивилизованными. Был создан государственный комитет при Совете Министров СССР по делам Русской православной церкви, преобразованный затем в комитет по делам религий. Оба эти комитета осуществляли жесткий контроль партии над церковью, в том числе с помощью КГБ. Зависимость церкви от партии была столь велика, что нередко сами епископы предлагали и помогали закрывать действующие храмы (в хрущевские времена).

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. Основные черты агрессии	11
1.1. Понятие агрессии	11
1.2. Природа агрессии	24
1.3. Инстинкты и психологическое нездоровье	34
1.4. Типология агрессии	41
1.5. Агрессия, предусмотренная законом	50
Глава 2. Агрессия в религиозных представлениях и церковной практике	59
2.1. Агрессия «небесных» (божественных) персонажей против мифических сил и людей	59
2.2. Сакральное жертвоприношение	73
Глава 3. Истоки злокачественной агрессии	86
3.1. Индивидуальные причины злокачественной агрессии	86
3.2. Мотивы злокачественной агрессии	93
3.3. Формирование агрессивной личности	104
3.4. Последствия отчуждения от семьи	114
3.5. Садизм	122
3.6. Некрофилия	138
3.7. Иллюстрация: Генрих Гиммлер — психологический портрет некросадиста	155
3.8. Фанатизм	166
3.9. Жестокость и отрицание цивилизации	178
3.10. Агрессивная толпа	186
Глава 4. Значение тревоги и страха	206
4.1. Тревога и страх смерти	206
4.2. Тревога и тревожное состояние	221
Глава 5. Объяснение злокачественной агрессии с архетипических позиций	233
5.1. Архетип «Чужой»	233
5.2. Архетип «Враг»	246
5.3. Другие архетипические образы, вызывающие агрессию	254
Глава 6. Идеологические причины злокачественной агрессии	267
6.1. Общие положения	267
6.2. Агрессия, связанная с религиозной радикальной идеологией	275
6.3. Националистическая идеология	284
6.4. Большевицкая (марксистско-ленинская) идеология	298